

ГРАЖДАНЕ ЯРОСЛАВЛЯ

Что делает какое-то место на земле прославленным? Знаменательное событие? Замечательный человек? История показывает — не только это: нужен Миф! Сегодняшняя жизнь убеждает: для известности он иногда даже важнее, ибо может собою заменить и событие, и человека. И тогда озаряет Миф особым светом подлинную историю места, судьбы обыкновенных людей, их повседневную жизнь — царит Миф и манит к себе сотни и тысячи поклонников...

Есть в ярославских пределах несколько мест, которые получили всероссийскую известность благодаря мифотворчеству своих жителей и воспевателей. Самый последний пример — Кацкий стан, фактически сотворенный Сергеем Николаевичем Темняткиным, его талантом и многолетними трудами. А самый известный — далеко за рубежами российскими — городок Мышкин, создателем которого справедливее считать Владимира Александровича Гречухина, вкладывающего всю свою жизнь в современную историю маленького волжского поселения.

Норскому посаду повезло: эта старинная слобода имеет и богатую историю, и свой уклад жизни, и замечательных людей, связанных с ней корнями. Мы надеемся, что эта книга послужит толчком к его прославлению: воспоминаний Екатерины Сергеевны Петровых вполне достаточно для рождения Мифа о Норском — родине поэтов и мучеников.

Более того, здесь родился и вырос талантливый писатель своеобразного быта и нравов этого места Георгий Иванович Курочкин, мемуары и фотографии которого способны наполнить Миф живым дыханием прошедших времен.

МОЯ РОДИНА – НОРСКИЙ ПОСАД

AR

Ярославль
2005

УДК 94 (470.316-21 Ярославль)

ББК 63.3 (2Рос-2Яро)

М 87 Моя родина — Норский посад: [сборник] / Ред. и подгот. текстов А. М. Рутман, Л. Е. Новожилова. Коммент. Г. В. Красильников, А. М. Рутман. — Ярославль: Александр Рутман, 2005. — 424 с. — (Серия «Граждане Ярославля»). Содерж.: Мои воспоминания / Е. С. Петровых. Праздники и быт на моей родине в Норском посаде, по воспоминаниям детства и ранней юности / Г. И. Курочкин. Норский посад как урочище русской памяти / Е. А. Ермолин.

Воспоминания Екатерины Сергеевны Петровых — это история семей Петровых и Чердынцевых. Поэт Мария Сергеевна Петровых, священномученик Димитрий Смирнов, геофизик и литератор Виктор Викторович Чердынцев — их объединяли семейные узы и Норский посад на берегу Волги близ Ярославля, годовой круг ушедшей жизни которого — в мемуарах Георгия Ивановича Курочкина. Фотографии из семейных архивов и обширные комментарии дополняют издание.

Предназначена для широкого круга читателей и специалистов — историков, культурологов, литературоведов.

ISBN 5–900962–87-3

ISBN 5–900962–12–1 (серия)

Издание осуществлено при поддержке
Норского керамического завода, ярославского коммерческого банка
социального развития «Ярсоцбанк» и В. М. Молодкина (Государ-
ственная дума Ярославской области).

© Е. А. Ермолин, 2005, послесловие

© Г. В. Красильников, А. М. Рутман, 2005,
комментарии

ISBN 5–900962–87-3

© М. Е. Бороздинский, 2005, оформление

ISBN 5–900962–12–1 (серия)

© Александр Рутман, 2005, составление, серия

Е. С. ПЕТРОВЫХ

**МОИ
ВОСПОМИНАНИЯ**

Меня радует, что мои дети просят меня написать о том, что я помню сама или что слышала от старших о наших предках, начиная с тех, что жили несколько поколений назад, и до последнего времени.

Когда-то я прочла у Анны Андреевны Ахматовой*, как надо писать воспоминания: «Если говорить о мужах вообще, то, по-моему, как-то неверно их пишут. Сплошным потоком. Последовательно. А память вовсе не идет так последовательно. Это неестественно. Время — прожектор. Оно выхватывает из тьмы памяти то один кусок, то другой. Так и надо писать. Так достоверней. Правды больше. А то ведь как выходит — надо по заданию себе писать связно, последовательно, а материал выпал, не помнится все в связи. И начинает человек сочинять недостающее, выдумывать. И правда уходит».

Мои детские и позднейшие воспоминания и яркие «куски, выхваченные из тьмы памяти», расположенные по возможности в хронологическом порядке, чтоб не сбить читателя, дадут, как мне кажется, представление об обстановке, в которой жила наша семья, о детстве и личности маленькой Маруси.

Часть I

Петровых, Смирновы и другие

Вилинские и Смирновы

Прежде чем перейти к описанию личности и судьбы Вилинских — предков моей матери Фаины Александровны Петровых (урожденной Смирновой), расскажу, что знаю о происхождении их рода.

Отдаленные наши предки принадлежали, очевидно, к восточнославянскому племени кривичей. Никакой примеси финно-угорской крови в них не было ни капли. Это был на редкость физически могучий род.

Все, кого я знала из поколения моей бабушки, были высокого роста, особой выделявшей их статности, с правильными, красивыми чертами лица и, пожалуй, мажорностью. Все или почти все Вилинские обладали хорошими голосами и музыкальным слухом.

По социальному положению это был старинный род священнослужителей, твердо державшихся обычая передачи места настоятеля церкви от отца к сыну, и так из поколения в поколение.

Жили они в далеком селе Пошехонского уезда Ярославской губернии, название которого бесследно исчезло из моей памяти. Оно находилось в 25 километрах от полустанка железнодорожной линии Ярославль—Вологда*, которые

я неоднократно преодолевала в поисках муки, работая на станции Всполье (ныне Ярославль-Главный) в 1920–1923 гг. Это была глухая сторона, окруженная темными, преимущественно еловыми, лесами, где водилось много зверья и дичи. Около редких селений — распаханное поле и луга для сенокоса и выпаса скотины.

Родителей моей бабушки Екатерины Дмитриевны Смирновой, урожденной Вилинской, то есть нашего прадеда и его жену, звали отец Дмитрий и Наталья.* Знаю я о них очень немного, только то, что родились они в конце 20-х — начале 30-х годов XIX века, фамилия их — Вилинские, может быть, произошла от реки Вилинки Рязанской губернии.

Прадед Дмитрий был священником в глухом пошехонском селе. Все его предки, может быть, не одно столетие, принадлежали к духовному сословию, которое, если следовать Брокгаузу и Ефрону, являлось привилегированным классом (особенно во времена Древней Руси).

Были времена, XIV–XVI века, когда священниками становились малограмотные люди (так как в Московском государстве не было соответствующих учебных заведений, а киевские были уничтожены во время татарского нашествия). Но выбирали их тоже почти всегда из того же духовенства.

Специальные духовные учебные заведения возникли при Петре I. В 1721 году в регламенте, изданном при императоре, сказано: «Всякому епископу иметь при доме своем школу для детей священников и прочих в надежду священства определенных». До этого «всякого рода школы» существовали главным образом при церквях, монастырях, архиерейских домах, и хотя образование в них имело характер исключительно религиозно-богословский, но они признавались и были для своего времени общеобразовательными и всесословными». Духовенство, как наиболее образованная часть общества, принимало участие в земских делах, мирских судах, межсудных исках и т. д. Приходские дьяконы играли роль земских секретарей.

С самого своего появления на Руси священничество постоянно стремилось стать вне зависимости от светской

юрисдикции. Священник при посвящении в сан получал звание личного дворянина без права передачи по наследству*, но со многими другими вытекающими отсюда правами. В прежние времена в этом сословии существовал твердый обычай родственного правонаследования: от отца — к сыну. Если же сына не было, то старшая дочь выходила замуж за человека, который становился священником и за-ступал на место своего тестя после его кончины. Получалась наследственность мирского и духовного звания, преемственность сана.

Линия личного дворянства тоже могла тянуться столетиями, хотя родовое дворянство, особенно неверующие, относилось к «попам» свысока. Разумеется, и это звание, и священнический сан в особенности, заставляли последних блюсти свое достоинство, быть моральным примером для своей паствы (прихожан). Думаю, что вследствие такой преемственности от отца к сыну именно из разночинцев, произошедших от лиц духовного сана, произошло так много одаренных ученых, главным образом в педагогической, исторической, медицинской деятельности.

Несмотря на то, что чета Вилинских была совсем не богата, всем шестерым детям они дали образование.

Старший сын — Иван, окончив семинарию, занял место своего отца*, сын Дмитрий закончил учительский институт, что давало право преподавать в средних учебных заведениях. Дочери по окончании епархиального училища в Ярославле вышли замуж.

В раннем детстве я видела всех братьев и сестер моей любимой бабушки, за исключением старшей — Фаины, рано умершей. О нашей же бабушке Екатерине Дмитриевне Смирновой (урожденной Вилинской) я напишу дальше, так же как и о троих ее детях — Дмитрии, Фаине (нашей маме) и младшем Иване, общем любимце.

Род Смирновых принадлежал также к духовенству, но к городскому, ярославскому.

В книге Беляева, озаглавленной «Воспоминание о Ярославском доме призрения ближнего» о прадеде нашем, отце

Иоанне Смирнове, говорилось следующее*: «Здесь кстати заметим, что едва ли не единственным исключением в городе была наша церковь, где родственного права наследия не придерживались, и занять открывшуюся вакансию священника, диакона и даже причетника нелегко было. Пройдет немало времени, прежде чем заместят то или другое место. Выбор о. Иоанна (Смирнова) был чрезвычайно удачен; по характеру он совершенная противоположность предшественнику — это была личность светлая, воплощенная кротость и смирение и, по слову Евангелия, в полном смысле «пастырь добрый». Его доброта и беззаветная любовь к ближнему невольно располагали к нему всех, знавших его поближе. Жаль, что он так рано оставил свою юную паству».

Портрет прадедушки и его жены, написанный масляными красками, висел в спальне у вдовы их сына — моей бабушки. Хорошо помню я и фотографию их единственного, рано осиротевшего сына, а нашего дедушки, Александра Ивановича*.

Фаина Дмитриевна и отец Клавдий Меценатовы

Старшая дочь Вилинских Фаина Дмитриевна была замужем за отцом Клавдием Меценатовым. Сама она рано умерла, оставив троих детей: сына Николая и дочерей Елизавету (тетю Лизу-среднюю) и Варвару — наших двоюродных теток. Жили они в Ярославле.

Отец Клавдий был настоятелем церкви при Сиротском доме,* где преподавал Закон Божий, то есть занял через 15–20 лет место нашего прадеда отца Иоанна Смирнова. (Дом призрения ближнего, впоследствии получивший название Сиротского дома, а затем и Екатерининской гимназии, был основан в Ярославле при Екатерине II, а точнее, в 1786 году. В нем по преимуществу, особенно вначале, обучались дворянские сироты, но также и дети других сословий, как мальчики, так и девочки. В Екатерининской гимназии, кста-

ти, учились Ольга, Александра и Вера Иосифовны Шишовой — моя будущая свекровь и ее сестры, о них я расскажу во второй части воспоминаний.)

Отца Клавдия мы в детстве побаивались. Это был высокий костлявый старик с маленькими голубыми глазами, обладавший неожиданно густым, рокочущим басом. Дома он ходил в темном длинном подряснике, подпоясанном широким расшитым бисером поясом необыкновенной красоты, так нам тогда казалось. Его сын Николай учился в Ярославском Демидовском юридическом лицее. В юности был влюблен в свою красивую кузину — нашу маму, но столь близкое родство исключало всякую возможность брака. Окончив лицей, он уехал в Вологду, где работал судьей. Он рано умер, оставив двух детей. Говорили, что его отравили грибами родственники осужденного им человека.

Обе его сестры были классными дамами в той же Екатерининской гимназии*. После смерти брата они взяли к себе его сирот — прелестного мальчика Клавдика и некрасивую девочку Веру.

Квартира Меценатовых сияла стерильно чистотой. Везде или почти везде перед иконами горели лампадки. Семья их была уважаема в городе. Они бывали в гостях у губернатора (сначала у Римского-Корсакова, потом у графа Татищева)*. Отец и обе дочери, помимо набожности, отличались крайне монархическими взглядами. Может быть, поэтому наш отец не любил бывать у них. Нас же, детей, мама изредка возила к ним обычно зимой — на тройке в широких кожаных саниах. А сама во время летних поездок в Ярославль, конечно, бывала у них. Клавдик позднее стал артистом Ярославского Волковского театра. Я несколько раз бывала в его семье, познакомилась с его прелестной тоненькой женой — тоже актрисой*. Клавдик рано умер от туберкулеза. Их маленькая дочурка Валя болела костным туберкулезом коленного сустава (гонитом). Выздоровев и став молодой и красивой девушкой, она родила внебрачного ребенка, о чем тетка Лизавета (маленькая), о которой вы скоро прочтете, с упоением сообщала на всех ярославских перекрестках.

Тетку Варвару (дожившую до 92-х лет) мы не любили из-за ее патологического пристрастия (так нам казалось) к молоденьким девочкам.

С нашим переездом в Москву все связи с Меценатовыми прекратились, и лишь тетка Лизавета во время редких наездов в Москву (что было тяжелым испытанием для Маруси) сообщала что-либо о них.

Отец Иоанн Дмитриевич и Елизавета Дмитриевна Вилинские

Почему я объединила вместе брата и сестру, вы поймете, дочитав воспоминания о них до конца.

Об отце Иоанне я почти ничего не знаю.* Смутно помню его высокую отнюдь не дородную фигуру, чем он отличался от всех других Вилинских. Он занял место отца — настоятеля церкви в том же пошехонском селе и почти никуда не выезжал, возможно, из-за недостатка средств.

Елизавета Дмитриевна (в замужестве Дерунова) была младшей и любимой всеми в семье. Она, насколько я помню, была крестницей своей старшей сестры — моей бабушки. Так же, как и все остальные сестры, она окончила Ярославское епархиальное училище. С бабушкой ее связывала самая тесная дружба — они находились в постоянной переписке. И тетя Лиза-большая (так мы ее называли) часто приезжала к сестре в Норское и, конечно, навещала свою любимую племянницу — нашу маму. Поэтому я помню ее лучше, чем остальных Вилинских.

Она, как ее братья и сестры, была высока, стройна, красива, кроме того — музыкальна и обладала прекрасным голосом. Вера Иосифовна (моя свекровь) неоднократно рассказывала мне такой эпизод. Однажды тетя Лиза-большая, гостя в Норском у сестры, вместе со знакомой молодежью, среди которой находились и сестры Шишovy (Ольга, Александра и Вера Иосифовны) поехали кататься на лодках (весельных, разумеется). Зная о вокальном таланте Елизаветы

Дмитриевны, компания стала уговаривать ее спеть что-либо. Как известно, звуки, и в частности пение, на реке разносятся особенно широко, раздольно и красиво. В это время по Волге мимо них проходил большой пассажирский пароход общества «Самолет». Публика первых двух классов, услышав прекрасное пение, высыпала на палубу и стала просить капитана остановить пароход, чтобы насладиться чудесным пением. Капитан исполнил просьбу пассажиров, которые, дослушав, наградили исполнительницу громкими аплодисментами. Может быть, если бы Елизавета Дмитриевна стала учиться у хорошего педагога, из нее могла бы выйти профессиональная певица.

Она вышла замуж за состоятельного купца, Павла Осиповича Дерунова,* занимавшегося, насколько я помню, скупкой крестьянской продукции — ржи, овса, льна и т. п., а также имевшего в селе магазин необходимых населению товаров. Внешне он был некрасив: небольшого роста, плотный, с простоватыми чертами лица. Елизавета Дмитриевна вошла в семью мужа, у которого была мать и сестра-калека.* Обе с первого дня возненавидели красивую, веселую, обожаемую мужем невестку и всеми способами пытались отравлять ей жизнь. Отдыхала она только на работе: была кассиршей в магазине мужа. А поездки в Норское, к старшей любимой сестре, были для нее праздником. У Павла Осиповича были больные почки (которые даже сейчас лечить не умеют), и он умер во время первой мировой войны. После его смерти жизнь Елизаветы Дмитриевны превратилась в сплошной ад, и она решила доживать свои дни вместе со старшей любимой сестрой. Во время участившихся приездов стала тайно перевозить дорогие вещи (меха, кое-какое золото — подарки мужа). Переписка, наверно, участилась, и родня, что тоже вполне возможно, вскрывала некоторые письма, из которых узнала о планах тети Лизы. На почве непрерывных скандалов у нее развилась быстропрогрессирующая базедова болезнь. Хорошо помню ее, исхудавшую, с выпученными глазами, увеличенной щитовидной железой и распухшими ногами. Передвигалась она с трудом.

У Смирновых в Норском посаде (слева направо): Дмитрий Дмитриевич Вилинский, Смирновы — о.Александр, Екатерина Дмитриевна, Фаина, Дмитрий, Иван. Около 1890

Сестры решили ускорить ее переезд. Это совпало с началом революции. Деруновы считались одной из самых зажиточных семей в округе, кроме, конечно, состоятельных помещиков. Начались обыски, реквизиции. Елизавета Дмитриевна, собрав в небольшой чемоданчик серебро, купленное во время замужества, тайно перенесла его к брату отцу Иоанну. Очевидно, свекровь и золовка, заметив это, тут же донесли (куда — не знаю).

Вскоре явились люди, арестовали тетю Лизу и, узнав от нее, куда она отнесла чемоданчик, повели к брату. Серебро было изъято. А арестованных брата и сестру повели на соседнее болото. Тетя Лиза еле могла передвигаться, шла плача, опираясь на руку поддерживающего ее брата. На болоте их поставили рядом. Отец Иоанн раскинул руки, сказал: «Боже,

прости им, ибо не ведают, что творят...» и упал, простреленный,* вслед за сестрой.

Об этом ужасном происшествии бабушка и мама узнали из письма дочери отца Иоанна Екатерины Ивановны. Известие поразило их, как гром среди ясного неба. Все что угодно они могли предполагать в судьбе тети Лизы и отца Иоанна, только не это.

Горе их не поддавалось описанию. Но тяжелый быт того времени — отсутствие продуктов, дров, керосина — требовал ежедневных усилий и забот. А одиннадцатилетняя Маруся говорила: «Как они могут думать обо всем этом, когда стряслось такое непоправимое несчастье...» Лишь много лет спустя, потеряв любимого мужа, она вспоминала, что самая тяжелая утрата не может остановить течение жизни.

Дмитрий Дмитриевич Вилинский

Дмитрий Дмитриевич Вилинский, или дядя Митя-большой, как мы его называли, окончил учительский институт и стал преподавателем в Вологде. Изредка он приезжал в Норское навестить свою сестру и племянницу (нашу маму). Поражал нас его огромный рост и дородность, даже тучность. Носил он вицмундир с каким-то значком и блестящими пуговицами.

Хорошо запомнилось, как мы с ним играли в чехарду. В нашем большом зале мы — братья и сестры, — слегка согнувшись, стояли на некотором расстоянии друг от друга. А дядя Митя без малейшего затруднения просто перешагивал через нас. Было весело, а нам с Марусей даже немного жутковато: уж слишком он был огромен.

Затем из Вологды стали поступать известия, что дядя Митя заболел и очень исхудал, несмотря на хороший аппетит. Врачами был поставлен диагноз: солитер. Не знаю, какие методы лечения существуют теперь, но тогда, в начале [двадцатого] века, применялось вот такое, думаю народное, средство: больного в большом количестве кормили селедкой,

не давая пить, затем его помещали над сосудом с водой, и солитер, страдая от жажды, сам покидал кишечник. Метод, конечно, мучительный, но дядя Митя, насколько помню, излечился.

У дяди Мити был сын Николай. Когда мы жили на автозаводе под Ярославлем*, он приезжал к нам и другим родственникам. Марусе и мне он не понравился своей самоуверенностью, хвастливостью. Но мы больше его не видали, и никаких сведений о нем у нас не сохранилось.

Еще об одной сестре нашей бабушки, Наталье Дмитриевне, я ничего не помню кроме того, что она в замужестве носила фамилию Капралова и у них было четверо или даже пятеро детей, но имена я помню четырех: Ольга, Елизавета, Дмитрий, Евгения.

Екатерина Дмитриевна Вилинская (в замужестве Смирнова, наша бабушка)

На пожелтевшей от времени фотографии бабушка предстает высокой, очень статной женщиной, с правильными довольно крупными чертами лица, с большими глазами (они были у нее светло-кариими). Наш брат Владимир был внешне очень похож на нее. Помню, как она, смеясь, рассказывала, как говорила ему — трехлетнему малышу, что, когда он вырастет, у него будет такой же нос, как у нее. Тому это очень не нравилось, и он с кулачками бросался на бабушку. Не любил он также, когда она говорила, что «его мама — ее дочь». Но помню я бабушку уже сильно постаревшей и очень располневшей. На улице она ходила медленно, опираясь на палку, но по дому двигалась быстро и неумоимо. Одевалась во все темное и по моде конца XIX века на голове носила, как и многие пожилые женщины, сооружение из кружев и лент, которое называлось убором. Выходя на улицу, опоясывалась круглой довольно толстой резинкой, называвшейся пажом, при его помощи она подтягивала платье, чтобы оно не касалось земли.

Родилась бабушка в глухом селе Пошехонского уезда в 1847 году, через 10 лет после гибели Пушкина. Может быть, поэтому он и его эпоха представляются мне такими близкими — рукой подать. Десяти или одиннадцати лет ее отдали в Ярославское епархиальное училище, из которого она вышла через 7 лет, ни разу не побывав дома. Но, как это ни удивительно, пребывание в закрытом, очень строгом учебном заведении никак не отразилось на ее характере (чего нельзя сказать о нашей матери).

По выходе из училища бабушка вскоре влюбилась в красивого стройного молодого человека, Александра Ивановича Смирнова. Увидев как-то в гостях у знакомых его фотографию (где он в штатском платье, с пышным бантом на шее стоит, опершись на балюстраду), тайком взяла ножницы и отхватила низ снимка с его штитблестами, спрятала на груди и по ночам целовала. Очевидно, и она ему нравилась, хотя его отговаривали от женитьбы, считая ее «чахоточной», из-за худощавости. (По закону священник, овдовев, не имел права вторично вступать в брак.) Но все же они поженились, и бабушка пережила мужа на 22 года.

Еще до рождения нашей матери бабушка взяла на воспитание маленькую девочку, круглую сироту, дальнюю род-

*Екатерина Дмитриевна Смирнова
с сыном Иваном и Екатериной
Алексеевной Кукобовской*

ственницу, а вернее свойственницу, Екатерину Алексеевну Кукобовскую.* Она закончила с золотой медалью Ярославскую Екатерининскую гимназию на стипендию, так как отец у нее был чиновником-дворянином, и стала сельской (вернее посадской, так как преподавала в школе Норского посада) учительницей, живя все время с бабушкой, которую звала тетушкой. Она была нашей любимой тетей Катей, доброй, умной, некрасивой (в ней чувствовалась финно-угорская наследственность), обладавшей большим чувством юмора и независимости, а кроме того, моей крестной матерью де-факто (де-юре крестной была сестра нашего отца Екатерина Алексеевна Петровых). Мы с Марусей очень ее любили, и она отвечала нам неизменной любовью, так как ближе нас двоих у нее никого не было. После кончины бабушки она прожила еще лет десять и умерла в полном одиночестве.

Несмотря на скромное общественное положение бабушки (она была вдовой посадского священника), в городе относились к ней с уважением, может быть, отчасти из-за свекра, отца Иоанна, который оставил по себе долгую светлую память, а может быть, из-за того, что она была не совсем заурядной личностью. У нее был ясный ум, смелые суждения, бодрый нрав, знание русской литературы XIX века и истории. Ее высказывания (даже религиозные) отличались широтой. Приведу такой пример. Несколько лет подряд она сдавала половину своего дома под дачу состоятельному владельцу Ярославского кожевенного завода Гаркави, имевшего в Москве родственника-актера. Возможно, что это и был известный в свое время и любимый публикой конферансье, это его пародирует в «Необыкновенном концерте» Зиновий Гердт.* Однажды бабушку при мне спросили: «Вам, наверное, не очень-то приятно сдавать дачу иноверцам?» «Они прекрасные люди, а как они верят — это дело их совести», — отрезала бабушка.

И вместе с тем, Маруся часто вспоминала, с каким детским ужасом она смотрела, как бабушка сжигала портрет Льва Толстого, яростно запихивая его кочергой в глубь горящей печки. Для нее он был не иноверец, а отступник от православия — веры своих отцов.

Дом у Троицкой церкви, выстроенный о. Александром Смирновым. 1910

Жила бабушка неподалеку от нас, то есть от фабрики, — в Норском посаде, где у нее был собственный небольшой дом* из трех комнат (и еще две в мезонине), с двумя кухнями, двумя террасами и множеством чуланчиков, кладовок, боковушек. В комнатах царила идеальная чистота. Везде связанные ее руками туго накрахмаленные салфеточки, сверкавшие белизной, на крашеном полу лежали всегда свежие дорожки-половики. В ее спальне в углу — большой киот с темными от времени иконами, перед которым часто горела лампада. В кухне на окне горшок жасмина с чудесно пахнущими цветами, которыми она перекладывала свое белье.

Если делить всех людей на сов и жаворонков, то бабушка, безусловно, принадлежала к последним. Вставала она рано, в 5–6 часов, после обязательной утренней молитвы садилась за ломберный стол (письменного у нее не было) и принималась за переписку с многочисленными родственниками, и в первую очередь, с обожаемым сыном Иваном. С младшей сестрой Елизаветой Дмитриевной тоже шла оживленная переписка. Почерк у бабушки был мелкий, но очень

*Троицкая (Никольская) церковь
в Заречной части Норского посада*

четкий, с большими заглавными буквами.

Пенсия, на которую жила она, была мизерной, и покупать книги было для нее слишком большой роскошью. Поэтому она, кроме эпистолярных занятий, переписывала в толстую особую тетрадь понравившиеся ей стихи. Помню, как при мне она переписывала некрасовских «Русских женщин». Не от нее ли передалась Марусе любовь к поэзии?

Без дела бабушка никогда не сидела. Закончив с письмами и хлопотами по хозяйству, она садилась в

кресло и начинала вязать. А вязала она все что угодно: чулки, варежки, перчатки, салфетки разного назначения, платки, полушалки, кружева, которыми тогда было принято обшивать концы полотенец, накидки на подушки, подзоры и даже целые покрывала. Умела она также вышивать и «ковры». Для этого из картона вырезались баранки, как я их называла, которые обшивались толстыми шерстяными нитками, затем нитки посередине кружка разрезались, и возникало нечто, похожее на цветочную клумбу. Такими «клумбами» расцвечивалось сукно, и получался казавшийся мне прелестным ковер.

Но самое удивительное для меня было то, что бабушка свое вязание сочетала с чтением, почти не отрывая глаз от книги. Читала она (кроме обязательных Библии, Евангелия и Четьих Миней) главным образом толстые тома-кирпичи

«Вестника Европы». Наверное, там было много интересного для меня теперешней, судя по ссылкам, попадающимся в различной литературе. Но из всех толстых томов мне тогда нравились только мемуары М. А. Паткуль (урожденной маркизы Траверсе)*, придворной дамы, прожившей более 90 лет: от Николая Павловича до Николая II. Это произведение сестра Леля очень метко назвала сладкой манной кашей, до того оно было пресно и приторно, но мне в мои малые годы нравилось.

Много лет спустя у С. М. Соловьева и Е. В. Тарле я прочитала, что дед мужа этой статс-дамы, лифляндский дворянин Паткуль перешел на службу к Петру I. А потом, попав в плен к шведам, был убит по приказанию Карла XII, который сам разработал ритуал мучительнейшей казни.

В те годы, когда у Маруси была няня Харитина Петровна или почему-либо не было гувернантки, я часто гостила у бабушки дня по 2–3, что было для меня одним из самых больших удовольствий. Привозила меня к ней на лошадях мама, а обратно я обычно возвращалась с присланной за мной горничной. У бабушки, как и у мамы, были тогда маленькие спиртовки, в резервуар наливался из большой бутылки денатурат, который поджигался, и из отверстий вырывалось синее пламя. На нем Марусе варили кашку, а мне бабушка поджаривала куски черного хлеба, заливая их яйцом. Ничего вкуснее, по-моему, я с тех пор не едала.

По вечерам мы с бабушкой играли в карты — в бесконечные «пьяницы» или «акульки», но чаще раскладывали пасьянсы, к которым она приохотила меня на всю жизнь. «Вот смотри, душенька, этот называется „гончие“, а этот, такой интересный, „дамский каприз“». Ни того, ни другого я так и не усвоила, но «приезд ко двору», «Наполеона», «могилу Наполеона», «восход солнца», «косу», «косынку» помню и до сих пор.

В те далекие годы в верующих семьях дни рождений были менее значительным праздником, чем именины. Накануне, 23 ноября по старому стилю, меня привозили к бабушке, и таким образом в доме оказывались четыре име-

нинницы, так как кухарка тоже была Екатериной. Вечером шли в церковь в пяти минутах ходьбы.* Всенощная служилась в приделе, где стояла большая (во весь рост) икона великомученицы Екатерины в царском одеянии. Она обычно изображалась углубленной в книгу, а у ног всегда — большое колесо — символ ее мученической смерти. На другой день опять в церковь к обедне. А после нее начиналось пиршество, длившееся до ночи. Приходила вся норскопосадская интеллигенция — врачи, педагоги, духовенство. Всегда присутствовала наша мать. Меня задаривали подарками, впрочем достаточно скромными, но я всему была рада. Приходила в гости девочка, тоже Катя, и мы с ней, забравшись под ломберный стол, занавешивали его какой-либо скатертью, отгораживаясь этим от взрослых, и с наслаждением играли во вновь подаренные игрушки. Но почему-то этот день часто кончался для меня печально: я угорала.* Сильнейшие головные боли, тошнота, рвота. Меня укладывали в бабушкину постель, в уши клали клюкву, которая вскоре сильно увеличивалась в объеме, — это, как говорили, выходил из головы угарный газ. Прибегала озабоченная бабушка, уговаривала съесть что-либо, а я мотала головой и стонала. Забавно, что во все прочие дни я в этом доме не угорала. Обидно было на другой день, что я не попробовала ни вкуснейших пышных пирогов со всевозможными начинками, ни индейки, не сидела за столом со взрослыми.

Надо сказать, что папа недолюбливал мои поездки к бабушке, считая, видимо не без основания, что она меня излишне балует.

Когда Маруся подросла, мы бывали у бабушки уже вместе. Но между сестренкой и бабушкой иногда вспыхивали конфликты: Маруся и в детские годы пыталась отстоять свои желания. До сих пор слышу голос бабушки: «Ну, Марья, погоди!» Впрочем, этим угроза и ограничивалась. Несмотря на ссоры, обе нежно любили друг друга.

Умерла бабушка в октябре 1926 года внезапно, не болев ни одного дня. Накануне все было как обычно: утром — письмо к сыну, какие-то хозяйственные хлопоты, затем в кресле

с книгой и вязанием. Легла спать в обычное время, ни на что не жалуясь. А утром нашли ее в постели со спокойным лицом, уже похолодевшей. «Смерть праведника», — говорили люди. Я приехала на похороны из Москвы. Маруся с родителями еще доживала последний год на автозаводе.

Дмитрий Александрович Смирнов

Это был старший сын бабушки, которого видевшая его Вера Иосифовна называла красавцем. Он окончил Ярославскую духовную семинарию и после этого поступил в Московскую духовную академию. Главная пайщица Норской мануфактуры миллионерша Прасковья Герасимовна Прохорова* предложила ему жить у них, в ее собственном доме на Воронцовом поле, но Дмитрий недолго пробыл у нее. Причин было несколько: семья Прохоровых была достаточно тонной, дочери говорили по-французски, за столом прислуживали лакеи в белых перчатках и т. п. Все это было слишком далеко от той сельской простоты, к которой он привык. Кроме того, в него влюбилась старшая дочь Прохоровых, Пелагея Константиновна. О женитьбе не могло быть и речи (такой мезальянс!), а она ему, видимо, не очень нравилась, и он вернулся домой.

Вскоре он совершил поступок, в котором, надо думать, не раз горько раскаивался в течение своей жизни. Ему приглянулась фабричная девчонка, певшая, как и он, в церковном хоре. Ее мать, понимая, что родители Дмитрия не дадут добровольного согласия на этот брак (опять мезальянс, но в другую сторону!*), уговорила молодых тайно обвенчаться в Романове-Борисоглебске (после революции переименованный в город Тутаев. На вопрос: «Кто такой Тутаев?» — местные жители с гордостью отвечали: «Что у вас Карл Маркс, то у нас Тутаев»).

Это событие, как громом, потрясло не только бедных родителей, но и всю округу. В то время, то есть до революции, в полной мере существовало социальное неравенство,

Отец Дмитрий Смирнов. 1900

сословное, классовое разделение, особенно в провинции.

Когда молодые сошли с парохода, который привез их из Романова на пристань Норской фабрики, и направились в посад к его родителям, вокруг них сразу же образовалась огромная толпа любопытных, сопровождавшая их до самого дома, с жадностью ожидая, что же будет дальше. Молодые упали родителям в ноги. Те, заливаясь слезами, запрягли лошадь и поехали за 12 верст в Ярославль к родствен-

никам и к дочери — нашей матери, которая находилась тогда в пансионе епархиального училища. Ее вызвали в приемную, где отец и мать, рыдая, стали рассказывать ей о постигшем их горе, чего наша мама по молодости, ей было 14 или 15 лет, никак не могла понять. Но и родители и вся родня расценивали этот брак как несчастье и позор для всего клана.

Вся беда была в том, что это горе было непоправимым. Для них, глубоко верующих, брак был священным таинством, совершенным над молодой парой. Пришлось, собрав все душевные силы, простить молодоженов, опять бросившихся перед ними на колени. Супругам отвели две комнаты в мезонине.

На другой день, когда молодые спустились к утреннему чаю, бабушка с ужасом увидела ползущую по щеке молодухи вошь. Этого она не могла забыть до конца своих дней, но все же нашла в себе силы сказать: «Лиза, подойди к зеркалу,

сними и выбрось эту гадость». То были одни из первых слов, обращенных к невестке. Надо сказать, что бабушка была до чрезвычайности чистоплотна, ее белье всегда благоухало жасмином, который она специально выращивала в горшках, стоящих на окнах.

Молодая была не только мала ростом, крайне тщедушна и некрасива, с лицом какого-то сероватого оттенка, но и неграмотна.

Супруг начал обучать ее чтению и письму. Наверное, она была не без способностей, так как довольно быстро научилась тому и другому. Последнее, впрочем, ей не слишком удавалось. Несколько ее эпистолярных образчиков хранится у Ариши*, которая, не зная эпизода с насекомым, всегда говорила, что тетка Лизавета похожа на вошь. И это очень точное сравнение.

Но ее некрасивая внешность — это было полбеды, ее характер был чудовищен, и я об этом далее расскажу. Вскоре после заключения брака Дмитрий Александрович Смирнов, хотя и не чувствовал особой склонности к церковному служению, исполнил волю родителей — стал священником.* Может быть, тут сыграло роль то, что он им доставил огромное горе, женившись тайком на фабричной девчонке (фамилия ее была Чикманова*, насколько я помню), и он решил таким образом загладить вину перед ними. Много позднее он говорил нашей старшей сестре и братьям, что хотел бы стать врачом или агрономом.

По получении духовного сана иерея отец Дмитрий с женой отправились в село Курилово неподалеку от Норского посада.* А когда его отец и наш дед, священник Норского посада Александр Иванович ушел из жизни, отец Дмитрий перешел на его место.

Вот тут-то все узнали, что представляет из себя его супруга. Пожалуй, я не встречала человека с подобным набором злобности, глубокого мещанства, завистливости, особенно к своей золовке — нашей маме (к ее красоте, положению жены директора фабрики), даже к тому, что у мамы было много детей, а тетка Лизавета, очевидно, была бесплодна. В конце

Отец Дмитрий Смирнов

концов они взяли приемыша с примесью турецкой крови, которого назвали Дмитрием.

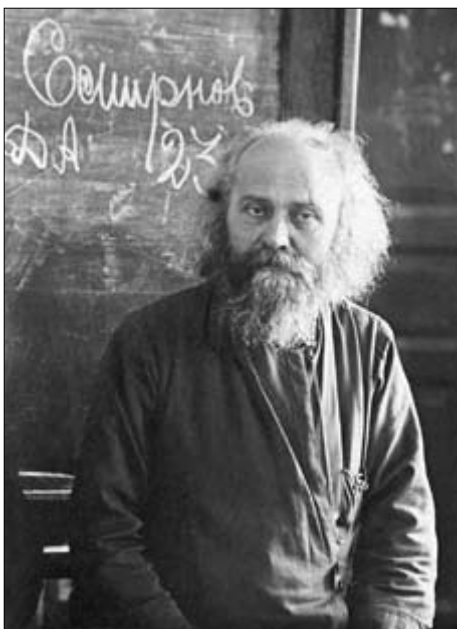
Елизавете Яковлевне (она же тетка Лизавета-маленькая) доставляло огромное злорадное удовольствие устраивать у себя дома тайные свидания влюбленных, а затем разносить по Норскому, а потом по Ярославлю сплетни об их испорченности, то есть позорить молодых девушек. Она погубила в буквальном смысле слова одну девицу, очень красивую, с огромными голубыми

глазами (но хромую), которая пела в церковном хоре. Тетке показалось, что супруг засматривается на девушку, и этого было достаточно, чтобы она путем всяких хитросплетений погубила репутацию скромной молодой особы.

Я тоже не избежала ее злобной клеветы. Вот как это произошло. Однажды летом я приехала в Ярославль, чтобы впервые пломбировать зуб. В ожидании вечернего парохода зашла к Смирновым. У них я застала какую-то малознакомую девушку, их сына и его товарища. Тетка предложила всем прогуляться по Волжской набережной в ожидании моего парохода. А затем уговорила зайти на «поплавок» выпить лимонада. День был очень жаркий. В центре «поплавка» был овальный зал, вокруг него в «бельэтаже» маленькие, вроде железнодорожных купе, клетушки без дверей. Мы расположились в одной из них, заказали лимонад, молодые люди по кружке пива. Вскоре настало

время отхода моего парохода, и вся компания проводила меня до пристани. Вот и весь эпизод, о котором я, конечно, рассказала сразу же дома. Но его было достаточно, чтобы тетка, перебегая из дома в дом по своим многочисленным ярославским знакомым, с наслаждением рассказывала: «Катенька Петровых-то какова! С таких-то лет да по отдельным кабинетам с молодыми людьми!..» Конечно, все это стало известно и бабушке, и моим родителям. Помню, я, узнав об этой сплетне, горько плакала. Рассказала же этот незначительный случай, чтобы вы могли представить себе низкую натуру нашей «родственницы», которую подарил нам отец Дмитрий.

Но жизнь его самого была невероятно тяжелой. После революции его начали преследовать. Сколько раз он сидел, точно не могу сказать, но не меньше трех, а может быть, и больше. Все считали, что во многом повинен отвратительный и несдержанный язык его супруги. Их приемный сын Дмитрий, хороший врач-гинеколог, очень любил отца и делал все возможное, чтобы облегчить его судьбу: купил ему маленький домик в глухом отдаленном месте, но и там его настиг очередной арест. Знаю, что отца Дмитрия пытали в тюрьме: клали на грудь широкую доску и колотили по ней молотом или изо всех сил топтали ногами. Умер он в заключении или ссылке, кажется, в Кокчетаве.*

Отец Дмитрий Смирнов. Последний арест

Сыну, уже вторично женатому (первый его брак с милой женщиной, которую я знала, разрушила тетка Лизавета, возненавидев невестку), пришлось взять мать к себе. Дмитрий работал тогда в Нерехте, маленьком городке между Костромой и Ярославлем, с ним вместе жили родители его второй жены. Кончилось это совместное проживание тем, что Лизавета Яковлевна плюнула в лицо своей сватье, у той сделался инфаркт. Пришлось Дмитрию снять матери отдельное помещение. Сколько же злобных, лживых сплетен было вылито на него и его семью... можно только догадываться. Вот какова была наша тетка Лизавета! И прожила она, кажется, до девяноста лет. Изредка приезжала в Москву, неизбежно останавливалась у Маруси, которая расценивала этот визит как «божеское наказание».

Иван Александрович Смирнов

Как же я сожалею, что не сохранилась у меня фотография маминого младшего брата в студенческой форме с полуулыбкой на прелестном лице. Вера Иосифовна говорила, что красавцем был его старший брат Дмитрий*, с чем я никак не могла согласиться, отдавая безусловное предпочтение нашему обожаемому дяде Ване. В семейном альбоме помещена пожелтевшая фотография бабушкиной семьи. На переднем плане стоит десятилетний мальчик — это и есть дядя Ваня, общий любимец. Его доброта, открытость, веселый нрав, благожелательное отношение ко всем, готовность прийти на помощь каждому, кто в ней нуждался, — вот основные качества его личности. Больше всего на него похожа лицом моя сестра Маруся. Он любил возиться с нами, как сверстник, бегал, прыгал через стулья, смешил бесконечными выдумками. Любил и поддразнивать, особенно сестру Лелю, которая страшно обижалась, когда он называл ее Аленкой.

Дядя Ваня учился на зооветеринарном факультете Юрьевского (теперь Тартуского) университета на казенный счет. За это он должен был отработать в Сибири какое-

то время. Хорошо запомнились его проводы. Бабушкины слезы. Сибирь представлялась всем краем, куда ссылали каторжников. Его поезд отправлялся со станции Урочь на левом берегу Волги (моста еще не было), от которой начинался «Великий Сибирский путь», как тогда говорили. Реку переезжали на маленьком пароходике, тащившем за собой огромный, тяжелый паром, сплошь заставленный запряженными экипажами, телегами со всяческим грузом. Простой люд тоже на этом пароме, что стоило, по-видимому, дешевле.

Иван Александрович Смирнов

Помню, как собирали дяде Ване посылку в Сибирь. Мне захотелось послать его сынишке маленькую уточку, но в последнюю минуту стало казаться, что ей там будет плохо, и я отменила свой подарок. Посыпались упреки в жадности, но это была именно жалость к утке, чего старшие не хотели или не умели понять. Уединившись ото всех, я целовала уточку, проливая слезы.

Вернувшись из Сибири, дядя Ваня подарил нам — Леле, Марусе и мне — бусы из горного хрусталя, переливавшиеся всеми цветами радуги. А нашей маме, своей сестре, — великолепную медвежью шкуру, из которой в Ярославле сделали ковер (она тоже запечатлена на одной из семейных фотографий). Приехавший из Могилева, где он работал после Сибири, дядя Ваня, глядя на свой подарок, начал неудержимо хо-

И.А. Смирнов в своем кабинете на конном заводе в Гавриловом Посаде

хотать. Оказалось, что в мастерской медведю вставили рысьи глаза, что он, как ветеринар, сразу же распознал. Пришлось маме снова взять шкуру с Норской фабрики в Ярославль, где смущенные мастера переменили глаза на медвежьи.

Вскоре началась первая мировая война. Дядю Ваню взяли в Действующую армию, в кавалерию, как ветеринарного врача. Вскоре он, вырываясь из немецкого окружения (под ним пала лошадь), сильно надорвал сердце. Демобилизованный, он устроился заведующим конским заводом в Гаврилов Посад Ивановской области, где

разводилась владимирская порода лошадей-тяжеловозов. Несколько таких могучих красавцев наш папа купил для Норской фабрики. Хорошо их помню: темно-коричневой масти, с густой, черной, очень длинной гривой и огромными мохнатыми ногами. Они возили хлопок и готовую продукцию из Ярославля и обратно. Казалось, любая тяжесть им нипочем — легко везли они дровни с большими кубами голубовато-прозрачного волжского льда, который набивали в ледники — ведь холодильников тогда не было.

Летом 1918 года наш отец Сергей Алексеевич Петровых, уйдя с фабрики, недолгое время жил у дяди Вани. Туда же

приехал наш брат Николай и вместе с папой отправился в Москву. Осенью 1925 года, когда родители и Маруся уже жили в Москве во 2-м Казачьем переулке, к ним приехал дядя Ваня. Я его давно не видела. Он сильно изменился: в глазах угас веселый блеск, исчезли шутки. Он погрузнел, погрустнел. Все же решил побаловать меня — сводить в театр. Мы пошли в Замоскворецкий театр где-то в районе Серпуховской (теперь Добрынинской) площади. Смотрели спектакль по пьесе Ал. Толстого «Заговор императрицы». Очень запомнился актер, игравший Распутина, которого с тех пор

я только так и представляю себе. Хороша была и царица... Но бедному дяде Ване было трудно ходить: по дороге в театр и особенно обратно он то и дело останавливался, принимал нитроглицерин. Вскоре он уехал, а через год его не стало.

Из рассказов бабушки следовало, что в детстве Ваня был совершенно неумным шалуном и проказником. Если старших мать привязывала ниточкой к стулу, и те сидели, не шелохнувшись, то на Ивана не действовали никакие, даже строгие, меры. Тем не менее он был любимцем бабушки и, став взрослым, относился к матери с большой заботой и нежностью.

Александра Михайловна и Иван Александрович Смирновы с дочерьми Мариной (стоит) и Фаиной. 1925

Родители его жены, Александры Михайловны Петровской, учительствовали на Норской фабрике.* У четы Смирновых были две дочери — Марина и Фаина. Обе жили в Ярославле.

Фаина Александровна Петровых
(урожденная Смирнова, наша мать)

В потертом кожаном альбоме с металлическим узором на крышке сохранился оригинал фотографии нашей матери. Глядя на нее, понимаешь, почему ярославские знакомые звали ее Норской Жемчужиной. Прекрасные, строгие черты лица, задумчивый взгляд, вместе с ощущением чистоты...

Она так же, как и ее мать, училась в епархиальном училище. Но не в пример бабушке — человеку самостоятельно мыслящему — мама, помимо большой религиозности, впитала от своих классных дам (всегда старых дев) нравственные взгляды, сочетавшиеся, может быть, с некоторой чопорностью, чрезмерной «придельностью» (от французского слова — *prude*).

Мама много читала. Помню в ее руках сочинения Белинского, Герцена, газету «Русские ведомости». В ней была какая-то отстраненность от жизни, хотя она была матерью пятерых детей и должна была вести большое хозяйство. Но оно, раз налаженное (вероятно, с помощью бабушки), катилось по своим рельсам, тем более что имелся достаточный штат прислуги.

Помимо естественной любви детей к матери, может быть, эта отрешенность в сочетании с красотой так привлекала нас к ней. Обе мы (я и Маруся), по вышедшему из употребления слову, обожали ее. Но она всегда пресекала чрезмерные проявления наших восторгов.

Маруся писала и посвящала ей свои детские стихи, из которых приведу несколько запомнившихся. Вот одно, совсем раннее, подаренное маме в день ее рождения:

Сегодня день Первого Марта,
Первый день чистой Весны.

И в этот день, светлый и милый,
Родилась прекрасная — ты!

И еще одно:

Когда сидишь ты на балконе,
Когда мечтаешь ты одна,
Когда на бледном небосклоне
Уж появляется луна,
Когда и песни соловьиной
Придет прекрасная пора,
Тогда возьми аккорд ты дивный
На лире, милая моя.
И звуки чудные польются,
Сольются с песней соловья,
Когда сидишь ты на балконе,
Когда мечтаешь ты одна.

И всего лишь три строчки стихотворения, навеянного,
по-видимому, упомянутым портретом.

Ты предо мною, моя ненаглядная,
В белый закутана шелк
...
Сердце мое — осколок.

Бывали также и юмористические стихи:

— Можно ль к Вам поближе встать,
Ручку Вам поцеловать?
— Нет!
— Можно ль на пороге встать,
Поцелуи посылать?
— Нет!!
— Можно ли за дверью встать,
Горько-горько там рыдать?
— Нет!!!

Фаина Александровна Смирнова. 1896

И еще веселая песенка:

Мамуленька, мамуленька, мамуленька моя!
Кабы крылышки белые — ангелом бы была.

По утрам мама выходила в столовую в капоте (халатом называли больше мужское одеяние), летом — в юбке с кружевами и пеньюаре. В остальные часы дня она одевалась по моде курсисток конца прошлого века, что нравилось отцу: английская юбка, обычно светло-серая, и белая блузка, часто с галстуком, и широкий пояс с пряжкой.

Мама вела уединенный образ жизни и выезжала крайне редко. Платья при этом были двух назначений — строгие, визитные: одно из серебристого темно-серого бархата и другое — темно-красное, с бесчисленным количеством мельчайших складочек, отделанное бархатом того же цвета. Для парадных выездов помню три ее туалета: один из золотистого шелкового репса с черной вуалевой туникой, другой — белый, с настоящими брюссельскими кружевами. Особенно хороша она была в светло-сером платье, затканном серебристыми цветами; все — фасона «принцесс»: плотно облегающий лиф и длинная расширяющаяся книзу юбка с небольшим треном, с воротником а-ля Медичи, из которого на стройной шее так прелестно выглядывала ее головка. При виде ее, нарядно одетой, мы приходили в неистовый восторг и бурной пляской вокруг, не смея коснуться, чтобы не помять какую-либо складочку, выражали свое восхищение. Запомнилось прелестное сорти-де-баль: белое, отороченное белыми страусовыми перьями. У нее была античная фигура, и держалась она особенно прямо. Поэт Галкин говорил* позднее Марусе, что он узнает ее мать со спины.

Когда же фасоны изменились, мама, собираясь куда-то выехать, может быть в Ярославль, в театр или к знакомым, вышла из своей комнаты в новом, необычном для нас туалете, вместо платья «принцесс» одетая по новой моде: черная шелковая юбка-клеш до половины икры и черная прозрачная

Фаина Александровна с детьми. 1907

кофточка на кружевной подкладке с баской, обшитая узкой черной бархоткой. На ногах новые, тупоносые темно-серые замшевые туфли, отделанные лаком. Это была как бы и не мама. Без восторженных, как прежде, криков и неистовой пляски вокруг, мы стояли пораженные. Маруся чуть не плакала, повторяя без конца: «В прежних платьях мама так была похожа на принцессу, так похожа!»

Таким образом, я рассмотрела род моей матери, дойдя и до нее. О жизни нашей семьи расскажу в отдельной

главе, а сейчас перейдем к истории рода моего отца.

Род Петровых

Еще и еще раз приходится пожалеть об утрате перечня имен нашего рода, продиктованного мне отцом в середине 1930-х годов. (В нем было, насколько я помню, около восьми имен.) Он тогда же рассказал мне семейное предание о возникновении нашей родовой фамилии. Ранее, во времена моего детства, это же я слышала в Норском от тетушек, что Преобразователь (Петр I) дал нашим предкам свое имя за искусное изготовление железной оснастки для парусных кораблей.

Наши предки происходили из города Устюжны — древнего маленького городка, затерявшегося среди лесов и озер чудесного русского Севера. Он стоит на реке Мологе при самом впадении в нее реки Ижины — отсюда и название города: Устыжина — Устьужна — Устюжна. Городок этот в наши дни почти никому не известен, и трудно представить сейчас, что корни его уходят в доисторическую глубь веков и что позднее он играл некоторую роль в жизни Московского государства.

Много сотен лет назад началась в этом крае трудовая деятельность человека. Потомки приильменских славян и финских племен еми и веси веками занимались здесь добычей руды из болот, окружавших город с востока и с севера. Руду обрабатывали в примитивных печах, получали крицу, из которой и ковали различные железные изделия. Находясь на стыке нескольких удельных княжеств и новгородских земель, Устюжна была завидным приобретением благодаря умению ее жителей ковать всевозможное военное снаряжение. Может быть, поэтому город относительно часто переходил из рук в руки. Высказывалось предположение, что Устюжна служила базой новгородских ушкуйников* для их торговых (а также грабительских) экспедиций по Великому Волжскому пути в Персию, Золотую Орду и к кавказским племенам. Косвенным подтверждением этому, может быть, является второе древнее промысловое занятие устюжан — судостроение. Если все это действительно так, то не исключено, что иногда город принадлежал Новгородской республике.

Наиболее ранние сведения об устюжанах, входивших в состав Ярославского княжества, сообщает «ученик Петра», наш первый талантливый историк В. Н. Татищев, под 1219 годом.

Второе упоминание об Устюжне как о городе Железный Устюг уже Угличского удельного княжества имеется в Угличской летописи за 1252 год.

На рубеже XIII и XIV веков город числился даже особым уделом одного из младших сыновей Дмитрия Донского.

В XIV веке Устюжна становится окраинной крепостью Московского великого княжества, его опорным пунктом в борьбе за первенство с Господином Великим Новгородом. Непрерывные распри между ними были причиной неоднократного разрушения города.

Около 1340 года, когда Симеон Гордый (сын Ивана Калиты) находился в Золотой Орде, «новгородские молодцы», как называет их летописец,* повоевали и пожгли Устюжну; жители последней нагнали их и отняли добычу. Вскоре новгородцы повторили свой набег.

Летопись сообщает, что в одно из нападений на Устюжну ушкуйники «пожгли ее всю без остатку». Но она каждый раз возрождалась из пепла, как феникс, и продолжала свою трудовую жизнь. Жители ее как горожане никогда не знали крепостного права и работали по своей воле «над своей малой металлургией» (как полушутя называл ее наш отец), поднимая производительные силы страны.

Видимо, уже после падения Новгородской республики (1478) город получил наименование Устюжна Железопольская и был вторым после Тулы центром металлургической промышленности, снабжая своей продукцией Московское государство. Здесь перерабатывали около четверти всей выплавки железа в стране.

Во времена Ивана Грозного в Устюжне было до 70 кузниц. Царь внимательно относился к ней, дал право городского самоуправления, то есть право «судиться и рядиться выборными судьями, а также выбирать среди своих „лучших людей“ целовальников, соцкого, дьяков для сбора всякой пошрины», чтобы оградить жителей от злоупотреблений алчных воевод и государственных чиновников. Новая династия (Романовых) также подтвердила право города на самоуправление.

В Смутное время (1608) устюжане первые дали мужественный отпор войскам «Тушинского вора» и поляков, неоднократно стремившимся овладеть городом. Жители говорили: «Лучше нам помереть за дом Божьей Матери, за веру христианскую на Устюжне». О ней упоминается в плаче царевны Ксении Годуновой*:

Едет к Москве Рострига,
Да хочет теремы ломати,
А меня хочет, царицу, поймати,
На Устюжну на Железную отослати,
Меня хочет, царицу, постричи,
А в решетчатый сад засадити....

Выписки из летописей об устюжанах, сделанные историком С. М. Соловьевым, говорят об их трудолюбии, мастерстве, храбрости, верности присяге. На протяжении всей истории города они не раз бывали вынуждены отражать вражеские нападения, и возможно, что это повлияло на формирование характера жителей, у которых бытовало присловье: «Город у нас железный, а люди каменные».

Историк отмечает также их глубокую религиозность, которая была в те давние времена единственной формой отвлеченного высокого мышления.

В течение многих столетий устюженские умельцы, передавая накопленный опыт из поколения в поколение, совершенствовали свои изделия. И вряд ли будет натяжкой предположить, что один из 70 кузнецов, ковавших оружие для грозного царя, был предок тех мастеров, искусство которых так высоко было оценено через 130 лет.

Это было время начала Северной войны (1700–1702), когда Петр I усиленно готовился к овладению устьем Невы и острова Котлин в Финском заливе. Чтобы добыть этот столь желанный первый выход к Балтийскому морю, был необходим флот. На созданной Олонецкой верфи (Лодейное поле), а позднее в Петербурге, день и ночь строили новые и новые суда. А якоря, цепи, форштевни, гвозди изготовлялись в Устюжне. Можно думать, что мастера выполняли царские заказы, не жалея сил.

В это время, на рубеже XVII–XVIII веков, как гласит семейное сказание, три брата-устюжанина, имевшие общую кузню, повезли в строящуюся столицу свои изделия. Случайно или нет они попались на глаза царю Петру. Тот осмотрел работу и, похвалив ее, спросил, как их зовут. «Меня Иваном,

того Фролом, а меньшого Семеном, — ответил старший, — а фамилии у нас нету».

«Ну так будьте вы Петровы (Петровы кузнецы!)», — сказал царь и заказал выковать решетку для своего «огорода».

Можно представить себе, какими счастливыми и окрыленными возвращались братья домой, везя, как драгоценный дар, царское имя. (В то время, да и много позже, фамилии были только у дворян да у именитого купечества.)

Несколько позднее (в 1712 году) Устюжна была передана Петром в ведение Адмиралтейства «для всяких корабельных работ по причине ее знатных кузнецов». Так что папин рассказ удивительно точно, без всякого нажима, ложится в рамки тех исторических сведений, которые мне удалось собрать.

Вполне понятно, что царский дар стал нашим родовым именем, то есть фамилией*, — иначе и быть не могло.

Благодаря тому, что имя царя было дано не одному человеку, а троем братьям, оно сразу приняло множественное число; присвоительной формой объясняется, как мне кажется, стремление подчеркнуть принадлежность родового имени, отвечавшего на вопрос — чьи? (а не сибирское — чьих?), к имени царя, а ударение в фамилии соскользнуло на последний слог.

Подтверждением этого является реальное существование в Устюжне трех ветвей Петровых:

1. Петровых-Лотонины (наша).
2. Петровых-Скребковы (?).
3. Петровых-Носырины (?).

Очевидно, второе название родов являлось отражением уличных прозвищ братьев.

Семейное предание стойко держалось на протяжении более чем двух с половиной столетий, переходя из поколения в поколение, и дожило до наших дней. Возможно, что в Устюженском архиве начала XVIII века, хранящегося в Вологде или Череповце, имеется какое-либо подтверждение этого предания. Может быть также, что какие-то документы, его касающиеся, находились раньше в доме нашего деда, Алексея Семеновича Петровых (Лотонина).

От старших мы, дети, знали также, что Петр считал благодарностью одной из наипервейших обязанностей каждого человека и, в свою очередь, старались передать это моральное понятие нашим детям.

Вот некоторые сведения, полученные мною, которые, как мне представляется, свидетельствуют о достоверности предания.

Во время пребывания в Устюжне в сентябре 1977 года я разыскала двух двоюродных сестер, урожденных Петровых: В. М. Травину-Слезнину и Н. Н. Бароботько. Обе они категорически отрицали всякое родство с нашей семьей. В. М. Травина-Слезнина или забыла или не захотела рассказывать ни о родственных связях, ни о возникновении нашей фамилии. Она сказала мне: «Мы были бедные и вам никакая не родня» — и даже утверждала, что их дед Семен Кириллович Петровых, по профессии кондитер, не был устюжанином. Н. Н. Бароботько, более открытая и радушная, сказала, что в детстве слышала от родителей имя нашего деда (Алексея Семеновича), что вполне возможно, так как примерно в этот период он был городским головой. Она показала мне также фотографию ее деда в кругу большой семьи, где рядом с ее отцом, Николаем Семеновичем, на коленях у своей матери сидит трехлетний малыш — Иван Семенович (будущий монах-историк и Ростовский архиерей Иосиф). Об этом человеке я напишу отдельную главу.

От Нины Николаевны, что особенно ценно для меня, я узнала следующее: ее отец рассказывал, что слышал, в свою очередь, от своего отца (Семена Кирилловича) семейное предание о том, что Петр I, проезжая через Устюжну, обратил внимание на работу трех братьев и, похвалив ее, дал им свое имя.

На распространенность такой фамилии в Устюжне указывает чрезвычайно большое количество старых, а также очень древних памятников Петровых на Казанском и Васильевском кладбищах.

Отыскала я в Москве еще одну семью Петровых, давно покинувших Устюжну, почти утративших память о ней и

все же помнящих ту же историю, с которой связано начало нашей фамилии.

Многочисленные семьи Петровых утратили за 275 лет всякие родственные связи, но то, что они сохранили одинаковые предания о возникновении фамилии, с достаточной достоверностью, с моей точки зрения, подтверждает, что в основе происхождения родового имени лежит реальное событие.

Как звали нашего прапрадеда, родившегося, очевидно, в середине восьмидесятых годов XVIII века, мы так и не смогли восстановить (смутно кажется, что его звали Иваном). Помню только рассказ тетюшек, что в его время наша фамилия находилась еще в зените своего благосостояния. Война с Наполеоном требовала напряжения всей промышленности (особенно металлургической) и способствовала, очевидно, материальному благополучию устюжан. У прапрадеда были в то время кузницы, фаянсовый завод, лесные дачи, верфь для постройки плоскодонных парусных судов, перевозивших южные товары в Петербург, земельные участки, дома.

Прапрадеду наследовал его сын Семен, появившийся на свет, видимо, в первом десятилетии XIX века. Образование он получил в одном из частных пансионов в Петербурге. Кажется, уже при нем пошатнулся материальный достаток рода. Как говорил наш отец, причиной постепенного обеднения не только нашей семьи, но и других устюжан были:

1. Истощение запасов болотной руды.

2. Полная невозможность конкурировать в цене и качестве продукции с уральскими металлургическими заводами, где Демидовы имели десятки тысяч крепостных, то есть почти даровых рук.

3. Открытие в 1851 году Николаевской железной дороги, соединившей Москву с Петербургом. Предназначавшаяся для северной столицы значительная часть грузов стала направляться из Нижнего Новгорода по Оке в Москву и дальше по железнодорожному пути.

Это усилило борьбу между соперничающими поставщиками товаров по Мариинской системе.*

Предположительно во второй половине тридцатых годов XIX века наш прадед Семен Иванович (?) Петровых-Лотонин женился на дворянской сироте, наследнице титула старинного угасшего рода князей Сицких.* Это была немолодая болезненная девушка, страдавшая частыми головными болями (это я слышала от своего отца о его бабушке), очень религиозная. О ее влиянии на последующие поколения среди ее внучек существовали две диаметрально противоположные точки зрения.

Одни считали, что ее вырождающиеся гены, как сказали бы теперь, лишили многих потомков (разумеется, не всех) способности к практической деятельности, целеустремленности, энергии, мужества, а привили такие качества, как нерешительность, безволие, пассивность.

Другие же утверждали, что она передала их семье интеллигентность, внесла склонность к возвышенному мышлению, интерес к литературе и искусствам. Сама она, как рассказывал мне отец, рисовала акварелью. Эти внучки ценили также ее родовитость: ее происхождение по женской линии от одной из древнейших фамилий, восходящей к Рюриковичам, — князей Сицких).

Насколько помню из разговоров старших, прадед и прабабушка умерли довольно рано, оставив двух сыновей. Это подтверждается также тем, что мы никогда не слышали от отца или тетюшек рассказов о непосредственном общении с ними.

Оба сына, Алексей Семенович, и младший, Иван Семенович, обучались так же, как и отец, в частном пансионе в Петербурге. Почему-то запомнилась фамилия директора пансиона — Классен.

Вернувшись в Устюжну, они должны были продолжать дело фирмы. Но отец не передал сыновьям ни одной черты своего характера — ни склонности к практической деятельности, ни предприимчивости. А весь душевный склад, религиозность, созерцательность, пассивность, доверчивость они целиком унаследовали от матери.

Около 1860 года Алексей Семенович женился на Марии Степановне Заводчиковой из богатой семьи промышленни-

ков. У них было несколько тысяч десятин леса и заливных лугов, несколько буксирных пароходов и довольно крупный металлургический завод в Череповце, изготавливавший в основном гвозди. Родиной их было село Кондаша (тоже в Вологодской или Новгородской области). По Волге ходили принадлежавшие брату бабушки — Николаю Степановичу Заводчикову — три буксирных парохода («Брат», «Сирота», а название третьего выветрилось из памяти). К тому времени Заводчиковы были достаточно состоятельными людьми, давно имевшими потомственное почетное гражданство.

Очевидно, за свою религиозность и безукоризненную порядочность Алексей Семенович на протяжении многих лет выбирался церковным старостой устюженского Казанского собора, а семья была его прихожанами.

Около 1910 года наш дед был городским головой города Устюжны. Как пишется у Брокгауза и Ефрона, «звание городского головы* могло быть предоставлено только почетнейшим лицам», утверждалось оно губернатором. Должность эта как-то оплачивалась, думаю, что это не только давало деду моральное удовлетворение, но и помогало материально в трудные для семьи годы. К этому времени относится один из эпизодов, который наблюдала моя старшая сестра Елена Сергеевна, очень характерный для добродушного и простодушного деда. Кто-то из гласных думы, а может быть ее служащих, видимо желая развлечься или подшутить над дедом, подговорили думского сторожа попросить Алексея Семеновича принести ему в чайнике воду с участка Петровых-Лотониных. Чем объяснил он свою просьбу, сказать не берусь.

Алексей Семенович надел, как полагалось по чину, фуражку с кокардой, взял чайник и направился к дому. Сейчас нам трудно представить себе дореволюционный мирок тихого захолустного городка, где каждое выходящее из ряда вон мелкое событие привлекало внимание всех обитателей, служило предметом долгого обсуждения.

Вид городского головы, шествующего с чайником в руке по главной — Московской — улице, был именно таким событием.

Дома это вылилось в настоящую драму, которую, повторяю, нам даже не понять: жена, вспыхивая от природы, была вне себя от гнева, младшая дочь Мария, жившая тогда с родителями, заливалась слезами, говоря, что отец опозорил семью, подверг ее неслыханному унижению. Наверно, по своему душевному складу Алексей Семенович не мог уяснить, в чем, собственно, его вина. Думаю, что подобные поступки и непонимание реакции на них семейных послужили причиной того, что он еще больше ушел в себя, проводя все свободное время в молельной или в своей светелке, но все же помогал бабушке и тете Мане в работах в саду и огороде. Он умер около 1912 года, а его младший брат Иван Семенович, еще более деда неспособный к деловой деятельности и тоже очень богомольный, несколько раньше.

Сейчас мне хочется перенестись на полвека вперед и рассказать несколько эпизодов из нашего детства. Живя на Норской фабрике, мы в летнее время часто ходили гулять, обычно под надзором гувернантки, по высокому и красивому берегу Волги. И какая была радость увидеть пыхтящий на середине реки буксир с баржей, принадлежащий «дядюшке» (так всегда называл его наш отец), как будто увидели самого Николая Степановича. Это был высокий человек с длинными седеющими усами, подолгу беседовавший при встречах с нашим отцом. А осенью приплывала к Норской пристани одна парусная баржа, казавшаяся издали красной из-за тесно уставленных коробов, наполненных доверху клюквой, брусникой и любимой ягодой нашего отца морошкой — «дарами леса», которые дядюшка посылал маме. Пристанщик сообщал маме о прибытии груза, она посылала лошадь с Машей или горничной. Конечно, мама брала только по одному коробу каждой ягоды, после чего лодка медленно удалялась вниз по течению в Ярославль, где сопровождающий продавал ягоды оптом... Воображаю, сколько было хлопот маме и ее помощницам, чтобы «освоить», переработать эти дары дядюшки.

В 1863 году открылось железнодорожное сообщение между Нижним Новгородом и Москвой. Это усилило конкуренцию по доставке товаров водным путем между поставщиками товаров в столицу, которую наш непрактичный и непредприимчивый дед А. С. Петровых не смог вести. Ему не под силу было бороться с опытными энергичными конкурентами. Он плохо разбирался в коммерческих операциях, доверял на слово там, где следовало оформлять официальные документы и в конце концов запутался в долгах до такой степени, что был вынужден ликвидировать все свои дела, поставку товаров в Петербург, постройку судов и фаянсовый завод. (В устюженском доме направо от лестницы, ведущей из столовой в полуподвал, мы с сестрой видели стеллажи, где в соломе лежали нереализованные грубые фаянсовые изделия.) Затем было продано недвижимое имущество — городские земли и дома. Хорошо помню рассказ нашей матери о прогулке по Устюжне со своей свекровью. Мария Степановна Петровых несколько раз останавливалась и со вздохом говорила: «Вот это был тоже наш дом» — «И этот участок был наш» — «И тот также принадлежал нам».

Митрополит Иосиф
(в миру Иван Семенович Петровых)

Хочу еще сказать несколько слов о нашем дальнем родственнике, получившем достаточно большую известность. Убратьев-кузнецов было большое потомство. Из поколения в поколение семьи размножались и постепенно отдалялись, и родственные связи утрачивались.

Среди таких отдаленных родственников в конце XIX века появился Иван Семенович Петровых. Он родился девятым, последним, ребенком в небогатой семье. Религиозность, видимо, была заложена в нем с детства. Окончив духовную семинарию, семнадцатилетним юношей он поступает в Московскую духовную академию, овладевает древними языками (греческий, латинский, древнееврейский). Блестяще окончив академию, под

именем Иосифа вскоре постригается в монахи. Уже его первые научные труды упоминаются в энциклопедии Брокгауза и Ефрона: «Иосиф (в миру Иван Семенович Петровых) — духовный писатель; образование получил в Московской духовной академии, в которой впоследствии состоит инспектором. Главные труды Иосифа*: «История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия» (Сергиев Посад, 1903, магистерская диссертация) и «Самуил и Саул в их взаимных отношениях» (1900. Т. 2 доп. С. 854). Если бы Иван Семенович не стал духовным лицом, он, вероятно, был бы историком и, наверное, незаурядным.

Долгое время Иосиф был Ростовским архиепископом. Скажу только, что мама один раз возила нас к нему в Ростов на благословение. Мы прожили у него несколько дней, и из этого следует, что в то время наша родственная связь для всех была очевидна. К сожалению, я тогда была еще слишком мала, так что ясной картины нашей встречи мне составить не удастся.

Далее я хочу привести хронологию его жизни, которую мне удалось выяснить, включив в нее те отрывки из энциклопедий, где хоть что-то говорится об Иосифе и о местах его пребывания.

*Митрополит Иосиф (Петровых).
Ярославль. 1927*

15 декабря 1872. Родился в Устюжне.

1899. Окончил Московскую духовную академию первым магистрантом и оставлен профессорским стипендиатом при академии.

9 сентября 1900. Утвержден исполняющим должность доцента академии по кафедре Библейской истории.

26 августа 1901. Епископом Арсением (Стадницким), ректором академии, пострижен в монашество. В жизни митрополита Иосифа имели громадное значение слова, сказанные епископом Арсением при пострижении: «Теперь, когда хулятся имя Божие, молчание постыдно и будет сочтено за малодушие или бесчувственную холодность к предметам веры. Да не будет в тебе этой преступной теплохладности, от которой предостерегает Господь. Работай, Господеви духом горяще».

Февраль 1903. Удостоен звания магистра богословия и утвержден доцентом. Тема диссертации: «История иудейского народа по археологии Иосифа Флавия».

9 декабря 1903. Назначен экстраординарным профессором и инспектором академии.

18 января 1904. Возведен в сан архимандрита.

Июнь 1906. Назначен настоятелем Яблочинского монастыря Холмской епархии.

«Яблочинский Онуфриевский мужской 1-го класса монастырь Седлецкой губ., Бельского у., в 40 верстах от Белы. Существовал в XVI столетии, как об этом упоминается в грамоте короля Сигизмунда I в 1522 г. Находясь среди враждебного католицизма, вводившего повсеместно унию, монастырь оставался верным, несмотря на гонения, православию» (Брокгауз и Ефрон. 1904. Т. XLI. Кн. 81. Т. 81. С. 476).

1907. Назначен настоятелем Юрьева монастыря Новгородской епархии.

«Юрьев-Георгиевский, или Егорьевский, мужской 1-го класса (с 1764 г.) монастырь Новгородской губ. и у. В 3-х верстах к югу от Новгорода, на левом берегу р. Волхов при устье ручья Княжева. Основание его относится к 1030 г. и приписывается вел. князю Ярославу Владимировичу (во св. Крещении Юрию /Георгию/). Монастырь неоднократно

подвергался разорениям и опустошениям то от неприятеля, то от пожаров. В начале XIX в. монастырь пришел в упадок и нынешним своим блестящим состоянием обязан щедрости графини Орловой-Чесменской и стараниям ее духовника архим. Фотия (1822–1838). В 1786 г. сюда перенесли мощи св. Феоктиста, архиеп. Новгородского. К монастырю приписаны м-ри Перынский и Пантелеймонов» (там же. С. 443).

«Юрьев монастырь близ Новгорода — один из древнейших новгородских монастырей. Ю. м. был в XII–XV вв. крупным политическим центром Новгородской феодальной республики. Из древних построек Ю. м. сохранился. Георгиевский собор (начат в 1193), построенный зодчим Петром, — величественный и строгий по пропорциям 6-столпный храм с хорами в зап. части и квадратной лестничной башней, органически связанной с объемом здания. Собор завершен асимметричным трехглавием; фасады убраны рядами узких глубоких ниш. В 1825–1827 собор был искажен перестройками, древние фрески были почти полностью уничтожены; в 1933–1936 фасады восстановлены в первоначальном виде» (Большая советская энциклопедия. М., 1957. Т. 49. С. 422).

15 марта 1909. Митрополитами Петербургским Антоном, Московским — Владимиром и Киевским — Флавианом и др. в Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры хиротонисан во епископа Угличского и поставлен викарием Ярославской епархии.

В этой епархии пребывал много лет, будучи викарием при архиепископах Тихоне (Белавине), будущем патриархе, и Агафангеле (Преображенском).

Приведу слова митрополита Мануила: «Он очень любил литургию и служил каждый день, но это служение фактически было для него вспомогательным средством его иноческой жизни. Он не пастырствовал, он только служил. Инок поглощал в нем пастыря».

1905–1910. Выход в свет труда «В объятиях Отчих. Дневник Инока» в 12 томах.

1911. Посещение Афона.

1913. Возведен в сан архиепископа.

1920. Назначен архиепископом Ростовским, викарием Ярославской епархии.

1920–1925. Временно управлял епархией Новгородской и Старорусской.

Во время обновленчества архиепископ Иосиф затворился в Угличском монастыре и оттуда управлял епархией, не участвуя активно в борьбе с обновленчеством, но и не сочувствуя ему.

Август 1926. Поставлен митрополитом Ленинградским, но при выезде в Ростов Великий для устройства дел был задержан там властями на год.

17 сентября 1927. Переведен митрополитом Сергием в Одессу, перевод не принял, продолжал управлять Ленинградской епархией из Ростова.

24 января 1928. Вместе с ярославскими архиереями подписывает акт отхода от митрополита Сергия.

Февраль 1928. Высылка архиепископа Серафима и митрополита Иосифа из Ярославской области соответственно в Могилев и в Устюжну. Митрополит Иосиф проживал в Николо-Моденском монастыре, в 35 верстах от родного города.

«Моденский Николаевский, или Воскресенский, мужской монастырь 3-го класса Новгородской губ. Устюженского района, существует с 1579 г.» (Брокгауз и Ефрон. 1896. Т. XIXа. Кн. 38. С 585).

Февраль-март 1928. Принятие сторонниками митрополита Иосифа документов с каноническим обоснованием своего отделения от митрополита Сергия. Основные доводы: невозможность устранения правящего архиерея (митрополита Иосифа) «прежде соборного рассмотрения», которого не было.

2 марта 1928. Послание митрополита Иосифа ярославской пастве о том, что архиереи ярославской церковной области отделились от митрополита Сергия, и он, приняв в этом участие, признает тем самым прежние распоряжения митрополита Сергия не имеющими силы, требует канонически правильного решения судом епископов вопроса о пере-

воде и до этого суда не считает себя вправе предоставить вверенную ему паству «произволу» «церковных администраторов», не пользующихся доверием, поручает временное управление епархией епископу Димитрию, просит епископа Григория продолжать управление Александро-Невской лаврой, призывая возносить свое имя (митрополита Иосифа) за богослужением, несмотря на невозможность для него приехать в Ленинград.

14/27 марта 1928. Митрополитом Сергием и его Синодом запрещен в священнослужении как глава наиболее массового движения «непоминающих», получившего название «иосифлянство».

Апрель 1928. Письмо митрополита Агафангела митрополиту Сергию по поводу обвинения в расколе и просьбы пересмотреть решение об отделении. Выражено несогласие с попыткой митрополита Иосифа объединить вокруг себя всю оппозицию.

10 апреля 1928. Письмо Новгородского митрополита Арсения митрополиту Сергию о том, что его недовольство некоторыми действиями митрополита Сергия не дает повода обвинять его в расколе, так как действия митрополитов Иосифа и Агафангела он не одобряет.

Апрель 1928. Письмо митрополита Иосифа к Тучкову с просьбой снять возводимые на него обвинения и разрешить въезд в Ленинград (разрешение не получено).

24 июля 1928. Письмо митрополита Иосифа епископу Димитрию по поводу «воссоединения» ярославской группы с митрополитом Сергием (основной пункт ярославской группы остается неизвестным митрополиту Иосифу). Резкие выражения: «дезертиры, изменники, предатели».

1929. Арест и ссылка в Казахстан. Прожил в ссылке несколько лет недалеко от Аральского моря, работал бухгалтером на медном комбинате.

Здесь я приведу отрывок из воспоминаний протоиерея Польского, который записал рассказ свидетельницы о встрече с митрополитом Иосифом в тайной церкви в Алма-Ате 26 августа 1937 года:

«Какой это был чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенник! Это отражалось в его облике и в глазах, как в зеркале. Очень высокого роста. С большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не притягивать к себе, и хотелось бы никогда с ним не расставаться. Монашеское одеяние его было подобрано, так же как и волосы, иначе его сразу арестовали бы еще на улице, так как за ним следили, и он не имел права выезда. Он лично говорил, что патриарх Тихон предложил, немедленно по своем избрании, назначить его своим первым заместителем... Он признавал как законного главу Церкви митрополита Петра Крутицкого и вплоть до последнего ареста в сентябре 1937 года имел с ним тайные сношения, когда везде ходили слухи, что митрополит Петр умер... Относительно десятилетней почти ссылки, до этого времени, он рассказывал, что она была чрезвычайно тяжелой. Он жил в хлеву со свиньями в плетеном сарае, спал на досках, отделенный от свиней лишь жердями...

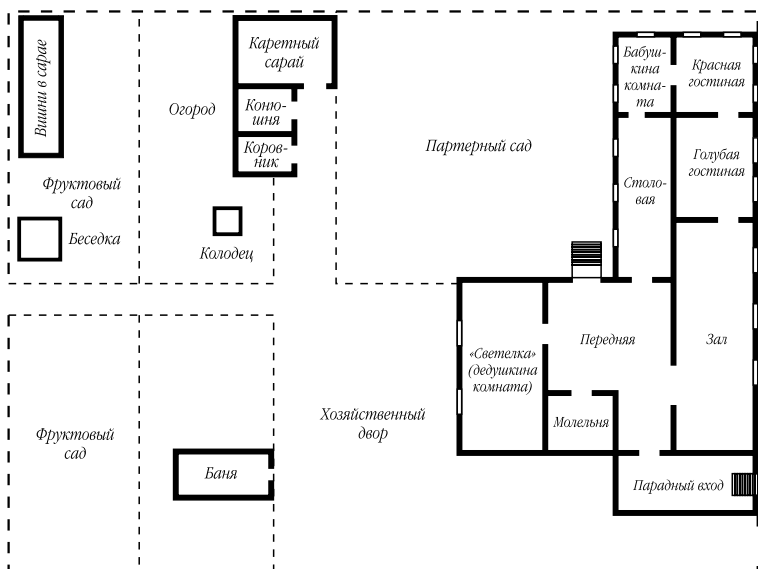
...На другой день ...митрополит уехал к себе. Теперь он жил в других условиях. После многих лет было разрешено в Чимкенте найти для него квартиру. Архимандрит Арсений устроил ему комнату для спокойной жизни, заботился о его еде, не только о сытости, но и соблюдении диеты (у митрополита Иосифа был больной желудок). Достал ему сперва цитру, затем и фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он переключивал псалмы на музыку и пел.

...3 сентября 1937 года было арестовано везде, в окрестностях Алма-Аты, по Казахстану, все духовенство потаенных иосифлянских церквей, отбывавших вольную ссылку за непризнание советских церквей. Все были сосланы на 10 лет без права переписки, и, как я узнала после, в числе их был и митрополит Иосиф...»

Год смерти не известен.*

Дом Петровых в Устюжне

К началу XX века у семьи остался только дом по бывшей Московской улице за номером 25 (теперь К. Маркса,

План дома и участка Петровых-Лотониных в Устюжне

23). Участок, на котором стоял дом, тянулся вглубь до следующей улицы, параллельной Московской. Позади дома имелся небольшой партерный сад, за которым ухаживала тетя Маня, младшая сестра нашего отца. Дальше был двор с хозяйственными постройками, за ним огород с баней и колодцем и, наконец, фруктовый сад. (Расположение дома на усадьбе и надворных построек смотри на прилагаемом схематическом плане, не претендующем на сохранение масштаба, а лишь дающем представление о взаимном расположении построек.)

На хозяйственном дворе самое большое впечатление производил в детстве каретный сарай. С одной стороны там стояли старые сани, возок, экипажи. Интересно и жутко было пролезать в полутьме под большими колесами. Такого рода развлечений в Норском не было (нас даже близко не подпускали к конюшням), поэтому, наверно, и запомнилось. На другой стороне сарая была свалена мебель. Как-то отец с оттенком неодобрения заметил, что его сестры настояли

на том, чтобы выкинуть старую, вернее старинную, мебель (там была и карельская береза — я запомнила ее золотистый цвет) и обставить дом по-модному — венскими стульями. Только гостиную красного дерева в зале бабушка, очевидно, отстояла.

Во фруктовом саду поражало, что вишневые деревья окружены деревянными стенами, а наверху вместо крыши натянута проволочная сетка — защита от воробьев. Сетку я одобряла, а стены были непонятны. Много позднее у Льва Толстого в «Семейном счастье» я прочитала о таких сараях для вишен с сетками вместо крыши.

Помню еще улицу перед домом (Московскую), деревянные тротуары по обеим сторонам. А вся она — широкая даже в теперешнем восприятии — была густо покрыта низенькой травой с листиками, похожими на укропные, и зелено-желтыми цветочками. Кажется, мы называли ее гусиной травкой. По улице всегда бродили белые куры и утки, ярко выделявшиеся на зеленом фоне.

О доме. Теперь он выкрашен в зеленый цвет, а каменный полуподвал побелен. Возможно, в детстве дом мне больше понравился бы таким. Но насколько благороднее выглядел он, когда стены имели цвет старого потускневшего серебра (чего я в те годы, конечно, не могла оценить). Когда-то по фасадному краю крыши шла довольно высокая решетка — изделие устюженских кузнецов. Приезжавший в начале века в город специалист объяснил одной из наших тетушек, что решетка является художественным завершением архитектурного стиля дома.

Слева к нему было пристроено крыльцо, зашитое досками до верха. Крутая лестница, окрашенная желтой краской, вела в бельэтаж. Теперь крыльцо снесено, но с верхней площадки лестницы ясно виден дверной проем, заделанный досками достаточно грубо.

Из передней с большим фикусом дверь направо вела в зал (с тремя окнами по фасаду и двумя на лестницу). Там перед диваном на овальном столе лежал семейный альбом. Из всех многочисленных фотографий мне запомнилась только

одна: молодой высокий дед (Алексей Семенович) под руку с бабушкой. Чтобы не измять широченный кринолин жены, ему пришлось, стоя на почтительном от нее расстоянии, сильно изогнуться. Очевидно, необычность его позы, а также бабушкиного туалета и запечатлела снимок в памяти.

Из зала налево была «голубая гостиная». Когда мы всей семьей приезжали в Устюжну (а это бывало раз в 2–3 года), в комнату вносили три кровати — для мамы, Маруси и меня. От самой же гостиной, кроме голубых с серебряным рисунком обоев, которые я рассматривала, лежа утром в постели, в памяти ничего не сохранилось.

Следующая комната по фасаду была «красная гостиная», где при нас спала тетя Маня. Запомнился только цвет обоев и что-то вроде бюро между окон. Дальше шла узкая комната с одним окном, предоставлявшаяся нашей старшей сестре Леле. Дверь из нее вела в бабушкину спальню с широкой и очень высокой кроватью, перед которой стояли две деревянные ступеньки, чтобы бабушке с ее малым ростом было легче лечь в постель.

Просторная столовая с окнами в сад. В ней нас больше всего интересовала крутая лестница, ведущая в полуподвал, — там была налево кухня и направо подсобные хозяйственные помещения. Сейчас лестницы не существует, но направление половиц показывает место, где она находилась.

Из передней налево по коридору была молельня. Стены ее были сплошь увешаны иконами в блестящих ризах, а в самом центре напротив двери висело большое темное изображение «Страшного суда». Черты с зеленоватыми телами и красными глазами, мучающие грешников, были написаны до такой степени пугающе, что мы (даже старшая Леля) боялись не только заходить в молельню, но и проходить мимо ее двери.

Дальше в пристройке была «светелка» деда, где спали братья во время наших приездов. Между окнами над столом в узкой деревянной раме висела подписанная Николаем I грамота, подтверждавшая права Петровых на потомственное почетное гражданство. А в столовой висела огромная (при-

близительно 80 x 50 см) икона Казанской Божьей Матери — покровительницы края — в серебряном позолоченном окладе, разукрашенном мелким жемчугом (из северных рек, говорил отец) и уральскими полудрагоценными камнями. Икона была дана в приданое нашей бабушке. Я не знаю, кто из предков заказывал ее, только слышала, что она стоила заказчику 1000 рублей, что тогда было большими деньгами. Но Николай I, подписавший грамоту, подсек одновременно благосостояние нашей фамилии постройкой Николаевской железной дороги.

Еще сохранились в памяти массивные дверные ручки из темно-желтого металла (видимо бронзы), очень сложного рисунка.

(Только в один из последних дней пребывания в Устюжне в 1977 году мне стало ясно, что семья деда была больше известна под фамилией Лотониных, нежели Петровых.)

Сергей Алексеевич Петровых ***(мой отец)***

Продажей домов и городских участков разорение семьи не закончилось. Уже будучи студентом Петербургского политехнического института, наш отец был вынужден продать семейные бриллианты — бабушкино приданое — на солидную по тем временам сумму — 25 тысяч рублей, так как в семье кроме него было еще шесть сестер и всех надо было кормить, одевать, учить. И вся надежда была на единственного и способного сына. Сам он, как нам рассказывал, питался в студенческой столовой кониной, которая стоила на 2 копейки дешевле говядины. А когда денег совсем не было, он, как и другие, находившиеся в таком же положении, пристраивался к какому-нибудь товарищу студенту, садился рядом за стол, как бы рассеянно брал с блюда большие куски бесплатного хлеба, мазал их горчицей и таким образом насыщался.

Что было бы с семьей, если бы отец не унаследовал от своего прадеда способностей и энергии, трудно сказать.

Сергей Алексеевич Петровых. 1896

В семье наш отец был единственным сыном, поэтому был окружен с детства особым вниманием и заботой со стороны родителей и сестер.

По его рассказам, в детстве его угнетала чрезмерная религиозность родителей, которые, желая привить ее детям, настаивали на посещении почти всех церковных служб, что было при отсутствии религиозного чувства почти наказанием.

В субботу обязательное посещение вечерни и всенощной; в воскресенье — ранней обедни, от которой семья возвращалась домой к утреннему чаю с обязательным, только из печи, пышным пирогом с капустной, мясной или рыбной начинкой. А затем отец или мать полупросительно говорили: «Сереженька, ты бы сходил к поздней обедне». Не выполнить просьбу родителей было невозможно, и Сергей нехотя брел в Казанский собор, где выстаивал и позднюю обедню.

По-видимому, такое принудительное посещение богослужений навсегда отвратило его от церкви.

Окончив институт, он получил место мастера на какой-то фабрике с 200-рублевым жалованием и сразу начал высылать, и делал это ежемесячно, вплоть до 1918 года, деньги родителям. Через несколько лет, уже на Норской фабрике, его жалование значительно увеличилось, и он помог двум своим сестрам получить высшее образование. Младшая — Мария Алексеевна — окончила Бестужевские курсы в Петербурге,* которые тогда высоко котировались. А Серафима Алексеевна поступила на Высшие медицинские женские курсы. Вскоре начались студенческие волнения, курсы закрылись. Тогда тетя Сима при помощи нашего отца уехала в Швейцарию, где закончила медицинское образование. У нас имелась фотография, где брат с сестрой стоят на берегу Женевского озера. По возвращении на родину ей пришлось держать дополнительные экзамены, чтобы получить звание врача, имеющего право практиковать в России.

В 1926 году папа со мной ездил в гости к тете Симе. Она заведовала небольшой сельской больницей в Смоленской области, была энергичным умелым врачом. Тетя Маня жила при

ней, вела хозяйство. Несмотря на полученное образование она по своей чрезмерной застенчивости была не в состоянии заниматься педагогической работой и всю жизнь прожила при Серафиме Алексеевне. Скажу уж, кстати, несколько слов о судьбе других сестер отца.

Старшая сестра Вера рано умерла от туберкулеза. Как рассказывал отец, она верила в целебные свойства Крыма и печально говорила: «Ах, если бы я поехала туда, я наверно выздоровела бы». Но материальное положение семьи не позволяло думать о поездке, так как это было время, когда отец ее был на грани разорения. Можно представить состояние родителей, брата и сестер при постигшем их на фоне разорения горе. Отец часто вспоминал Веру.

Моя крестная мать и тетушка, Екатерина Алексеевна Петровых, чтобы не быть в тягость родителям, стала в Кондаше и Череповце вести хозяйство у «дядюшки», который обещал ей дать за это приданое. Но она так и не вышла замуж, а, приехав в начале революции в Устюжну, умерла раньше матери и «дядюшки».

Муж Надежды Алексеевны был купцом-оптовиком. У них было многочисленное потомство, кажется, 12 сыновей и дочерей. Но, как ни странно, никаких следов этой семьи я не могла отыскать в Устюжне. Знаю только, что одна из старших дочерей — Мария — жила в Ленинграде до войны.

Зато нашу любимую тетю Сашу, Александру Алексеевну Каратаеву, и ее детей — Зою и Бориса — их всегда называли вместе — помнят все мои устюженские сверстники и даже более молодые, чем я. Муж тети Саши был крупным поставщиком зерна и муки из Рыбинска в Петербург, их семья была состоятельной. Им принадлежал дом, где теперь находится городской банк, в городской черте была еще дача с аллеей, увитой розами, — это помним мы все. За столом у них прислуживал лакей, бульон подавался в специальных чашках. У Зои и Бориса были гувернантки-француженки, дорогие туалеты. У Бориса, кроме того, — собственный экипаж, в который запрягалась породистая лошадь. По его желанию тетя Саша завела первый в городе кинематограф. После смерти

мужа тетя Саша пыталась продолжать его дело, но unsuccessfully. Словом, семья была очень заметной в маленькой Устюжне. В 1928 году она с Борисом, его женой и внуком переехала в Ленинград. Умерла в середине тридцатых годов, а Борис погиб во время блокады. Зоя в свое время получила среднее образование в петербургском институте — привилегированном закрытом учебном заведении. Далее о ее судьбе я ничего не помню, очевидно, она вышла замуж и сменила фамилию, так что след ее затерялся.

Но продолжу воспоминания о моем отце. Как и почему он выбрал Норскую фабрику, где и проработал более 30 лет, раскрывается из его ранней биографии. Еще с первых классов среднего учебного заведения у папы возникла дружба с Николаем Аркадьевичем Хрущевым, продолжавшаяся вплоть до трагической гибели последнего.* А дружба их начиналась так (отец всегда добродушно описывал эту сцену): он уже 2–3 недели посещал реальное училище* в городе Череповце, куда его отвезли из Устюжны, где не было соответствующего учебного заведения. Он уже освоился и с классом, и с обстановкой. В один из дней в классе появилась высокая полная фигура инспектора реального училища, рядом с ней, а точнее, прячась за нее, стояла нелепая фигурка мальчугана, насмерть перепуганного. Это был Коля Хрущев. Его недавно привезли из большого имения на северо-западе Новгородской области, где он прожил всю свою коротенькую жизнь, никуда не выезжая. Поэтому, когда его привезли в Череповец для помещения в реальное, он был перепуган и размерами города, впрочем, конечно небольшого, и домами, некоторые даже двухэтажные, а главное — количеством людей вокруг. Все это перепугало мальчугана, и он не мог освободиться от страха. Инспектор довольно ласково подтолкнул его к парте, где одиноко сидел Сережа Петровых, и сказал: «Вот тебе товарищ, он тебя в обиду не даст, он мальчик такой, я его распознал». Сережа быстро иронически взглянул на инспектора и потеснился, чтобы дать место новому товарищу. Тот

сел с тем же перепуганным видом. «Не бойся, я тебя в обиду не дам», — сказал Сережа, и это приободрило новичка. Кто привез его в Череповец? Отец или мать, кстати, очень гордившиеся древностью рода Хрущевых. Как-то после Никиты Сергеевича в это мало верится, но, возможно, наш Никита и не был из этой ветви дворян.

Окончив реальное училище в Череповце, оба друга поехали вместе в Петербург для продолжения образования. Папа поступил в технологический институт, а Николай Аркадьевич в военно-морское высшее училище. После окончания технологического отец устроился вначале на фабрику неподалеку от столицы, где проработал около года.

Дальше идут мои соображения насчет его перехода. По-видимому, около этого времени друзья встретились вновь, и Хрущев стал уговаривать отца перейти на Нор-скую фабрику. Явных преимуществ было достаточно. Во-первых, лучшие климатические условия, во-вторых, непосредственная близость Волги, главной водной артерии страны, в-третьих, близость губернского города — всего 10 верст. Но, конечно, самое главное, что у Хрущева неподалеку от Норского было два имения, где он непременно бывает два раза в год — в жаркий месяц июль и в середине зимы. Сам он в то время уже служил в Черноморском военном флоте, где стал впоследствии главным экипажмейстером флота.* Думаю, что дружба с Николаем Аркадьевичем и была главным поводом перехода отца на службу на Нор-скую фабрику. Отец поступил сначала на должность мастера — по-нашему, начальника цеха.

Надо сказать, что, как правило, владельцы почти не появлялись на своих предприятиях, предпочитая жить в столицах или за границей. Правление Норской фабрики находилось в Москве. В него входили три зятя основателя фабрики Хлудова: Прохоров, Найденов и Востряков.* О фабрике я напишу в отдельной главе. Официальное название звучало как «Товарищество Норской мануфактуры».

Управляющим, то есть директором, был во время поступления нашего отца Александр Гаврилович Голгофский,* старый, обремененный большой и не очень счастливой се-

мьей. Он не мог руководить фабрикой на должном уровне, и годового дохода фабрики хватало только на содержание скотного (в 20 голов) и, может быть, конного двора. Довольно скоро правление заметило способности отца как инженера и его административный талант и назначило его помощником престарелого Голгофского, а затем, когда тот уволился по состоянию здоровья, директором Норской фабрики. Однако его назначению на этот пост предшествовал протест со стороны механика фабрики надменного поляка Станислава Адольфовича Нетыксы.* (Кстати, именно с его дочерьми были в знакомстве и дружбе сестры Шишовой, о которых я напишу во второй части воспоминаний.) Нетыкса в письмах в правление уверял, что только он один способен занять место директора. Члены правления посмеивались и давали читать эти письма отцу, приезжавшему в Москву по делам. Почему правление отвергло притязания Нетыксы, я не знаю. Может быть, потому, что главный пайщик фабрики — Н. К. Прохоров был русофил.* А Нетыкса на каком-то вечере, подсев к маме, во всеуслышанье стал убеждать ее, что вся Украина вместе с Киевом принадлежит по праву Польше, а не России и незаконно отнята у нее. У них в семье так и говорилось: «Поедем на Литву к бабушке в Киев», из чего можно было судить, что и Литву они считали своей частью, на что наша мама крайне негодовала.

Словом, так или иначе отец стал директором Норской мануфактуры, и семья переселилась в хороший директорский особняк, расположенный на территории фабрики, с большим участком земли. Сюда входили большой огород с фруктовыми деревьями, сад, крокетная площадка и различные хозяйственные постройки. Маму очень полюбили на фабрике не только за ее красоту, а и за то, что она всегда заступалась за провинившихся рабочих перед папой, если почему-либо папа был ими недоволен и хотел уволить. Увольнение было очень тяжелым наказанием, так как семья изгнанного лишалась не только крыши над головой, но и отопления, возможности пользоваться баней, прачечной, больницей и вообще всеми благами, которыми пользовались

рабочие на фабрике, не говоря уж о зарплате. Поэтому жены провинившихся рабочих всегда шли к маме просить за своих непутевых мужей. Я очень боялась этих разговоров, проходивших часто с плачем и причитаниями, и всегда убегала в детскую.

Должности инженера и директора оплачивались очень высоко. (А бывали случаи, что главный инженер получал больше директора, как это случилось с В. И. Чердынцевым — о своем свекре расскажу во второй части воспоминаний.) Хорошо помню, что отец получал 12 тысяч в год, то есть столько же, что и ярославский губернатор граф Татищев. И это при бесплатной квартире, отоплении, освещении и прекрасных лошадях.

Кстати, о наших лошадях. Они и в самом деле были «лучше губернаторских», как с гордостью говорил наш кучер Ларион. А объяснялось это тем, что мамин брат Иван Александрович, конечно, постарался выбрать для своей сестры лучших коней.

Когда отмечался 25-летний юбилей службы отца, а фабрика к этому времени давала два миллиона прибыли, жалование папы увеличили до 18 тысяч в год. Кроме того, на юбилей ему подарили пять паев и 25 тысяч одновременно, а также огромного серебряного осетра с хрустальной вазой на спине для черной икры. Жена Н. К. Прохорова (урожденная Ушкова) сказала, что рыба не предвещает ничего хорошего, и подарила отцу крохотного слоника (может быть, из лунного камня), который до сих пор стоит на маркетри* в нашей гостиной. Сама Лидия Петровна дружила с А. Е. Ферсманом,* при содействии которого она, еще живя с отцом, собрала прекрасную коллекцию драгоценных и полудрагоценных камней. Так что наш слоник, возможно, входил в состав этой коллекции.

Что я помню о папином увлечении учением Л. Н. Толстого? Был у нас, как у всех тогда, альбом семейных фотографий. Из них запомнились две: папа — маленьким реалистом и другая, где он в студенческой форме с довольно большой окладистой бородой. Кто-то из старших объяснил мне, что

папа в те годы увлекался учением Л. Толстого и, вероятно, в подражание ему носил бороду. Косвенным подтверждением был разговор старших в гостиной о «Войне и мире», который четко отложился в моей памяти. Папа сказал, что из его памяти совершенно стерлось все, касающееся жизни семьи Ростовых и Болконских, там одни описания, но она дословно сохранила философские рассуждения Толстого. Это увлечение, вероятно, не было глубоким. Став инженером, он всецело посвятил себя работе, усовершенствованию технологических процессов в ткацком деле.

Во время своего директорства отец организовал так называемое потребительское общество,* чтобы избавить рабочих от мелких лавочников, которые стали вести свою торговлю за воротами фабрики. Впрочем, и лабаз (так назывался потребительский магазин) тоже находился вне фабричной территории, сразу же за воротами фабрики. Надо было только перейти так называемую большую дорогу, соединявшую губернский город Ярославль с уездными городами — Романовом-Борисоглебском и Рыбинском. Большая дорога была обсажена в четыре ряда старыми березами еще при Екатерине II или при Аракчееве, как утверждали другие. В лабазе продавалась мука, крупы, второ-сортное мясо, растительное масло и прочее, а также необходимая в хозяйстве утварь. Сначала отец был председателем этого потребительского общества, а потом передал эту должность кому-то другому.

Во время его управления фабрикой был такой эпизод. Однажды отец увидел, как городской избивает рабочего. Папа вступился за избиваемого и, в свою очередь, как следует отколотил городского. Тот пожаловался жандарму или председателю Союза русского народа (организации крайне монархической). В Ярославле жандармский полковник сообщил об избиении городского губернатору, которым был в то время Римский-Корсаков: тот вызвал отца в свою канцелярию, накричал на него и приказал покинуть губернию в течение 24-х часов. Отец отправился на телеграф и дал телеграмму в сто слов (или на сто рублей — я запомнила

лишь цифру «сто») правлению фабрики. Там приняли какие-то экстренные меры, и решение губернатора было отменено. Думаю сейчас, что дали кому следует солидный куш.

Была ли на фабрике революционная подпольная организация, я не знаю. Дома об этом никогда не говорили. Что же касается Союза русского народа,* то председателем его был фабричный фельдшер, человек небольшого роста, но необыкновенной толщины, Федор Тихонович, которого за глаза рабочие звали Федя Пузо, а мы с Марусей звали его «писячок-с» — как он один раз назвал ячмень на глазу у Маруси.

За время управления Норской фабрикой нашим отцом ее рентабельность значительно возросла. Так, в 1916 или 1917 году чистая прибыль от нее равнялась одному миллиону.

Правление фабрики решило предпринять в 1909 году большое строительство новых зданий и перестройку устаревших. На заседание, где правление решало этот вопрос, был, разумеется, приглашен и отец. Он, со своей стороны, выдвинул одно условие: чтобы в архитекторы строительства был приглашен абсолютно честный человек, не способный вступать во всяческие сделки с подрядчиками. Правление нашло это предложение отца разумным и обещало отыскать в Москве такого архитектора, которому можно было бы доверить всю материальную часть строительства. Им оказался Сергей Борисович Залесский. Тогда и началось наше знакомство с ним и с Екатериной Семеновной. Сергей Борисович приезжал на фабрику несколько раз в год. Первым объектом, насколько помню, было строительство огромного сарая для хранения хлопка — фабричного сырья. Это было кирпичное сооружение на довольно высоких столбах для усиления вентиляции и предотвращения самовозгорания, характерного для хлопка. И все же однажды хлопок перегрелся, и начался пожар. К счастью, как мне запомнилось, его довольно скоро удалось ликвидировать.

Одновременно с хлопковым сараем началось строительство новой конторы, примыкавшей слева к главному корпусу фабрики. Это было большое двухэтажное здание.

Кабинет отца с видом на Волгу был не менее 40 квадратных метров, рядом с ним находилось помещение, где за застекленными витринами были выставлены медали (насколько помню — золотые), полученные фабрикой на различных выставках за качество товаров.

В большом зале конторы за стеклянной перегородкой восседал главный бухгалтер фабрики Иван Иулианович Мандровский. Новинкой была пишущая машинка, на которой работала П. Гарманова, красивая девушка с нежно-розовым цветом лица. Конторщики сидели за отдельными столиками, непрерывно щелкая на счетах. Что находилось на первом этаже конторы, я не помню. Возможно, там были кабинеты ведущих инженеров и механика.

Затем строилось большое общежитие для служащих и, наконец, прачечная, значительно облегчавшая стирку. Уже не приходилось таскать на Волгу мокрое белье, чтобы его прополоскать. Особенно тяжело это было зимой, когда белье полоскалось в вырубленной в толстом льду проруби, над которой возводился большой шалаш из жердей, переплетенных еловыми ветками. Тогда это казалось нам из-за морозов просто невозможным (а во время эвакуации мне пришлось самой стирать пеленки маленькой дочери в воде с плавающими льдинками). Помнится (довольно смутно), что был сожжен барак, называвшийся почему-то Ноев ковчег, и на его месте возведены новые казармы. Начальная школа и больница были в хорошем состоянии, и их не перестраивали, так же как и два здания для служащих, где были пятикомнатные квартиры* для инженеров, врачей, бухгалтера и старших конторщиков.

Помню, что С. Б. Залесский, приезжая на фабрику, сначала останавливался в нашей семье. Еще помню, что он очень удивился, когда, придя к обеду в столовую, он увидел, что за столом, кроме родителей и гувернантки, сидят пятеро детей. «А сколько у вас?» — спросила мать. «Всего одна», — ответил Сергей Борисович. Запомнился его рассказ о том, как Любочка, организовав с подругами на даче спектакль, спросила родителей, кто же должен платить деньги — публика или актеры?

Тогда и в голову не могло прийти, что я и Маруся будем жить в квартире Залесских в Гранатном переулке в Москве (об этом я расскажу отдельно). Как сказал И. Бабель: «Случай — это редкий гость, но часто хозяин в нашей жизни».

В 1912 (?) году на фабрике вспыхнула забастовка.* Как и в чем она выражалась, я не знаю. Помню только, что отец ушел, а мать стала молиться на коленях в своей комнате. Очевидно, она молилась за отца, так как негодование рабочих обычно обращалось на директора, который был выразителем воли ненавистных хозяев.

Зазвонил телефон, и кто-то сказал маме, что на фабрику прискакали казаки. Нас всех охватил ужас. Казаки считались тогда представителями грубой реакционной силы, и ничего хорошего от них не ждали. Даже мы, дети, были в ужасе.

Кто их вызвал — тоже не знаю. Тогда уже существовала телефонная связь, и казаков мог вызвать или «писячок-с» или «голубой» жандарм по фамилии Каун.

После Октябрьской революции 1917 года получил широкое распространение ленинский лозунг: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим». Из Ярославля приезжали агитаторы с разъяснением новых законов. Был введен восьмичасовой рабочий день. Но фабрика, которая была национализирована, очень скоро перестала работать из-за отсутствия топлива. В конце 1918 года отец ушел с фабрики и уехал в Москву к старшим детям. А мама с нами двумя переехала к бабушке в Норский посад.

В 1920 году рабочий комитет снова пригласил отца заведовать фабрикой. Во время последнего житья в Москве папа хлопотал через Красина* баржу с нефтью для Норской фабрики. Баржа из Баку отправилась на север, благополучно миновала дельту Волги и по великой русской реке добралась до Астрахани. Здесь на нее погрузилась группа матросов, которые должны были сопровождать баржу до места назначения и в больших городах давать телеграммы в Баку и Норское о следовании баржи. Вначале все шло как будто ничего, папа получил две телеграммы о том, что баржа идет на север, а потом они замолчали. Папа

посылал за-просы в крупные города по пути следования баржи, не знаю, получал ли он ответы, но если и получал, то они были неутешительными. Помню, что мне очень хотелось, чтобы баржа с нефтью достигла Норской фабрики. По вечерам я уходила на волжский берег в густые кусты и на коленях просила Бога, чтобы нефтеналивная баржа дошла благополучно до фабрики и она снова бы заработала, а папа получил бы возможность снова управлять процессом приготовления мануфактуры. Но после Царицына (теперешнего Волгограда) баржа замолчала и больше уже не дала о себе знать. На юге еще продолжалась гражданская война, и ее или захватила какая-нибудь группа, или реквизиrowали большевики, или она потонула при обстреле. Во всяком случае, больше вестей о ней не было. Папа был очень огорчен: еще бы, снова оставаться на фабрике в качестве сторожа и препятствовать ее разграблению, да еще рабочий комитет, который все время вмешивался в папины распоряжения и настаивал на своих довольно глупых предложениях.

Это было трудное время, но однажды папа пришел и принес сразу несколько писем. Одно было от Иосифа Антоновича Короткевича*, который писал папе, что занимается изготовлением нового строительного материала, который называется железобетон, и если его сын (речь шла о брате Владимире), кончающий институт инженеров путей сообщения, хочет получить новую специальность, то пусть он пойдет к нему по такому-то адресу. Я очень долго помнила даже этот адрес. Папа тут же написал Володе о представляющейся возможности, видимо многообещающей. С лесом и бревнами было туго, с кирпичом тоже, а новый материал давал возможность строить промышленные предприятия без леса и кирпича.

А второе письмо было от Юшкевича, он писал папе, что его сын работает главным инженером на Ярославском автомобильном заводе и может навестить нас. Мама стала готовиться к приему сына Юшкевича, так как очень скоро раздался телефонный звонок, и папа сказал нам, что этот сын завтра придет. И действительно, утром около нашего дома остановился автомобиль, что было достаточной редкостью, и оттуда вышли два молодых человека. Один из них был сын Юшкевича,

а другой — директор этого авторемонтного завода Григорий Ильич Темчин.* Они вошли в дом, мама угостила их довольно скромным обедом, какой она могла приготовить в 1918 году, а потом приехавшие совещались в папином кабинете.

Очень вскоре после этого к нам приехали на автомобиле двое военных, очень хорошо одетые, опять прошли в папин кабинет, а потом папа пошел с ними по фабрике показать ее, с ними следовал представитель фабричного комитета. Папа сказал ему, что, может быть, будет возможность снова пустить фабрику и чтобы он для этого собрал наиболее квалифицированных рабочих для обслуживания необходимых первоочередных работ. Комитетчик ушел, а папа продолжал показывать гостям фабрику, устройство ее, электростанцию, которая тогда почти не работала, то есть работала на дровах, которые вот-вот должны были кончиться. А как дальше быть — неизвестно. Вскоре явилась целая группа рабочих, и опять начались разговоры о том, что теперь фабрика принадлежит рабочим, а директор с приехавшими товарищами только должны помочь с топливом. Ну, товарищи, конечно, с этим соглашались, но и они реального топлива не имели. Папа продолжал экономить запас дров, чтобы как можно дольше обеспечивать казармы отоплением и освещением, но этого запаса было недостаточно для настоящей работы.

Правление фабрики находилось в Москве, и хозяин, точнее главный пайщик, Н. К. Прохоров крайне редко появлялся в Норском, предоставив все управление и всю власть директору фабрики, то есть нашему отцу. Так было и на других фабриках. Пошли слухи о том, что организованные рабочие комитеты удаляют директоров самым зверским образом: привязывают к тачке, под улюлюканье вывозят за ворота и выбрасывают, как негодный мусор. Один из директоров — знакомый отца — после такой расправы застрелился. Мама была в ужасе от этих слухов.

Она обратилась в фабричный комитет с просьбой, чтоб ей дали лошадь для поездки в Ярославль к врачу. А отец налегке, с тросточкой пошел, как обычно, по территории фабрики. Дойдя до ее южных границ, он спустился на берег Волги, дошел до Скобыкина, поднялся наверх до большой

*Е. С. Петровых с родителями
на даче в Загорянке. 1936*

дороги. Вскоре его догнала мама на лошадях. К счастью, кучером был наш Ларион. Так они доехали до города. Взяв из экипажа чемодан со своими вещами, отец попрощался с мамой и Ларионом и отправился на вокзал, а мама к дантисту, посещение которого было, конечно, фиктивным.

После этого (в 1921 году) мы переехали на авторемонт-ный завод на окраине города Ярославля, директор которого, как оказалось, в первое свое посещение уже сделал папе предложение. Приехали два грузовика, все вещи были погружены, мы

сели рядом с шофером и поехали, рабочие даже не тронули нас, а могли бы, конечно, задержать и даже арестовать и конфисковать вещи, но они были просто ошарашены папиным отъездом, так как на их плечи свалилась фабрика и все ее сложное хозяйство. Они начали совещаться, проводить митинги, но, конечно, вести дела лучше, чем это делал папа, не могли.

В заключение главы о моем отце приведу его краткую биографию.

6(19).09.1864. У городского головы Устюжны (б. Новгородской губ.) Алексея Семеновича и его жены Марии Степановны Петровых-Лотониных родился сын Сергей (кроме сына в семье было шесть дочерей: Вера, Екатерина, Надежда, Александра, Серафима и Мария).

1875. Поступил в Череповецкое реальное училище.

1882. Окончил реальное училище в городе Череповце.

1884. Поступил в Петербургский технологический институт на химическое отделение. Учился на одном курсе со старшим братом Л. Б. Красина Юлием и жил с ним в одной комнате. Некоторое время увлекался учением Л. Н. Толстого.

1890. Окончил Петербургский технологический институт, получив звание инженера-технолога.

1891. Работа на какой-то фабрике недалеко от столицы.

1892. Поступил на работу на фабрику «Товарищества Норской мануфактуры» близ Ярославля в качестве прядильного мастера.

1896. Женился на Фаине Александровне Смирновой.

1901. Переведен на должность помощника директора Норской фабрики.

1905. Конфликт с жандармом, в результате которого губернатор угрожал выслать С. А. Петровых в течение 24-х часов за пределы Ярославской губернии.

1906. Назначен директором Норской фабрики (вместо А. Г. Голгофского).

1917. Торжественно отмечалось 25-летие работы на фабрике С. А. Петровых, сумевшего в относительно короткий срок, рационализируя технологический процесс, превратить фабрику в высокорентабельное предприятие.

Конец 1918. Из-за отсутствия топлива Норская фабрика была законсервирована. С. А. Петровых перешел на работу в Ярославский губпромхоз.

Начало 1920. Вновь приглашен на фабрику рабочим комитетом на должность директора, но обещанного топлива фабрика так и не получила, и в первой половине 1922 г. Сергей Алексеевич поступил на Ярославский авторемонтный завод в качестве зав. материальной частью.

Осень 1922. Перешел на работу в Серпуховской трест (Москва) на должность инспектора.

Конец 1920-х. Работал инспектором в ВСНХ.

1932–1936. Работал инженером в Наркомлегпроме.

1936. Вышел на пенсию по возрасту.

17.03.1941. Скончался от сосудистого заболевания. Похоронен на Введенском кладбище.

Теперь, описав более или менее подробно наше семейное древо, перейду непосредственно к нашей семье и тем воспоминаниям, коим я была непосредственным свидетелем.

Жизнь семьи

Расписание дня семьи определялось работой отца. Рано утром, в пять часов, он уходил на фабрику и возвращался в 8.30–9 часов к утреннему чаю (слово «завтрак» у нас не было принято). Дети подходили к родителям, девочки делали реверанс, мальчики шаркали ножкой со словами: «Guten Morgen, Papa. Guten Morgen, Mama» (Доброе утро, папа. Доброе утро, мама). Затем все усаживались за стол. Часто подавались горячие изделия из дрожжевого теста: лепешки, сочни, ватрушки, «обливашки» и т. п. Детям давали очень жидкий чай пополам с молоком. После каждой еды полагалось снова подходить к родителям с книксеном,* говоря: «Jch danke» (Спасибо). Затем младшие (Маруся и я) садились за занятия, которые продолжались около полутора часов, после чего отправлялись гулять по нашей территории, где мы могли резвиться без надзора старших — бегать по саду, качаться на качелях, в гамаке, искать грибы, копаться в своем огороде, играть в серсо,* в мяч, катать обруч, кегли и т. п. В 12.30 отец приходил обедать, после чего ложился спать, и в доме воцарялась полная тишина. Все дети сидели по своим комнатам и занимались «тихими играми», а если погода была хорошая, отправлялись гулять под присмотром гувернантки — подальше от дома, чаще всего к высокому берегу Волги. Папа в 2.30 опять уходил на фабрику и возвращался к пяти часам — к вечернему чаю, после которого снова шел на фабрику. В его отсутствие мы могли играть в буйные игры. В восемь часов — ужин из двух блюд (по субботам обязательно пельмени). До

*Сергей Алексеевич и Фаина Александровна Петровых с детьми:
стоят — Николай, Елена, Владимир; сидят — Мария и Екатерина. 1915*

девяти мы еще с полчаса играли, иногда — чаще зимой — пели детские песни под мамин аккомпанемент.

Хотя нас, детей, было пятеро, мы отчетливо распадалась на три группы: у старшей, Лели, был свой отдельный мир с не одобряемой отцом Чарской,* с бархатным темно-синим альбомом, который заполняли нравящиеся ей стихи современных поэтов. А в нижнем углу последней страницы какой-нибудь девицей непременно писалось: «Кто пишет далее меня, тот любит более, чем я». Леля и сама писала стихи, которых ни я, ни Маруся не запомнили, за исключением, может быть, одной-двух строчек. У братьев была своя, мальчишеская, жизнь. На нас они посматривали свысока, как на мелюзгу, и крайне редко принимали в свои игры. Но к Леле относились даже с некоторым почтением как к старшей (в те годы продолжало еще действовать безусловное правило уважения к старшим), хотя разница в возрасте между ними была совсем небольшой.

В течение многих лет мы с Марусей вспоминали иногда этот факт всегда с долей некоторого недоумения, так как Леля не была ни начитанна, ни умна, хотя и не без способностей. Впрочем, было у нее одно качество, которое могло импонировать мальчишкам: она стремилась быть экстравагантной, особенно в гимназические годы.

Лишь позднее, когда Николая давно уже не было, Владимир (он стал крупным инженером-строителем, одной из последних его работ было участие в сооружении Дворца съездов) оценил ум Маруси, приезжал к ней делиться своими трудностями, которыми была полна его жизнь (основная, пожалуй, это безумие — клиническое — его жены, а затем неприятности по работе, связанные с его длительной командировкой в США во время войны. И можно удивляться тому, что он не был посажен, как большинство, побывавших за границей). Но неприятности были не только у него, но и у его сына Николая (тогда студента Менделеевского института).

Зимой старшие дети уезжали учиться в Ярославль: Леля в частную гимназию Корсунской,* братья — в реальное училище.* Мы с Марусей, так же как и летом, много гуляли — катались на санках с горы, ходили на так называемых охотничьих лыжах — широких, дубовых, в загнутых носках которых сквозь просверленные дырки продевали веревки для нашей большей устойчивости, копались в снегу, строили крепости, а в оттепель лепили снежных баб. Но все это было, когда Маруся ушла из-под опеки няни. По субботам за сестрой и братьями посылали лошадей. Их приезд вносил всегда радостное оживление в жизнь семьи.

Таким был в те годы распорядок нашей жизни, изредка нарушаемый достаточно скромно отмечавшимися семейными праздниками (дни именин и рождений) и очень торжественно — Рождеством и Пасхой.

Рождество

За несколько дней до 25 декабря (старого стиля) нам

привозили из заволжских лесов большую елку, почти достававшую до высокого потолка, и дом сразу наполнялся чудесным запахом хвои и снега и ощущением приближающегося праздника. Пока она еще лежала на полу в зале, на ее верхушку водружали огромную «серебряную» звезду с двумя головками крылатых ангелочков. Потом ставили и прочно укрепляли на деревянном кресте. Мама извлекала из шкафа, стоявшего в гардеробной, огромное количество картонок с игрушками от предыдущих елок, каждый год прикупая также новые. Рассматривать и те и другие доставляло нам огромное удовольствие.

К елке начинали готовиться задолго. Мать ездила в Ярославль специально для праздничных покупок. Привозила жесткий разноцветный тюль, из которого шились большие «чулки», наполнявшиеся пряниками, конфетами, золочеными грецкими орехами, в каждый вкладывался еще и небольшой подарок. В квадратики из папиросной бумаги разных цветов насыпали конфетти, завязывали кулечки толстыми нитками «ирис» и нагружали ими огромные подносы. Украшали елку мы, дети, вешая игрушки, шары, хлопушки, бусы, золотую и серебряную «канитель» и дождь. Мама с гувернанткой осторожно укрепляли свечки и бенгальские огни, чтобы они не могли поджечь ближайшие ветки и игрушки. Покупалось много серпантина, которым мы на празднике с удовольствием опутывали друг друга.

В первый день Рождества с утра двери парадного крыльца почти не закрывались. Прислуга едва успевала раздевать и одевать проходящих. Сначала один за другим являлись священники с причтом от всех четырех церквей Норского посада, и каждый служил торжественный молебен. Мы, сестры, разодетые в лучшие белые платья, с бантами в распущенных волосах и приодетые мальчишки должны были выстаивать их чинно, не шелохнувшись. Затем священник с причтом приглашались в столовую, и они, быстро закусив, удалялись, освобождая место для следующих. Так происходило четыре раза. После небольшого отдыха начинались визиты служащих фабрики. Первым приходил папин помощник и мой

крестный отец,* затем другие инженеры, врачи, главный бухгалтер — все в визитках и крахмальных воротничках (обычно без жен). Они долго не задерживались, но каждый приглашался к праздничному столу с двумя обязательными окороками, икрой, осетриной и прочим, с небольшим количеством вина.

Затем раздавались хлопушки. Дети с треском разрывали их, извлекая всевозможные костюмы из папиросной бумаги, в которые тут же наряжались. После этого приносилось два огромных подноса с кулками, и начиналось веселое обсыпание друг друга конфетти, опутывание серпантинном и веселые пляски под звуки рояля или граммофона (никаких дедов-морозов и снегурочек ни у нас, ни у наших знакомых не бывало). Раздавались подарки, детей угощали чаем со всякими сладостями, и довольные и раскрасневшиеся детишки расходились по домам. После этого начинался вечер молодежи. Кавалеров, как правило, не хватало, и приходилось танцевать «шерочке с машерочкой». Все четыре дня до кануна Нового года (31 декабря) мы ежедневно бывали в гостях на елках, которые устраивали сослуживцы отца для своих детей. Сколько было радости, смеха, игр, особенно в семье электро-техника, где было много ребят нашего возраста.

Вечером 31 декабря родители уходили в клуб для старших служащих фабрики встречать Новый год. А бабушка, неодобрительно покачивая головой, шла в церковь на ночное богослужение, где, надо думать, молилась о даровании всеяческого благополучия в наступающем году. Нам, младшим, мама давала изюм, чернослив и другие сушеные фрукты, а горничной наказывала принести из погреба бутылку домашнего кваса, которым мы с Марусей и горничной и встречали Новый год в 10 часов вечера, после чего укладывались спать.

Крещение

Следующим церковным праздником было Крещение, доставлявшее Марусе и мне огромное эстетическое удо-

вольствие. После обедни из храма выходил крестный ход и направлялся с горы на Волгу. Сзади пара лошадей везла сани с двумя большими серебряными чанами. Достаточно далеко от берега на замерзшей реке высилось то, что казалось нам в детстве «чудом красоты»: сооруженный из тонких прозрачных ледяных столбов шатер с крестом наверху, украшенный вырезанными из обоев цветочками. Если день был солнечный, то шатер искрился и переливался, как беседка в саду Снежной королевы. Таким он нам, по крайней мере, казался. Разумеется, об этом мы молчали, так как чувствовали неблагочестивость нашего сравнения. В центре шатра была вырублена квадратная прорубь, из которой наполнялись серебряные чаны, и над ними служился торжественный молебен, то есть происходило водосвятие. Изредка какой-нибудь смельчак, обвязавшись веревкой (чтобы течение не утащило под лед), окунался в прорубь. Это всегда обсуждалось. Воду в чанах отвозили в церковь, там она стояла целый год и не портилась, что являлось доказательством ее «святости». О том, что серебро обладает бактерицидными свойствами, мы тогда, конечно, не знали.

Но, разумеется, гораздо веселее был не сам праздник, а его канун — «крещенский вечерок», когда мы обязательно устраивали гаданья. К нашему времени они уже утратили свой сверхъестественный мистический смысл, и были для нас просто забавой.

Заранее на длинных полосках бумаги писались разные новогодние пожелания и предсказания, часто шуточные и юмористические. В комнату вносили большой таз с водой. Полоски с предсказаниями перегибались и прикреплялись по краю таза так, чтобы они нависали над водой. В скорлупку грецкого ореха вставлялась маленькая елочная свечка, ее зажигали, и «кораблик» пускали в воду по кругу, предварительно загадав на кого-нибудь из присутствующих, иногда и на отсутствующего. В конце концов свечка поджигала конец одной из свисающих бумажек, ее схватывали, тушили и читали вслух написанное. Иногда оно было удачно, то есть попадало не в бровь, а в глаз, вызывая отчаянный хохот гадающих.

Потом скорлупка пускалась вновь на другого участника, и свеча снова поджигала очередную бумажку, и так, пока не исчерпывался запас полосок.

Следующим гаданием было литье воска или олова. Кусок (небольшой) того или другого клали на серебряную ложку и держали над огнем. Растопившаяся жидкость быстро выливалась в заранее принесенную миску со снегом или холодной водой и в ней сразу застывала. Тогда ее с большой осторожностью вынимали. Причудливо застывший кусок олова или воска поворачивали во все стороны и смотрели на тень, которую он отбрасывает на стене. Почти каждый раз можно было увидеть нечто забавное, иногда даже художественное или действительно предсказующее. Так, 18 января 1948 года мне вылилась отчетливая фигурка женщины с двумя детьми; а через месяц у меня родился второй ребенок — сын Виктор.

Масленица

Следующим, уже старославянским, языческим, праздником (хоть и утвержденным церковью как канун Великого поста) была Масленица. По народному поверью нужно было есть как можно больше всякой еды, в частности блинов, чтобы тем обеспечить изобилие в наступающем году, который в старое время начинался с марта. Позднее Новый год переносился на другие месяцы, но обильное чревоугодие, хождение по гостям на Масленной неделе не прекращались, и языческий обряд продолжает свое существование вплоть до наших дней.

На Масленной каждое утро к столу у нас подавались вкуснейшие горячие блины, обязательно из гречневой муки. Блины с черной и красной икрой, семгой и пр., но ни о каком чрезмерном объедении не было речи. Мы с Марусей, помню, съедали по 5–6 блинов.

Очень распространен был на Масленной неделе обычай катанья на санках с гор и на лошадях. Это веселье прекрасно изобразил на своих полотнах Кустодиев.*

В четверг или пятницу на Масленой к нашему крыльцу подавалась пара серых, в яблоках коней, обязательно с бубенцами на хомутах и колокольчиком под дугой, с неизменным кучером Ларионом на облучке. Мы рассаживались в просторные сани, и кони мчались во всю прыть по набережной Волги к Норскому посаду. Там по двум главным улицам одна за другой медленно трусили лошади, запряженные в ковровые сани. Иногда движение замедлялось или даже останавливалось из-за большого скопления упряжек. Искрящийся голубоватый снег, скрип полозьев, смех, веселые шутки, которыми обменивались катающиеся, — все это создавало приподнятое, праздничное настроение. Во время одной из таких остановок масленичного поезда стоявшая сзади наших саней лошадь откусила, видимо из любопытства, большое страусовое перо с маминой шляпы. Нас это ужасно насмешило, но мы подавляли свое веселье, чтобы не заслужить замечания.

Междудвигающимися санями шмыгали мальчишки, выпрашивая деньги на керосин, чтобы жечь Масленицу. А когда им отказывали, они кричали страшными, как нам казалось, голосами: «Уморра! Уморра!» Мы с Марусей боялись этих криков — в них чудилось что-то зловещее или даже колдовское. Ребята ходили также по дворам, собирая, выпрашивая для костров солому, старые доски, ящики и прочий деревянный хлам.

Вечером мы всей семьей выходили на берег реки и смотрели, как по всем заволжским деревням и селам горят высокие костры, — это деревенская молодежь и детвора жгли чучела Масленицы, отдавая дань языческому обряду. Были и масленичные песни. Помню только несколько строк: «Уж ты Масленица, ты обманщица! Ты сказала семь деньков — теперь пятница...»

Великий пост и Пасха

Сразу же после Масленицы наступал Великий пост, который мы, дети, соблюдали только последнюю, седьмую,

неделю. Маруся же отстояла свое желание поститься все семь недель. И даже мама, несмотря на все усилия, не могла переубедить ее (а она была не только самой младшей, но и самой хрупкой из нас).

На четвертой неделе поста — в среду или четверг — наша кухарка Маша пекла из теста «жаворонков». В середину одного из них закладывался тщательно вымытый мамой серебряный гривенник, который предрекал нашедшему удачу. Брат Володя, самый способный из нас на выдумки, изобрел безошибочное угадывание «жаворонка» с гривенником, прокалывая нижнюю сторону иголкой. Ну и стыдили же мы его за это!

С середины последней недели поста начиналась подготовка к празднику Пасхи. В среду, насколько помню, в ржаном тесте запекался в русской печи огромный окорок ветчины, распространявший по всему дому невероятно вкусный запах. Он был особенно соблазнительным еще и потому, что на страстной неделе вся семья, кроме отца, не ела ничего мясного. В четверг же начинали красить яйца (не меньше сотни). В этом занятии принимали участие и мы, дети. Мама разводила в стаканах специальные краски (красную, синюю, желтую), в которые опускались только что сваренные, еще горячие яйца; небольшую часть окрашивали в луковых перьях. Самые замечательные получались, когда мама опускала в кипяток ворох разноцветных шелковых лоскутков, а потом туда же помещались яйца. Каждое вынутое затем мы встречали криками восторга — такой разнообразной, неожиданной и даже фантастической получалась их окраска. Сколько радости Марусе и мне доставляло это занятие! Покончив с ним, все, опять кроме отца, обязательно ехали в церковь на «Двенадцать Евангелий».

В пятницу делались разнообразные пасхи из творога. Но самым сложным, почти священнодействием, было изготовление куличей, тесто которых, особенно пышное и нежное и потому «капризное», не выносило ни малейшего сотрясения. И нам строго запрещалось хлопать дверями, особенно дверь в кухню, которая как на грех была на тугой пружине. Не

помню случая, чтобы куличи не удавались, но какую радость и облегчение испытывали мама и наша милая кухарка Маша, когда их с предельной осторожностью вынимали из форм и укладывали на решета или даже на подушки. Высокую ромовую бабу мама заказывала в Ярославле.

Вечером в субботу нас укладывали в постель чуть ли не в шесть часов, чтобы мы могли хоть сколько-нибудь выспаться до начала заутрени. Будили в одиннадцать. Как не хотелось вставать! Но мысль о предстоящем заставляла стряхивать сонливость, и мы, торопясь, одевались в заранее приготовленные нарядные белые платья. При выходе на крыльцо из светлого помещения сразу охватывала полная темнота и пронизывающий холод. Потом постепенно начинают вырисовываться контуры светло-серых лошадей, которые заявляют о себе еще и фырканием, и позвякиванием бубенцов. Ларион в праздничной бархатной поддевке. Мы усаживаемся. Мама говорит традиционно: «С Богом!», — кони трогают и сразу переходят на крупную рысь. Скоро выезжаем на высокий берег реки. Ее почти не видно, но она ощущается и в особой свежести, и в запахе воды, а при ледоходе — треском и шуршанием льдин. Вот и церковь, сверху донизу украшенная разноцветными фонариками. Торжественное богослужение — заутреня, приподнято-радостный звон колоколов во всех четырех церквях Норского посада. Отправляемся к бабушке разговляться, но есть ничего не хочется, а только спать, спать, спать.

В первый день Пасхи, как и в Рождество, приходили один за другим четыре норских священника с причтом и певчими. И опять надо было чинно выстаивать молебны, за которыми на этот раз следовали еще выступления хора певчих с какими-то долго длившимися песнопениями, называвшимися концертами. Их было особенно трудно выслушивать, стоя неподвижно, к тому же братья часто пытались нас чем-нибудь незаметно рассмешить, за что бы всем нам, если бы мама заметила, сильно досталось. После концерта певчих одаривали деньгами и приглашали в дальнейшее помещение, где угощали а-ля фуршет пасхальными блюдами.

Когда заканчивалась религиозная часть праздника, два больших стола, стоявших в стороне зала, сдвигались в один длинный-длинный, буквально ломившийся от обилия всевозможных яств. Тут и высокая ромовая баба, и куличи, и творожные пасхи разных сортов, все украшенные пышными шелковыми цветами обычно красного цвета. Два обязательных окорока — ветчинный и телячий, на их «ножки» надевались «манжеты» из розовых круто завитых бумажных полосок. Наш садовник Николай Андрианович выращивал к этому дню на двух больших овальных блюдах густую зелень овса, среди которого раскладывались разноцветные яйца. И всегда-всегда — благоухающие гиацинты. Маруся, так же как и я, на всю жизнь полюбила их изумительный запах, так неразрывно связанный для нас обеих с детством. И опять визиты сослуживцев отца (все обычно были одеты в парадные визитки с белоснежными крахмальными воротниками и манжетами), и опять чинные реверансы; и мы стремительно убегаем в свои комнаты и там катаем яйца, но не настоящие, а деревянные, в специальных лоточках. Катать настоящие нам почему-то не разрешалось, и я с завистью смотрела, как посадские мальчишки в красных и голубых рубашонках с азартом катали с зеленых пригорков настоящие крашеные яйца. Выигравший собирал их в фуражку или в подол рубашки и с гордостью нес домой матери. Конечно, на другой день он мог их и проиграть, но вряд ли мать отдавала ему назад весь выигрыш. Для нас Пасха совсем не была такой веселой, как Рождество: не было ни детских праздников, ни подарков. Мама обычно покупала нам шоколадные яйца, внутри которых находилась какая-нибудь безделушка, завернутая в папиросную бумагу. В этот день у мамы было еще много посетителей: жительницы Норского посада, работницы фабрики и крестьянки из соседних деревень приходили к ней похристосоваться. Мама выходила к ним для выполнения этого обряда: рядом с нею — в просторной прачечной — ставилась большая корзина с разноцветными яйцами, которыми она обменивалась с поздравлявшими.

Поездки в гости и другие развлечения

В конце мая, когда просыхали дороги, была обязательная поездка в Харитоново* за ландышами. Кучер Ларион подавал к крыльцу линейку — длинный экипаж, в котором размещалось не менее восьми человек спинами друг к другу. Весело было сидеть и болтать ногами, которые не доставали до подножки, и смотреть на пробегающую мимо природу. Самого имени, которое находилось в 12 верстах по большой дороге к Романову, я не помню, но в его темном лесу расцветало невероятно большое количество ландышей. Пока мы собирали цветы, Ларион стоял около лошадей, обмахивая их большими ветками и отгоняя настойчиво вившихся вокруг слепней и оводов.

С огромными букетами, усталые, но страшно довольные мы возвращались домой. Во все вазы, вазочки и даже в широкие стеклянные банки из-под сельди ставились цветы, и комната наполнялась чудесным запахом. Мама строго следила, чтобы увядшие ландыши не попали домашней птице, для которых они были смертельной отравой.

Во второй половине лета на той же линейке отправлялись подальше в лес за грибами. Впрочем, это был скорее предлог для прогулки на лошадях, так как грибы росли не только в лесу рядом с Норским, но даже на самой территории фабрики и в нашем саду. Отборные мелкие белые грибы и рыжики, которые шли на маринование и на засолку, маме приносили женщины и девочки из ближайших деревень.

В жаркие летние дни ходили купаться на Волгу в специально построенных купальнях, с деревянным полом на уровне человеческого роста. Со страхом смотрели, как братья выплывали из купальни и «саженками» устремлялись на противоположный берег реки, где был прекрасный песчаный пляж. В начале лета они часто сильно обгорали, и кожа сходила с их спин целыми кусками. Вообще переплыть Волгу считалось рискованным молодечеством: на реке часто тонули из-за глубоких ям и водоворотов.

По два раза в год (зимой и летом) обязательно ездили в гости к Горяиновым* и Хрущевым. В Михайловском у Го-

ряиновых стоял большой кирпичный, недостроенный дом, страшно зияя, как нам с Марусей казалось, своими пустыми темными окнами-глазницами. Сами хозяева — бездетная пара — жили в небольшом одноэтажном доме. Варвара Геннадьевна окончила Смольный институт с шифром,* о чем говорили с уважением. Юрий Васильевич, уездный предводитель дворянства, пытаясь, видимо, увеличить доходность имения, устроил у себя маслобойный завод. Дома мы с интересом смотрели на куски сливочного масла, подававшегося за столом, на которых было вытиснено имя нашего знакомого.

У Горяиновых чувствовались остатки помещичьего быта. Во дворе в удалении от дома была вырыта глубокая яма, в которой жили пойманные хозяином на охоте лисицы (не медведи! — как бывало ранее). Они прыгали, потягивая, пытаясь вырваться на свободу, но стены ямы были чересчур высоки и отвесны. Запах кругом стоял ужасающий. Мы с Марусей скорее убегали от этого усадебного аттракциона.

Однажды после обеда у Горяиновых со мной произошел казус (который я долго не могла вспоминать без стыда, заливающего все мое существо). Встав из-за стола, я подошла к хозяйке и, поблагодарив, присела перед нею. Варвара Геннадьевна наклонилась и поцеловала меня. Затем я подошла к Юрию Васильевичу, тоже поблагодарила, сделав книксен, и подняла свое лицо, ожидая поцелуя. Он сначала не понял, чего я жду, а потом, улыбнувшись, сказал: «Нет, Катенька, я не могу тебя поцеловать: у меня насморк». Его слова повергли меня в ужасное смущение. И долго-долго потом я не могла думать об этом случае (обычно вечером, уже лежа в постели) без жгучего стыда.

У Горяиновых, как и у нас, был граммофон, что тогда было новинкой. И я помню, как Юрий Васильевич и папа спорили о преимуществе граммофонных труб — у них была серебряная, а у нас из какого-то дерева ценной породы. Бывали разговоры о законе, отменившем крепостное право. Сущность спора я не помню, но, кажется, реформа критиковалась. Сейчас нельзя не удивляться, что спустя полвека это событие могло еще быть темой для разговора. На Дворянской улице в Ярославле был сиротский дом, созданный на

средства Горяинова-отца.* Сам он, как говорили, жил постоянно в Париже, где прокучивал свое состояние. После революции Горяиновы переехали в Москву. Юрий Васильевич устроился на работу в театр Вахтангова на должность, кажется, зав. реквизитом или что-то в этом роде.

Другая семья, которую мы также всегда навещали, были Хрущевы. Николай Аркадьевич был другом папы еще со времен реального училища. В Ярославской губернии у него было два имения: одно чуть дальше Горяинского, а другое где-то далеко за Волгой, где они проводили Рождество и куда мы ездили зимой по такой непроезжей дороге, что приходилось запрягать лошадей гуськом, что было особенно интересно.

Николай Аркадьевич был крестным отцом брата Володи, а сын его — тоже Владимир — крестником нашего папы. Недолгое время Володя Хрущев учился в Ярославском кадетском корпусе и на воскресенья приезжал к нам. Братья втихомолку дразнили меня его невестой, потому что с их точки зрения он чересчур вежливо и предупредительно обращался со мною. Я с деланным негодованием говорила, что все это глупости, а сама втайне и со смущением чувствовала, что это так и что это приятно мне. Володя всегда вез в гору мои санки, не давая мне самой делать это (не то что братья, которые еще и свои санки заставляли везти меня), играл со мною в шашки (думаю, что поддавался мне). Но года через два Николай Аркадьевич перевел Володю в морское училище в Петербурге, и мы только изредка встречались с ним в их другом имении на большой дороге. Погиб он от случайной пули во время сражения с немецким кораблем около берегов Турции в 1916 году. Во время первой мировой войны печатались списки погибших офицеров, Володя, конечно, не был еще офицером, но, может быть, мичманом или гардемаринном. Это было первым моим горем, которое я тщательно скрывала от всех. Но, оказывается, судьба была милостива к нему, потому что почти все члены его семьи погибли ужасным образом. Но об этом я напишу отдельно.

Расскажу эпизод, относящийся к 1913 году. В этом году династия Романовых отмечала 300-летний юбилей своего дома.

Он должен был пройти очень торжественно. Вся царская семья предприняла путешествие по памятным местам, начали свое путешествие на великолепном волжском пароходе от города Углича до Костромы. Два исторических города: Углич, где был убит царевич Дмитрий, и Кострома — вотчина рода Романовых. Роскошный царский пароход шел по Волге, на палубе был блиставший трубами оркестр, который все время играл бодрые марши. Я очень хорошо помню, как мы с няньками и гувернантками стояли на берегу и смотрели, как этот пароход проходит мимо Норской фабрики, направляясь в Ярославль, где у него была остановка. Правление фабрики, губернатор граф Татищев, благоволивший отцу, не то что его предшественник, конечно, участвовали в торжественной встрече в Ярославле царя и двора. А с Марусей произошел в это же время такой эпизод. Она увидела из окна детской подъехавший экипаж, в котором сидел военный в черном мундире, расшитом золотым галуном, с золотыми эполетами, пуговицами и позолоченной короткой шпагой (кортиком). Таких знакомых у нас не было.

«Папа, мама! Царь! К нам царь приехал!» — вне себя от волнения закричала Маруся и бросилась из комнаты предупредить родителей о таком необычном визите. На самом деле это был друг отца Николай Аркадьевич Хрущев. В такой парадной морской форме мы, дети, никогда его не видели; у себя дома он одевался чрезвычайно просто, часто носил косоворотку. Он приехал проездом в Ярославль, где должен был представляться царю как один из крупнейших помещиков Ярославской губернии. У него экипаж был, а лошадь была скверная, так что он заехал к нам, чтобы взять на время наших лошадей, которые были, как говорили, «лучше губернаторских». Ему, конечно, их дали, и он поехал представляться императору. Как нам рассказывали, представление Хрущева императору происходило следующим образом: Николай II с одобрением посмотрел на своего подданного, великолепный экипаж которого стоял недалеко. Сказал ему пару-другую ласковых слов, конечно, спросил о месте службы, и Николай Аркадьевич отрапортовал, что является экипажмейстером Черноморского флота. Это было одобрено, и на этом ау-

диенция закончилась. Царь, конечно, уставал от всех этих церемоний, он ведь не был крепкого телосложения, да и все повторялось день ото дня однообразно, и, наверно, все это страшно ему надоело: ему дарили какие-то подарки, на это надо было что-то отвечать. Одна женщина даже подарила ему корову ярославской породы. Был построен целый павильон в псевдорусском стиле, а в киосках были выставлены все продукты, производимые в Ярославской губернии, вся продукция ее, как сельскохозяйственная, так и фабричная, как тогда говорили, мануфактурная. Я помню, что и Норская фабрика демонстрировала там свою продукцию. Вместе с императором присутствовали четыре великие княжны и императрица, которые тоже уставали от повторяющихся аудиенций и представлений. Молодой цесаревич тоже присутствовал на руках у дядьки.

Осенью знакомый охотник всегда приносил папе глухаря. Мы с интересом и жалостью смотрели на эту редкую для нас огромную птицу с темным, отливающим синевой оперением и широкими красными кругами вокруг глаз.

Акционерное общество «Самолет» было связано контрактом с Норской фабрикой, и отцу каждое лето присылался билет на каюту от Рыбинска или Твери до Астрахани. Иногда — не каждое лето — мама брала нас, младших, с собой в это путешествие, правда, мы никогда не доезжали до конца, а только до Саратова, Самары или Симбирска. Поэтому мы так хорошо знали и любили Волгу. Обычно за время нашего отсутствия в нашей квартире (не во всех комнатах) делался ремонт — менялись обои. За этим присматривали дворовый приказчик и бабушка. Где находились в это время отец и старшие дети, я не знаю. Может быть, в доме для приезжающих на фабрику.

Изредка мы ездили на родину отца в Устюжну и в Кондаши, где летом жил дядюшка с моей крестной матерью. Эти путешествия совершались обычно по большой воде, когда было возможно судоходство по Шексне и Мологе. Ездили всей семьей, кроме отца, который свой месячный отпуск проводил обычно в Кисловодске и с нами не ездил, но когда

мы собирались туда, то он обязательно нам наказывал, чтобы мы обратили внимание на разницу цвета воды Шексны и Мологи. У первой она была очень темной, с зеленью, а у второй — светлой, с чуть желтоватым оттенком. Это хорошо было видно, когда они впадали в Волгу и первое время текли, не смешиваясь с ее серовато-голубоватой водой. От Норской фабрики и до Рыбинска мы шли на больших комфортабельных пароходах «Самолета» с низкими бархатистыми гудками, все они носили имена русских князей. В Рыбинске всегда происходила пересадка на небольшие пароходы с мелкой осадкой. Во все время плаванья матрос, стоящий у носа, длинным шестом вымерял глубину воды, чтобы не наскочить на мель, выкрикивая на мостик: «три с половиной», «два с половиной», «под табак» — что означало, что шест не достает дна и можно идти спокойно. Нас эти выкрики забавляли. Но иногда из-за извилистого характера этих рек, текших по равнинной местности и из-за того непрерывно петлявших, пароход все же натывался на мель. Тогда капитан давал команду «полный вперед» или «полный назад» в зависимости оттого, в какой части мели оказалось судно, и пароход, стуча изо всех сил своими машинными двигателями, снимался с мели.

Были у нас во время путешествия по Мологе любимые приметные места, например пристань Иловня, где стоял дом графа Мусина-Пушкина, нашедшего и опубликовавшего «Слово о полку Игореве». Помещичий дом его, стоявший на искусственной насыпи, выглядел трехэтажным дворцом, который в этот день фактически был виден с утра до вечера, так как наш пароход, следуя причудливым изгибам реки, поворачивался к нему то одной стороной, то другой, то носом, а иногда и кормой. Эти петляния реки очень нас забавляли, и день проходил незаметно.

Волга

Сколько разнообразных впечатлений доставляла нам могучая красавица Волга! От ледохода до ледостава мы едва

ли не каждый день ходили на ее высокий берег, поросший деревьями и кустарником.

Около 20 апреля река вскрывалась. «Лед пошел, лед пошел», — громко говорили все кругом и спешили к набережной. Огромные льдины, сшибаясь и теснясь, подминая одна другую, с шипеньем и треском стремились вниз по течению. Вода прибывала день ото дня, а левый низкий берег заливало водой с редкими льдинами почти до горизонта. К нашему высокому берегу вода тоже поднималась, но не помню случая, чтобы она достигала кромки набережной. Лед шел около нашего берега, где было сильное течение, и оно частично размывало крутые склоны, увлекая иногда деревья. Жалели мы их просто ужасно.

Смотрели с интересом, как льдины несли то остаток зимней дороги через реку, то мостки, то какие-то деревянные строения. Один раз с ужасом видели, как на льдине мечется рыжая собачонка и визжит, взывая о помощи.

Сразу после окончания ледохода начиналась навигация. Устанавливали нашу фабричную пристань, серо-голубую, легкую, с башенкой наверху. И вот уже слышится первый низкий бархатный гудок наших любимых розовых пароходов общества «Самолет» с черной трубой, опоясанной широкой

Ледоход на Волге. Фотография Г. И. Курочкина

красной полосой. И названия их казались нам особенно красивыми, например: «Князь Михаил Тверской», или «Юрий Долгорукий», или «Мстислав Удалой». При подходе к пристани пароход давал протяжный гудок, два матроса бросали чалки, которые пристанщик и его помощник ловко подхватывали и закручивали вокруг толстых деревянных тумб. Продолжительность остановки парохода, шедшего снизу, зависела от того, привез ли он хлопок. Это были огромные параллелепипеды, называвшиеся кипами, обернутые коричневой грубой материей, стянутые проволокой. Вес каждой кипы равнялся десяти пудам. (Пуд — 16 килограммов.) Разгружала хлопок специальная артель. Страшно было смотреть на их посиневшие от напряжения лица, на налитые кровью глаза, когда, согнувшись, они выносили на спине с парохода на пристань кипы. Одеты были в сплошные дыры со свисающими кусками рванья.

Обычно «Самолет» приходил в Норское к четырем часам дня. Для нас было большим развлечением поспеть к

моменту причаливания, слышать, как щеголеватый капитан отдает команды машинисту и матросам. На пристани в это время присутствовал жандарм по фамилии Каун, статный, высокий блондин с длинными завитыми усами, в красивой голубой форме с аксельбантами. Мы его сторонились, так как смутно слышали, что к отцу жандармы относятся плохо.

Во времена нашего детства движение по реке было очень оживленным: шли пассажирские пароходы, которые мы наперебой старались отличить по гудку, пыхтели небольшие буксиры, волоча огромные баржи. Иногда по самому берегу шли бурлаки, тянувшие небольшие барки, нескончаемым потоком плыли плоты. Изредка посередине реки, нигде не приставая, шел пароход с желтым флагом, который означал, что на нем имеются холерные больные. И сердца наши наполнялись ужасом. Ходили по реке два парохода — «Миссисипи» и «Миссури» с двумя высокими тонкими трубами и огромным широким колесом за кормой, которое, крутясь, вспенивало воду. Видимо, они были куплены в США, но выглядели уже тогда совершенно допотопными.

Изредка удавалось увидеть буксиры («Сирота», «Брат», а название третьего я забыла), принадлежавшие дядюшке нашего отца, владельцу крупного завода, которым мы всегда радовались, как будто встречали самого дядюшку. Он часто уговаривал папу бросить службу на фабрике и вступить компаньоном к нему на завод, но отец благоразумно уклонялся от этого предложения. Оказалось — благоразумно, потому что после Октября детям владельцев фабрик и заводов нельзя было не только поступить в вуз, но даже устроиться на плохонькую работу представляло большие трудности. Часто они становились «лишенцами», что означало голодное существование. Бывало и еще хуже.

Довольно часто буксиры тянули огромные нефтеналивные баржи, на которых огромными буквами было написано «НОБЕЛЬ». Это был крупнейший в те годы предприниматель родом из Швеции, имевший концессии на добычу бакинской нефти и заработавший на этом многие миллионы, а главное

— купивший патент на изготовление динамита у двух русских инженеров* (которые у себя на родине не могли реализовать свое изобретение), на чем нажил огромное состояние, стал несметно богат и завещал основать «Нобелевский комитет», который на проценты с этого капитала ежегодно выдает Нобелевские премии за наиболее выдающиеся и важнейшие исследования в области точных наук и за лучшие произведения изящной словесности, а теперь еще и социальные. Комитет этот всегда возглавляет шведский король.

Самой большой достопримечательностью в нашем детском восприятии был лежавший на берегу Волги, на границе Норского посада и фабрики, огромный камень (наверное, гранит) пирамидальной формы темно-сизого цвета. Возможно, что в доисторические времена он был предметом культа для наших далеких предков. В летнее время мы с Марусей, обязательно под присмотром взрослых, совершали к нему прогулку, тщетно пытаясь залезть на вершину. А рядом сверкала и переливалась Волга; проходившие пароходы поднимали волны, которые, шурша по гальке, подкатывались к подножию камня.

Другим «аттракционом», привлекавшим наше внимание, была так называемая «самотаска», казавшаяся нам чудом техники. Тогда, в наши детские годы, по реке непрерывным потоком шли караваны плотов с верховьев Волги, Шексны и Мологи. Какая-то часть останавливалась иногда у Норской фабрики. Назначение самотаски, состоявшей из рамы на колесах и каната, было доставлять бревна к стоявшему в отдалении лесопильному цеху, снабжавшему паровые двигатели фабрики топливом. Под уклон к реке самотаска стремительно неслась по рельсам и с шипеньем погружалась в воду. Поджидавшие плотовщики быстро накатывали на нее бревна раскрепленного плота, и самотаска медленно, как бы нехотя, с трудом тащилась вверх, роняя блестящие на солнце капли воды. Эта самотаска казалась нам с Марусей чудом техники. Минут через 10–15 все повторялось снова, а мы могли без конца любоваться этим зрелищем.

На склоне полузасыпанного оврага, по которому были проложены рельсы самотаски, росла огромная черемуха, а

рядом низенькие кустики голубых фиалок с нежным тонким запахом, которые мы дарили маме. Но это я перешла уже к описанию самих окрестностей Норского и фабрики, которые, правда, с Волгой связаны нерасторжимо.

Норское и Норская фабрика

На крутом берегу Волги в 12 километрах выше по течению от Ярославля раскинулся Норский посад, похожий на маленький провинциальный городок. Название свое он получил от реки Норы, впадающей в его пределах в Волгу. В XVI веке назывался Ловецкой рыбной слободой, а в XVII — Царской Норской слободой, поставлявшей стерлядей и осетров к столу Алексея Михайловича. Административно Норское разделялось на две неравные части. Три четверти его территории занимал Норский посад (как сегодня бы сказали, поселок городского типа), жители его были приписаны к мещанскому сословию, то есть никогда не были крепостными, чем страшно гордились. В посаде было три церкви.*

Вторая часть Норского с церковью Михаила Архангела была селом,* а жители его крестьянами и сравнительно недавно состояли в крепостной зависимости от помещика, чье имение находилось сзади посада, вверх по течению Норы. В мое время от имения уцелел чудесный липовый сад. Кроны его высоких деревьев в летние месяцы сплетались так, что внизу всегда было полутемно и прохладно. И часто вспоминался Пушкин: «И сумрак липовых аллей...».* От помещичьего дома остался только полуразрушенный фундамент, а на склонах к речке был, очевидно, ягодный сад: там росли одичавшие малина, крыжовник и смородина. Рядом с липовым садом находилась хорошо утрямбованная площадка, где летом устраивались танцы под звуки жиденькой гармоник. Жители Норского посада свысока относились к крестьянам, называя их полупрезрительно — «селева». Пишу это для того, чтобы показать, как четко ощущалось в дореволюционное время классовое разделение населения.

Троицкая (Никольская) церковь. Фотография Г. И. Курочкина

На самом высоком холме при впадении Норы в Волгу (он, кстати, был ближайшим к фабрике) стоит Троицкая (Никольская) церковь. В последней четверти XIX в. в ней крестили, то есть приобщали к христианской православной религии, Ольгу Иосифовну, Александру Иосифовну и Веру Иосифовну Шишовых. А в семилетнем возрасте они ходили туда же на первую исповедь: каяться в своих детских прегрешениях. Насколько помню, в этой же церкви венчалась Александра Иосифовна с Федором Никаноровичем Румянцевым. Да и все дети семейства Петровых (в том числе и я) были крещены в этой церкви.*

На этом же холме, как я неоднократно слышала в детстве, в доисторические времена находилось поселение какого-то племени. Это предание имеет вполне реальное объяснение. Во время высокого половодья большие льдины и мощные волны размывали холм на достаточно высоком уровне, образуя иногда неглубокие впадины. Когда вода спадала, в этих впадинах жители Норского обнаруживали множество костей, черепа и медведей, и не только медведей... Мальчишки брали их и бросали в Волгу. Все это наполняло мою детскую душу ужасом.

Норский посад. Фотография Г. И. Курочкина

На окраине Норского посада ближе к Ярославлю стояли здания Норской фабрики. Хочу сказать несколько слов об истории фабрики и ее владельцах. Норскую мануфактуру (как тогда называли) основал в середине XIX века богатый купец-старообрядец Герасим Иванович Хлудов, который около 1860 года приобрел обширный земельный участок на высоком берегу Волги. Он построил фабрику по английскому проекту, снабдив ее английским оборудованием, которое на первых порах обслуживалось английскими инженерами. (Его старший брат Алексей Иванович Хлудов был известным обладателем ценнейшего собрания древнерусских книг и рукописей, которое завещал Никольскому единоверческому монастырю, и всю жизнь посвятил воссоединению православного и раскольнического веро-учения. Но это, так сказать, экскурс в сторону и прямого отношения к фабрике не имеет.) У Герасима Ивановича был единственный сын, известный в Москве дебошир и пьяница. Его довольно подробно описал в своей книге «Москва и москвичи» В. Гиляровский.* Однако этот неудачный наследник, державший дома крокодила и пугавший им своих гостей, рано умер, и наследницами Норской фабрики стали три его красивые

У главного корпуса Норской мануфактуры. 1900

сестры. Дочери Хлудова — Прасковья, Александра и Любовь Герасимовны — вышли замуж. Старшая — за Константина Константиновича Прохорова, сына владельца Трехгорной мануфактуры в Москве. У Константина Константиновича был большой капитал и особнячок на Воронцовом поле (теперь ул. Обуха). По неизвестной мне причине отец К. К. Прохорова завещал «Трехгорную» племяннику, а не сыну;* из-за этого взаимоотношения между двоюродными братьями были неприязненными. Вторая сестра вышла за Найденова, которому принадлежал большой парк и усадьба на реке Яузе в черте города (теперь санаторий «Высокие горы») и особняк на Покровском бульваре. Младшая — за Вострякова, имевшего великолепный особняк на Большой Дмитровке и имение под Москвой — Востряково.

Итак, фабрикой Хлудова стали владеть его дочери с мужьями, основавшими «Товарищество Норской мануфактуры» с правлением, которое находилось в Москве. Из всех дочерей мы знали только Прасковью Герасимовну, приезжавшую на фабрику на два летних месяца со своими внуками Катей и Митей Чистяковыми, с которыми мы дружили. Их отец пол-

Пожар на Норской фабрике. 1901

ковник лейб-гвардии Ее Величества стрелкового полка, затем генерал, организовал в начале революции ограбление своей тещи-миллионерши. Если успею, то расскажу об этом.

С представлением о промышленных предприятиях того времени связывались некрасивые, унылые здания, грязь, железный лом, промышленные отходы, жалкие жилые постройки. Норская фабрика была в этом отношении счастливым исключением. И недаром А. В. Луначарский, приехавший в Ярославль в 1918 году, назвал ее, законсервированную из-за отсутствия топлива, «спящей красавицей», которую рабочий класс должен пробудить к жизни. Это я слышала сама.

Фабрика представляла собой замкнутый огромный кирпичный квадрат (с двумя въездами под вторыми этажами во внутренний двор) и как бы брала себя «в скобки». Рядом же была величавая Волга с крутыми зелеными берегами, аллеи, два больших сада, несколько рощ, в одной из них около полузасохшего пруда росли удивительно крупные незабудки. Сразу же за деревянным бесконечным забором, окружавшим фабрику, были прелестные березовые рощи, темный еловый лес, журчали ручьи. И мы наслаждались всем этим, почти не

*Мария Константиновна и Иван
Дмитриевич Чистяковы; Николай
Константинович (совладелец фабрики)
и Лидия Петровна Прохоровы. 1903*

обращая внимания на фабрику. Физическое ощущение от нее было у меня, например, только по воскресеньям и праздничным дням, когда она не работала; и ушам, привыкшим к ее ровному и мягкому шуму, как будто чего-то не доставало.

Великое множество ласточек сооружало свои гнезда на окнах второго и третьего этажей фабрики. Материалом для них служил «угар» — отходы от хлопка. Сидя за вечерним чаем на террасе, мы наблюдали, как ласточки с тонким свистом сновали во всех направлениях в поисках корма для

птенцов. Если летали высоко — это означало, что завтра будет хорошая погода, а если близко к земле — то это к дождю. Что обычно и сбывалось.

Сообщение Норского с городом летом было очень приятным — на курсирующих несколько раз в день небольших пароходах, так называемых «дачниках», а круглый год — на лошадях по большой дороге, обсаженной в четыре ряда старыми екатерининскими березами, о которых упоминала Маруся в своем стихотворении «Сказка», посвященном мне:

Но от заставы ярославской
До Норской фабрики, до нас,

Двенадцать верст морозной сказкой
Под звездным небом в поздний час.

...

Пустырь кругом, строенья редки.
Темнее ночь, сильнее мороз.
Чуть светятся седые ветки
Екатерининских берез.

...

На воротах фабрики красовался медведь с секирой на плече — герб Ярославской губернии. Легенду о его (герба) происхождении мы, разумеется, знали с ранних лет. От ворот по направлению к фабрике вели две параллельные аллеи с всегда аккуратно подстриженными деревьями. В центре фабричного двора — большая роща. По краю высокой набережной Волги росли березы, осины, липы, кустарник. Около каждого дома служащих был обязательно небольшой сад с цветами, кустом сирени или жасмина, иногда 2–3 дерева, а также небольшие грядки с морковью, луком и другими овощами. Везде царили идеальный порядок и чистота. Только около казарм (семейных общежитий рабочих) постоянно висело на веревках белье и стояли поленницы дров. К югу и западу тянулись леса, поля, перелески. А на восток далеко-далеко простиралось прекрасное Заволжье с редкими селениями.

Близость реки, постоянный западный ветер и обилие зеленых насаждений делали воздух на фабрике настолько чистым, что, несмотря на постоянно дымившую высокую трубу, зимой наша прачка расстилала простыни в огороде на снегу, чтобы они стали еще белее.

Вообще экологическая обстановка, как сказали бы теперь, на фабрике была почти идеальной. Это объяснялось тремя факторами: 1) непосредственная близость Великой русской реки — так называли тогда Волгу; 2) обилие зеленых насаждений и 3) ветер был всегда западный, уносящий дым высокой фабричной трубы за реку, в заволжские дали, вплоть до самого горизонта.

Летний дом владельцев фабрики

Территорию Норской фабрики пересекали два мелких и два глубоких оврага, густо поросших деревьями и папоротником, с безымянными ручьями, бегущими к Волге. Через них были перекинуты легкие голубоватые мостики. Летом овраги оглашались многоголосьем различных птиц, а пенье соловьев вызывало у Маруси и у меня какой-то восторженный особый трепет. Может быть, это глубокое детское впечатление отрази-

лось в ее стихотворении «Соловей».*

Наш дом

Почти рядом с южным оврагом стоял дом, в котором жила наша семья. Помню рассказы старших о том, что он построен из дерева какой-то особенно прочной породы,* может быть кедра или дуба. Снаружи здание обшито тесом, окрашенным в блеклый серовато-зеленый цвет. По стенам вокруг тщательно ухоженный кустарник с кисточками мелких белых цветов, название которых забылось. При въезде во двор справа находился большой огород, а слева — довольно обширный сад, окружавший дом с трех сторон. Там росли два огромных кедра, клены, липы, березы, где мы искали и находили грибы, которые нам с Марусей жарили на маленькой сковородке. Там же на неболь-

шой поляне были качели, трапеции и чуть подальше гамак. Решетчатый забор сада прикрывали акация и жасмин. Огромный куст лиловой сирени возвышался над треугольной клумбой с чудесными розами (на зиму на них надевали деревянные домики в виде усеченных пирамидок). Перед террасой среди газона в центре круглой клумбы стоял белый столб с насаженным на него большим зеркальным шаром, отражавшим сад, что казалось в детстве особенно красивым. Множество цветов пестрело на клумбах различной формы. Первыми распускались многолетние голубые подснежники с чудесным тонким ароматом, за ними — синие и лиловые ирисы, затем в длинных ящиках приносилась рассада, которая прямо на глазах превращалась в бархатистые анютины глазки, резеду, левкой, благоухающий вечерами табак, да всех невозможно и перечислить. Последними, осенними, были астры и георгины, которые красовались своими яркими головками до самых заморозков.

Вот стихотворение Маруси «Сон», посвященное мне и навеянное воспоминанием о нашем саде и доме:

Да, все реже и уже с трудом
Я припоминаю старый дом
И шиповником заросший сад —
Сон, что снился много лет назад.
А ведь стоит только повернуть,
Только превозмочь привычный путь —
И дорога наша вновь легка,
Невесомы наши облака...

Побежим с тобой вперегонки
По крутому берегу реки.
Дом встречает окнами в упор.
Полутемный манит коридор...
Дай мне руки, трепетанье рук...
О, какая родина вокруг!

В нашу детскую не смеет злость.
Меж игрушек солнце обжилось.

Днем — зайчата скачут по стенам,
Ночью — карлик торкается к нам, —
Это солнце из-за темных гор,
Чтобы месяцу наперекор.

В спальне — строгий воздух тишины,
Сумрак, превращающийся в сны,
Блеклые обои, как тогда,
И в графине мертвая вода.
Грустно здесь, закроем эту дверь,
За живой водой пойдем теперь.
В кухню принесем ведро невзгод
На расправу под водопровод,
В дно ударит, обожжет края
Трезвая, упрямая струя,
А вокруг, в ответ на светлый плеск —
Алюминиевый лютый блеск.

В зал — он весь неверию ответ,
Здесь корректно радостен паркет,
Здесь внезапные, из-за угла,
Подтверждающие зеркала.
Поглядись, а я пока пойду
На секретный разговор в саду.
Преклоню колени у скамьи:
Ветры, покровители мои!
Долго вы дремали по углам,
Равнодушно обвевали хлам.
О, воспряньте, авторы тревог,
Дряхлые блюстители дорог,
Вздуйтесь гневом, взвейтесь на дыбы,
Дряхлые блюстители судьбы!..

Допотопный топот мне вослед
Пышет ликованием прежних лет.
Это ветры! Судорга погонь
Иль пощечин сладостный огонь.
На балконе смех порхает твой.

Ты зачем качаешь головой?
Думаешь, наверно, что, любя,
Утешаю сказками тебя.
Детство что! И начинаешь ты
Милые, печальные мечты.

Мы с тобою настрадались всласть.
Видно, молодость не удалась,
Если в 22 и 25
Стали мы о старости мечтать.
В темной глубине зрачков твоих
Горечи хватает на двоих,
Но засмейся, вспомни старый сад...
Это было жизнь тому назад.

1930

За садом и огородом ухаживал престарелый садовник, Николай Андрианович, похожий на Николая Угодника, каким его изображали на иконах. Ему помогала маленькая полная жена.

Раньше под окнами маминой комнаты была оранжерея, уходившая глубоко в землю, с длинными многоступенчатыми полками, на которых стояли цветочные горшки, ящики с рассадой. Моим любимым, но, безусловно, запрещенным занятием было спускаться из окна по решетчатой крыше оранжереи вниз на землю. Однажды я оступилась, пробила стеклянную раму и с отчаянным ревом покатилась с одной полки на другую, увлекая за собой горшки с растениями, черепки и ящики с землей. На мой крик сбежались взрослые. Всю окровавленную внесли в дом. Вызвали по телефону фабричного врача, тот долго извлекал многочисленные осколки, а большой шрам на левой коленке на всю жизнь остался напоминанием о моих отчаянных похождениях. После этого случая оранжерею снесли, и в огороде появилось множество заменявших ее парников. На месте оранжереи разбили, как мы называли, «мамулин сад» с ее любимыми высокими морозостойкими розами «Царица Севера», жасмином и сиренью. Рядом был наш с Марусей крошечный огород, с которого,

как правило, мы никаких урожаев не снимали из-за нашего небрежного ухода, вернее, его отсутствия.

Ниже сада за низким заборчиком находилась крокетная площадка, окруженная акацией, сиренью и молодыми сосенками, где попадались рыжики и маслята. Там же играли в горелки, пятнашки и другие подвижные игры. Крокет я не очень любила: из-за малого возраста молоток был для меня тяжел, и удар по шару, а тем более рокировка у меня не получались.

В сторону оврага выходил хозяйственный двор с коровником, курятником, где жили также утки и индейки, загончик для поросят и тут же вторая кладовая и погреб. В конце зимы его набивали сказочно красивыми голубыми прозрачными кубами льда (холодильников тогда и в помине не было), который привозили с Волги на полках могучие, густогривые тяжеловозы с мохнатыми ногами и огромными копытами. На фабрике имелся большой конный двор, где, кроме лошадей для перевозки тяжестей, были и легковые, на которых ездили в Ярославль в гости или в церковь в Нор-ский посад. У отца было две упряжки — одна караковая и другая, видимо, более парадная, серая в яблоках. Запомнился случай, как какой-то тучный немолодой человек в дворянской фуражке остановился в городе около пары караковых и сказал: «Хороши! Хороши кони! Чьи это?» Наш кучер Ларион ответил. «Да, хороши», — повторил старик и пошел своей дорогой. Может быть, это был отставной кавалерист или просто помещик, имевший лошадей.

Надо сказать, что лошади — единственный транспорт в зимнее время, были и на самой фабрике преотличные: было много битюгов, могучих с густой длинной гривой и огромными мохнатыми у копыт ногами. Они предназначались главным образом для перевозки готовой продукции фабрики на Ярославский вокзал.

Вернусь к нашему дому. Как говорили родители, планировка его не была удобной. Из небольшой темной передней (освещавшейся сначала керосиновой, а потом и электрической лампой) шел, разделяя дом на две половины, довольно

Дом директора Норской мануфактуры

широкий коридор с тремя парами колонн, за-круглявшихся наверху. Он заканчивался большим и светлым залом, где нам разрешалось играть в дневное время. По обе стороны коридора шли двери в изолированные комнаты, только наша — Марусина и моя — соединялись дверью со смежной комнатой. В нашей детской были моющиеся обои, что тогда было новинкой и вызывало всеобщее удивление. Большое, так называемое венецианское окно выходило на парадный двор. Поэтому мы первые видели всех, кто подходил или подъезжал к крыльцу, и спешили оповестить взрослых. В соседней с нашей комнате жила старшая сестра. За ней следовала комната отца и его рабочий кабинет, а затем столовая с чугунной винтовой лестницей, которая вела в большую комнату братьев. Кататься, сидя верхом на полированных перилах, было моим самым большим, но, конечно, запретным удовольствием. Изредка, удостоверившись, что старших поблизости нет, я поднимала и сажала маленькую Марусю на последние полтора аршина перил и подхватывала ее, когда

*Слева направо: Елена, Екатерина, Владимир, Мария
и Николай Петровых. 1915*

она докатывалась до конца. Кажется, это всегда сходило мне с рук.

Продолжаю описание расположения комнат: первая дверь направо от передней вела в гардеробную, а из нее в кухню, посудомойку, прачечную и две комнатки для прислуги. Ванная комната тоже находилась за гардеробной. Следующей по коридору была мамина комната с красивым трюмо и маленьким письменным столом, затем гостиная с камином и большой медвежьей шкурой-ковром на полу перед ним. Дальше был зал с дверями на террасу. Пол везде был паркетный за исключением детской, крупными квадратными шашками. Два раза в месяц приходили фабричные полотеры. Нам доставляло большое удовольствие смотреть, как они, надев щетки на ноги, ловко «плясали», доводя пол до красивого блеска, но только нас с Марусей на это время обычно загоняли в нашу детскую.

Комната братьев заметно отличалась от других своей

меблировкой. На стенах висели большие таблицы — коренных слов с буквой «ять», умножения, географические карты. В углу стоял верстак для столярных работ и маленький — для слесарных. В летние месяцы к братьям приходил специальный учитель, но способностей к ремеслу ни один из братьев не обнаружил, и занятия были прекращены. Позднее верстак служил Марусе и мне для наших игр. В этой просторной комнате стояли большие шкафы: один с детскими книгами и другой — с отжившими свой век вещами. Правая дверь из комнаты вела на чердак, который вдохновил Марусю на стихотворение «Чердак», посвященное мне.* А дверь напротив — на длинный и узкий балкон. В детстве я могла с замираньем сердца без конца смотреть с него на Волгу и на уходящие далеко-далеко до горизонта голубеющие и лиловеющие дали. И сейчас эта ярко сохранившаяся в памяти картина сочетается для меня подсознательно с одним из лучших Марусиных стихотворений — «Черта горизонта».*

Наш дом с участком стоял на фабричной территории изолированно, и существование семьи было тоже довольно замкнутым. Жизнь наша была ни в коем случае не городской, но и не фабричной, а скорее мелкопоместной.

Наша семья

Она состояла из семи человек («Семь я», — говорил иногда в шутку папа): отец, мать, затем в порядке старшинства: Елена, Николай, Владимир, Екатерина и Мария (или скороговоркой — Ле-Ко-Во-Ка-Ма).

Перечислим внуков Алексея Семеновича Петровых (Лотонина), детей Сергея Алексеевича и Фаины Александровны Петровых таблично, с датами и будущими профессиями и должностями:

Елена Сергеевна Крамарова. Кандидат биологических наук. 1898–1984. Похоронена на Введенском кладбище.

Николай Сергеевич Петровых. Окончил МГУ. Химик. 1899–1927.

Владимир Сергеевич Петровых. Инженер-путеец. Работал на стройках Института Маркса и Энгельса и Дворца съездов в Москве, Кузнецкстроя и др. 1900–1964. Похоронен на Введенском кладбище.

Александр Сергеевич Петровых. 1902 (умер в младенчестве).

Екатерина Сергеевна Петровых. Переводчик. 1903–1998. Похоронена на Введенском кладбище.

Мария Сергеевна Петровых. Поэт, переводчик. Заслуженный деятель культуры. 1908–1979. Похоронена на Введенском кладбище.

О моем брате Александре и сестре Леле

Шурик родился в 1902 году,* на год раньше меня, и поэтому я пишу о нем только по воспоминаниям родственников и домочадцев. Он был очень спокойный, улыбчивый и милый младенец. И вдруг он заболел, заболел неизлечимой тогда болезнью — менингитом. Как я слышала от взрослых, болезнь могла быть вызвана безрассудным поведением его молоденькой няньки, которая по ночам, когда весь дом засыпал, брала девятимесячного младенца* и, крадучись, уносила его в казармы (семейные общежития рабочих фабрики), где весело проводила время среди фабричных подружек. Мама была убеждена, что она или стукнула его головкой, или простудила, или заразила во время ночных отлучек.

Болезнь проходила бурно, он непрерывно кричал, и это тот ребенок, который до этого был очень тих. Мама держала его на руках, носила по залу, не отпуская, она думала облегчить его боль, но, конечно, это не помогало. Врача из Ярославля выписали, он посмотрел и подтвердил диагноз: менингит. Так он мучился, и мама с ним мучилась, и он в конце концов погиб. А его старшая сестра Леля, то ли из ревности, то ли из других чувств (она вообще имела привычку бросаться на пол и бить ногами, когда что-то было не по ней), так вот, когда Шурик умер и мама сидела около него в

Сергей Алексеевич и Фаина Александровна Петровых с детьми и внуками.

Слева от них Владимир Сергеевич с женой Екатериной Васильевной и сыном Николаем; за ними Семен Крамаров (муж Елены Сергеевны); справа на заднем плане Елена Сергеевна и Виталий Дмитриевич Головачев (муж Марии Сергеевны); сидят

Мария Сергеевна и Екатерина Сергеевна; рядом с дедом Таня (дочь Елены Сергеевны) и ее подруга. 1936

зале у гробика и плакала, Леля врывалась в зал, бросалась на пол и би-ла ногами. Мама просила ее увести. Ее уводили, она вырывалась, и снова эта сцена повторялась без конца. Мама терпела, терпела, а потом взмолилась: «Господи, ты отнял у меня моего дорогого мальчика, а эту капризницу и упрямую девчонку оставил». И Леля, которой тогда было пять лет, запомнила эти слова и маму невзлюбила. Уже позднее, когда ей было лет 12, а мне 6–7, бабушка сказала мне: «Леля не любит маму». Я долго и горько плакала и даже записала это в своем детском дневнике, но вот почему — я очень долго не знала. Только за неделю до смерти сестра рассказала мне этот эпизод, о своих криках и мольбе к Богу мамы, — оказывается она все это запомнила, до самой смерти не простив маму...

*Леля — Елена Сергеевна Крамарова
(урожд. Петровых)*

Не знаю почему, но они с мамой постоянно конфликтовали, Леля в своей комнате плакала и выходила к обеду с опухшими от слез глазами. Что между ними происходило, я не знаю, поводы были, наверно, разные, но в основе лежало, видимо, Лелино упрямство и желание мамы переломить его. Леля была вообще очень упряма. (Ее дочь Тата говорила, что за всю жизнь не встречала более упрямого человека, чем мать.) Вначале конфликты возникали из-за Лелиных неумных требований насчет нарядов: вот такое платье ей надо, а

не другое. Потом она начала влюбляться. Лет с двенадцати влюблялась в гимназистов. А мама была очень высокоморальная дама (сказывалось воспитание в епархиальном училище), она считала это нехорошо и неприлично, что с таких ранних лет она уже влюбляется и целуется на бульваре с мальчиками. Вот на этой почве тоже возникали конфликты. Но дело кончилось тем, что классная дама застала Лелю на бульваре целующейся с каким-то гимназистом, пресекла эту любовную сцену, потащила ее к начальнице заведения, и та исключила Лелю из гимназии за аморальное поведение. Дома было ужасно: Леля рыдала, мама тоже рыдала и кричала, обзывала дочку: «Испорченная девчонка, как ты смела целоваться, сколько тебе лет, чтобы целоваться». Дома был сплошной ад.

Тогда папа заказал лошадей, поехал в Яро-славль к начальнице гимназии Ольге Николаевне Корсун-ской, переговорил с ней, о чем и как, никто из нас не знал, но только Лелю восстановили в гимназии, и она продолжила ученье. История эта не получила широкой огласки, мы старались об этом не говорить, чтобы не наводить тень, во-первых, на гимназию, а во-вторых, и на сестру. После этого Леля сохранила чувство благодарности к отцу, но в ее отношения с мамой это внесло еще большее напряжение.

О моем брате Николае Сергеевиче Петровых

Вторым ребенком в семье был сын Николай. Вот что запомнилось мне в связи с его появлением на свет по рассказам старших.

Мама еще лежала в постели очень грустная и плакала. Что было причиной ее слез, она, наверное, и сама не могла объяснить. Может быть, материнское сердце смутно предчувствовало несчастную, трагическую судьбу ребенка, маленького существа только что отделившегося от нее. (Эта ее способность провидеть будущее своего сына особенно поразила меня после кончины Коли.)

В это время пришла ее навестить подруга детства Антонина Ивановна Курочкина.* Увидев плачущую маму, с удивлением спросила: «О чем ты?!» Мама ответила первое, что пришло в голову: «Боюсь, что на всех хлеба не хватит». «Да побойся Бога, — воскликнула Антонина Ивановна, — Россия столько хлеба вывозит за границу. Как же у нас может быть такое?» Но через 22 года (1918–1920) Антонина Ивановна с удивлением говорила: «И как же это она могла угадать, что в России может быть голод!» А я, повторяю, убеждена, что с маминой стороны это была просто первая пришедшая на ум отговорка, так как она сама, видимо, не понимала причину того, что вызывало тревожное предчувствие за будущее сына.

Ребенок был полный и спокойный. Пожилая няня на-

зывала его «саратовским купцом». Но позднее родители и бабушка стали замечать повышенную нервозность мальчика. Например, когда его брали на руки, он неестественно выпрямлялся, как бы окаменевал, не поддаваясь ни на какие ласковые слова и уговоры старших.

Коля был самым красивым и способным ребенком в семье (исключая, разумеется, поэтическую одаренность Маруси). Гувернантка Марья Петровна наказывала Лелю и Володю за допущенные ошибки на уроках: она вводила их в лес, клала на большой пень и стегала розгами. Благодаря своей прекрасной памяти Коля никогда не подвергался наказаниям. Но, может быть, на его нервную систему и добрую натуру болезненно действовал плач сестры и младшего братишки. Когда же дети решились, наконец, рассказать родителям о «педагогическом методе» Марии Петровны, ей в тот же день было отказано от места.

Под руководством фрейлейн Иды, заменившей Марию Петровну, Коля быстрее всех овладел немецким языком. Впрочем, вскоре и все остальные начали общаться друг с другом только по-немецки, чем очень радовали родителей, особенно отца.

Обоих мальчиков отослали в Ярославское реальное училище. Николай неизменно был первым учеником и всегда получал похвальные грамоты. Помню, как вечный пересмешник Володя изображал согнутую фигуру старшего брата, смущенно пробиравшегося на свое место под звуки туша с похвальной грамотой в руках. Владимир же был с большой ленцой, хотя, по словам Лели, способнее Николая. Однажды он даже имел переэкзаменовку по русскому языку — событие в нашей семье небывалое.

Во время пребывания в реальном училище Коля начал заикаться. В первое же каникулярное лето мама повезла его в Москву и поместила в частную лечебницу, где исправляли дефекты речи. Помню, что в ней брата долгое время заставляли молчать, затем начать говорить очень медленно, растягивая слова. Совсем Коля не излечился, но заикаться стал реже, стал быстрее находить синонимы словам, на которых он запнулся.

После окончания семи классов реального Коля решил поступить в университет. Но для этого требовался аттестат зрелости классической гимназии, где проходили латынь. Брат все лето просидел над нею и осенью успешно сдал этот экзамен (не знаю — где), получив таким образом право на поступление в университет по конкурсу аттестатов.

Леля, окончив 8 классов частной гимназии, уехала одновременно с Колей в Москву, и поступила на высшие Голицынские курсы* на Моховой улице. А Николай — на химический факультет университета. Учился он на одном курсе, может быть даже в одной группе, с А. Н. Несмеяновым* — будущим президентом Академии наук. По окончании учебы брат стал работать на текстильной фабрике, где занимался разработкой красителей.

Во время гражданской войны и разрухи, прервав на время учение, Коля приехал в Ярославль. Чтобы помогать родителям, работал санитаром в госпитале, удивляя врачей своей феноменальной памятью. А со мной он ездил за картошкой и хлебом в Вологодскую губернию. Я уже служила тогда на станции Всполье, чтобы иметь «провизионку» для проезда за продуктами, а также чтобы получить необходимый для направления в высшие учебные заведения трехгодичный рабочий стаж. Оба мы жили вместе в отвратительной темной и холодной комнате. И так мерзли, что решили однажды натопить помещение, поставив в нем самовар. Тепла это в достаточно большую комнату не прибавило, но угорели мы оба почти до полусмерти. Спали, конечно, в одежде. Трудно было утром вылезать из-под груды всех наваленных сверху пальто и шуб в комнате с нулевой температурой и умываться ледяной водой. А я, кроме того, иногда зарабатывала, путешествуя в теплушках, и педикулез, который всегда грозил осложниться сыпным тифом.

Весной 1921 года отец перешел на работу на авторемонтный завод на окраине Ярославля, получил там четырехкомнатную квартиру, и мы с Колей зажили в нормальных (относительно, конечно) условиях. Гражданская война близилась к концу, и вскоре Николай уехал в Москву продолжать

обучение в университете. До этого он сблизился с младшей сестрой Марусей, на которую до этого почти не обращал внимания. Она при расставании посвятила ему стихотворение.

Приехав в Москву, Коля остановился у брата Володи (дом 8 в Тихвинском пер.). Там в двух крохотных комнатुшках жили 4 студента-путейца: Володя, Василий Павлович Прилежаев, Борис Чистяков и Вячеслав Бирюков* (моя тайная, скрываемая ото всех и главным образом от него, вполне надуманная любовь). Бывшая хозяйка квартиры устроила Колю в комнату своего сына-юриста, старого, угрюмого холостяка. А когда я осенью 1924 года приехала в Москву, то сначала ютилась там же в проходной комнате с бывшей хозяйкой. Но уже очень скоро перебралась в квартиру архитектора С. Б. Залесского в Гранатном переулке*, где поселилась в порядке «самоуплотнения». В то время был такой термин. Это когда люди, имевшие излишки площади, сами находили себе жильцов из числа знакомых и родственников, чтобы избежать принудительного подселения в их квартиру совсем незнакомых, а иногда и крайне неприятных особ. Так что Залесские выбрали из всех зол меня, а позднее ко мне присоединилась и Маруся. В этой восьмиметровой комнате я прожила целых 14 лет, до выхода замуж за В. В. Чердынцева.

Как-то я познакомила Колю с подругой Иры Бородкиной,* очень красивой, но несколько полноватой девушкой. Звали ее Люба. Жила она в стесненных квартирных условиях вместе с мачехой, которая ее всячески притесняла. Коле Люба нравилась, но увлечения никакого не было. И все же, чтобы отблагодарить меня за то, что я познакомила его с красивой девушкой, он пригласил меня в Большой театр (билеты в то время купить было просто) на «Князя Игоря».

А теперь перехожу к одной из самых трагических страниц жизни нашей семьи. Еще будучи студентом, Коля стал увлекаться учением Макса Штирнера,* предшественника Ницше, книгу которого «Единственный и его собственность» он едва ли не знал наизусть. Философия Штирнера была прямо противоположна всей натуре Коли. Брат был чрезвычай-

но добрым человеком, в высшей степени порядочным, очень стеснительным, с глубоко развитым чувством благодарности (гены рода Петровых).

Как же мы были глупы и неразумны тогда: никому из нас не пришло в голову познакомиться с книгой Штирнера, чтобы понять всю неприемлемость, всю противопоказанность этого учения для Коли с его мягким, уступчивым, очень застенчивым характером. Может быть, больше сблизилась бы с ним и сумели доказать ему это. Но все были заняты своими делами, а он в это время безжалостно ломал себя, пытаясь приспособить свою личность к этой жестокой немецкой философии. (Вот что написано у Брокгауза и Ефрона о М. Штирнере: «полное отрицание какой бы то ни было нравственности и совершенная анархия — вот главные черты учения Штирнера». В БЭС говорится: «Штирнер воспевал эгоизм как единственно разумную точку зрения».)

Не нравилась ему и его работа на фабрике. В это же время было не очень удачное увлечение* и полная житейская, то есть квартирная, неустроенность. Свободное время он проводил в маленькой комнате уже женатого тогда брата Володи. Иногда он говорил о самоубийстве как способе доказать свою «свободу», что мы всегда встречали в штыки, не допуская и мысли, что он при своем слабовольном, нерешительном характере способен сам перейти эту «последнюю черту».

Но в Страстную субботу 27 апреля 1927 года он, поспорив, как это довольно часто бывало, с Володей, который мыл в это время ноги, об учении Штирнера, вышел из комнаты, прошел в запущенную ванную и принял там достаточную дозу цианистого калия. Вызванная «неотложка» не успела довести его до Института Склифосовского... Так этот «на сердце горящий шрам»* и остался у всех у нас.

Незадолго перед своим концом он купил хорошую коробку шоколадных конфет и, улыбаясь, сказал: «Вот пойду на Пасху похристосоваться с Любочкой». Этот незначительный факт говорит о том, что у него не было заранее продуманного решения покончить с собой. Оно возникло

совершенно импульсивно, так как их ссора и разговор с Володи́ей был совершенно для них обычным и ничем особенно не выделялся.

Маруся и я

У меня, разумеется, и в мыслях нет сравнивать себя с великим Толстым, который помнит, хотя и смутно, ощущение пленения. (Это вспомнилось позднее). А вот что всплыло о моем детстве в виде кадров (обязательно цветных).

Кадр первый. Я лежу в маленькой детской кроватке с железными перильцами, на которые надета частая сетка из мягкого шнура, и громко (отчего-то?) плачу. Надо мною склоняется мама. На ней английская блузка с вязаным галстуком, который заканчивается небольшими кисточками. Кисточки раскачиваются над моими глазами и пугают меня, отчего я плачу еще громче. Мама тщетно пытается успокоить меня, не понимая причину моих усиливающихся криков...

Кадр второй. Я долго не могла научиться ходить, но очень быстро и ловко ползала, поддавая для ускорения (так мне рассказывали, смеясь, мои братья) усиленным движением ноги. Я ползу в маминой комнате, на мне розовое в крупную красную клетку платье, и смотрю на висящую в углу «золотую» икону мученицы Фаины — патронессы матери.

Кадр третий. Старшая сестра Леля учит меня ходить. Взяв подмышки, приговаривает: «Раз-два, раз-два», я в такт передвигаю ножками.

Кадр четвертый. В той же маминой комнате бабушка кормит меня из чашки яйцом всмятку за столом у окна.

Кадр пятый. Относится к нашему путешествию в санаторий. Мы все четверо (Маруси еще не было) одновременно заболели коклюшем, вероятно, заразившись друг от друга. Врачи посоветовали перемену климата и порекомендовали наиболее сухой — в западных предгорьях Урала. Мама с Лелей, Колей, Володи́ей и мною, взяла еще в помощь фрейлейн Иду и горничную (то есть всего семь человек), двинулись паро-

Мария и Екатерина Петровых 1937

ходом до Казани (или до Тетюшей). Очевидно боясь холеры, которая часто вспыхивала в низовьях Волги, мама кормила нас преимущественно сухарями, взятыми из дому. Когда они кончились, мы стали плакать от голода, и тогда мама купила несколько огромных отбивных котлет (которые предварительно, наверное, прожарила еще раз в походной кухне), и мы, как маленькие зверьки, с наслаждением жадно впились в них зубами. Вкус этой котлетки и главное — косточка, за которую ее надо было держать, запомнились мне на всю жизнь.

День появления Маруси на свет, 13 марта 1908 года по старому стилю, помню, как будто это было совсем недавно. Утром в детскую вошла фрейлейн Ида со словами: «Кто хочет посмотреть на маленькую сестричку — идите в столовую». Старших — сестру и братьев — не надо было торопить; через несколько минут они были готовы и выбежали из комнаты. А я тщетно искала свои ночные туфли (как сейчас помню, светло-серые с меховыми помпонами) и отчаянно рыдала: «Фрейлейн Ида! Во зинд мейн пантоффельн! Во зинд мейн пантоффельн?!»

(«Где мои туфельки?») Ида посмотрела под кроватьку и тоже не обнаружила туфель. Тогда меня, горько плачущую, она завернула в мое любимое красное стеганое одеяльце (слезы мгновенно высохли) и на руках понесла в столовую. Там по правой стене на двух стульях стояла большая овальная плетеная корзина. В ней спало туго спеленутое крохотное беленькое (именно беленькое) существо. Наверно, оно досматривало свои последние ангельские сны — такой тихий и совершенный покой был на маленьком личике. Старшие дети молча, сосредоточенно и серьезно смотрели на новую сестричку.

Через несколько дней я зашла в мамину спальню, где царил полумрак от тяжелых темно-зеленых штор, подошла к кровати и спросила: «А как будут звать маленькую сестричку?» «Мария, Маруся», — ответила мама. «А мне больше нравится Аня», — протянула я разочарованно. (Так звали очень нравившуюся мне молодую девушку Анну Ярославову, с большими темными глазами и добрым выражением лица. Тогда я совсем не замечала ее недостатка — очень кривых ног. Очевидно, это было следствием детского рахита.)

Ярко запомнился кадр из раннего детства. Маруся, видимо, только из ванночки, вся какая-то особенно чистенькая; белый чепчик туго обтягивает головку. Она сидит на высоком стульчике. Ясные карие глазки смотрят на меня. Я шепчу ей что-то ласковое, а она, не умея говорить, приветливо улыбается мне.

Маруся была самым младшим (пятым) ребенком в семье и общей любимицей. Внешность ее была очаровательна: правильный овал личика, карие глаза, хорошей формы носик, крупные легкие локоны цвета недоспелой пшеницы как бы парили над ее головой. Нельзя было не любоваться ею. Старшие, кроме отца и бабушки, выделяли ее из всех детей, часто брали на руки, ласкали, играли ее кудрями.

Няня Харитина Петровна

В одном из поздних стихотворений Мария Сергеевна напишет о «безоглядном любвеобилии детства».* Первой

сильной привязанностью Маруси была ее няня, Харитина Петровна Кокарева. Худая, высокая старуха, рябая, с темным лицом и маленькими, глубоко сидящими голубыми глазами. Маруся ее обожала и всю жизнь с любовью вспоминала о ней. Помню, как малютка целовала ее веснушчатые руки. Однажды девочку застали приникшей лицом к няниным полусапожкам (с широкими резинками по бокам и двумя ушками, правда, кажется, новыми). На строгое замечание оставить обувь Маруся ответила, что не целует башмаки, а нюхает, они хорошо пахнут. Жили они с няней до двух с половиной Марусиных лет очень мирно, как говорится, душа в душу.

Не то было позднее, когда у нас, младших, появилась гувернантка. Она старалась как можно раньше уложить нас вечером, чтобы иметь больше свободного времени. Видимо, чувствуя несправедливость, Маруся отчаянно протестовала. Помню, как фрейлейн Магда читала по вечерам свой дневник старшей сестре, который иногда начинался словами: «Marie ist sehr kaprisisch» (Мари очень капризная). Маленькая (3–4 года) еще не настолько овладела немецким, чтобы слушать быстрое чтение, иначе, конечно, протест был бы адекватный.

Харитина Петровна, как я припоминаю, была совершенно темной старухой. Она сильно окала, как все уроженцы Ярославской губернии; речь ее изобиловала простонародными словами. Она говорила, например: «не трожь», «глянь», «умоюсе» и т. д. Так же повторяла за ней и ее воспитанница. Почему же наша мать, подыскивая няню для младшей дочери, остановила выбор на старой неграмотной женщине? Наиболее вероятное объяснение этому — гибель третьего сына родителей — Шуры от безалаберности молодой няньки. Очевидно, мать, нанимая пожилую женщину, наказала беречь ребенка от всяких контактов. Харитина Петровна выполняла мамин приказ, может быть, слишком буквально: она никого не подпускала к малютке, даже Лелю, старшую сестру и крестную мать. Впрочем, для нее она раз или два делала отступления от этого правила, когда Леля обещала устроить Марусе и ей балетное представление. Для этого

няне приходилось взбираться с ребенком на руках по крутой винтовой лестнице в комнату братьев (подальше от материнских глаз). Помещение выходило окнами на восток, на Волгу. Длинный узкий балкон изображал сцену; на пороге стоял стул — партер, где сидела Харитина Петровна с Марусей на руках. Леля одновременно исполняла роли балерины и оркестра, напевая танцевальный мотив. Танцевать же она любила и умела. Маруся сидела на коленях няни, не шелохнувшись, как завороченная, впитывала в себя это необычное зрелище, которое, наверно, представлялось ей прекрасным. По окончании восхищенные зрители (их было всего двое) осыпали исполнительницу ветками с рябиновыми ягодами. Рвать цветы из сада для этой цели няня, конечно, не отваживалась. Мы, то есть братья и я, занимались в то время чем-то на противоположном конце большой комнаты, не обращая внимания на спектакль.

Меня Харитина Петровна сразу же невзлюбила из-за моей чрезмерной веселости и буйной резвости. Она не подпускала меня к сестренке на расстояние и пяти шагов. Припоминаю один полукомический случай. Нам с Марусей шили обыкновенно одинаковые «туалеты», но няня одевала малютку в старенькие застиранные бумазейные платица (помню два желтоватых с розовым горошком), а потом, торжествуя, говорила: «Вот у Марусеньки платица новенькие, а Катя свои все поизносила».

Гувернантки в то время около меня не было. Наша дорогая фрейлейн Ида, скопив тысячу рублей на приданое, уехала к своему жениху. Леля была уже взрослая «барышня», а старшие братья с большой неохотой и лишь крайне редко принимали меня в свои мальчишеские игры, но и это обычно заканчивалось моим громким ревом. Так и пробыла я в раннем детском одиночестве два с половиной года. Так как я начала говорить о себе, то расскажу об одном эпизоде тех лет, на первый взгляд и незначительном, но достаточно сильно отразившемся на моем характере.

Как уже говорилось, Харитина Петровна не подпускала меня к Марусе, и я, естественно, тянулась к братьям,

которые были старше меня и которым мои просьбы «принять» меня в их игры — просто докучали. Думаю, что именно поэтому они, например, чтобы отвязаться, заставляли меня таскать санки в гору после того, как мы скатывались вниз. Я считала это несправедливым и свой протест выражала громким плачем. Так повторялось каждый раз, то есть совместный спуск на санках с горы и мой рев. Наконец, сторож у ворот, ведущих к Волге, до которых докатывались санки, сказал: «Что это она все плачет? Верно, это не родная дочка у Сергея Алексеевича». Как глубоко запали в меня эти слова! Я в каждом случае искала подтверждения того, что сказал сторож. Я прибегала к «хитрым» (с моей точки зрения) приемам, чтобы вывести истину. Помню, например, спрашивала бабушку: была ли она у нас, когда рождались Леля, Коля, Володя. «Да, была», — отвечала она. «А когда я рождалась, ты тоже была?» «Нет, тогда не была», — отвечала бабушка, не подозревая моего умысла. И это, конечно, совершенно утвердило меня в том, что я «приемыш». Поэтому моим недостатком в детстве была крайняя обидчивость, и глаза мои всегда находились «на мокром месте», и ласковое отношение к Марусе окружающих, как к самой маленькой и прелестной, я тоже объясняла все тем же. Так сказанные сторожем бездумные слова стали для моей детской души глубокой травмой, от которой я избавилась далеко не сразу.

Во времена нашего детства, да и позднее, я не припомню разговоров старших о том, когда, в каком возрасте формируется человек. Теперь это стало предметом пристального изучения психологов, педагогов, врачей-педиатров. Высказывается мнение, что индивидуальность ребенка складывается к пяти годам. Меня же всегда удивляло, что черты, ставшие впоследствии основными в характере Маруси, появились у нее еще раньше, гораздо раньше. Постараюсь вспомнить и записать некоторые наиболее яркие случаи ее детства, сквозь которое просвечивала ее будущая личность.

На одном детском празднике кому-то пришлось в голову поставить Марусю на высокую тумбу из-под пальмы. Вокруг

нее образовался хоровод, который стал кружиться, напевая: «Куколка, куколка, маленькая куколка. Куколка, куколка, миленькая куколка». Как сейчас вижу личико сестренки, на котором написано неподдельное смущение.

В день именин Лели (12 июля старого стиля) приглашалась молодежь. Леля прогуливалась по двору с двумя поклонниками-гимназистами (одного, помню, звали Николай Добржинский). Дверь парадного крыльца отворилась, и на пороге возникла прелестная девчушка лет 4-х в кружевном платьице с бантом на голове. Она начала спускаться по невысокой лестнице с широкими ступеньками, ставя на каждую ступень обе ножки. Преодолев это препятствие, Маруся двинулась по направлению к садовой калитке. Коля оставил именинницу и подбежал к малютке, начав ласково разговаривать с ней, и даже попытался погладить по головке. Маруся с гордым видом отстранилась и, пожав плечиками, сказала: «Не тронь мои кудри-локоны». Ее фраза не могла не вызвать веселой улыбки, а она с серьезным видом направилась к намеченной цели в сад.

Вот один забавный эпизод, относящийся к весне 1910–1911 года. Первый день Пасхи. В зале во всю длину поставлен стол со всевозможными яствами. Непременные гиацинты источают свой изумительный аромат. Ждем из Норского посада последовательного появления четырех священников* с торжественными молебнами. Вдруг до слуха мамы доносятся из зала какие-то странные звуки. Она торопливо вбегает и видит, как маленькая Маруся, сумевшая взобраться на стол, доползла до большого блюда с густо проросшим овсом, на зелени которого ярко выделялись разноцветные пасхальные яйца, и бросает их на пол одно за другим. «Что ты делаешь?» — воскликнула мать. «Шарики кидаю», — последовало невозмутимое объяснение.

Харитина Петровна много и подолгу гуляла со своей питомицей. Четко представляю длинную фигуру няни, держащую за ручку крохотную Марусю. Они еле-еле двигаются по деревянным тротуарам Норского, по набережной реки, по нашему саду с его обилием цветов. О чем размыш-

ляла старая женщина во время этих прогулок — трудно сказать, а Маруся жадно впитывала мир: и могучую Волгу, и редких прохожих, и красоту окружающей природы. Теперь я иногда думаю, что та медлительность, которая была свойственна Марусе во всю последующую жизнь, могла быть заложена в нее во время этих неторопливых и длительных прогулок. Они же способствовали развитию в ней задумчивой созерцательности и наблюдательности (о которой позже).

Расскажу об эпизоде, послужившем причиной удаления няни. Ярко запомнилось возмущение родителей, когда Харитина Петровна при встрече с механиком фабрики, надменным польским паном Станиславом Адольфовичем Нетыксом, заставила малютку низко поклониться ему со словами: «Здравствуйте, барин-батюшка». Думаю, что на этом случае и закончилось пребывание Харитины Петровны в нашем доме. Для родителей этот эпизод был неприятен еще и тем, что отношения со Станиславом Адольфовичем были натянутыми. Нетыкса никогда не бывал у нас даже с официальным визитом, а его жена — крайне редко. Как сквозь сон, слышу плач Маруси при расставании с няней.

Наша Маша

Больше всего мы, особенно Маруся, стремились проникнуть в нашу просторную кухню, где среди начищенных до самого яркого блеска медных кастрюль (стоявших по ранжиру — от огромной до самой маленькой) царила наша Маша (Мария Александровна Палисадова), которую мы обе очень любили. Высокого роста, немного полноватая, статная, с крупными чертами крестьянского лица, выражавшего всегда особенную доброту и приветливость. С нами обеими она была чрезвычайно ласкова.

Одевалась Маша, строго следуя деревенской моде того времени: длинная по щиколотку юбка в сборку, кофта навыпуск и обязательный фартук. Когда по большим праздникам

она ходила в церковь, то надевала черный плисовый жакет, вроде казакина, стянутого в талии, с крупными складками сзади. На голове — белый туго накрахмаленный платок, завязанные концы которого торчали горизонтально. А на лице торжественное строгое выражение.

К своим обязанностям Маша относилась добросовестно до чрезвычайности. Когда приходилось готовить какое-нибудь новое или замысловатое кушанье или ожидались особо почетные гости, Маша страшно волновалась. Зато как сияло ее лицо, если отец, обычно через горничную, передавал ей похвалу и благодарность за вкусно изготовленное блюдо (и как мы с Марусей радовались при этом).

Работать ей приходилось много: надо было накормить одиннадцать человек (семь — наша семья плюс четверть-пять человек прислуги; кучер, садовник и хожалый — нечто вроде папиного лакея — питались у себя). К утреннему чаю нас почти всегда ожидало какое-нибудь горячее изделие из дрожжевого теста: лепешки, сочни, пирожки с разными начинками, ватрушки, «обливашки». Все это было до чрезвычайности вкусно. К двенадцати часам готовился обед из трех или четырех блюд. Довольно часто бывали котлеты, получавшиеся у Маши особенно удачно. В начале пятого — чай, обычно с печеньем или бутербродами со швейцарским сыром. В восемь ужин из двух блюд, а по субботам обязательно пельмени. После ужина, как и после обеда, дети пили молоко. Вечером мама с Машей обсуждали меню на завтрашний день, стараясь, чтобы оно было разнообразным.

Помню, как по просьбе Маши мы писали ей письма в деревню к брату и его семье с неизбежными поклонами всей родне по порядку. И адрес запомнился: полустанок Маслово, деревня Качабурово.*

Маша прожила у нас десять лет (с 1908 по 1918 год), до того дня, когда мама с Марусей и со мной уехала с фабрики осенью 1918 года в Норский посад к бабушке. Отец и старшие дети были тогда уже в Москве. Во время первого голода, в 1919 году, Марусю отвезли на лето к Маше на по-

правку. Вернулась она от нее загоревшей, поздоровевшей, с большим запасом новых деревенских впечатлений. Помню, как она с увлечением рассказывала о том, как вместе с Машей жала рожь.

А совсем недавно узнала от старшей сестры еще одно доказательство Машиной необыкновенной доброты. Оказалось, что она помогала Леле в переписке с влюбленным молодым человеком, пряча его письма под огромную глиняную квашню, стоявшую на высокой полке в помещении для мойки посуды. Надо сказать, что Маша при этом очень рисковала навлечь на себя большое неудовольствие мамы, если бы ее участие в переписке раскрылось.

Мальчик

Очень любила Маруся нашу старую собачонку Мальчика, который появился в нашей семье вскоре после женитьбы родителей и прожил до осени 1918 года, то есть до глубокой старости. Это была небольшая собака-крысоловка, черная, как уголь, но с седевшей с годами острой мордочкой, которую Маруся укладкой целовала. Обычно Мальчик проводил время на кухне, где лежал против русской печки под часами с гирей на голубом тюфячке, который мы ему сшили. Рядом стояла копилка в виде пня с сидящей на нем собачонкой. В нее мы с Марусей опускали изредка попадавшие в наши руки серебряные монетки. Через какое-то время содержимое копилки высыпалось, и на эти деньги мы покупали Мальчику то ошейник, то бубенчик, то ленточку — словом вещи ему, старичку, совсем не нужные.

Крыс в нашем доме не водилось, так что «работы» у Мальчика не было. Наша Маша по своей доброте хорошо относилась к нему, но была очень против Марусиных поцелуев: «Ну что ты, Марусенька, пса-то целуешь!»

Запомнился неоднократно повторявшийся разговор маленькой Маруси с Машей: «У Мальчика, Маша, скоро будут детки. Надо сшить для них еще один матрасик». — «Да Мару-

сенька! У него не может быть щеночков! Ведь он же мальчик». — «Ах, Маша, ну как ты не понимаешь! Мальчик — это просто имя. А ты посмотри, какой у него толстенький животик. Там щеночки». — «Да Марусенька, какие щеночки! Ведь он же мальчик...» — «Ах, Маша! Ведь Мальчик это только имя, его так зовут. А щеночки у него обязательно будут. Мы с Катей сошьем еще один матрасик...»

Мальчик нас тоже любил, и когда мы появлялись на кухне — привставал, приветливо помахивал хвостом; причем на мордочке появлялось что-то вроде улыбки. Так, по крайней мере, мне казалось.

О Марусиной операции

Кажется, первой это заметила я с моим очень тонким в те годы слухом. У Маруси (ей было тогда около трех с половиной лет) при выдохе вырывалось какое-то сипенье. По младости и глупости я стала использовать этот звук при игре в прятки, которая происходила обычно в зале или в гостиной. Выйдя на середину комнаты, я прислушивалась и безошибочно угадывала, куда спряталась Маруся.

Когда сипение усилилось и превратилось в шипение, которое нельзя было не заметить, мама всполошилась и повезла Марусю в Ярославль к лучшему ларингологу С. С. Берлянду.* Тот, осмотрев горлышко, сказал, что у девочки сильно разрослись гланды и необходима операция.

Вскоре после этого мама с Марусей поехали в Москву. Остановились на Мясницкой улице в четырехкомнатной квартире нашей старинной знакомой, певицы, Софьи Артемьевны Дубасовой-Даниловой.* (Ее деверь, Дубасов, был капитаном царской шхуны «Штандарт».) При помощи Софьи Артемьевны нашли хорошего врача-специалиста. Тот после осмотра сказал: «Такая хорошенькая девочка, а гланды, как котлетки...»

Операция прошла успешно, но мама рассказывала, что Маруся долго и громко плакала, иначе, наверно, и быть не

могло. Очень я обрадовалась им обоим, когда они довольные вернулись домой, навезя уйму подарков. Шипящий звук при выдохе у Маруси навсегда исчез.

Марусина наблюдательность начала проявляться в совсем ранние годы. Я вспоминаю такой пример. Марусе четыре года. Ранним вечером мы обе стоим на широком мосту через наш овраг, невдалеке от впадения ручья в Волгу. «Вон как месяц смотрит на нас», — говорит Маруся. И действительно, он был повернут своим «профилем» в нашу сторону (конец первой четверти лунной фазы), а круглой стороной на запад.

Андрей Алексеевич Чагин

У нас на Норской фабрике какое-то непродолжительное время жил студент-практикант Андрей Алексеевич Чагин, высокий, очень некрасивый, но чрезвычайно воспитанный молодой человек. Я не помню, чтобы он обращал какое-либо внимание на нас, младших. По вечерам часто, непременно испросив каждый раз разрешения у мамы, он направлялся в залу и играл на рояле разные пьесы, довольно простенькие. Отбыв практику, он уехал в Москву. Примерно через год он вернулся на фабрику (может быть, писать дипломный проект), но на этот раз остановился не у нас, а в доме для приезжающих. К нам, вернее к маме, он пришел с визитом, парадно одетым. Мама приняла его в гостиной. Мы обе сидели тут же на длинной софе. Не помню, о чем шел разговор у старших. Внезапно Маруся (ей было года четыре) подбежала к Андрею Алексеевичу и поцеловала его руку, лежавшую на колене. Он поднялся во весь свой высокий рост, низко склонился и, в свою очередь, поцеловал ее крохотную ручонку. Помню, мама была крайне сконфужена и озадачена Марусиным поступком. Я тоже была удивлена, так как сестренка никогда ни словом не обмолвилась о своей привязанности к студенту. Это, наверно, была ее первая, еще не осознанная влюбленность.

Наша жизнь с Марусей

Наша дружба и близость с Марусей, продолжавшаяся всю жизнь, началась после того, как она освободилась от няниной опеки. Сменявшие Харитину Петровну гувернантки, почти все молоденькие прибалтийские немки, были, наверно, только довольны, что, прозанимавшись с нами положенное время, погуляв вне территории нашего участка — обычно это были прогулки по высокой набережной Волги, они могли беспрепятственно заниматься рукоделием или бесконечными разговорами на немецком языке с Лелей, которая была почти что их ровесницей. Читали они нам сказки Гримма, Андерсена, Перро, где главными действующими персонажами были принцессы, принцы, золушки, а конец был всегда счастливым.

Освободившись от внимания гувернанток, мы начинали наши бесконечные игры, стараясь лишь не шуметь, чтобы не привлекать внимания взрослых. Одним из наших любимых и, конечно, запрещенных развлечений было, как я уже писала ранее, катание на перилах лестницы из комнаты братьев в столовую. Зимой очень любили игры в переодевания, базой для них служил сундук, стоявший в гардеробной, с всякими отслужившими свой век мамиными и Лелиными туалетами. Попросив разрешения у мамы, мы открывали его и вытаскивали то, что подходило для задуманных игр-представлений. Чаще всего в них участвовали персонажи сказок, преимущественно немецких. Маруся была Красной Шапочкой, или принцессой, или госпожой; мне приходилось перевоплощаться из волка в бабушку, или же из колдуньи в рыцаря, или же в верного слугу. Было у нас «либретто» балета, называвшегося без затей «Девочка и бабочка». Составленные с подоконников несколько горшков с цветами изображали цветущий сад. Я же — бабочка — «порхала» среди них, а Маруся с сачком в руках преследовала меня. Кончалось это представление тем, что Маруся накрывала меня сачком, а я падала и замирала. Присутствие зрителей было необязательно, хотя и желательно.

Очень мы любили «экспедиции» в кухню и нежилые помещения: чуланчики, кладовые, погреб, сеновал, где всегда находилось что-либо интересное. И особенно — на огромный чердак нашего дома, где были свалены различные старые отслужившие свой век вещи. О нем Маруся написала стихотворение «Чердак», посвященное мне. Мы стремились навещать наших домашних животных, в частности поросят Максимку и Матрешку, которым придавали антропоморфные черты, сочиняя им забавные приключения.

Летом же мы все время пропадали в саду и на крокетной площадке. Там у нас было бесконечное количество всяких занятий: мы играли в классы, серсо, «дуболо»,* воланы, качели и обручи, строили себе домик из ящиков. А в часы, когда садовник Николай Андрианович уходил на обед, совершали (даже с гувернантками) налеты на ягодные кусты: крыжовник, малину или же клубнику. Если же Николай Андрианович заставал нас, то ворчал своим глухим басом и грозил пожаловаться мамаше. Зато как сияло удовольствием его лицо, когда он нес маме плоды своих трудов — полные решета спелых ягод или вишен.

Мы часто играли с Марусей в нашем большом зале, принося туда игрушки. Однажды среди дня отец вернулся с фабрики, очевидно чем-то расстроенным, и мы услышали, как он громким голосом за что-то отчитывает в передней горничную. Я торопливо принялась собирать лежащие на полу игрушки, чтобы поскорее убежать в детскую, и в спешке оставила карандаш. Маленькая Маруся, заметив его, всплеснула ручонками и в волнении воскликнула: «Опади! Кадак-то...»* (то есть: Господи! Карандаш-то...). За забытый на полу карандаш нам, конечно, ничего бы не было. Но таково было наше воспитание: мы всегда опасались вызвать неудовольствие своих родителей и особенно папы, которого в детстве побаивались, хотя очень любили.

На день рождения мне подарили «птичий двор», то есть в большой плоской коробке, разделенной на квадраты, лежали разные птицы: индюки, куры, утки, которые сестричка тщательно расставляла вместе со мной и рассматривала.

Больше всего ей нравилась самая большая птица из этого двора: большой белый с красными лапами и носом гусь. И вдруг она наклонилась, схватила этого гуся, прижала к груди с явным намерением его присвоить или отдельно играть с ним, словом, узурпировала себе эту игрушку. Мы с фрейлейн Идой запели в лад песенку, которую знали обе о краже гусей, на немецком языке. Маруся с удивлением переводила взгляд с фрейлейн на меня, потом поняла, что неправильно поступила, бросила игрушку и с плачем убежала в детскую. Мы с Идой бросились за ней, начали ее уговаривать, что она неправильно понимает, как играть с птичьим двором.

Примерно к этому же времени, может немного позже, произошел другой эпизод. Бабушка, Маруся и я стояли в нашей большой зале перед зеркалом, смотрели друг на друга, потом отправились в детскую. Уходя, я оглянулась и увидела, что Маруся смотрит в щель между стеной и зеркалом, как бы проверяя, не остались ли там какие-то следы нашего пребывания или что-либо волшебное. Вообще волшебство играло в нашем воображении большую роль. Несколько позднее я сообщила Марусе в шутку, что у меня есть маленькие «человечки», которые приходят ко мне по ночам и слушаются моих приказаний. Когда мы уже лежали вечером в наших кроватках, я начинала пальцами дробь по стенке и говорила Марусе: «Слышишь? Это «человечки» ко мне бегут. Я скажу им, чтобы завтра была хорошая погода». Малютка безусловно верила мне. Но вскоре эта игра прекратилась. Я попросила у мамы 20 копеек, чтобы купить Марусе шоколадный шарик будто бы от «человечков». Мама, узнав об этой моей выдумке, запретила мне обманывать Марусю. Пришлось сказать, что «человечки» убежали.

Марусе было года два, когда ее повели в ее невинные, можно сказать безгрешные, года причащать в церковь. Ей дали ложечку вина, которое ей, очевидно, понравилось, и мама с ней на руках пошла назад на свое место. Вдруг она почувствовала, что с Марусей творится неладное, она делала какие-то судорожные движения горлышком. Я только видела, как мама наклонилась, и у Маруси из ротика хлынула жид-

кость. Мама очень испугалась, потому что это как бы грешно, чтобы святое вино вышло обратно. Сразу же и Марусю и маму окружили какой-то занавеской. Маму тщательно осмотрели, но у нее на одежде ничего не было, и у Маруси тоже, лишь на полу небольшое пятнышко. Но надо было это как-то убрать. После окончания богослужения мама послала кого-то из служащих за спиртовой жидкостью, ею стали поливать лужицу и зажигать, чтобы она вся сгорела. Затем Марусю понесли домой, а ротик вытерли белоснежной тряпочкой, которую тоже сожгли. Отец Дмитрий сказал маме: «Ну зачем нужно было носить такую крошку, разве она может нагрешить?». Мама была сконфужена, она поняла, что перестаралась, и понесла дочку к бабушке. Бабушка тоже сказала: «Фанечка, ну зачем же, это же святой младенец, он не может нагрешить, зачем же его причащать?» После этого Марусю, по-моему, даже не повезли, а понесли домой, потому что боялись, что от тряски в экипаже ей опять станет дурно.

Очень рано проявилась в Марусе ее самостоятельность в принятии решений и их осуществлении. Однажды она, четырехлетняя, ушла тайком и направилась к бабушке, которая жила в Норском посаде в полутора-двух километрах от нас. Туда вели две дороги: одна по набережной Волги, другая — через темный еловый лес. Какую выбрала Маруся, я не знаю, но думаю, что первую. Она застала бабушку сидящей в кресле, углубленной в чтение, с чулком и спицами в руках. Подойдя вплотную, Маруся тронула ее колено и сказала: «Я убежала...» Бабушка тут же отправила прислугу с запиской к маме, что Маруся у нее. Можно представить состояние матери, когда обнаружилось, что ее маленькая дочь исчезла: ведь Волга была в пяти минутах ходьбы от восточной границы нашего участка. Мама вызвала по телефону лошадь и привезла беглянку домой.

Маруся была очень религиозна и старалась, будучи даже крошкой, соблюдать все обряды. Она любила петь песнопения и вместе с левым хором пела молитвы. Вместе с ней обычно бывала и тетка Елизавета, жена отца Дмитрия, неприятная женщина, она больше забавлялась незнанием Маруси и со сме-

хом рассказывала всем, как ее племянница понимает молитвы и как забавно она их произносит. Там среди бесконечных «Господи, помилуй, Господи, помилуй» была строка «отложим попечение, отложим попечение». В полном тексте это звучало так: «Иже херувимы* тайно образующе и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе. Всякое ныне житейское отложим попечение». Когда мы шли из церкви к бабушке, Маруся озабоченно меня спросила: «А ты будешь откладывать печение, как учит церковь? Ведь нам дают по два печенья на десерт. Одно и надо откладывать». Малютка понимала эти слова так, что не надо съедать все печение, а надо часть откладывать для каких-то неясных ей душеспасительных целей. Дома ей объяснили, что надо откладывать не печение, а попечение, то есть отложить все житейские заботы в момент молитвы, и думать только о божественном.

Как-то в гостях у этой тетушки Маруся подверглась опасности, которая могла бы привести к катастрофе. Уединившись ото всех, она вышла во двор. Внезапно из распахнутых ворот темного сарая выскочила бодливая корова* и бросилась на девочку. Маруся в страхе побежала к дому, корова настигла ее и прижала к забору, но Маруся была такая тоненькая, что рога вонзились в забор по обе стороны ее тельца. Выскочившие на ее крик взрослые отогнали бодливую корову. Обессиленную от ужаса Марусю на руках внесли в дом.

Как и многие дети, мы любили играть в школу, где обучали наших многочисленных кукол чтению, письму и арифметике. Была среди них и первая ученица Тамара с двумя длинными, аккуратно заплетенными каштановыми косами. Ее антиподом, то есть последней ученицей, была Ленка с растрепанной светлой шевелюрой и карими глазами. Хотя родители не применяли к нам «физических методов воздействия», мы наших учеников ставили в угол и шлепали за непослушание, незнание уроков и хулиганство. Ленке доставалось наравне с тремя куклами-мальчишками — Володькой, Борькой и Мишкой. Один раз после таких школьных занятий с куклами я, войдя в детскую, застала Марусю, утешающую Ленку. Она прижимала куклу к себе, гладила ее и целовала в

головку. Увидев меня, она смутилась, так как, очевидно, поняла всю «непедагогичность» своего поведения. Так в возрасте пяти лет проявилась еще одна черта ее характера — способность к сочувствию и состраданию.

Однажды Маруся и я нашли на садовой дорожке раненого стрижа. Очевидно, он налетел на что-то и разбился. Не без труда, так как он вырывался, положили птицу в картонную коробку, которую поставили на террасе в углу. Опыта по уходу за больными птицами у нас, конечно, никакого не было, пытались лишь только напоить и накормить «стриженьку», как ласково звала его Маруся, ничего не получалось. Через несколько дней он погиб. Горько плача, мы закопали его неподалеку от нашего маленького огорода.

Во времена юности моих братьев футбол только-только начал вытеснять такие игры, как городки, лапта, бабки. Оба брата со всей пылкостью пристрастились к этой новой игре. Состязания происходили на большой площадке за нашим огородом. Коля был неизменным голкипером, а Володя — капитаном команды и первым форвардом (так назывались нападающие). Кто были другими форвардами, бэками и хафбэками — я совершенно не помню. От голкипера, как мне кажется, требуется способность к мгновенной реакции.

На этой же площадке, превращавшейся летом в футбольное поле, а зимой в каток, произошло событие, о котором я хочу рассказать. Летним вечером 1914 года Маруся, брат Владимир и я устроились на удобных для сидения толстых брусках ограды этого поля. Солнце медленно погружалось за рощу, стоявшую в центре фабричного двора, окрашивая небо как обычно в золотисто-розовые тона. Высоко над головой повис тонкий лунный серп. Вдруг Маруся как бы неожиданно для себя, указывая на запад, отчетливо и громко произнесла четверостишие, первое в своей жизни:

Солнце спряталось туда,
Зарождается луна.
Это в нашем вкусе,
С принцем обнимусе.

Это были безупречные по размеру хореические строчки. К моему очень горькому стыду, ни брат, ни я не поняли, что присутствуем при рождении поэта, а лишь посмеялись над грамматической неправильностью последнего слова, порожденной влиянием няни на речь Маруси; к нашему удивлению, она тотчас удалила ошибку, заменив последнюю строку на «Еду в омнибусе».* Мне сейчас представляется, что в этом моментальном исправлении текста проявился самый первый росток и ее будущего таланта переводчика и редактора. Об этом первом стихотворном опыте позднее она напишет: «Я восприняла его, как чудо,* и с тех пор все началось, и мне, кажется, мое отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось».

Едва освоив азбуку (1912–1913), Маруся принялась за Пушкина. Помню, как она стояла в гостиной перед длинной кушеткой, приходившейся ей по грудь, на кушетке лежал раскрытый однотомник Пушкина. По своей еще малой грамотности она громко прочла: «О, Делея дорогая».* Я поправила сестренку, она повторила за мной начало стихотворения и дальше продолжала, до конца ни разу не ошибившись.

В детстве мы обе — Маруся и я — вели дневники. Писали их обычно в своей «конторе Труд», то есть за верстаком в большой комнате братьев, во время их отсутствия. Но показывали написанное друг другу далеко не всегда, а лишь в минуты наибольшего расположения. Ярко запечатлелись строчки из дневника Маруси, которые она мне прочитала: «Мы играли с Катей, но потом поссорились. Первая затейница была, конечно, я». Это запомнившееся мне проявление ее будущей самокритичности, строгости и взыскательности к себе.

Маруся и я хорошо запомнили громкий и негодующий голос отца: «Пожалуйста, не думайте, что вы, Петровых, какие-то особенные! Пожалуйста, не думайте!» Но чем было вызвано его недовольство нами — мы обе не могли вспомнить. Но, видно, было нечто, вызвавшее такую бурную реакцию. Как я думаю: это «нечто» заключалось в том, что нам — достаточно малым — наговаривали с двух сторон

гувернантки и тетушки. Первые, то есть гувернантки, часто произносили: 'Ihr seid doch des Hérren Direktors Kinder!' (Это же директорские дети!). Оттенки были разные: чаще укоризненные, реже — тщеславные. Тетушки же с гордостью рассказывали об основании нашей фамилии Петром, разные анекдоты из его жизни, повторяли его фразу: «Неблагодарность — из всех пороков наигнуснейший». Цитировали слова Неплюева* (что я узнала много позже): «Мы, его ученики, проведены им сквозь огонь и воду, инако воспитывались, инако мыслили и вели себя». Вспоминали также прабабушку — потомка угасшего рода удельных князей-рюриковичей (Сицких). Все это, конечно, впитывалось нами, откладывалось в сознании и создавало какое-то ощущение особенности, может быть даже исключительности, которые и заметил наш умный отец. Не знаю, как Марусе, Леле и братьям, но мне горько и дорого пришлось расплачиваться за эти качества, вернее — недостатки, так как работать после Октября мне (пятнадцатилетней) пришлось в железнодорожном коллективе, где некоторые звали меня с насмешкой «делехтор-ской», или же, в лучшем случае, «белой вороной», или говорили: «Уничтожим как класс!» Во мне же было сочетание некоторой гордости (увы!) с крайней застенчивостью. Меньшим пороком я считаю честолюбие, которое бывает высоким и является в известном смысле достоинством.*

О жизни нашей семьи после революции

Маруся-поэт: первые опыты

Как я уже писала, в середине 1918 года отец ушел с фабрики, остановленной из-за отсутствия топлива, и уехал в Москву к старшим детям. А мама с нами двумя переехала в Норский посад к бабушке. Жили голодно, меняли одежду на продукты, и самым вкусным, как помнится, было солоноватое печенье из картофельной шелухи. По вечерам все собирались вокруг обе-

денного стола, и при свете коптилки, а временами и лучины, каждый занимался своим делом. Сохранилось у меня от той поры стихотворение Маруси, к которому я сочинила незатейливый мотивчик (он даже записан на ноты), который мы пели на два голоса, Маруся — первым, я — вторым:

Иду в низину скатами,
Тоска томит, тоска томит.
Нору я слышу с берега —
Журчанье, как истерика,
О камни бьется струйками.
Родная, не горюй-ка, мы
С тобою сестры в горести ?
Ведь этот стих — мой горе-стих.
Он берегами крепко сжат,
Стремится гневно выбежать,
Разлиться бурной речкою,
Но слабо свою речь кую.
А берега насмешливо —
Победа их, как смеешь, вор! —
Промолвят. Сила берега,
Журчанье, как истерика.
Тоска томит, тоска томит,
Иду в низину скатами.

В Норском посаде на базе городского училища была создана школа 2-й ступени, в которую мы обе поступили. Уровень преподавания был крайне низок, так что я без труда дважды перескакивала через класс. У меня были математические способности, и учителя предрекали мне будущность Софьи Ковалевской, но — увы! — не получилось.*

В 1920 году, после того, как папа перешел на авторемонтный завод, мы всей семьей переехали в Ярославль. Я в это время уже служила на ярославской товарной станции Всполье.* А Маруся перешла в Ярославскую среднюю школу им. Некрасова.*

Мне запомнился один эпизод из жизни Маруси в это

время. Тринадцатилетняя Маруся при всех твердо запретила сидящей за столом знакомой сплетничать о женщине, которую она глубоко уважала. Маме пришлось извиняться перед гостьей, а Марусе — покинуть столовую. Вот так воспитывалось в нас уважение к старшим. Нам запрещалось не только делать им замечания, но даже возражать на какие бы то ни было высказывания взрослых. (Причем в данном случае я убеждена, что мать в душе была согласна с тем, что сказала Маруся.)

В школе Маруся стала увлекаться историей и написала пьесу «Жакерия» о крестьянском восстании во Франции в период столетней войны. Директор школы прочитал пьесу и сам поставил ее на сцене, а Марусю назвал талантливой. Тогда же ею было написано стихотворение «Петроний»:

С бледным лицом и улыбкой презрительной
Тихо склонил он ресницы.
Мимо рабыни, красы удивительной,
Робкой прошли вереницей.
Вена атласная ниткою стянута,
Кровь тихо каплет на ткани.
Бледный Петроний, никем не разгаданный,
Рушит последние грани.

Кинуты тени на щеки ресницами,
Бледные, тонкие тени.
Смотрят рабыни пугливыми птицами,
Легкие, словно виденья.

В Некрасовской школе она познакомилась с тремя сестрами Саловыми.* Средняя — Таня, самая красивая, вскоре покончила с собой из-за неразделенной любви к актеру Волковского театра. Марусю потрясла гибель Тани, она посвятила ей три стихотворения. Два из них как бы от имени влюбленного юноши — сила ее перевоплощения была такова, что родители Тани всерьез решили, что такой юноша существовал. Вот одно из них:

Видение

*Моей грезе погибшей, моему счастью
разбитому — посвящаю.*

Тане С., умершей 20.10.1922

Где ты, девушка славная, милая?
Мое счастье, мой солнечный май?!
Я стою над твоею могилою...
Здесь ли ты, мой потерянный рай?

Разве счастье быть может закопано?
Разве радость быть может мертва?
Нет, не здесь ты, где глина притоптана
И сыра, равнодушна земля...

Где же ты, моя зорька прекрасная?
Где же ты, светлый отблеск ракет?
Вон какие-то тени неясные....
О, скажи, это ты или нет?

Вижу голову, томно склоненную,
Эту тяжесть невиданных кос.
Вижу шейку, стыдливо влюбленную,
Вижу пряди роскошных волос.
Вижу лоб, беломраморный, девственный...

Вижу полные скорби глаза,
Да глаза-то какие чудесные,
В них дрожит и сверкает слеза...
Вижу брови задумчиво-скромные,

Вижу твой подвенечный наряд,
На груди руки, нежно сложенные,
Слышу дивных цветов аромат.
Я люблюсь тобой в отдалении

И тихонько-тихонько стою.
Мне так хочется встать на колени,
Но боюсь оскорбить тишину..
Долго ль я так стою?

Может, только мгновение,
Может, много часов..
Но вот шелест пронесся, и скрылось видение —
Я один средь крестов..

Старшая сестра Тани Маргарита Германовна стала по-
жизненным ближайшим другом Маруси. Это она ввела ее в
Ярославский союз поэтов,* где почетным председателем был
А. В. Луначарский. Она же познакомила совсем юную Мару-
сю с творчеством гениального художника М. С. Сарьяна,* со
стихами Блока, Пастернака, Есенина*. Маргариту Германовну
поражало, как тонко, всем своим существом Маруся вос-
принимала все прекрасное, относилось ли это к живописи,
литературе или поэзии. Так же глубоко она умела слушать и
слышать чужую радость, чужое горе.

Несколько слов о союзе поэтов, называвшемся «Ярославские
понеделники». Членами его состояли главным образом студен-
ты университета, и только одна Маруся была еще школьницей
предпоследнего класса (тогда было девятилетнее обучение).
Атмосфера союза была очень дружной и чистой. Его посещали
гости из Москвы: Вс. Иванов, Г. Шенгели* и другие, читавшие
свои произведения. Помещался союз в Доме санитарного про-
свещения, а затем в каком-то клубе. Так как состав членов был
невелик, то собирались иногда на квартире у М. Г. Саловой.*
Читали не только свои стихи, но и стихи других поэтов. Я, на-
пример, присутствовала там, когда «Двенадцать» Блока читал
Михаил Павлович Сироткин. Это он, проявив большую энергию,
организовал выпуск сборника «Ярославские понеделники»*
(тоненькая книжка в серой обложке). Там были помещены два
стихотворения Маруси — первая ее публикация.

А первое стихотворение, прочитанное Марусей в союзе,
начиналось так:

Ты плюешь в мои алые губы
И в глаза, что так любят тебя.
Пред тобой, мой жестокий, мой любый,
Я склоняюсь покорней стебля.

Выступала она с этими строками впервые, чтобы казаться взрослой, равной остальным. Я не была на этом вечере, но, возвращаясь домой с работы, встретила Рокицкого и Горбунова,* которые со смехом рассказали мне о выступлении малютки в коротком платьице с такими взрослыми стихами. Я заставила их серьезнее посмотреть на этот факт и подчеркнула, что у Маруси особый дар перевоплощения, и все написанное предельно искренне.

Из членов Союза поэтов, кроме М. Г. Саловой и М. П. Сироткина, могу назвать еще И. А. Ханасва,* Ю. К. Звонникова* и П. А. Грандицкого, одного из самых близких Марии Сергеевне людей в течение ее жизни.*

Постепенно Союз поэтов распался: многие члены по окончании Ярославского университета разъехались по местам работы. Маруся, приехав в Москву к родителям, поступила вместе с Юл. Нейман и Арс. Тарковским* на Высшие государственные литературные курсы, Петр Алексеевич Грандицкий — в аспирантуру.

Очень мне хочется, чтобы его стихотворение, посвященное Марии Сергеевне, было помещено в мои воспоминания или, что еще лучше, напечатано отдельно.

Марии Петровых

Сгущенный свет, янтарный виноград
В подвалах вековых, в глубокой тьме томят.
Чем дольше вызревает в них вино,
Тем крепче, благороднее оно.

Слова свои, сгущенный сердца свет,
В душевной глубине таишь ты много лет.

М. С. Петровых и П. А. Грандицкий. 1928

Тем благородней, крепче, тем острее
Янтарный хмель поэзии твоей.

У меня были темно-зеленые глаза. Маруся считала это некрасивым. Когда мы изредка с нею ссорились, она, сердясь на меня, говорила: «У-у, зеленоглазая», так как бранные слова в нашем лексиконе отсутствовали. Много позже, уже когда она посещала поэтический кружок «Ярославские понедельники», по-видимому, там от кого-то услышала, что это красивый цвет глаз. Тогда она, может быть, памятуя свои детские высказывания, посвятила мне стихо-творение:

Как жутко глядеть мне в глаза ваши темно-зеленые,
Там тайн слишком много, но нет объяснения;
Раскрытые, ясные, жутко и странно холодные,
Без страсти и без вдохновения.

Стараюсь я тайны узнать, в глубине этих глаз схороненные,
Я страстно, безумно хочу их признания,
Но гневно сверкают зрачки оскорбленные,
И гневно ресниц трепетание.

В моих же глазах, — о! —я знаю, любовь разгорается,
В ресницах безумных дрожит вдохновение,
А в ваших глазах тайный смех разгорается,
Зрачки выражают презрение.

И горько я плачу, насмешками теми обиженный,
Глаза ваши темным сгубили мне сердце презрением.
И горько рыдает поэт, в своей страсти униженный,
И сдавлена грудь сожалением.

...

Но кто же поймет ваши тайны, безумно манящие,
Пробудит в зрачках вдохновение?!

Ярославль, 9.12.1922

Как я чуть не уморила Марусю

Это произошло осенью 1927 года. Родители уехали отдыхать на юг (в последний раз в своей жизни). Мы остались с Марусей вдвоем и с маленьким котенком. Петр Алексеевич работал тогда в Воронежском университете и приезжал редко. Маруся только что перенесла тяжелый грипп, была очень слабенькой и еще лежала в постели. У меня же была срочная работа — технический перевод, который у меня плохо ладился. Одновременно я, натаскав дров из сарая, затопила печку, чтобы согреть Марусину достаточно сырую комнату. А сама лихорадочно работала, изредка помешивая кочергой горячую печь. Наконец работа была закончена, дрова прогорели, я закрыла выюшку, положила оставшиеся дрова у плиты и со спокойной совестью легла спать рядом с Марусей в ее широкой кровати и сразу заснула.

Среди ночи меня разбудил стон — это стонала Маруся. Я очнулась, голова раскалывалась, в ушах стоял шум. Сразу поняла, что угорела, и по своей вине: закрыла выюшку (заслонку), не перемешав хорошенько угли и оставив там головешку. А сама спокойно улеглась и уснула. Ощутила острей-

шее чувство вины: Маруся, еле поправившаяся, очень ослабевшая. Вопреки собственному скверному состоянию я кое-как, шатаясь, дошла до печки, открыла дверцу и обнаружила чадающую головешку, открыла задвижку и окно. Теперь надо было спасти Марусю.

Я завернула ее в одеяло, подняла — и к выходной двери на улицу, точнее, на крытую каменную галерею. Сделав несколько шагов, я потеряла сознание, очнувшись от падения прямо на дрова, Маруся лежала поперек меня. Чувство

Е. С. Петровых. 1939

вины перед ней придало мне силы. Опять подняла Марусю и двинулась в прихожую. Сколько шагов сделала — не знаю, но очнувшись снова на полу, и Маруся рядом. Наконец отворила дверь и кое-как вытащила ее на галерею и положила на холодный каменный пол. Сразу же сообразила, что она после болезни и ее надо положить на матрас. Возвращаясь в нашу комнату, опять очнувшись на полу, не ощутив момента потери сознания. Но, очнувшись, сразу вернулась к действительности: надо вытащить матрас и положить на него Марусю, чтобы она не заболела воспалением легких. С трудом, падая на дрова, вытащила матрас и положила на него бесчувственную Марусю. В аптечке достала нашатырный спирт. Кое-как привела ее в чувство и сама нанюхалась его. Несмотря на тяжелое физическое состояние, мозг работал напряженно и

четко. Принесла еще подушку и второе одеяло, укрыла ими Марусю и легла рядом с ней, стараясь ее согреть. Свежий воздух оказал свое действие, и сознание, хотя и не вполне, вернулось к нам. Если бы не грызущее чувство укоров совести, что, может быть, погубила сестру, я осталась бы лежать в постели и, наверное, угорела бы до смерти, но чувство вины спасло нас обеих.

Наш маленький котенок тоже выскочил на галерею. Он метался, прыгал, скакал по нашим лицам, словом, вполне оправдывал выражение: «мечется как угорелая кошка». Мы, несмотря на тяжелое состояние, смеялись над его прыжками. Я же в своем «угарном» состоянии построила теорию, что угар для него «веселящий газ» потому, что его ноздри гораздо меньше наших. Соседка ранним утром вышла на «галдарейку», как она ее называла, и страшно удивилась, увидав нас распростертыми на полу. Мы попросили ее позвонить кому-либо из знакомых. Маруся смогла вспомнить только номер телефона не слишком близкого знакомого Марка Тарловского.* Он быстро приехал, вызвал врача. Мы кое-как перебрались в нашу комнату. Я помню, очень стеснялась своего неприглядного вида.

Приехал врач и вызвал медицинскую сестру для уколов. Сестра, молодая толстая еврейка, нас очень смешила. Сделав укол, она считала нужным читать нам лекции, выкладывая свои познания. Несмотря на слабость, мы под одеялом тихонько толкали друг друга, давясь от смеха. Все лекции начинались фразой: «Мы вдыхаем кислород, а выдыхаем углекислый газ...» М. Тарловский позвал к нам Юрия Константиновича Звонникова (с семьей которого наши родители были знакомы по Ярославлю). Он заботился о нас, кормил, поил, приносил лекарства. Я, как более крепкая, скоро совсем поправилась и должна была выйти на работу, унося злосчастный перевод. Маруся постепенно поправилась. Вскоре вернулись родители, от которых, помнится, мы старались это приключение скрыть, но пришла соседка и поведала им всю историю.

Квартира Залесских

Квартира, где находилась наша комната, принадлежала до революции архитектору С. Б. Залесскому, о котором я уже упоминала ранее как об архитекторе, связанном с нашим отцом делами по перестройке Норской фабрики. В этой комнатухе я жила с 1924 года, со времени моего переезда из Ярославля в Москву, то есть еще до Маруси и до выхода замуж за Виктора Викторовича Чердынцева. Одно время владельцам квартир разрешалось «самоуплотняться» по своему усмотрению. С. Б. Залесский тогда и предложил мне поселиться у него в порядке самоуплотнения. Кроме меня он отдал одну из комнат своему чертежнику и невестке его жены с дочерью. Получилась настоящая коммунальная квартира с той лишь разницей, что все проживающие были хорошие знакомые хозяев и коммунальные склоки поэтому полностью отсутствовали. Да, забыла сказать, что еще в одной комнате жил сын Саввы Морозова Савва Саввич Морозов, которого в знак благодарности к его отцу содержал на своем довольствии театр, основанный Саввой Морозовым.

Семья Залесского состояла из трех человек: его самого, жены и их дочери Любочки — студентки архитектурного института, вышедшей замуж за композитора Льва Константиновича Книппера,* племянника актрисы МХАТа О. Л. Книппер, жены А. П. Чехова, что якобы давало ее племяннику право говорить: «Мы, Чеховы!»

Наша квартира находилась в доме на стыке Спиридоновки и Гранатного переулка. Парадное крыльцо (было еще и черное) выходило двумя-тремя ступенями прямо на тротуар. Вот тут-то и произошла встреча Маруси с Берией, потрясшая обоих. Она куда-то торопилась и, с силой распахнув входную дверь, очутилась прямо перед Берией. Оба смертельно испугались: Берия подумал, очевидно, что это покушение на его жизнь, а почему испугалась Маруся — понятно и так. Она со страху поспешила удалиться даже в противоположную сторону от направления своего движе-

ния. А вокруг Берии сразу же образовалось несколько человек (охраны).^{*} Берия жил неподалеку и по вечерам гулял по Гранатному переулку, может быть, заходил к Горькому, жившему в начале Малой Никитской, от которой начиналась Спиридоновка.

Раз уж упомянула свою квартирку, то не могу не вспомнить другой случай, повлекший недовольство и гнев архитектора. В то время я жила в этой комнатке вдвоем с Марусей. Комната была хоть и небольшая, но вмещала в себя две кровати, маленький столик и даже рояль, занимавший пожалуй треть ее. К Марусе часто приходили ее друзья по Литературным курсам: Юля Нейман, Володька Державин,^{*} Арсений Тарковский и еще 2–3 человека. Мы весело проводили время, но однажды сильно припозднились, и вся эта шарага осталась ночевать у нас. Кто лег на стулья, кто на пол, лично я спала на рояле. И вот ночью Арсению приспичило выйти. Не очень хорошо зная расположение комнат в квартире, он на обратном пути вломился в семейную спальню Залесских, разбудил их и на вопрос: «Кто там? Что такое?», с перепугу ляпнул: «Я не один, нас много», желая, видимо, снять с сестер подозрение в аморальном поведении, но, конечно, утром мы получили нагоняй от хозяина квартиры. До сих пор этот случай помню не только я, но и Арсений.

Мандельштам, Лева Гумилев, Сталин

Весной 1933 года А. А. Ахматова и О. Э. Мандельштам почти одновременно познакомились с Марусей. Потом оба они полушутя оспаривали друг у друга первенство открытия нового талантливого поэта и прелестного человека. Осип Эмильевич почти сразу же отчаянно влюбился в Марусю.^{*} Ей он посвятил два своих серьезных стихотворения и одно шуточное. Наверно, стоит их привести здесь.

Твоим узким плечам^{*}
Под бичами краснеть,

Екатерина Сергеевна Петровых

Под бичами краснеть,
На морозе гореть.

Твоим детским рукам
Утюги поднимать,
Утюги поднимать
Да веревки вязать.

Твоим нежным ногам
По стеклу босиком,
По стеклу босиком
За кровавым песком...

Ну а мне за тебя
Черной свечкой гореть,
Черной свечкой гореть
Да молиться не сметь.

1933–1934

Мастерица виноватых взоров,*
Маленьких держательница плеч,
Усмирен мужской опасный норов,
Не звучит утопленница-речь.

Ходят рыбы, рдея плавниками,
Раздувая жабры. На, возьми!
Их, бесшумно окающих ртами,
Полухлебом плоти накорми!

Мы не рыбы красно-золотые,
Наш обычай сестринский таков —
В теплом теле ребрышки худые
И напрасный влажный блеск зрачков.

Маком бровки мечен путь опасный...
Что же, мне, как янычару, люб
Этот крошечный летуче-красный,
Этот жалкий полумесяц губ?

Не скучай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои речи темные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

Ты, Мария, — гибнущим подмога.
Надо смерть предупредить, уснуть.
Я стою у твоего порога —
Уходи, уйди, еще побудь.

1934

Шуточное:

Марья Сергеевна,* мне ужасно хочется
Увидеть Вас старушкой-переводчицей
Неустанно, с головой трясущейся,
К народам СССР влекущейся,
И чтобы Вы без всякого представительства
Вошли к Шенгели в кабинет Издательства
И вышли, нагруженная гостинцами, —
Полурифмованными украинцами.

1933—1934

А ей он был просто неприятен физически. Он был неопрятен, жена, по-видимому, не придавала этому значения, и, кроме того, они всегда были как-то горделиво бедны. Ему в это время дали двухкомнатную квартиру в Нащекинском переулке. Говорили, что они спали на полу на газетах, ими же и прикрываясь. Потом у них появились часы-ходики. Впрочем, когда к ним приехала Анна Андреевна, они смогли предоставить ей ложе, так что слухи о «газетах», может быть, были и преувеличены.

Влюбленность Осипа Эмильевича в Марусю была чрезвычайна. Он приходил к нам на Гранатный по три раза в день. Прислонялся к двери, открывавшейся вовнутрь, и мы оказывались как бы взаперти. Говорил он не умолкая часа по полтора-

Мария Петровых. 1953

два. Глаза вдохновенно блестели, голова — запрокинута, говорил обо всем: о стихах, о музыке, живописи. На его фоне возникал Лев Гумилев* — восемнадцатилетний юноша, очень сильно картавивший и тоже влюбленный в Марусю. А у нее в это время распадался брак с Петром Алексеевичем Грандицким, и оба «ухажера» — и старый (Мандельштаму было всего 42 года, но выглядел он старцем), и малый были ей просто в тягость. Помню один эпизод, рассказанный мне Марусей. Она была дома одна, пришел Осип Эмильевич и, сев рядом

с ней на тахту, сказал: «Погладьте меня». Маруся, преодолевая нечто близкое к брезгливости, погладила его по плечу. «У меня голова есть», — сказал он обиженно.

В это же время бывал у нас приятель Петра Алексеевича — математик, которому тоже было 42 года, но выглядел он совершенно молодым человеком. Это нас почему-то очень сместило, особенно когда они совпадали.

Левушка-Гумилевушка, тоже чувствуя безразличие к нему Маруси, очень страдал. Анна Андреевна, видя это, однажды сказала: «Маруся, к чему вам этот мальчик?» На что Маруся ответила: «Он совсем ни к чему, отправьте его в Ленинград». Левушка говорил сестре: «Приезжайте в Ленинград, я вам там воздвигну хвам». Безударная буква «р» ему никак не удавалась. И не только «р», а и многие другие буквы были ему непод-

властны. Почему его не сводили в свое время к логопеду?! А у него не было даже своей комнаты, а только отгороженная чем-то часть коридора в коммунальной квартире.

Однажды мы все (то есть я, Маруся, Осип Эмильевич и Лева) пошли в консерваторию на «Страсти» Баха. Как же было просто тогда: захотели — и пошли в консерваторию на Баха. Никаких очередей, никакой предварительной записи. Так же было и с театральными билетами. Левушка очень почтительно вел меня под руку, хотя, конечно, ему было бы приятней вести Марусю. После концерта Мандельштам очень приподнято говорил о впечатлении, которое произвел на него Бах. Это, кажется, единственный раз, когда я слушала его внимательно. А вообще говоря, речь его хотя была почти всегда вдохновенна, но часто сумбурна и мало понятна.

А теперь о злополучном стихотворении о Сталине. Для тех, кто его не знает, приведу текст в том виде, как он мне запомнился:

Мы живем, под собою не чуя страны,*
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Так припомнят кремлевского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.
Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него, то малина
И широкая грудь осетина.

Где оно читалось, не знаю. Может быть, у Мандельштамов или у Бориса Леонидовича, что, впрочем, маловероятно, так

как они не были близки. Сколько было слушателей — тоже не знаю, мне, однако, представляется, что около 8—10 человек. Теперь все, то есть многие, это стихотворение знают и говорят о нем свободно, а в те ужасные годы даже подумать такое было страшно. Наверное, все слушали молча, оцепенев. Маруся была убеждена, что Сталину не было известно об этом стихотворении, что прислужники и приспешники сами боялись ему его прочитать. Иначе не только Мандельштам, но и все слушавшие и их близкие были бы уничтожены только за то, что услышали четыре последних слова: «и широкая грудь осетина». На знание о том, что отец у Сталина — осетин,* был наложен запрет строжайший. Почему? Не знаю — Сталин не любил осетин и считал себя чистокровным грузином, а отца у него как бы и не было. Может быть, Маруся права, так как и наказание Осипу Эмильевичу было по тем временам мягчайшее: высылка на три года в Чердынь. А безумец Мандельштам стал из-за всех сил клеветать на Марусю (о чем он сам сказал жене при свидании, отчего последняя была в ужасе) в надежде, что Марусю тоже вышлют в Чердынь, и там в уединении она оценит и полюбит его. Даже сотрудники НКВД понимали, что имеют дело с сумасшедшим. Но все узнавшие о поступке Осипа Эмильевича смотрели на Марусю как на обреченную. Она сама говорила мне: «Борис Леонидович смотрит на меня с ужасом и состраданием: как на обреченную».

После ареста Осипа Эмильевича Сталин позвонил Борису Леонидовичу. Пастернак сказал: «А как мне удостовериться, что это не розыгрыш?» Сталин ответил: «Позвоните в Кремль, и вам дадут мой кабинет». Когда Пастернака снова соединили со Сталиным, тот спросил: «Что вы можете сказать о Мандельштаме?» Борис Леонидович был ошарашен и смущенно промямлил: «Я не знаю, что сказать». В ответ смешок и слова: «Хороший же человек, если его друг не знает, что о нем сказать». И трубка резко щелкнула. Пастернак был в отчаянии. Говорили, что он писал Сталину, объясняя свой нелепый ответ неожиданностью вопроса. Наверно, писал, что Мандельштам первоклассный поэт, но очень нервный, болезненно нервный человек. Борис Леонидович ходил к Бухарину, а Анна

Андреевна к Енукидзе* хлопотать за Мандельштама. Не знаю, насколько соответствует действительности мой рассказ о разговоре Сталина с Борисом Леонидовичем. Но, думаю, найдутся другие, более близкие Пастернаку люди, которые могут подтвердить, если такой случай действительно имел место.

Ну а Марусю не арестовали лишь потому, что «там» поняли, чего добивается этот сумасшедший «хитрец» и решили не выполнять его безумного желания. Позднее Маруся очень сокрушалась о

том, что после ее категоричного отказа обезумевший от горя Мандельштам бросился на Ленинградский вокзал и дал пощечину уезжавшему А. Н. Толстому.* (Говорили, что пощечина была чисто символическая, то есть, что он приложил два пальца к щеке Алексея Николаевича.) Тем не менее поэт Перец Маркиш,* узнав о пощечине, с видом предельного изумления поднял палец вверх со словами: «О! Еврей дал пощечину графу!» Может быть, этот эпизод и был причиной столь мягкого по тем временам наказания. А. Н. Толстой был тогда в милости у «хозяина», правда, потом из нее выпал. Повторяю: Маруся была глубоко убеждена, что окружение Сталина не посмело показать ему стихотворение, но все же воспользовалось вокзальным инцидентом, чтобы наказать поэта.

Екатерина Петровых. 1939

Анна Андреевна Ахматова

В мае 1933 года Петр Алексеевич и я провожали Марусю в Ленинград к Анне Андреевне Ахматовой. Никакой предварительной письменной или устной договоренности не было. «Просто набралась нахальства и поехала», — говорила потом сестра. Анна Андреевна вообще очень настороженно относилась к посторонним, но Марусю она полюбила сразу и на всю жизнь. Остановилась Маруся в Ленинграде в знакомой еще по Норской фабрике семье Румянцевых. Их старшая дочь, Вера Федоровна, более сорока лет проработала библиографом в библиотеке Третьяковской галереи. Она была знакома с Анной Андреевной: ей одной из восьми других знакомых Ахматова доверила хранить в памяти свою поэму, которую она боялась даже записать, чтобы не нашли при аресте (иногда Анна Андреевна проверяла «сохранность» материала). Но к посредничеству Веры Федоровны Маруся не прибегла. Когда она сказала, что остановилась у Румянцевых на Невском, Анна Андреевна коротко сказала: «А, знаю». О своей первой беседе с Анной Андреевной Маруся никогда не рассказывала. Наверно, обеих поразило сходство их поэтических интересов. Думаю, что больше всего они читали друг другу свои стихи. Через два дня Анна Андреевна, вообще редко выходившая из дома, позвонила в дверь к Румянцевым, и знакомство закрепилось.

Дмитрий Николаевич Ушаков

Моя долгая жизнь дала мне возможность увидеть многих людей и среди них замечательных. К их числу, безусловно, относится Д. Н. Ушаков,* который приходился свойственником Марусе.

Второй муж ее, Виталий Дмитриевич Головачев,* был племянником Дмитрия Николаевича, который относился к Виталию с особенной нежностью, так как, несомненно,

видел в нем крупного ученого-филолога в будущем. Описывать Дмитрия Николаевича как ученого не буду. Скажу только, что он был профессором Московского университета и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Крупнейшим и весомым его вкладом в науку, безусловно, является составление «Толкового словаря русского языка» (1935–1944). Кроме Дмитрия Николаевича в составлении словаря участвовали еще четыре крупных филолога, но Ушаков был его вдохновителем и редактором. Как раз в это время мы, и в первую очередь Виталий с молодой женой, и бывали в этой семье.

Жили Ушаковы в большом деревянном особняке с садом между Арбатом и Пречистенкой (ныне ул. Кропоткина). В порядке самоуплотнения Ушаковы пригласили в свой дом известного в давние времена крупного пианиста и профессора консерватории Игумнова* с его двумя концертными роялями и отдали ему большой зал. Мне помнится, что он жил у них на правах члена семьи, то есть свободно ходил по всей квартире, часто бывая и в столовой семьи Ушаковых, где стоял уже третий рояль.

Бегло опишу членов семьи Ушакова. У родителей было четверо детей (три дочери и сын Владимир). Старшая дочь Вера была замужем за любимым учеником Дмитрия Николаевича — Винокуровым* (про него говорили, что он всегда носит в нагрудном кармане пиджака фотографию Дмитрия Николаевича). Эта семья с маленьким сыном тоже жила в этом же доме с родителями. Вторая дочь — Тата вышла замуж за крупного авиаконструктора Архангельского,* насколько помню, ученика Туполева, который, кажется, в это время был арестован. Кто-то шепотом сказал нам, что у Архангельского стоит наготове чемодан с теплым шерстяным бельем, носками и носовыми платками. Но я не помню, чтобы его арестовывали.

Младшая дочь Нина была лучшей машинисткой Москвы и неизменно получала первую премию на конкурсах. Я помню, как она печатала, — это была непрерывная пулеметная очередь. У нее была маленькая дочь Таня — ровесница нашей

*Екатерина, Виталий Головачев, Мария
1935–1936*

Ариши. И мы забавлялись тем, что, завернув малышей в одинаковые пеленки, по очереди подходили к Игумнову, заставляя угадывать, кто из них дочь Нины, а кто Маруси. Игумнов смущался, не в силах разрешить эту трудную для него задачу.

Сын Владимир занимался составлением физкультурных программ во время парадов на Красной площади.

Я бывала в семье Ушаковых главным образом в 1937–1939 годах, то есть когда ему

было 64–66 лет. Он был среднего роста, несколько худощав, движения легкие, совсем молодые. В эти годы как раз подходило к концу составление «Толкового словаря». Везде, где только можно, лежали листы с гранками. Трогать их молодежи не разрешалось. Словарь был закончен и выпущен в 1940 году, накануне мировой войны, когда Виталий был уже приговорен к пяти годам лагерей. Дмитрий Николаевич искренне и нежно относился к Марусе.

Умный, добрый, широкообразованный и безупречно воспитанный (что тогда становилось уже редкостью), он невольно привлекал сердца всех. Он был одним из последних представителей великолепной когорты профессоров МГУ XIX века. Помню, как сравнительно недавно один доцент-филолог МГУ говорил, что завидует всем, кто лично знал Дмитрия Николаевича. Добрая память о нем сохранилась и до сих пор.

Чистополь

Город Чистополь на Каме —
На сердце горящий шрам.*

М. Петровых

Это было совершенно невероятное совпадение, почти чудо, когда Маруся из Москвы, а я из Ленинграда, ничего не зная друг о друге, очутились вместе в маленьком городке на Каме.

Маруся приехала в Чистополь несколько раньше меня, а я из Казани, думаю, что-то в середине августа 1941 года. Помню, как Ариша поразила меня своим повзрослением, она еще не была в интернате, куда попала позже, когда Маруся должна была поехать в Москву.

Первое потрясение, которое испытала Маруся, произошло, кажется, в начале зимы — известие о гибели М. Цветаевой,* его она узнала от сына Марины при следующих обстоятельствах. Зачем-то она пошла в столовую в неурочное время. Там не было ни души, кроме Мура. Марусе было свойственно предчувствовать, ощущать события, особенно трагические. Она первая бросилась к Муру с взволнованным вопросом: «Что с Мариной Ивановной?» И услышала холодный ответ: «Марина Ивановна покончила с собой, так как не хотела мешать мне жить, как я хочу».*

Мура я хорошо помню: смуглый мальчик, почти юноша, с мрачными, траурными, как у Лермонтова, глазами. Он был талантливым художником-карикатуристом. Но произведения Кукрыниксов по сравнению с рисунками Мура были, как пасторали Ватто с «Капричос» Гойи. (Он вскоре уехал в Москву, поселился у Асеевых. Его взяли в армию, как только ему исполнилось 17 лет. Погиб он чуть ли не в первый день своего пребывания на фронте.)

Материальное положение Маруси в Чистополе было просто ужасным. Из-за пожара в Сокольниках она потеряла то небольшое, что имела. На какие-то гроши, полученные по страховке, она с трудом приобрела демисезонное пальто си-

зого цвета на несколько номеров больше ее размера. Просто нестерпимо было видеть ее в этом одеянии.

Но, как все, я здесь оглушена
Грохотом, которого не слышу...*

М. Петровых

Деревянный, с широкими, прямыми, несколько покатыми улицами, поросшими летом мелкой травкой, с протоптанными вместо тротуаров дорожками, превращавшимися весной и осенью в непролазную грязь, с большой пристанью на реке, называвшейся, кажется, Затоном, городок Чистополь стал местом, куда были направлены члены Союза писателей и Литфонда с семьями. Для детей был создан интернат. В организации его принимали активное участие Стонова* и Зинаида Николаевна Пастернак, жена поэта. Чтобы как-то наладить быт, создавались различные комиссии, например огородная, где членом был и Борис Леонидович. Кто-то занимался организацией столовой, которую открыли в огромном деревянном сарае — бывшем кинотеатре, где давали суп-баланду, а также выдавали хлебные карточки и хлеб

(насколько помню, по 200 граммов в день на члена семьи). В магазинах городка не было ничего, кроме зеленых зерен кофе, банок с горошком и крабами, которые приехавшие быстро раскупили.

В этой литфондовской «колонии» на общественных постах преобладали женщины — жены писателей. Большинство писателей отправились на фронт в качестве военных корреспондентов. Это, разумеется, накладывало особый отпечаток на быт колонии.

Кроме семей членов Литфонда и Союза в Чистополе обосновались и некоторые писатели, которые по своему

возрасту или по состоянию здоровья не могли быть призваны в армию. То были: Асеев, Федин, Пастернак, Матусовский, Парнах, Никитин, Леонов, Исаковский, Виктор Шкловский, Биль-Белоцерковский, Глебов, Арбузов.* Эта группа была как бы ядром, образовавшим нечто вроде филиала правления Союза, впрочем, кажется, без его прав. (Сам Союз располагался в Казани.) Иногда устраивались литературные вечера с чтением произведений как своих, так и тех, кто приезжал из Москвы или с фронта навестить семью. Из них помню Твардовского, Гроссмана, Сельвинского, Фадеева, Галкина.* Инициатором приглашения Маруси читать стихи, думаю, был Пастернак,

Екатерина Сергеевна с племянницей Ариной

так как никто больше не имел представления о ее таланте. Да и сам Борис Леонидович говорил потом: «Я знал, что вы талантливый, но от кого слышал — не помню». (Думаю, что от Ахматовой или Мандельштама.)

Итак, квази-правление Союза пригласило Марусю на свое закрытое заседание с чтением ее стихов. Настал вечер выступления, председатель Союза Федин прислал записку, что не может быть по состоянию здоровья (на самом деле ему было просто лень, так как ничего интересного он не ожидал). Что читала в тот вечер Маруся, я и тогда не знала, а теперь никто уже не сможет восстановить. Но впечатление от вдруг раскрывшегося таланта никому не известного поэта было огромным. На другой день весь литературный и околосредотворенный мир Чистополя гудел от чрезвычайной новости: появления нового талантливого поэта в лице скромной, тихой, мало кому известной М. С. Петровых.

У Б. Пастернака есть стихотворение этого периода, оно редко публикуется, поэтому мне хочется его привести. Называется оно — «В альбом Валерию Дмитриевичу Авдееву».*

Когда в своих воспоминаньях
Я к Чистополю подойду,
Я вспомню городок в геранях
С большими лодками в саду.

Я вспомню отмели под сплавом,
И огоньки, и каланчу,
И осень перед рекоставом —
Перенестись к вам захочу.

Каким тогда я буду старым!
Как мне покажется далек
Ваш дом, нас обдававший жаром,
Как разожженный камелек.

Я вспомню длинный стол и залу,
Где в мягких креслах у конца

Таланты братьев довершала
Улыбка умного отца.

И дни авдеевских салонов,
Где лучшие среди живых
Читали Федин и Леонов,
Тренев, Асеев, Петровых.

Забудьте наши «перегибы»,
И, чтоб полней загладить грех, —
Мое живейшее спасибо
За весь тот год, за нас за всех.
1.7.1942

Относительно «мук творчества». Мне кажется, что было бы полнее, правильнее сказать — «мук молчания». От немоты, оттого, что сказать есть что, а вдохновение не приходит, а когда посещает, то страстно, иногда можно сказать — бурно, выливается на белый лист, Маруся «умела домолчаться до стихов»*, но дорогой ценой, ценой страданий.

И еще: обостренное чувство вины, которое часто заставляло ее глубоко страдать (даже там, где ее, то есть вину, трудно было понять и уловить. (Но это и мое свойство, видимо, наследственное.)

У людей, особенно талантливых, — разная социальная ориентация и разное ее выражение. Маруся, можно сказать, страстно любила Родину, ее язык (который я считаю самым совершенным из всех европейских). И когда настал страшный час испытаний для Родины и всех нас — она выразила свое чувство в талантливых стихах. Помню, как Ираклий Андроников, лежа в госпитале, просил жену приносить ему военные стихи Маруси (о существовании других никто не знал).

Она была добра и, если могла помочь близкому и даже и совсем не близкому человеку, то, несмотря на болезненную хрупкость, помогала чем и как могла.

Теперь об одиночестве. Думаю, что на него обречен каждый, живущий глубокой духовной жизнью. И тут вряд ли что-либо изменить. Духовная жизнь Марии Сергеевны была сложной и глубокой. Несмотря на окружающих ее любящих близких и преданных ей друзей, она все равно была одинока.

Часть II

Чердынцевы

Сестры Шишovy

Никогда не думала, что мне придется стать «биографом» семьи Чердынцевых, в которую я вошла в 1938 году, став женою младшего сына Виктора.

Не думала об этом никогда, очевидно, и потому, что была старше своего мужа, считала, что первая уйду из жизни. Кроме того, совершенно не обладаю писательским даром. Но сейчас уже никто из оставшихся в живых не знает и не помнит о них столько, сколько сохранила моя память. Поэтому считаю своим долгом написать свои воспоминания, как бы несовершенно они ни были. И пусть тот, кто будет читать, смотрит на них как на правдивый рассказ и не судит строго его литературное несовершенство.

Начну с семьи моей свекрови Веры Иосифовны Чердынцевой (Шишовой). Прапрадед ваш, мои дети, — Иван Шишов — служил в акцизном управлении в винной монополии, больше я о нем ничего не слыхала. Его сын — ваш прадед — Осип Иванович Шишов (1842–1915) был бухгалтером на Норской фабрике и в 1874 году 32 лет отроду женился на Елизавете Петровне Борзовой* (1848–1917), чей отец был купеческого звания — Петр Борзов. От

*Иосиф Иванович Шишов с женой
и дочерьми Верой и Ольгой*

этого брака родились три дочери*: Ольга (1878–1955), Вера (1882–1969) и Александра (1884–1964). По работе Осип Иванович несколько совпал по времени с вашим дедом — С. А. Петровых,* поступившим на ту же фабрику в 1892 году. По крайней мере, в подругах трех сестер Шишовых числилась и Леночка Нетыкса — дочь надменного поляка, который был мной упомянут в первой части воспоминаний. Сестры учились в той же женской гимназии, что и сестры Петровых, но

несколько раньше. Но лишь Вера Иосифовна получила высшее образование, какое только и могло быть в России для неименитых женщин в то время. Она окончила Бес-тужевские курсы по историческому направлению, которые давали право преподавать этот предмет в гимназиях и училищах первой ступени.

Из этого обучения кроме хорошего знания немецкого и французского языка, что, впрочем, давала уже и гимназия, Вера Иосифовна вынесла глубокую любовь и преклонение перед гением Наполеона Бонапарта, о котором она не могла рассказывать без слез, особенно читая наизусть гетевское стихотворение — «Два гренадера». В ее комнате в Алма-Ате, как я хорошо помню, висел его портрет, который она сохранила даже при эвакуации и последующих переез-

Класс Веры в гостях у Шишовых. Стоят (справа налево): Елизавета Петровна Шишова, Александра, четвертая — Ольга; Вера сидит вторая справа у ног матери; на веранде — крайний слева — Иосиф Иванович Шишов.

дах, да и сейчас он хранится в семье, правда уже не на стене, так как дети мои благоговения перед ним не испытывают.

На Бестужевских же курсах она познакомилась со своей самой близкой подругой, с которой дружила до конца жизни, — Анной Викентьевной Смидович (в замужестве Нольде) — сестрой Викентия Викентьевича Смидовича (Вересаева) и двоюродной сестрой большевика Смидовича.* Семья Нольде (ее мужа) тоже была близка к текстильному делу, по крайней мере дядя мужа А. А. Нольде проходил по делу Промпартии* вместе с В. И. Чердынцевым.

Окончив курсы, Вера Иосифовна недолгое время преподавала в гимназии (сохранилась ее фотография в окружении учениц), но вскоре вышла замуж за инженера той же Норской фабрики Виктора Ивановича Чердынцева, о котором я в дальнейшем расскажу более подробно.

Старшая сестра Ольга Иосифовна вышла замуж за Александра Ивановича Рихтера (1875–1926) — прибалтийского немца, что усложнило жизнь семьи как в 1914, так и в послереволюционные годы. От этого брака родился сын Николай (1904–1972) и дочери Лидия (1907–1971) и Елизавета (1908–1995).

А младшая сестра Александра Иосифовна очень рано (в 16 лет) вступила в брак с Федором Никаноровичем Румянцевым, родив трех дочерей и двоих сыновей, перечислю детей по старшинству: Вера (1900–1970)*, Юлия (1902–1990), Борис (1905–1937), Владимир (1907–1945) и Елена (1911–1996). Судьба обоих братьев сложилась трагически: Борис покончил с собой, а Владимир (Люсик, как его ласково звали в семье) погиб в Венгрии в последний год Отечественной войны в Балатонской операции.

Историю самоубийства Бориса мне рассказала младшая из сестер — Елена. Произошло это так: жена Бориса тяжело заболела и лежала в больнице, а Борис как-то, смотря на одну свою знакомую, подумал про себя: вот жена умрет, я женюсь на этой девушке. И надо же было так случиться, что на другой день жена действительно умерла. Борис, мучимый раскаянием, что он как будто ускорил смерть жены такими своими мыслями, совершил суицид.

А сестры все дожили до преклонных годов. Юлия Федоровна стала врачом, участвовала в Великой Отечественной войне и вышла замуж за Федора Рафаиловича Мусина. Имела трех детей: Александра, Татьяну и Льва Мусиных.

Елена Федоровна стала инженером-химиком и работала главным образом в пищевой промышленности, вышла замуж за Льва Ивановича Маркова и родила дочь Марину Львовну Маркову — талантливого химика, специализировавшегося на производстве удобрений.

Вера Федоровна Румянцева жила одиноко, работала в Государственной Третьяковской картинной галерее искусствоведом. Она часто, почти каждую неделю, навещала свою тетку Веру, и ее приход всегда был радостью для всех нас. Остроумная, живая, она была непревзойденным по-

становщиком шарад и почти всегда приходила с чем-то новеньким, мастерски разыгрывая их перед благодарной публикой. Знакомство Верочки Румянцевой с А. А. Ахматовой состоялось еще в 20-х годах, когда Вера в очередной раз собиралась в гости к своей сестре Юлии в Ленинград, ее хороший знакомый — искусствовед Николай Николаевич Харджиев попросил ее зайти к А. А. и передать от него какое-то послание. Вера, конечно, с радостью согласилась, так как знала и любила творчество поэтессы. Съездила в Фонтанный дом, передала письмо и так понравилась Анне Андреевне, что она предложила Вере показать ей свои любимые места в этом городе. Так их знакомство перешло в дружбу, и Вера Федоровна всегда по приезду в Ленинград посещала Анну Андреевну.

Род Чердынцевых

19 февраля 1861 года император Александр II подписал указ об отмене крепостного права в России. Тем самым получили свободу многие тысячи крестьян, ставшие из подневольных рабов свободными людьми. В числе многих и многих тысяч была семья родоначальника рода Чердынцевых — Якова Чердынцева, состоявшая из жены и единственного сына Ивана. В это время семья жила в маленькой деревне бывшей Симбирской губернии. При выдаче вида на жительство (как он тогда правильно назывался, я не знаю, вряд ли сразу паспорт) человеку давалась и фамилия. Возможно, что где-то в каких-то документах и значилось, что за несколько десятилетий до этого семья была перевезена из маленького уездного городка Чердыни в Симбирскую губернию, а возможно, это было семейное прозвище, возникшее по той же причине. Для деревни, в которой они были пришельцами, это было бы естественно. Во всяком случае в первом же выданном документе им была присвоена фамилия Чердынцевы. (Есть еще вариант, что «чердынцами» на севере Руси называли коробейников, но установить, занимался ли

*Иван Яковлевич Чердынцев
с сыновьями*

кто-либо из предков семьи таким промыслом, не представляется возможным.)

Что касается Ивана Яковлевича Чердынцева, то он стал свободным в 18 лет, но так как был способным мальчиком, то к этому времени уже освоил грамоту у сельского дьячка и четыре правила арифметики, что позволило ему поступить на работу к крупному хлеботорговцу Симбирской и Самарской губерний. Фамилия этого купца, который доставлял хлеб с юга России в столицы — Петербург и Москву, была Петров* (прошу не путать с фамилией Петровых,

возникшей в Новгородской губернии).

Итак, Иван Чердынцев поступил на работу к этому вдовому хлеботорговцу, у которого была большая семья, управлявшаяся сестрой, взявшей на себя ведение большого хозяйства брата после смерти его супруги. Вскоре Мария Константиновна Петрова и Иван Яковлевич Чердынцев полюбили друг друга и поженились. И воспитывали, кроме своих детей, еще и племянников — детей брата. Есть упоминания о Чердынцевых и в дореволюционных архивных документах. Первый — «О заседании Карсунской городской Думы от 1 августа 1887 года», где в постановлении

значится: «12) О разрешении передать аренду городской мельницы на речке Карсунке симбирскому мещанину Чердынцеву». Это, очевидно, об И. Я. Чердынцеве. Во втором названы пятеро: «6-го августа 1914 года согласно списку могут быть избранными на выборы гласных в Карсунскую городскую думу Чердынцев К. И., Н. К. и Д. М., а также Чердынцев К. И. и Чердынцев Е. Я. Все они владеют имуществом более 25 лет, производя торговлю более года».

Мне известны подробности только о двух сыновьях Ивана Яковлевича, Сергее и Викторе, которые были, как и их отец, очень способными. (По смутным сведениям, двух других братьев звали Николай и Константин, а сестру Вера.)

Сергей не отличался особым прилежанием и долгое время кочевал из одного учебного заведения в другое, пока не был призван на военную службу и после этого пошел по военной стезе, дослужившись до генерала-артиллериста. Умер он, к счастью своей смертью, в 1919 году, оставив после себя двух дочерей, третья умерла еще при жизни отца. Дальнейшая судьба их не известна.

*Мария Константиновна
Чердынцева. 1888*

Виктор Иванович Чердынцев

Десяти лет Виктор Иванович поступил в реальное училище города Казани. Из воспоминаний за этот период мне запомнились его рассказы о рукопашных боях на льду двух противоборствующих концов города. Одна группировка состояла из рабочих, а другая — городская голытьба. Бились жестоко; в результате 1–2 убитых и большое количество изувеченных.

После окончания реального Виктор отправился в Петербург, где поступил в Высший технологический институт, в котором учился и мой отец, будучи на несколько курсов старше.

Сейчас мало кто знает, что молодой человек, получивший диплом Санкт-Петербургского технологического института, имел право: возводить гражданские сооружения, строить мосты, быть металлургом, текстильщиком, специалистом по кирпичному и кожевенному производству, словом, быть специалистом по всем технологическим процессам. Такой диплом я видела у моего отца. За границей русские инженеры ценились именно благодаря широте своего образования, которое позволяло им быстро овладевать тонкостями выбранной узкой специальности. Помню, как ближайший товарищ отца по институту Иосиф Антонович Короткевич был одним из первых специалистов по бетонным сооружениям. (У него начал работу мой брат, В. С. Петровых, окончивший Институт инженеров путей сообщения).

Нам уже в тридцатых годах XX века казалось странным, что такой незаурядный, талантливый человек, каким был Виктор Иванович Чердынцев, сделал своей специальностью текстильное производство. Однажды муж спросил его при мне, почему он выбрал такую малоинтересную и малоперспективную промышленность. «Видишь ли, — помолчав, сказал Виктор Иванович, — в конце XIX века текстильное дело было на подъеме, в расцвете, и казалось, что именно здесь можно добиться наибольших успехов. Что касается металлургии, то большинство заводов принадлежало казне. Технологи-

ческий процесс стоял на низком уровне (исключая, конечно, Обуховский завод). Чтобы поднять его, была нужна полная реорганизация производства. А это требовало крупных капиталовложений, на которые правительство могло не пойти. (Тогда считалось, что Россия — страна аграрная и должна оставаться таковой.) Я знал по опыту брата, как трудно было иметь дело с косным бюрократическим аппаратом». (Генерал Сергей Иванович Чердынцев был известным специалистом в военной, в основном артиллерийской, промышленности царской России.)

После окончания института Виктор Ива-

нович устроился на работу на Норскую фабрику, где уже служил С. А. Петровых. Но проработал он там в должности мастера лишь несколько лет. В 1900 году он вместе с моим отцом отправился на Всемирную выставку в Париж. (Вызывает некоторое удивление тот документально установленный факт из фонда охранного отделения департамента полиции Министерства внутренних дел, где имеется опись № 228 за 1900 год по делу № 149 «О дворянине Витольде-Бернарде Осипове Шанявском». На листах 3–5 содержится циркуляр за № 844 от 1 апреля 1900 года, которым начальникам жан-

Виктор Чердынцев — ученик 2 класса Казанского реального училища. 1885

*Виктор Иванович Чердынцев —
студент Петербургского
технологического института*

дармских управлений пограничных пунктов предписывается «приглядывать» с препровождением списка лиц, выбывших за границу. В списке лиц, «за которыми по возвращении их в пределы России надлежит учредить негласный надзор полиции», указано: «№ 18. Чердынцев Виктор Иванов, инженер-технолог, заграничный паспорт выдан ярославским гу-бернатором 17 марта 1900 г. за № 11». Не могу объяснить эту бумагу, так как, по словам Виктора Ивановича, политикой он никогда не занимался.*)

После выставки отец вернулся в Норское к работе, к семье, а Виктор Иванович поехал в Англию. (Из позднейших рассказов отца о Париже мое детское воображение больше всего было потрясено историей, как папа в ресторане ел лягушек). На прощание инженеры, или прядильщики, как они себя называли, подарили ему альбом в зеленом бархатном переплете с дощечкой из желтого металла, на которой вы-гравирована надпись: «Виктору Ивановичу Чердынцеву от прядильщиков Норской мануфактуры» — это трогательное проявление отношения сотрудников к нему. Я ведь за всю свою жизнь на Норской фабрике, а я все же там прожила 18 лет, ни разу не слышала, чтобы покидающему фабрику делали какой-нибудь памятный подарок на про-

щение. Такого никогда раньше не было, и это можно расценить как следствие удивительного обаяния личности Виктора Ивановича. Так оно и было, конечно.

Он отправился в Англию, как бы теперь сказали, на стажировку, правда, за свой счет. Приехав в Англию, остановился в Манчестере, который можно назвать столицей мануфактурного производства (слово «текстиль» тогда не существовало, оно появилось в России только после революции). Устроившись на работу в одну из самых крупных мануфактур

Манчестера, Виктор Иванович снял комнату в рабочей семье, и таким образом он получал знания английского и на фабрике, и в семейной обстановке, почему и овладел языком достаточно быстро, да и способности были незаурядные.

Поступив на работу, он начал с должности приемщика многопудовых кип хлопка, которые тут же пускали в обработку. Затем в течение четырех лет постепенно переходил из одного отдела (цеха) в другой, все на более сложные должности, овладевая всеми способами, применявшимися на этой передовой для своего времени мануфактуре, пока не освоил в подробностях весь технологический процесс. В 1904 году, достигнув должности заместителя директора, он закончил свою работу, отправив первую партию, первые вагоны в Среднюю Азию, покупателю тканей великолепных ситцев

*Константин Иванович Чердынцев
с супругой Евдокией Яковлевной*

Сергей Иванович Чердынцев

самых немыслимых расцветок, которые так любят там. После этого, получив удостоверение помощника управляющего фабрикой, Виктор Иванович решил, что ему пора возвращаться на родину в Россию.

На родине он поступил на Барановскую фабрику, где женой хозяина была дочь Прасковьи Герасимовны Прохоровой — владелицы Норской мануфактуры — Вера Константиновна. На Барановской фабрике, на станции Карабаново, его вскоре застала революция 1905 года. Рабочие фабрики, прогнав хозяев, организо-

вали свою «Карабановскую республику» — нечто вроде отдельного государства, возглавляемого рабочим комитетом. Некоторым инженерам удалось уехать вслед за хозяевами в Москву и другие города, потому что фабрика под управлением рабочих не сулила ничего хорошего для инженерного персонала. Начались бесконечные митинги. На одном из них Виктор Иванович выступил с единственной (как он мне сказал) речью в своей жизни. Я тогда спросила его: «Виктор Иванович, а о чем же была эта ваша первая и единственная в жизни речь?» Он смутился и сказал: «Ну, я обратился с призывом к мужчинам — рабочим этой фабрики, чтобы они лучше относились к своим женам, чтобы они понимали, что и воспитание детей, и хозяйство, и работа на фабрике требо-

вали от женщин большого напряжения, а мужчины-рабочие этого как-то не понимали. Они знали только свою работу на фабрике и этим ограничивались, а к женам относились скверно: поколачивали, издевались как могли. Вообще женский труд тогда очень низко ценился, а ведь в текстильном производстве их руки незаменимы...»

Революция вскоре кончилась. Хозяева вернулись на фабрику, и всех инженерно-технических работников, которые оставались на фабрике во время прихода к власти рабочих, они тут же уволили. В. И. Чердынцев с клеймом «красного инженера» стал безработным. Не знаю, были ли у него средства, чтобы жить без работы, но и брать его на службу с такой репутацией другие владельцы фабрик не стремились, считая его революционно настроенным специалистом, который может возмущать рабочих, призывая к свержению возвратившихся к власти хозяев. Это было, конечно, далеко не так, но отголоски такого отношения можно найти в книге «Красный Перевал», где описывается история Норской фабрики.

Единственные фабриканты — братья Морозовы, узнав о судьбе Виктора Ивановича, пригласили его на работу. Эти Морозовы, как и другие представители фамилии, происходили из крепкой старообрядческой семьи. Как рассказывала моя свекровь, сам Арсентий Иванович Морозов в начале XX века отошел от дела, передав фабрики своим сыновьям. Себе он оставил только наблюдение за чистотой территории. Одетый по-старинному в долгополый сюртук, он разъезжал на своей одноколке по всем задворкам и закоулкам фабрик, распекая дворовых приказчиков и грозя им хлыстом за нерадивость. Молодые Морозовы, воспитанные за границей, англазированные и надменные, совсем не походили на своего отца, хотя элементы хамства и бестактности у них и прорывались, о чем я расскажу в свое время. Их фабрика была одним из крупнейших текстильных предприятий в Богородске-Глухове (ныне город Ногинск).

Оказалось, что два брата Морозовых (Арсеньевичи по прозвищу, так как Морозовых было очень много, поэтому

каждому добавлялось какое-либо уточнение, чтобы не путать их друг с другом) были в Манчестере у той же фирмы для усовершенствования своих знаний в промышленности и английском языке. Скорее всего, в то время до них и дошли сведения о талантливом русском инженере, совершенствующем свои знания. Они поняли, какой он отличный специалист и, невзирая на его «революционное» прошлое, пригласили его сразу же возглавить один из отделов своей фабрики, которая имела в своем составе все цеха по обработке хлопка от первичной до превращения его в великолепный русский ситец. Виктор Иванович это предложение принял и стал заведовать отделом фабрики по первичной обработке хлопка и так же начал переходить из одного отдела в другой, всюду вводя усовершенствования, передовую технологию, вывезенную из Англии.

Вскоре их предприятие стало одним из лучших в России. Если считать, что Виктор Иванович поступил на фабрику Морозовых в начале 1906 года, то в 1908 году он овладел всеми отделами этой фабрики, стал полновластным директором не одной фабрики, а их в Богородско-Глуховском уезде было несколько, и все вместе они составляли целый комплекс мануфактур. На этой работе он был требователен, но предельно справедлив. А это качество всегда особенно ценится русским человеком. Как относились к нему рабочие, я расскажу позднее. А сами Морозовы однажды сказали Виктору Ивановичу: «Вы сами не знаете себе цены». И, чтобы никто не «переманил» его к себе, Морозовы назначили Виктору Ивановичу небывало высокое жалование (так называлась тогда зарплата) — такое получал только директор Обуховского завода, примерно 100 тысяч золотых рублей в месяц; для примера мой отец — тоже директор фабрики — получал 1 тысячу. Так что по всем статьям это было невероятно много. Разумеется, Морозовы оценили так высоко талант Виктора Ивановича не из чувства справедливости. Они хотели «закрепить» его на своих фабриках, обезопасить себя от возможности перехода его на другое место. Но Виктор Иванович, хотя и принял эту прибавку, остался по-прежнему независимым, сохраняющим

Молодожены Виктор Иванович и Вера Иосифовна Чердынцевы

присущее ему чувство собственного достоинства.

Кроме высокого оклада ему дали великолепный директорский особняк, и тут Виктор Иванович решил создать свою семью. Для этого у него уже была намечена девушка, проживающая на Норской фабрике и имеющая высшее образование. Это и была Вера Иосифовна Шишова, о которой шла речь выше. Сыграли свадьбу, в 1908 году у них родился сын, которого они назвали Сергеем. В семейном альбоме есть много фотографий маленького Сережи, воспитанием которого занималась не только мать, но и гувернантка, обучавшая его немецкому языку. А еще через четыре года — в 1912 году родился второй сын, названный, очевидно, в честь отца Виктором. Оба мальчика с самого юного возраста проявляли незаурядные способности. О Сергее директор школы в Богородске говорил, что он превосходит своими способностями отца, то

Семья Чердынцевых. 1914–1915

есть директора фабрики. Виктор Иванович мне это часто повторял, скорбя о потере сына. Ко времени пребывания семьи в Богородске относится и такая история.

В один из воскресных дней Виктор Иванович, взяв жену и двух маленьких сыновей — Сергея и Виктора, повел их на фабрику и стал рассказывать ребятам о технологическом процессе. Мальчиков все живо интересовало. Но на другой день один из Морозовых заметил Виктору Ивановичу, что он нарушает правила «внутреннего распорядка». «То есть как?» — удивился Виктор Иванович. «Вы приводите на фабрику посторонних людей, что категорически запрещено». «Кого?» — удивился Чердынцев. «Да, вы приводили на фабрику свою супругу и двух сыновей, людей, которые не являются сотрудниками, и в следующий раз...» — «А в следующий раз, — прервал их Виктор Иванович, — я выйду за ворота фабрики, и никакая сила не заставит меня вернуться обратно». — «Ах, что вы, что вы», — всполошились братья Морозовы при мысли потерять крупнейшего специалиста, — «ну это же просто так, это шутка, мы просто сказали, что

нам вот сообщили. Вы, конечно же, можете приводить на фабрику кого хотите». На этом эпизод и был исчерпан, но, конечно, бестактность хозяев от такой отповеди не исчезла, правда, перейдя на других инженеров и работников. Вера Иосифовна вспоминала такой случай: однажды на каком-то банкете один инженер неловким движением руки опрокинул стакан с красным вином на скатерть. Вызвав сразу же лакея, хозяева сказали: «Уберите сейчас же грязную скатерть, замените чистой, здесь не все умеют вести себя, как подобает воспитанным людям». Конечно, этот несчастный инженер был совершенно подавлен таким публичным оскорблением, не помню, покинул ли он после этого фабрику, но во всяком случае это был в высшей степени бестактный поступок и жестокое обращение со служащим со стороны хозяев. Ведь истинная воспитанность состоит не в том, чтобы не залить скатерть, а в том, чтобы не заметить, как это сделает кто-то другой.

С нашим отцом, с которым они учились в одном институте, а потом еще несколько лет работали на Норской фабрике, Виктор Иванович встречался только раз в год, не помню точно, в Петербурге или в Москве, где бывало ежегодное собрание инженеров-технологов. Их тогда было совсем немного по всей России, поэтому эти встречи и обмен опытом были очень ценны. Отец всегда надевал свой лучший сюртук, когда уезжал на эти собрания, где и встречался с В. И. Чердынцевым и с инженером Лебедевым* (эти две фамилии мне почему-то запомнились).

В 1913 году Виктор Иванович с женой и ее сестрой ездили за границу. Они посетили Париж, где Вера Иосифовна, фанатично обожавшая Наполеона, многократно посещала высеченную из розового кварцита гробницу великого человека в Доме инвалидов. Потом они были в Венеции. Через год, в 1914 году, еще до войны они снова посетили за границу, на этот раз Скандинавский полуостров. Война застала их путешествующими по Швеции. Свекровь не раз рассказывала мне, что они очутились под угрозой интернирования. С большими трудностями на крестьянской телеге переехали они

Сестры Шишовой с мужьями и детьми на даче. Стоят: Ольга и Вера Иосифовны, сидят: Александр Иванович Рихтер и Виктор Иванович Чердынцев с Сергеем и Виктором на коленях, стоят на переднем плане Лиза и Николай Рихтеры

через границы Швеции и Финляндии, а затем уже поездом до Петербурга.

Вскоре произошла Октябрьская революция, и владельцы Глуховского предприятия тут же эмигрировали в Англию, а Виктор Иванович первый раз был арестован. За его освобождение потребовали 100 тысяч рублей. Таких денег в семье не было, так как все средства находились в банке, и на них

тоже был наложен арест. Вера Иосифовна металась в поисках нужной суммы довольно долго, но нашелся какой-то человек, предложивший выкуп за Виктора Ивановича, сказав при этом: «За Чердынцевым не пропадет». (Кажется, он был еврей, фамилию я не помню.) Но отдавать не пришлось, так как человек этот пропал: или эмигрировал, или тоже был арестован. Виктор Иванович после освобождения покинул свой пост и устроился в Москве на вновь организованном предприятии, которым заведовал В. П. Ногин.* Под началом у Виктора Ивановича оказался младший брат Ногина — Павел, очень небрежно относившийся к своим служебным обязанностям.

В 1920 году в Англию отправилась первая советская торговая делегация. Ее возглавляли В. П. Ногин и Л. Б. Красин. Виктор Иванович был включен в нее как один из лучших специалистов в текстильной промышленности. Делегация ехала через Швецию — единственную страну, согласившуюся в то время пропустить через свою территорию «красных большевиков». Остановились они в небогатой гостинице, а обедать ходили тоже в недорогой ресторан, чтобы экономить валюту. Помню рассказ Виктора Ивановича о том, как среди английских снобов было «модно» ходить в этот ресторан, чтобы послушать, как едят русские. Конечно, это была чистейшей воды инсинуация и издевательство. Но все же Англия, если не считать Эстонию, была тогда первой страной, признавшей Советскую власть и заключившей торговое соглашение со Страной Советов. Тогда почти весь мир резко отрицательно относился к большевикам. Делегация пробыла в Англии два года, заключила много выгодных сделок. (Тогда в Англии В. И. Чердынцев положил в банк под хороший процент совсем незначительную сумму фунтов в надежде, что сможет побывать в Англии еще раз. Но ни ему, ни его сыновьям вкладом не пришлось воспользоваться). Я не знаю точно, сколько времени пробыл в Англии Виктор Иванович, но вернулся он в Россию раньше, чем вся делегация. Его жена написала ему письмо о трудностях, претерпеваемых ею в разруху, Чердынцев пошел с этим письмом к Красину, и тот отпустил его в Москву. В Москве Виктор Иванович снова стал

Первая советская торговая делегация в Англии. В верхнем ряду второй слева В. И. Чердынцев, в среднем ряду третий слева Л. Б. Красин, четвертый — В. П. Ногин. 1920

работать в Серпуховском тресте, в состав которого входил и Богородско-Глуховский комбинат. Павел Ногин за это время совершенно распустился: приходил и уходил когда хотел, а часто и вовсе не являлся на работу, считая, очевидно, что ему, имевшему брата, возглавляющего всю текстильную промышленность, можно работать спустя рукава. Виктор Иванович этого стерпеть не мог и был вынужден пригласить его в свой кабинет, где основательно отчитал. Тот, разозлившись, сказал, уходя: «Погоди, я тебя посажу — будешь знать».

В это время Сталин начал приводить в исполнение свой план по уничтожению интеллигенции, которую крайне недолюбливал. Началась серия процессов против инженерно-технической интеллигенции, в него попал и вновь арестованный Виктор Иванович. Не знаю, был ли его арест делом рук братьев Ногиных, но свекровь моя непоколебимо верила

в это. Процесс был открытым. Почти всем «вредителям» давали максимальный срок заключения — десять лет, и только одного Чердынцева приговорили к высшей мере — расстрелу. Причем приговор должен был быть приведен в исполнение по истечении 72 часов с момента его вынесения.

Мой отец работал тогда на Ярославском автозаводе, и наша семья жила на заводской территории. Помню, как однажды он пришел с работы в потрясенном состоянии, держа в руках газету: «Виктора Ивановича приговорили к расстрелу»*, — сказал он. (Тогда о судебных процессах писалось в газетах вполне открыто.) Надо сказать, что не только наша семья, но и все знавшие Виктора Ивановича относились к нему с какой-то особой любовью и уважением. Слова отца, как молнией, ударили меня. Выбегав во двор, потом через проходную на большую дорогу, я помчалась по аллее старых екатерининских берез, захлебываясь от слез, ничего не видя перед собой. Где-то упала и долго-долго рыдала, пока совсем не обессилела.

Можно ли представить состояние и самого Виктора Ивановича, и его жены Веры Иосифовны? Об этом я могу рассказать только по описанию очевидицы случившегося, друга семьи Чердынцевых — Екатерины Александровны Александровой (в прошлом актрисы, потом секретаря В.Э. Мейерхольда). Это происходило так: вместе с Екатериной Александровной Вера Иосифовна бросилась в Кремль, тогда еще открытый. Среди членов правительства был Смидович, двоюродный брат Анны Викентьевны Нольде — подруги Веры Иосифовны по Бестужевским курсам. К нему ходил кто-то из Смидовичей, но, пожалуй, больше всех хлопотал за Чердынцева музыкант Шар, знавший его только по рассказам. Но пока они пробивались и хлопотали, часы неумолимо шли, приближая момент казни. Наконец, отмена смертного приговора была получена, и бумага об этом была послана в Таганскую тюрьму, где находился Виктор Иванович. Тогда начались метания Веры Иосифовны и Екатерины Александровны между Кремлем и Таганкой. Но время шло и шло, а «бумага» где-то застряла. Персонал Таганки тоже

Семья Чердынцевых. 1925

волновался (ведь и они люди). Наконец, в последний раз побывав в Кремле и получив заверения, что постановление действительно отправлено, обе опять побежали на Таганку. На пороге их встретила сотрудница тюремной канцелярии с радостным криком: «Пришла, пришла!»... То есть пришла, наконец, бумага с постановлением о замене смертной казни 10-летним тюремным заключением.

Вскоре правительство Туркмении, узнав, что Чердынцев сидит в тюрьме, направило в Кремль просьбу откомандировать его к ним для строительства необходимой республике текстильной фабрики. Виктора Ивановича отправили в Полторацк, позднее переименованный в Ашхабад, в тюремном вагоне с решетками на окнах. Этим же поездом поехала жена с младшим сыном Витей. В нашем архиве хранится его дневничок с описанием среднеазиатских впечатлений.

Сначала Виктор Иванович содержался в тюрьме, откуда его под конвоем водили на работу на строительство фабрики, затем стали отпускать домой на обеденный перерыв, а потом и проводить воскресенья в семье, а под конец — жить с семьей на частной квартире, лишь заходя в тюрьму для отметки. Это

были еще очень либеральные времена... А когда фабрика была построена, то туркменское правительство так было довольное работой Виктора Ивановича, что стало ходатайствовать о снижении срока вдвое, что и было сделано: срок заключения сократили, и Виктор Иванович вернулся в Москву. За это время Сталин пересажал такое количество инженеров по обвинению во вредительстве и шпионаже, что возникла необходимость приглашать специалистов из-за границы. Этот период я хорошо помню. И можно не сомневаться, что уж среди последних были и действительные шпионы. После, разочаровавшись и в иностранных специалистах, Сталин наконец сообразил, что можно заставить работать и своих инженеров куда более продуктивно и притом почти бесплатно.

Началась новая волна арестов, в которую снова попал и Виктор Иванович (в 30-х годах). На этот раз условия для работы по специальности были почти совершенные. (Все это описано у Солженицына в его «Круге первом»). За хорошую работу отпускали досрочно. И хотя для Виктора Ивановича суд и на этот раз определил высшую меру наказания, но ее тут же заменили 10-летним сроком. В этой «шарашке» пробыл он не так долго. Но тут с устройством на работу уже возникли дополнительные трудности. Вот что я узнала от племянницы его жены — Елены Федоровны Марковой (урожденной Румянцевой).

Когда после второй отсидки Чердынцев вышел на свободу, то вновь поступить на работу человеку с двумя судимостями, следовательно «рецидивисту», да еще по статье 58/10-11, было очень трудно, почти невозможно. На все его попытки устроиться в Москве он получал отказы. Тогда Виктор Иванович решил обратиться на подмосковные фабрики, надеясь, что недостаток квалифицированных специалистов заставит снисходительнее подойти к его анкетным данным. Он приехал в Щелково, где на химическом заводе работала в те годы Елена Федоровна. Ей бросился в глаза его утомленный, печальный вид. В Щелкове находилась также текстильная фабрика, куда он и отправился. Племянница с мужем пошли проводить его до проходной, где и решили подождать. Че-

рез некоторое время Виктор Иванович вышел. Достаточно высокий и плотный мужчина как-то сразу осунулся. «Опять отказ», — бросил он. Некоторое время шли молча. «Я все могу понять: и то, что меня называли «вредителем» и «шпионом», как бы несправедливы и чудовищны эти обвинения ни были, но чтобы инженера Чердынцева не взяли на работу, когда он предлагает свои услуги, — это непостижимо, это в моей голове не уместается никак...» «Это его-то, — добавила Елена Федоровна, — которого называли «королем текстильных инженеров».

Все же как-то он опять устроился работать по своей специальности. Однажды поехал в командировку в Ногинск. Рабочие радостно приветствовали его, добавляя: «А мы думали, что вы, Виктор Иванович, все еще в узилище». А одна бабенка, забежав со спины, поцеловала заложенную по привычке руку. «Я был очень смущен», — говорил Виктор Иванович.

На службе он был деловит и строг. Принимал посетителей всегда стоя, чтобы те не расслаживались. Однажды один из них, не дожидаясь приглашения, уселся и предложил сесть Виктору Ивановичу. «Нет, это вы встаньте», — строго сказал Чердынцев. Разумеется, разговор на этот раз был предельно краток.

Жила семья Чердынцевых в то время, до 1938 года, в Москве на 3-й Мещанской улице, после этого переехали на Спартаковскую улицу, и даже имела прислугу — Варвару Черномырдину (не правда ли, забавно), которая в семейных преданиях осталась в памяти как ловкая воровка. Как-то летом, пользуясь отсутствием семьи, она с помощью своего племянника перевернула большой сундук с зимними вещами, конечно хорошо запертый, и, отодрав дно, похитила хорошую меховую шубку Веры Иосифовны. Конечно, не дожидаясь зимы, она осенью уволилась. Вера Иосифовна не простила ей эту потерю, по-моему, до конца своей жизни.

Находясь в тюрьме, Виктор Иванович научился хорошо штопать носки и дома освобождал жену от этой работы. Забавно было видеть, как этот серьезнейший, с отличными манерами человек сидит «с чулком в руках». Он умел всем

внушить уважение к себе, и я его очень полюбила.

Пришли ужасающие 1937 и 1938 годы. Слухи об ежедневных арестах не могли не действовать на Виктора Ивановича. Был арестован Виталий — Марусин муж, так и погибший от голода в тюрьме. Началась Великая Отечественная война. Весной 1942 года в блокадном Ленинграде умер в больнице от голода Сергей Викторович — старший сын Виктора Ивановича. Узнав об этом, родители тут же решили соединиться с младшим сыном. Мы жили тогда в Чистополе на Каме. Они приехали 5 июня, водой, очень осунувшиеся и удрученные: «У Веры Иосифовны хоть есть религия, — говорил Екатерине Александровне Виктор Иванович, — я же не могу смириться с этой утратой».

Небольшую радость испытали оба от знакомства с восьмимесячной внучкой Ксанушей*. Она уже могла стоять, держась ручками за перильца кровати. Так и встретила бабушку и деда. Они привезли много вещей, которые я меняла на рынке на продукты. Вскоре Виктор Иванович лег в больницу. Чувствуя, наверное, близость конца, он хотел умереть дома. Его отпустили. Был он так слаб, что его с трудом, на ковре, внесли в дом. Скончался он у меня на руках. И последнее его слово — «спасибо» — было обращено ко мне за букетик жалких придорожных цветов. Сын его Виктор Викторович в это время находился в Шугарове, где стали находить нефть, — «втором Баку», как его тогда называли.

Похоронили Виктора Ивановича на Чистопольском кладбище. Вот и все или почти все, что сохранилось в моей памяти об этом незаурядном, талантливом и обаятельном человеке.

Виктор Викторович Чердынцев

А теперь я расскажу о втором сыне Виктора Ивановича и моем муже. Виктор Викторович Чердынцев родился 17 мая 1912 года в Москве. Имеется копия выписки из метрической книги, выданная причтом московской Покров-ской, что в Левшине, церкви, в которой в качестве восприемников

Вера Иосифовна с сыном Виктором

новорожденного указаны личный почетный гражданин Иосиф Иванович Шишов и саксонская подданная Ольга Иосифовна Рихтер, то есть дед и тетя маленького Виктора. У матери не было (или было очень мало) молока, и ребенок страдал от голода. Кричал непрерывно, пока не засыпал, обессилев от крика. По совету Ольги Иосифовны была приглашена кормилица, и крики прекратились.

В детстве он часто и сильно болел: двухстороннее воспаление легких в шестимесячном возрасте с трудом было остановлено стараниями детского врача

Г. Н. Сперанского* (впоследствии — академика), приглашенного в Богородск для этой цели из Москвы. Врач прописал младенцу горчичные укутывания. Вторая серьезная болезнь, тоже связанная с легкими, случилась у него летом 1921 года. Болезнь была вызвана попавшей в бронхи метелкой травы тимopheевки, о чем, конечно, врачи и не подозревали. Мальчик был помещен в клинику профессора Киселя* с диагнозом: легочный туберкулез. В течение 100 дней вечерняя температура была под 40 градусов. Появилось кровохарканье, после этого отец буквально выкрал сына, завернув его в одеяло, привез домой. Болезнь прошла сразу, когда во время тяжелейшего приступа кашля окутанный слизью колосок тимopheевки вы-

Виктор с родителями в Сочи

летел из бронхов. Случай был даже описан в медицинском журнале, так как исход такого заболевания чаще бывал трагическим.

Первой его мечтой было стать поэтом. И он писал стихи, писал всю жизнь.* Вот пример одного из самых ранних стихотворений Вити, созданного в 6 лет:

Перо дрожит, рука нетверда,
Негибок слог и стар уж стал,
Но все же выступает гордо
Мной сотворенный идеал.

Но поэзия не стала его настоящим призванием, хотя некоторые его произведения находили место на страницах периодической печати.*

Виктор Чердынцев

В юности он увлекался древнерусской живописью и архитектурой XVIII века, в частности, творчеством гениального зодчего Баженова.* Он усердно посещал собрания общества «Старая Москва» и был активным членом другого общества — ОИРУ (Общество изучения русской усадьбы). Будучи 15-летним юношей занимался обследованием памятников архитектуры, производил обмеры, фотографировал, работал в библиотеке Исторического музея, куда в те годы попасть было трудно. Однаж-

ды он докопался там до плана усадьбы Баженова под Богородском, находившейся в Глуховском уезде (теперь Ногинский район) Московской области. Неоднократно ездил туда, а затем написал небольшую, но ценную по характеру рукопись, которая в 1928 году была напечатана в сборнике ОИРУ.* Им написано также интересное исследование «Работа Баженова над церковью Всех скорбящих радости и проблема двухцентричности в русской архитектуре». Статья получила высокую оценку крупного специалиста и была отдана в Институт архитектуры. Ездил он и по другим памятникам архитектуры. Так, в 1929 году он вместе с матерью ездил в Кострому, где они гостили у родственников — Румянцевых, имевших 5 детей, с которыми у Виктора сложились теплые отношения до конца жизни, а на обратном пути они захали

в город Юрьев-Польский, где осмотрели Георгиевский собор, славившийся своей белокаменной резьбой. По этому случаю было сочинено четверостишие, дошедшее до наших дней:

Я поеду с мамой в город Юрьев
Посмотреть на тамошний собор.
С нами вместе едет Юрий Гурьев,
Что свалился пьяный под забор.

Ю. Гурьев впоследствии стал мужем одной из кузин Виктора — Лидии Рихтер; надо сказать, что строки эти отражали действительность: выпить Юрий любил.

Виктор учился в общеобразовательной школе на одной из Мещанских улиц, считавшихся тогда окраиной города. Это совпало с периодом бесконечных экспериментов в методике преподавания. Виктор попал в то время, когда практиковался бригадный метод обучения. Школьников разделяли на бригады по 10 человек. Считалось, что после занятий они собираются вместе и «прорабатывают» полученные на уроке знания, чего на самом деле никогда не бывало. Отвечать за всю бригаду должен был один выбранный член. Нечего говорить, что им всегда был Виктор, обладавший абсолютной памятью, и его бригада считалась лучшей, хотя отметок тогда не ставили, а только «уд» или «неуд».

Виктор интересовался в это же время творчеством художников Палеха, перешедших с иконописи на «светскую» тематику, и даже ездил к ним читать лекции. На вопрос, о чем же были эти лекции, он несколько смущенно отвечал, как один из героев бессмертной комедии Грибоедова: «Ну... Взгляд и Нечто».*

Окончив школу, Виктор поступил в Институт народного хозяйства имени Плеханова. Возможно, тут сказалось влияние отца. В начале 1930 года он вместе с товарищем А. С. Кукель-Краевским перешел в только что открытый Московский энергетический институт. В сентябре этого же года был арестован его отец Виктор Иванович Чердынцев, и Виктор,

не дожидаясь своего отчисления из МЭИ,* уехал в Ленинград, где заканчивал университет его старший брат Сергей, талантливый физик-оптик. Братьев связывала нерасторжимая дружба. Посоветовавшись с Сергеем, Виктор взял телефонную книгу и начал изучать список научно-исследовательских институтов. Заинтересовал его Радиевый институт, и он решил именно с него начать свою работу.

Возглавлял институт В. И. Вернадский,* который всегда сам беседовал со всеми поступающими на работу. Виктору назначили прийти на собеседование к семи часам утра. Достаточно ранний час несколько озадачил Виктора, но все-таки он решил поступать в этот институт, наверно, ему импонировало название и то, что принимать будет сам академик. И, надев свою лучшую рубашку, он к семи утра в нужный день был в проходной института. Его фамилия была в списке на прием. С бьющимся сердцем подошел он к двери, где была написана фамилия академика Вернадского. Познания Виктора в физике были ограничены, но тем не менее Вернадский из краткой беседы все-таки уловил какие-то зачатки если не познаний, то какого-то интереса к их получению. Но попенял на его неначитанность в философии, сказал: «Как же это вы так? Вы Юма не читали.* Без этого нельзя создать свое мировоззрение». Потом дал для ознакомления несколько статей на нескольких языках, с тем чтобы через две недели высказать о них свое суждение. Отправившись в Публичную библиотеку и обложившись всеми словарями, Виктор, видимо, выполнил задание, и Вернадский приказал зачислить юношу в лабораторию на должность технического лаборанта. Несколько озадаченный легкостью поступления в такой ответственный институт, Виктор приступил к работе. Первый день работы был для него неудачным: начав работу, он почти сразу разбил нужный прибор, кажется называвшийся барбатор, в устройстве и с ощущением, что он ни на что не пригоден, шел домой. Дома посоветовался с Сергеем, тот сказал, что первый блин часто бывает комом, и не надо расстраиваться, а завтра надо идти как ни в чем не бывало в свою лабораторию. И на второй день он уже ничего не разбил, а проявил даже некую

Виктор и Сергей Чердынцевы. 1928

смышленость, и дальше все пошло хорошо. Вскоре ему было предложено сдать экстерном экзамены за физический факультет университета, с чем он успешно справился, получив соответствующий документ из Наркомпроса.

Надо еще добавить, что ощущения, что он ни на что не годен, случались у него в жизни еще не раз. Одно из них он описал в своем стихотворении «Баллада об электроскопе»,* а другой случился опять-таки в Ленинграде и мог бы кончиться трагически. Случилось так, что время, когда он разуверился в своих силах, совпало со временем личных переживаний, и он уже твердо решил свести счеты с жизнью. В Румянцевском саду на Васильевском острове он выбрал дерево, имевшее очень удобный горизонтальный сук. И в одну отнюдь не прекрасную ночь пришел туда с веревкой, желая выполнить задуманное. К его удивлению, сук этот оказался спиленным.* Виктор понял это как запрет высших сил и думать о самоубийстве.

Одной из задач Радиевого института было составление «Первой радиоактивной карты СССР». Каждый сезон экспе-

Виктор Чердынцев. Ленинград. 1930

диции, нацеленные на эту проблему, выезжали в различные регионы страны. Виктор Викторович всегда принимал в них участие, с увлечением занимаясь исследованием горных пород.

Еще до сдачи экзаменов по университетской программе, Виктор Викторович работает над теоретическими вопросами ядерной физики. Он публикует в журнале «Доклады Академии наук» статью «О систематике атомных ядер»,* которая становится одной из основ всей дальнейшей его работы. Прохождение аспирантуры и одновременное увлечение вопросами закономерности распределения атомных ядер, нуклеогенеза, астрофизических процессов — таков круг проблем, которыми занимается молодой ученый.

Первого декабря 1934 года раздался выстрел, который потряс до основания всю страну. Этим выстрелом был убит С. М. Киров, считавшийся ближайшим соратником Сталина. На другой день в газетах было сообщено об убийстве, названа фамилия его совершившего — Николаев,* и было сказано, что он является агентом иностранной разведки. Некоторых

это отчасти успокоило, но большинство ожидало волны репрессий. В Ленинграде начались массовые аресты и высылки. Высылались не десятки, а сотни и тысячи людей, не имеющих ни малейшего отношения к убийству Кирова. Работу эту проводило Особое совещание НКВД. (Наверное, круглосуточно.) Не обошла эта волна и братьев Чердынцевых.

13 марта 1935 года в Радиевом институте 23-летний аспирант Виктор Чердынцев был арестован и отправлен в «Кресты». Через три дня его освободили, дав «минус десять»* и обязав покинуть город через 15 дней. Этой же репрессивной мере был подвергнут Сергей (как член семьи младшего брата). Он был старше Виктора на 4 года и, закончив в 1929 году физфак ЛГУ, работал научным сотрудником в Государственном оптическом институте. Они жили вместе, занимали одну комнату в квартире профессора Гетера, и это, очевидно, дало основание считать их одной семьей. Начались хлопоты об отмене постановления и, в первую очередь, о разрешении продлить срок пребывания в Ленинграде. Вскоре братьям было разрешено прожить в городе один месяц. Но об отмене постановления НКВД следовало хлопотать только в Москве. Приехала мать, чтобы помочь сыновьям ликвидировать или раздать по знакомым их небогатое имущество. Накануне отъезда к братьям пришел профессор Торичан Павлович Кравец* — Сerezин руководитель. Мать и сыновья устроились на ночь на полу, так как кровати, видимо, удалось куда-то пристроить. Так их и застал профессор.

Через день все трое приехали в Москву, и начались новые хлопоты об отмене постановления о высылке. Братья обратились к Аросьевой — секретарю заместителя главного прокурора Леплевского. Она с большой доброжелательностью отнеслась к братьям и сделала все, что было в ее силах: затребовала их «дело» из Ленинграда, а получив его, устроила родителям высланных братьев прием у Леплевского. Тот, полистав дело, обратился к стоящим перед ним Виктору Ивановичу и Вере Иосифовне со словами: «Братьев Чердынцевых высылают из-за их отца». «Я их отец и стою перед вами», — сказал Виктор Иванович. Леплевский схватился за

голову: «Черт знает, что творится», — вырвалось у него. (Вскоре он застрелился.*) Сергей, кроме того, добился приема у Бухарина. Тот, выслушав Сережу, сказал: «Я ничего не смогу сделать для вас, молодой человек, идите». Бухарин, очевидно, уже чувствовал нависающую над ним угрозу и то, что его вмешательство в «дело» может только повредить братьям. Не добившись ничего, братья выехали в Ташкент, снабженные письмами добрых знакомых, а через два дня после их отъезда к родителям явился «чин» с вопросом: «Где сыновья?» Родители могли спокойно ответить, что они уехали, но никаких сведений от них они не имеют. То ли было бы, если бы «чин» пришел на два дня раньше... Могло последовать ужесточение репрессий да и мало ли что.

Дальше события развивались следующим образом. В первых числах июня 1935 года Академия наук с президиумом и ее институтами и сотрудниками переехала из Ленинграда в Москву. Переселился в Москву и В. И. Вернадский вместе с женой Натальей Егоровной. Они получили квартиру около Собачьей площадки в Дурновском переулке на втором этаже. Убедившись, что Вышинский не соизволил ответить на его письмо,* посланное в Кремль из Ленинграда, Владимир Иванович сразу же после приезда (повязав художнический бант и взяв в руки тросточку, как было принято) отправился в Кремль. С кем он там беседовал по делу Виктора, я не знаю, но во всяком случае постановление Особого совещания о высылке В. В. Чердынцева из Ленинграда было отменено. Это произошло 2 июля.

Получив это радостное известие, Виктор сразу же выехал в Ленинград и появился в Радиевом институте, где был встречен с распростертыми объятиями. Хлопин, теперь являвшийся директором института, тут же сообщил письмом В. И. Вернадскому в Москву о его возвращении, и, что самое главное, во время высылки В. В. Чердынцева директором был отдан приказ числить его в командировке (экспедиции), поэтому в трудовой книжке Виктора никакого перерыва стажа не было, и ему не пришлось вторично устраиваться на работу уже с «испорченной» биографией.

Не так обстояли дела у старшего брата: из Оптического института его сразу после высылки уволили, и были большие трудности с устройством на работу, а также с получением паспорта. Но и у Виктора с получением паспорта в ленинградском НКВД дела прошли не блестяще. Сотрудник, к которому он попал на прием, еще не выдавая паспорта, предложил ему стать тайным осведомителем... Можно себе представить, как категорично и раздраженно отверг Виктор это предложение. Чиновник продолжал настаивать, а в ответ получил тот же категорический отказ. Так продолжалось не один час. Наконец чиновник не выдержал и выдал паспорт, сказав на прощание: «Вы нас будете помнить». «Еще бы!» — подумал Виктор. А Сергей, когда ему там же предложили то же самое, просто забился в истерическом припадке и его оставили в покое.

Вернувшись в институт, Виктор Викторович занялся диссертацией. Сначала его руководителем был академик Фок, совершенно глухой и раздражительный, потом член-корреспондент Я. И. Френкель,* очень загруженный разными обязанностями и не очень обращавший внимание на своих аспирантов. Иногда Виктор, тащившийся к нему трамваем через весь город, узнавал, что Яков Ильич уже уехал и больше сегодня не будет... Это бывало достаточно часто уже на моей памяти.

Началась финская война, фронт был почти рядом, и жизнь города в значительной мере была нарушена. Прифронтовая обстановка переставала ощущаться только во время летних экспедиций института на Кавказские Минеральные Воды, где Виктор Викторович занимался поисками радоновых вод для Минздрава. Жили мы у подножия горы Бештау в немецкой колонии Еленовка у женщины по имени Кондратьевна, с которой Виктор все собирался распить «Хальблитер», но, кажется, эта затея так и не состоялась. Досталась Виктору Викторовичу для обследования гора Бештау, она вся была покрыта густыми лиственными деревьями, между ними теснились кусты шиповника с благоухающими желтыми, белыми и розовыми цветами. Кое-где вились тропинки,

Екатерина Сергеевна. 1939

по которым мы втроем, Виктор Викторович, я в качестве химика, коллектор Василий Васильевич Гофман, обладавший большим чувством юмора, так что они с Виктором чудесно ладили, пробирались к балкам, где текли небольшие ручейки. Для измерения радона в воде ее брали у самого выхода источника из земли. Иногда долго приходилось копать землю, чтобы обнаружить этот выход, а потом ждать, пока потревоженная земля осядет и потечет тонкая чистая струйка. Воду набирали в сосуды-барбаторы, за-

полняли ими рюкзаки, и Виктор и Гофман тащили их на спине, а я же несла что-либо менее тяжелое. Вода одного из источников, его номер был, помнится, 36-й (моей обязанностью было вырезать номер на ближайшем дереве), показала такое аномально высокое содержание радона, на несколько порядков выше нормального, что Виктор возвращался к источнику несколько раз, брал пробы, но результат анализа был неизменным. В своем отчете Виктор Викторович подчеркнул это, не подозревая, что наткнулся на урановое месторождение. Когда стало известно значение урана, Бештау огородили высоким забором и всю раскопали. Но о том, что это месторождение обнаружено Виктором, больше никто не упоминал. Это было, как я считаю, первое открытие В.В. Чердынцева.

Весной 1941 года он опять посетил Бештау, чтобы убедиться в правильности результатов. Поехал один, так как я уже ждала ребенка. Он часто писал мне оттуда.

Обстановка была тревожной, приближалась война, она вот-вот нависнет над страной. Молотов заключил соглашение с немецким министром иностранных дел о ненападении. А Сталин считал, что первый начнет войну, которая приведет его к победе. И вскоре началась Отечественная война, но не совсем так, как мечтал вождь. Этот день мы, Виктор, Сергей, я и приехавший в Ленинград из Москвы со своими аспирантами Михаил Андреевич Ильин, провели в Старой Ладоге, где по преданию поселился варяжский князь Рюрик. Только вернувшись к вечернему поезду на станцию, мы узнали о беде. (Этот первый ее день очень хорошо описан М. А. Ильиным.)*

Настало тревожное время. Вскоре немецкие самолеты стали прорываться к городу. Бомбили Пулково, Царское Село. Снова начались затемнения, очереди. Молотов объявил о суровом наказании тех, кто будет делать запасы. И я, как последняя дура, ничего не закупала, хотя бы кисель, который можно было приобрести без очереди. Этим, может быть, спасся бы Сергей Викторович. Вот так и висит на моей совести этот некупленный кисель.

Сергей Викторович Чердынцев

Несколько слов о Сергее Викторовиче Чердынцеве. Это был талантливый ученый, даже очень талантливый. Так, в 1979 году С. Б. Одинокоев, познакомившись с В. В. Чердынцевым-младшим — моим сыном, спросил, кем приходится ему С. В. Чердынцев. Узнав о близком родстве их, сказал: «Работы Сергея Викторовича по оптической анизотропии в настоящее время приобрели актуальность. Фактически в них высказаны все принципы, которые используются сейчас». А Торичан Павлович Кравец после гибели Сергея писал его матери: «Это был готовый доктор

Сергей Чердынцев. Сочи

наук». Надо сказать, что Сергей не успел защитить даже кандидатскую диссертацию. К жизни он был совершенно не приспособлен. Когда братья жили вдвоем, все хозяйственные дела лежали на Викторе, то есть покупка продуктов, получение ордеров на дрова и сами дрова, топка печи и т. д. Сергей был на это не способен, и только на этой почве между братьями иногда возникали конфликты. Уезжая в эвакуацию, я поделила все имевшееся в малом количестве продукты на три

равные части, а надо было бы все оставить Сергею. Но тогда казалось, что это мы едем в неведомые края, а он-то остается в одной из столиц, которую, конечно, будут снабжать. (Никто не мог тогда предсказать всего ужаса многомесячной блокады и пожара Бадаевских складов, главного продуктового запаса города, в первые же месяцы блокады.) Да еще к нам для уборки квартиры ходила старая женщина, очень богомольная, но она была нечиста на руку и стащила у Виктора две хорошие иконы строгановской школы. Пропажу обнаружили не сразу, и она, разумеется, все отрицала. Убеждена, что после нашего отъезда она похитила у Сергея все продукты, оставленные ему. Почему-то кафедру оптики в ЛГУ не эвакуировали. И уже весной 1942 года он ослабел от голода, развилась

дистрофия, его положили в больницу, в которой его навестил его руководитель Т. П. Кравец. По его рассказам, Сергей даже в этом умирающем от голода состоянии был полон творческих планов и делился ими с руководителем. А чуть ли не на следующий день он умер, и Торичан Павлович сам отвез его на саночках в братскую могилу на Пискаревское кладбище.

Эвакуация

А нас — и Радиевый, и Оптический институты, и другие оставшиеся в Ленинграде организации — начали вывозить в Казань в конце июля. По дороге наш поезд несколько раз облетали вражеские самолеты, но ни одна бомба в нас не попала. Разумеется, если бы фашисты знали, что поезд везет ученых, интеллектуальное богатство города, от поезда ничего бы не осталось.

В Казани нас разместили в Клыковке, пригороде, где находилось студенческое общежитие (невиданный доселе клоповник). Вскоре РИАН организовал бригаду по поиску нефти в Татарии с базой в городе Чистополе на реке Каме. По совершенно невероятному совпадению туда же приехала моя сестра Маруся с дочкой Аришей вместе со всем Литфондом Союза писателей. Виктор Викторович был назначен начальником бригады. Нефть следовало отыскать во что бы то ни стало, так как немецкие самолеты осенью 1941 года уже стали долетать до Волги и нещадно бомбили нефтеналивные баржи. В бригаде кроме двух научных сотрудников были и 2–3 мальчика рабочих, в их числе Сережа Капица,* который приходил к нам обедать, принося часто банку с мясными консервами. Засиживался у нас долго, рассказывая иногда забавные истории. Вот одна из них.

Однажды он серьезно нарушил институтские правила. Его вызвал директор, отчитал как следует, а под конец заявил, что отправляет его на фронт. «Вы не можете сделать этого» — «То есть как!» — вскипел директор. «А мне еще нет

пятнадцати лет», — сказал Сергей. Узнав фамилию недисциплинированного студента, директор отпустил его, даже не сделав выговора в приказе. Другая история звучала даже несколько непристойно из-за несовершенного знания им русского языка. Рассказывая нам о своих путешествиях вместе с отцом по заграницам, Сережа вскользь обронил такую фразу: «Приехали мы с папой в Вашингтон и сразу пошли в публичный дом...» Так он перевел с английского «Public House» — гостиницу, по-нашему.

Живя в Чистополе, Виктор Викторович узнал, что неподалеку в маленьком городке Елабуге находится в эвакуации академик Амбарцумян,* с которым он встречался в Ленинграде. Захватив свою вторую диссертацию о распространении химических элементов, он отправился к Виктору Амазасповичу. Добравшись до Елабуги, обратился к академику с просьбой просмотреть диссертацию и дать свой отзыв. Через 2–3 дня он снова вернулся к Амбарцумяну. «Да это у вас докторская, — сказал академик, — пишите другую, кандидатскую».

Можно представить, каким окрыленным явился Виктор в Чистополь, потом съездил в Казань к директору Радиевого института В. Г. Хлопину. Тот сказал: «Пишите, Викчер (так прозвали Виктора в институте), кандидатскую скорее, — и шутя продолжил, — о чем хотите, хоть о гинекологии». Виктор тут же сел писать третью диссертацию.

Между тем, нефть была обнаружена около двух населенных пунктов — Шугарово и Тоймазу. (Тут был сочинен стих: «Ехал папа в Тоймазу менять дочку на козу» — жили-то мы тогда достаточно голодно, и мечта о козе нет-нет да и прорывалась.) Кандидатскую же «О содержании радона в природных водах» защитил не без скрипа, так как оппоненты настаивали, что это не физическая, а геологическая тематика. Но благодаря поддержке Александра Ерминингельдовича Арбузова* и Виталия Григорьевича Хлопина Виктор стал кандидатом химических наук. В то голодное время это было крайне важно, так как кандидатам давался очень приличный паек. А семья у нас была уже немаленькая — 4 человека.

Алма-Ата

Кончилась война. Но еще раньше, в 1944 году, эвакуированные потянулись в родные места. Только Виктор Викторович, встретив в Москве академика Каныша Имматгеновича Сатпаева,* посулившего ему в Алма-Ате «золотые горы» (место заведующего лабораторией, штаты, наконец квартиру), решил наперекор всему потоку, движущемуся в Москву и Ленинград, поехать с семьей в столицу Казахстана. Ехали мы через Москву, где у матери Виктора была небольшая комната в коммуналке. Мои родные, мать и сестра Маруся были в ужасе, что я отваживаюсь ехать с больным ребенком чуть не на край света. Мы остановились в комнатке Маруси в Гранатном переулке. Она пригласила давнего знакомого профессора МГУ, который прожил эвакуацию в Алма-Ате, тот говорил, что там очень голодно, умирают люди. Произнес и такую фразу: «Там все лгут и обманывают». Но Виктор, несмотря на мои слезы и мольбы, решил претворить в жизнь намеченный им план.

Он твердо надеялся, что ему удастся сделать открытие, которое не только вернет его в столицу, но и даст ему мировое имя в науке. Правда, позднее ему удалось сделать два открытия (по неравновесному урану-234 и, второе, по аномально великому — на несколько порядков — содержанию гелия в каменном метеорите), но не того масштаба, о котором он мечтал. Но всю свою жизнь (о чем он пишет в своем Тихоокеанском дневнике) эта мечта не покидала его. И он надеялся найти ее подтверждение в вулканах на островах Тихого океана и Дальнего Востока.

Но возвращаясь к нашему переселению в Алма-Ату. («Это была стратегическая ошибка», — напишет Виктор мне впоследствии.) Итак, разместились мы в 4-местном купе и покинули Москву. Провожала нас вся моя родня и родня Виктора. Еще бы, «Чердынцевы уезжают почти на край света».

Поезд шел медленно, часто стоял в чистом поле. После Волги началась «экзотика» — верблюды, юрты, хотя и редкие. Через 6 дней доехали до Алма-Аты. Сначала на горизонте воз-

Екатерина Сергеевна с дочерью Ксенией. Казань—Алма-Ата. 1944

никили цепи снежных гор — отроги Тянь-Шаня. На станции обычная суета и неразбериха.

Наконец нас водворили в один из кабинетов в здании бывшей Духовной консистории. Это была большая комната с очень высокими потолками, несколько канцелярских шкафов и столов, две железные кровати. Занимая четверть комнаты, лежали дрова, заготовленные для нас, — огромные голые тяжелые стволы саксаула без сучьев, без листьев, я видела их впервые. Началась обычная жизнь — быт, работа. Виктор пропадал на ней целые дни. Под лабораторию ему дали две маленькие комнаты бывшего санузла. Сотрудников, включая уборщицу по фамилии Капля, было четверо плюс сам заведующий.

В свободные минуты я читала книгу Шнитникова об Алма-Ате,* где описывались стихийные бедствия, ее потрясавшие, — сель и два землетрясения. Вскоре и нас потрясло довольно основательно (думаю, 5–6 баллов). Тяжелые и длинные стволы саксаула перекатывались по комнате, как будто кто-то в них играл, люстра с одной скудной лампоч-

кой неистово раскачивалась, скрипели ржавые кровати. Во дворе ревели верблюды (основной транспорт). Отчаянно надрывались собаки. Я стояла с Ксенией в руках под прилокой, не зная, что делать: бежать с ней во двор, а вдруг в этот момент снова тряхнет, и лестница рухнет вместе с нами, или залезть под стол или кровать на тот случай, если рухнет потолок. Но было всего два толчка, после чего подземные силы успокоились, но животные, как и люди, долго ходили под впечатлением этого землетрясения. Виктор поехал вскоре в Джезказган с Сатпаевым. Там произошло первое недоразумение. Виктор Викторович привык иметь дело с интеллигентнейшими сотрудниками РИАНа, а тут вдруг столкнулся с надменностью и высокомерием. К сожалению, алма-атинский период продолжался для нас не 4–5 лет, как предполагал Виктор, а целых 15, так что «характерные черты» местного начальства изучили мы хорошо. Легко было уехать из центра на периферию, но как трудно — ох, как трудно — было вернуться обратно. «Рим теряет, кто Рим покидает», — вспоминал часто античное изречение Виктор. Трудность заключалась в том, что мы потеряли комнаты и в Ленинграде, и в Москве, и это долгие годы было основным препятствием нашего возвращения домой.

Через полтора года мы перебрались из служебного кабинета в скверную, но все же двухкомнатную, квартиру. Не было ни воды, ни канализации. За водой ходили на колонку на углу улицы Ленина, что же касается «туалета», то он стоял в глубине двора на пригорке. Летом с пригорка стекала жидкость, а зимой он оледеневал и превращался в труднодоступное заведение. Главное же — в доме гнездилась брюшнотифозная инфекция, и многие болели. В частности, жена и сын академика Фесенкова.* Жена выздоровела, а мальчик погиб. Вот такая была «обстановочка».

Расскажу об эпизоде, который сегодня выглядит совершенно фантастически. В канун 1946 или 1947 года Виктор с величайшим трудом добился командировки в Москву и Ленинград. А на другой день после его отъезда ко мне пожаловали пять здоровенных парней-летчиков и среди них...

Мария Сергеевна и Арина. 1948

сын Сталина — Василий. Они допытывались, чем занимается Виктор, но я направила их к Николаю Косову, замещавшему Чердынцева на время отъезда. Оказывается, Сталин получил письмо от какого-то полусумасшедшего колхозника, который якобы нашел в своем огороде сильное радиоактивное излучение.* Сталин этому поверил настолько, что в новогоднюю ночь направил сына Василия и еще четверых сотрудников в Алма-Ату разыскать этого человека и проверить правильность его открытия. Так ему хотелось иметь свою ядерную бомбу, которую (он это уже знал) имели американцы. Разумеется, все это оказалось сплошным бредом. Старика посадили в желтый дом, двум его помощникам казахам дали срок. Нам об этом под строгим секретом рассказали сотрудники обсерватории.

Второй эпизод тоже связан с американской атомной бомбой, но свидетельствует о том, как хорошо была поставлена у нас разведка. Летом 1945 года Фесенков приехал в обсерваторию и внезапно организовал экспедицию в горы над Тастаком. Поехало человек 10 сотрудников Астрофизического института Казахской академии. Разбили лагерь.

Ночью Фесенков разбудил всех и велел делать визуальные наблюдения. По небу ходили огромные лучи, пересекая весь небосклон. Явление продолжалось довольно долго. Фесенков тут же на месте составил акт, который подписали все свидетели необычного явления. Много позднее они узнали, что в это время американцы устроили первый ядерный взрыв. Была взорвана одна из трех имевшихся бомб, а две другие упали позднее на Хиросиму и Нагасаки.

Жизнь шла своим чередом, 19 февраля

1948 года наша семья увеличилась: появился на свет наш сыночек Витенька. Ксануша хотела, чтобы братика назвали Васей, конечно, не в честь сына Сталина, а в честь ее любимого кота — Васьки, но с этим предложением мы не согласились. Радости прибавилось, но и забот тоже, особенно в первый месяц после появления младенца. Дело в том, что он родился с аномально сухой кожей, отчего в некоторых местах она лопалась в нескольких слоях, образуя нечто похожее на цветок. При выписке врач сказал мне: «Мы отдаем его вам с девятью воротами смерти». Можно представить ужас, в котором я находилась. Делалось все возможное, чтобы инфекция не проникла в эти «цветки», где кожа лопнула до мяса. Купала я его только в кипяченой воде, все что возможно подвергалось термической обработке. По ночам гладила пеленки

*Виктор Викторович
с Ксюшей и Витей. 1950*

обязательно с двух сторон, и через месяц «цветки» исчезли, и кожа стала розовая и гладенькая, как обычно бывает у младенцев. Первые три месяца это было спокойное существо, но потом характер его круто изменился. Он кричал ночи напролет, и, чтобы не нарушать сон отца, я начала брать его на руки. (Возможно, это была моя ошибка). Младенец стал требовать, чтобы я не только носила его на руках, но даже танцевала. Стоило присесть на мгновение, как снова раздавался истошный крик. Вера Иосифовна услышала однажды, как я сказала: «Мучитель ты мой». После переезда на дачу ночные крики прекратились. Ребенок хорошо развивался, стал сообразительным, много понимал, что ему говорят, но сам ответить не мог. С осени взяли няню, и жизнь у меня стала много легче.

Не так обстояли дела у Виктора. Он все время ощущал негативное отношение к себе со стороны местных начальников от науки и не только их. Я объясняла это и ему и себе тем, что его интеллектуальный уровень и его находчивость, а иногда ирония их раздражают. Были у него недоброжелатели, имена которых он не знал. Например, ему однажды позвонили из НКВД и предложили прийти в такой-то кабинет в такой-то час. Не без волнения отправился он в это учреждение, но когда в назначенное время пришел, оказалось, что это была чья-то шутка: его никто не приглашал. Так повторилось еще два раза, после чего сотрудник НКВД сказал: «Наверное, вас кто-то «очень любит». Звонки еще продолжались, Виктор уже не ходил на приглашения, но все же это каждый раз нервировало нас обоих. Потом началось против него «дело» о растрате большой суммы на оборудование лаборатории, в обвинении участвовал и академик Фесенков. Потраченная сумма была действительно значительной, но и оборудование стоило больших средств. Стоял даже вопрос об аресте, и я каждый день с ужасом ждала возвращения Виктора с работы. Потом все улеглось, он перешел целиком на работу в университет на заведование кафедрой экспериментальной физики.

Жизнь наша на время стала спокойнее, но только на время. Постепенно и в университете начало проявляться

негативное отношение ректората к Виктору. Ему чинили препятствия в поездках в Москву и Ленинград на какие-либо совещания и конференции. Потом были дела и по-серьезней. Виктор отправился в Ереван, где в ближайших горах намеревался искать радоновые и другие минеральные источники. До Еревана доехал благополучно, а дальше из города его не пустили, не объясняя причины. Он слал мне и в университет телеграммы с просьбой о разрешении выехать в район. Я пошла, но не в НКВД, а в главное управление милиции города. Принял меня толстый милиционер (кажется, в чине полковника) и сказал: «Мы не разрешаем ему выезд из города», а затем, не сдержавши любопытства, спросил: «А что он собирается там искать?» Я ответила, что искать он хочет минеральную воду для лечения больных. «Нет, мы ему не разрешаем выезда в пограничные районы». А ведь граница с Турцией находилась достаточно далеко. Но иные времена, иные нравы. Я вспомнила, как в 1939 году мы оба находились рядом с рекой, за которой лежала Турция, и никто не запрещал Виктору работать. Но алма-тинский милиционер был непреклонен. Для меня было ясно, что запрещение исходит из высшей инстанции, то есть НКВД. Добиться ничего не удалось, но Виктор тогда, невзирая на запрещение, поехал в интересующий его район без разрешения. Никто ничего не узнал, и все сошло благополучно.

Кажется, я забыла написать, что Виктор потерял (или у него украли вместе с бумажником — был такой случай) самый ценный документ — справку НКВД от 15 июля 1935 года о том, что его дело пересмотрено и постановление НКВД от 14.03.35 отменено. В Радиевом институте все обстояло значительно проще, никто этой справкой не интересовался. Не то было в Алма-Ате. Хотя он подробно описывал все обстоятельства 1935 года в многочисленных анкетах, которые тогда требовались, ему, очевидно, не верили. Тем более, что в паспорте В. В. Чердынцева была отметка о его политической неблагонадежности, о чем он тогда и не догадывался. Выяснилось это много позднее и довольно неожиданно: в ответ на

С сыном Виктором. 1954

какую-то просьбу один чиновник откровенно сказал ему: «Что вы, Виктор Викторович, ведь у вас же паспорт политически неблагонадежного человека». Только тогда вспомнил Виктор, как категорически отказался он быть тайным осведомителем, и слова энкаведешника: «Вы о нас будете помнить». И только тут, как при ярком свете дня, вспомнились ему все препятствия, с которыми он неизменно сталкивался на протяжении всей жизни в Алма-Ате, все злоключения. Кстати, мы так и не смогли найти

в паспорте эту «черную метку», очевидно, это было что-то очень незаметное — вроде условной точки в каком-либо условном месте или какое-то определенное сочетание цифр в номере...

Вскоре после XX съезда партии эта отметка перестала иметь значение. В 1956 году Виктору уже разрешили заграничное туристическое путешествие. Тут я хочу остановиться на одном эпизоде, который осветил бы степень эрудиции Виктора в вопросах искусства, в частности греческого, которое он особенно любил. Туристская группа, в которой он находился, попала в афинский Акрополь в день, когда местные экскурсоводы были выходными. Директор музея сжался над «этими русскими», и сам повел их по музею. По окончании осмотра он сказал: «Я был бы счастлив, если бы

мои сотрудники знали греческое искусство так, как знает его этот русский профессор». Это мне рассказывала профессор-эпидемиолог Борташевич из Алма-Аты — участница этой группы. А в 1958 году мы уже вдвоем совершили совершенно изумительное путешествие по Средиземноморью: Ливан, Египет, Сицилия, Марсель, Ницца, Рим, Неаполь, Капри, Греция и Турция — впечатление незабываемое.

Примерно к этим же годам относится одно из его воспоминаний, связанных с летним отдыхом. Оно, может быть, даст понимание того, в каком стиле он писал свои дневники и письма. Писалось это уже в Москве, в санатории «Узкое», но точную дату трудно восстановить. Вот оно:

«Лет пятнадцать тому назад я решил принять приглашение моей двоюродной сестры Юлии Федоровны Румянцевой погостить у нее на даче под Мгою. Прежде всего замечу, что кухня похожа на меня не более, чем аргон на калий, которые, хотя и стоят рядом в Менделеевской таблице, но... но моя кухня скорее даст себя изувечить, чем выкинуть какое-нибудь дурачество. Поселился я на даче и начал отдыхать, а для этого было не меньше оснований, чем сейчас для моего отдыха в санатории. Я был утомлен, зол и к тому же стоял на пороге великого открытия. Этим стоянием я занимался, кстати, двадцать лет, пока несколько дней назад не постиг, что мне место не на пороге, а на завалинке. Я вообще, как вы знаете, по натуре угрюм и нелюдим, и в ту осень я мог предоставить этим склонностям развиваться в полной мере. Целыми днями я бродил по зарослям и болотам, по берегам мелких, звонких речек, прыгающих с валуна на валун, пока не допрыгаются до широкой бесстрастной Невы. Если в моих прогулках мне встречались люди, я не здоровался, не говорил, как полагается, пару избитых ненужностей, а уходил с дороги в кусты. На этом деле я изорвал себе брюки и, что более существенно, создал легенду...

Однажды вечером кухню вызвали к больному в Ленинград. Она торопливо собиралась, когда квартирная хозяйка вышла к ней и сказала, что одной на станцию ходить не годится. В лесу пошаливают. Появился незнакомый человек

в шляпе и с палкой. Он сидит под кустом, набрасывается на девушек и отнимает у них ягоды.

Когда мы обсудили истоки этой легенды, нам стало очевидно, что ее создал я. Больше никто во Мге не носил ни палки, ни шляпы, больше никто не прятался в кусты. Но ведь я только прятался, а не нападал. И способен ли я напасть на девушку?! Нет, как мне ни печально признаться в своем бессилии и неумении и какие бы ни были у вас соображения, но я совершенно не способен напасть на девушку. Но даже если во исполнение некоторых зловещих, мистических, космических и непреодолимых причин, высшие силы и принудят меня к такому поступку, ягоды будут последнее, что я способен похитить у девушки!»

С началом оттепели «органы» к Виктору интереса больше не проявляли. В университете же отношение руководства к нему осталось недоброжелательным, хотя он был одним из ведущих профессоров. Когда всем профессорам вручили ордена Ленина, всем, кроме него, это стало последней каплей и Виктор твердо решил расстаться с КазГу.

В первую же поездку в Москву он заявил об этом своем намерении. У Виктора было к тому времени достаточно известное имя в научных кругах — это сделали два открытия и две монографии,* вышедшие к тому же еще и за рубежом. Сразу же посыпались предложения из различных университетов, несколько институтов хотели бы заполучить к себе Чердынцева, но никакого жилфонда у них не было — строительство жилых зданий в то время только-только начиналось. Помню, что было предложение и от РИАНа, но там могли предоставить только одну большую комнату в коммунальной квартире, что нашу относительно большую семью (пять человек), конечно, не устраивало.

Но стремление перебраться из Казахстана не покидало. Писатель И. Бабель писал: «Случай — это редкий гость, но он хозяин нашей жизни». И такой случай произошел в нашей жизни. Президент Академии наук Несмеянов чем-то обидел академика Шатского* — директора Геологического института Академии наук СССР (ГИН). Чувствуя свою вину перед ста-

рым академиком, Несмеянов, чтобы загладить ее, предложил Шатскому квартиру в строящемся доме для Чердынцева, о чем директор ГИНа просил его ранее. Сразу же ГИН объявил конкурс на замещение должности заведующего лабораторией, Виктору послали телеграмму о срочной подаче документов. Он находился в это время на Памире. Я переслала ему телеграмму, несколько закамуфлировав текст. Виктор моментально прилетел с Памира, прибегая к разным ухищрениям, собрал нужные документы и послал их в Москву. Произошло это 15 июня 1960 года. Затем написал заявление об уходе и отправился с ним к ректору. Тот пришел в неопиcуемый гнев и заявил, что никуда его за пределы Казахстана не отпустит. Потом Виктора вызвал к себе министр и посулил ему казахского члена-корреспондента,* чем Виктор оскорбился. После долгих препирательств КазГУ пришлось отпустить Чердынцева, тем более что он уже прошел по конкурсу в Геологический институт Академии наук СССР. Вот таким было расставание с Казахстаном.

Дом в Москве только начинал строиться, и Виктор сначала жил у родственников, потом стал снимать где-то комнату, словом, жил без прописки. Милиция справедливо усмотрела в нем нарушителя паспортного режима и человека, пытающегося зацепиться за Москву, и начала гоняться за ним, как охотник за зайцем. Например, когда он приходил к моей сестре Марусе, то почти сразу же после его прихода к ней наведывался участковый с предупреждением о невозможности ночевать в этой квартире. Этому появлению, по-видимому, предшествовал звоночек-«стучёчек» ее соседа по лестничной клетке, которого Виктор успел «оскорбить» в один из своих приездов в Москву, так как, приезжая в командировки, он часто останавливался у Маруси в ее квартире на Беговой улице. А история была такая.

Виктор всю жизнь был достаточно щепетилен в одежде. Он всегда, даже дома, ходил в светлой рубашке и обязательно с галстуком. В галстуке же он бывал и в любой своей экспедиции, в самых глухих уголках страны. Так вот, в то утро, о котором идет речь, Виктор только проснулся, оделся, но еще

не успел завязать галстук, как раздался звонок в дверь. Так как и Маруся и Ариша еще спали, то Виктор пошел открыть дверь и увидел на пороге соседа, пришедшего то ли за спичками, то ли за солью, в общем, по какой-то хозяйственной нужде. Вот только одет он был, или, вернее, не был, только в семейные трусы и тапочки. Виктор несколько попятился, быстро сказал: «Ой, извините, я без галстука» и закрыл дверь. Этим своим ответом он нажил себе непримиримого врага.

Дирекции института пришлось даже выдвинуть его депутатом Московского совета, чтобы хоть как-то защитить от нападков милиции, да и, кроме того, двоюродная сестра Виктора — главный инженер Косинской трикотажной фабрики Елизавета Александровна Кутузова прописала его временно у себя в Косино, где это было сделать легче.

14 мая 1961 года мы тоже выехали из Казахстана (к этому времени наш дом был построен и сдан), и 17-го числа приехали в Москву, прямо в день рождения Виктора. Все наши родные и близкие, а также аспиранты, которыми Виктор уже успел обзавестись, встречали нас на перроне. Когда мы на нескольких такси подъехали к нашему дому, в тот же момент подъехал грузовик с контейнерами, которые я отправила две недели тому назад из Алма-Аты. Такое совпадение только осложнило наше размещение в новой квартире. Лифт не работал, пока кто-то не догадался заплатить кому следовало. А пока бедные аспиранты таскали все на себе на шестой этаж. Запомнилось напряженное до предела лицо Игоря Казачевского, тащившего на спине тяжелейший кофр.

Итак, началась наша жизнь в Москве. Через две недели уже на даче в Баковке, которую мы сняли пополам с Екатериной Александровной Александровой, Вера Иосифовна упала и сломала шейку бедра. Пришлось устраивать ее в академическую больницу. Дважды в неделю возила детям на дачу продукты, трижды навещала Веру Иосифовну. Кормила Виктора, а по вечерам мы с ним расставляли нашу тяжеленную мебель, раскладывали и распаковывали вещи. Только в январе 1961-го мне удалили в больнице Бурденко спинномозговую опу-

холь, и я еще нестойко держалась на ногах, ежедневно падая. Вот так «весело» началась моя столь долгожданная московская жизнь.

Виктор пропал на новой работе, впрочем, как и всегда. Впервые же лето он отправился в экспедицию, кажется на Западную Украину. То, что я буду описывать дальше, необходимо, чтобы личность В. В. Чердынцева предстала во всей многогранности его индивидуальности.

Каждое лето Виктор со своими аспирантами, а иногда и детьми, уезжал в экспедицию. Мне, конечно, особенно запомнилась одна, в которой и я принимала

участие, — на Онежское озеро для изучения и определения возраста наскальной живописи доисторического человека — на прибрежных камнях озера. Там состоялась первая его встреча с писателем и археологом А. Л. Никитиным,* перешедшая потом в теплую дружбу. Андрей Леонидович говорил своей жене Тане, а она потом рассказала это мне: «За всю свою жизнь я не встречал человека, равного Виктору Викторовичу». Так вот, в каких бы экспедициях Виктор ни был, он всегда старался, чтобы его спутники — молодежь института — кроме работы в поле смогли хоть чуточку прикоснуться к истории, архитектуре, живописи. Во время экспедиций стоянки, дневки,

Е. С. Петровых и В. В. Чердынцев. 1964

ночевки выбирались им продуманно, с тем чтобы, не слишком отвлекаясь от основной экспедиционной работы, сводить ребят либо к стенам старого монастыря или церкви, либо на какое-нибудь другое историческое место. Так, по дороге на Украину была сделана дневка в Киеве во дворе киевского знакомого Виктора ученого-геохимика И. Гольденфельда. Утром Виктор повел всех на осмотр тогда еще закрытой для всеобщего показа Кирилловской церкви с чудесными фресками Врубеля. Церковь стояла на территории местного сумасшедшего дома, но Виктор и тут нашел пути добиться права на осмотр. При экспедициях в Армению остановки на ночлег делались в самых красивых и значительных местах: одна в поле, усыпанном остатками Звартноцкого храма, вторая в Гегарте, куда утром успевший подружиться с нами священнослужитель устроил всем членам экспедиции экскурсию. На севере были, конечно, осмотрены и церкви в Кижях, Кандопоге, Варзуге. Обо всех этих архитектурных памятниках Виктор знал, казалось, все. Просто непонятно было, как он мог помнить столько разных сведений из областей, казалось бы, далеких от его основной специальности.* Ученики его, таким образом, получали и какое-то первоначальное эстетическое воспитание, чего, конечно, всем нам тогда не хватало.

Г. И. КУРОЧКИН

**ПРАЗДНИКИ И БЫТ
НА МОЕЙ РОДИНЕ В НОРСКОМ
ПОСАДЕ, ПО ВОСПОМИНАНИЯМ
ДЕТСТВА И РАННЕЙ ЮНОСТИ**

Часть I

Весна и лето

Глава 1

Значение праздников в быту. Моя родина — Норский посад и Норское село. Промыслы и занятия населения. Его культура и развлечения: трактиры и «вечеринки», сплетни и судаченье

Среди моих воспоминаний детства и ранней юности немалое место занимают воспоминания о различных праздниках, о том, какое значение они имели на моей родине — в Норском посаде, в жизни и быту его жителей, в нашей семье и, наконец, в нашей детской жизни.

Каждый церковный праздник в отличие от обычного дня недели отмечался особыми нарядами и богослужением — церковью; а каждой семьей — отдыхом от работы, завтраком с пирогами и ватрушками, сытным обедом, нередко с выпивкой, а в большие праздники угощением родственников — друг у друга иногда по несколько дней. А у нас, ребят, праздники отмечались различными занятиями, играми и забавами в зависимости от сезона и возраста. Нравы и обычаи посадских жителей и нашей семьи определяли характер празднования. С описания посада мы и начнем.

Норский посад — довольно большое населенное место городского характера; он расположен на самом берегу Волги,

*Норская посадская дума 1870-х годов (слева направо):
сидят М.А.Тоскин, В.А.Курочкин (дед автора), И.Д.Канатьев,
П.Н.Голубятников, В.Е.Сикерин; стоят Ф.И.Сурьянинов,
Н.И.Потехин, А.Е.Колчин, Г.И.Швецов, Т.Я.Кутавкин*

в четырнадцать километрах от Ярославля. В настоящее время в черте города. В конце XIX и начале XX столетия (время, к которому относятся мои воспоминания) в нем было немно-го больше тысячи жителей. Это были безземельные мещане с очень небольшой примесью купечества (две-три семьи). Кормила их Волга — рыбная ловля и сплав леса — и близко-расположенная хлопчатобумажная фабрика — Норская ману-фактура, где работало до 1200—1300 рабочих. Были в посаде ремесленники: столяры, кузнецы, плотники, штукатуры.

К верхнему концу посада примыкало село Норское. Здесь жили крестьяне с небольшими земельными наделами. Стари-ки обрабатывали землю, а из молодежи многие работали на фабрике.

Культура в посаде была невысокая. И в посаде, и в селе были две земские школы с трехгодичным обучением. Мо-лодежь отсюда выходила грамотной, умела читать, писать

Дом Куручкиных (справа) на 2-й Норской набережной в разлив Волги

и считать. Потом в посаде открылось «городское училище» повышенного типа, с пятигодичным курсом. В посаде была бесплатная народная библиотека, где два раза в неделю выдавались подписчикам книги. Подписчиков было больше двухсот. Библиотеку содержало земство. В библиотеке были все русские классики, выписывались журналы «Нива», «Родина», «Природа и люди», «Вокруг света» с приложениями. Получали детские журналы — «Задуманное слово», «Родник» и духовные журналы — «Русский паломник», «Душеполезное чтение».

Зимой по воскресеньям происходили народные чтения с теневыми картинками.* Читались популярные рассказы Гоголя, Толстого, Лескова, Тургенева, Чехова, стихи Некрасова, Жуковского, Пушкина. Великим постом священник, заведующий библиотекой, отдавал предпочтение рассказам духовного содержания: житиям святых и различным поучениям.

Никаких других культурных развлечений в посаде не было, зато имелось три трактира, из них один с билльярдом, и две пивных. Игра на билльярде была любимым занятием молодежи. Каждый вечер довольно большая комната в нижнем эта-

же была битком набита народом; играло двое или трое; зато около стояла целая толпа, шумно выражавшая при удачном ударе игрока свой восторг. Часто наиболее азартные зрители держали «мазу», иначе говоря — пари на бутылку пива. Каждый отстаивал будущий успех своего любимца и в случае неудачи выставлял своему противнику проигранное пиво. Конечно, пили вместе, прибавляя к бутылке еще пару: в компании принимали участие и оба игрока.

Осенью и зимой в праздники молодежь устраивала вечерины с танцами под гармонию и различными играми. Кавалеры вскладчину снимали у кого-нибудь в посаде две комнаты попросторнее, нанимали за два-три рубля гармониста, приглашали барышень и веселились до трех-четырех часов утра. Угощение было простое: чай с дешевыми конфетами и пряниками. Без выпивки дело не обходилось, но делалось это втихомолку, где-нибудь в уголке и в меру!

Если старшее мужское поколение и молодежь проводили свободное время в трактирах и пивных, то женщинам — домашним хозяйкам только и оставалось летом сидеть перед домом на лавочках, а зимой сбегать к соседям и здесь поделиться мелкими новостями улицы, посудачить и посплетничать. Для них праздники с церковными обрядами имели особо большое значение. И религиозность-то у них, да, пожалуй, и у огромного большинства мужчин, сводилась к формальному исполнению церковных обрядов.

Глава 2

*Наша семья. Хозяйство. Культура отца и матери.
Их отношение к религии. Как нас приучали к церкви*

Наиболее яркие мои воспоминания о том, как в прошлом проводили праздники, относятся к нашей семье и к нашим родственникам. Коротко расскажу, что она собой представляла.

Фамилия Курочкиных старинная, норская. Прадеды были простые мещане,* ковали гвозди и ловили рыбу. Дед начал

торговать льном* и завел в посаде небольшую харчевную лавку. А семья была большая!* У отца с матерью было десять детей: трое первых умерли в детстве, семь остальных росли по-хорошему.* Жила с нами бабушка по отцу,* она умерла, когда мне было четырнадцать лет.

Доходов с лавки для поддержания такой семьи было мало, и отец вел натуральное хозяйство на арендованной земле: сажал картофель, сеял овес, различные кормовые травы. На дворе стояли две коровы, лошадь, а иногда и две. Держали кур, поросенка. При доме был большой огород с ягодами, с яблоками, с грядками разной зелени.

И отец и мать были довольно культурные люди. Хотя отец, по его словам, учился грамоте за три рубля у дьячка, но книгу любил. И что я ни помню, всегда был записан в ярославскую библиотеку. И когда работник ездил за товаром в город, он обычно по записке отвозил на обмен две-три книги в синей салфетке. Мои родители были хорошо знакомы с русскими классиками, любили Тургенева, Мельникова, Лескова, Соловьева, Кольцова, Никитина, Некрасова. Достоевского мать не любила — говорила: «Уж очень он в душе копается». Читали французские романы Габорио, Золя, Евгения [Эжена] Сю, немецкие — Шпильгагена.* Уже студентом я нашел на чердаке большой ящик с разрозненными иностранными романами.

*Родители автора Иван Васильевич и Екатерина Алексеевна Курочкины.
1902*

Двор дома Курочкиных

Вся семья была верующая, неукоснительно соблюдали все праздники и всякую обрядность, ходили в церковь, в посты, в среду и пятницу ели постное, Великим постом ходили на исповедь. У матери вера была глубже, чем у отца. Она рассказывала нам, детям, об евангельских событиях с большим чувством, с глубоким пониманием их сущности. Отец всегда ходил в церковь, но духовная сторона церковной обрядности его не занимала.

С раннего детства и нас приучали к церкви. Мы должны были под каждый праздник ходить ко всенощной, а утром — к обедне. Не было восьми часов, когда начинали будить! Летом надо было надевать сапоги, а мы всю неделю ходили босиком, ноги были в трещинах и царапинах, и надевать засохшие простые сапоги было мученьем. А за дверью раздавался голос матери: «Скоро ли ты, лентяй, оденешься! «Во вся» отзвонили!»

Глава 3

*Церковные службы. Церковь и ее приход.
Народный календарь. Характер праздников*

Всякое празднование, если оно было установлено церковью в честь евангельского события или в память какого-нибудь святого, чудотворной или явленной иконы (а это были наиболее частые праздники), начиналось всегда с церковной службы. Обычно с вечера служились всенощная, а в иные праздники, как Рождество и Пасха, — заутреня.

У каждой церкви был свой приход, обычно это были примыкающие к ней улицы. На протяжении веков церковь со своими праздниками прочно вросла в быт населения. В былые времена при его малокультурности и малограмотности оторвать его от религии было невозможно. Правда, и церковь за долгие годы выработала красочные и разнообразные формы своего ритуала, очень действующие на чувства верующих.

Народ даже время в своем труде и быту приурочивал к церковному календарю. Он знал, что 16 января — Петра Полукорма, половины корма у скотины уже нет, а 24 января — Аксиньи Полухлебницы, на этот день и у семьи только половина хлеба осталась. 1 апреля — Марьи Пустые Щи. Следовательно, и приправа вся! 23 мая Алены Огуречницы. На Алену — лен сей и огурцы сади. С Петра и Павла (29 июня) сенокос начинай и т. д. На отхожие промыслы рядились с вешнего Егорья до Кузьмы-Демьяна — то есть с 23 апреля по 1 ноября.

Кроме начинавших каждую неделю воскресений, довольно похожих друг на друга, церковь праздновала, уже более торжественно, двенадцатые праздники: она вспоминала особые евангельские события из жизни Христа и Богородицы. А дальше шла память чтимых святых: Крестителя Иоанна, апостолов Петра и Павла, Николы Чудотворца, Ильи Пророка, великомученика Георгия и т. д.

И это не все! В каждой церкви были свои, особо почитаемые иконы Богородицы: в нашем [Благовещенском] приходе

Благовещенская церковь

— «Всех скорбящих радость» и Боголюбская, у Пятницы — «Троеручица», у Николы — Владимирская.

С особым торжеством в каждом приходе отмечался храмовый праздник. Это тот день, когда вспоминалось событие из священной истории или память святого, в честь которого создан храм: Благовещение, Успенье, Троица, Михаил Архангел.

В каждой церкви кроме главного алтаря были приделы, тоже алтари, посвященные какому-нибудь святому. И в эти дни справлялась праздничная служба. В такие особые праздники священники ходили по домам своего при-

хода с коротким молебном — со «святками». Словом, в каждом приходе праздников было немало!

Случалось, бывало, совершенно неожиданно услышать утром колокольный звон. Спрашиваешь бабушку: «Почему это звонят»? А она нам отвечает: «Сегодня Нечаянной Радости Царицы Небесной» или: «Утоли моя печали. Вот и звонят! Перекрестите лбы-то, нехристи!» Но нас, детей, в таких случаях к великой нашей радости в церковь не посылали, мы наскоро пили чай и убегали на улицу.

Церковь не ограничивалась празднованием тех или иных священных событий. Она готовила верующих к этим дням

продолжительными постами: Рождественским, Петровским, Успенским, семинедельным Великим. Последний, перед Пасхой, считался особо важным. Каждую неделю совершались великопостные службы с трогательными печальными напевами, с покаянными молитвами, с коленопреклонениями, с унылым редким колокольным звоном. Каждый верующий считал для себя обязательным Великим постом отговеть, то есть после особого воздержания в пище (ели всю неделю без масла, пили одну воду с постным сахаром, в день исповеди сидели только на черном хлебе), шли к священнику каяться в своих грехах и получить их отпущение, на утро за обедней исповедники приобщались Святых тайн.

Глава 4

*Праздник Пасхи. Страстная неделя. Пасхальные службы.
Пасха в быту. Наши пасхальные игры*

Пасха была «праздников праздник, торжество из торжеств». По учению церкви это был день Воскресения Христа из мертвых. Он пострадал и умер, взявши на себя грехи мира. На третий день он воскрес! И верующие в него должны обрести жизнь вечную.

В конце седьмой недели Великого поста церковь вспоминала Страсти Христовы — Его страдания и смерть на Кресте. Она символически изображала это печальными службами и обрядами. В четверг за всенощной (ее называли стоянием) читались 12 евангелий, где евангелисты описывали последние дни Христа. В пятницу, за вечерней, выносили плащаницу. Это было изображение Христа, лежащего во гробе. Вся церемония сопровождалась печальным пением о том, как «благообразный Иосиф с древа снял пречистое тело Христа, плащаницею чистою обвив и во нове гробе, покрыв, положи», и под это пение все прикладывались к плащанице. В субботу в два часа ночи «погребали» Христа, плащаницу с крестным ходом обносили вокруг церкви, а потом опять уставляли ее посередине. Все верующие во время

служб стояли с зажженными свечами из темно-зеленого воска, священник был одет в черную бархатную ризу.

Пасхальная служба была полной противоположностью печальным обрядам Страстной недели. Торжество начиналось ровно в полночь — крестным ходом вокруг церкви под звон колоколов с торжественным пением хора, на священнике была белая с серебром риза. Ночь должна быть обязательно темной: в ограде церкви горели костры в память евангельского рассказа о том, как в эту холодную ночь апостол Петр грелся у костра и отрекся от своего учителя. В руках у молящихся были свечи из красного воска. Обойдя церковь и не найдя «погребенного» Христа, возвращались к входным дверям, и священник и хор радостно восклицали: «Христос воскрес!» — и входили в церковь.

В ней ярко горело множество свечей и лампад, перед местными иконами в нижнем ряду иконостаса были зажжены толстые, в руку взрослого, свечи, вверху разными огнями от множества свечей играли хрустальные люстры — паникадила. Все молящиеся в нарядных одеждах стояли со свечами. Настроение у всех было радостное, праздничное. Церковь хорошо умела его создать!

Заутрени шла очень быстро, с веселыми пасхальными песнопениями, и кончалась пением посреди церкви «Пасхи красной» с призывом «друг друга обымем и простимся о воскресении». И все друг к другу подходили и со словами: «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес» — обменивались троекратными поцелуями и крашеными яичками.

После заутрени сейчас же шла торжественная обедня. Всю неделю церковные службы шли в том же порядке. После обедни возвращались домой в четыре часа утра. Разговорившись, старшие ложились спать, а мы, ребята, бежали на улицу играть в бабки с товарищами. И долго же у нас тянулся этот первый день! Вечером, часов в шесть, мы тыкались головами в постели и приставали к матери: «Скоро ли ужинать?» Зато и спали мы в эту ночь! Часов двенадцать!

Жители посада праздновали всю неделю, фабрика стояла, в поле и на рыбную ловлю не выезжали. Мужчины больше вре-

мени проводили в трактирах, женщины, если было тепло, сидели у домов на лавочках. Фабрику пускали в Фомин по-недельник, и в этот день прогулов было много. Рабочие говорили: «В этот день надо валики обмывать», то есть опохмеляться.

Всю неделю стол был праздничный, с мясом, с молочными продуктами и яйцами, накопленными постом. Для нас, ребятишек, это был большой праздник!

Всю неделю разрешалось каждому желающему звонить в любой церкви. Вот мы и бегали чуть не целые дни от церкви к церкви, лазали на колокольни и отчаянно звонили вдвоем и втроем сразу во все колокола. Что это была за какофония!

Для нас Пасха была началом весны. В зимние игры мы уже не играли и шаров по улице не катали, даже если на улице был снег. Я помню год, когда в первый день Пасхи в конце марта была такая метель, что по улице с трудом можно было пройти, но к зимним играм мы все-таки не вернулись.

В сараях, в дровяниках мы играли «в стенку» и «в бабки», «в кон». Вся игра сводилась к тому, что один игрок бросал бабку, или копейку, в стену, и она отлетала в сторону. Другой повторял то же самое. И если его бабка, или копейка, ложилась около первой так, что можно было их достать растопыренны-

Спаситель. Плащаница из Благовещенской церкви. Худ. Г. И. Угрюмов

ми большим и указательным пальцами правой руки, второй игрок выиграл. Затем ставили парами в ряд двадцать и больше бабок. И на расстоянии нескольких шагов должны были бабкой же сбить несколько штук. Сбитые бабки поступали в пользу того, кто сбил. Это и была игра «в кон». Играли целые дни, споров и крику было без конца.

Глава 5

Ледоход на Волге. Первые пароходы и первые плоты.

Ловля рыбы и раков. «Окармливание» рыбы

Чаще Пасха совпадала с ледоходом на Волге. Еще в последние недели поста лед начинал синеть. Вода прибывала, у берегов появлялись закраины, на берегу обнажались от снега маленькие проталинки. Здесь мы находили какие-то корешки. Они были очень тверды, но сладковаты на вкус, и мы их с удовольствием ели.

Но Волга с каждым днем нас привлекала все больше и больше. Мы все время палочками отмечали прибывь воды. Утром прямо с постели бежали на берег посмотреть, много ли прибывло за ночь. Спорили друг с другом, когда тронется лед.

И вот он тронулся. Не только мы, ребятишки, а даже взрослые бежали к воде и умывались: говорили, что это дает здоровье. Первая подвижка всегда была небольшая, изгибы реки еще задерживали целый неизломанный лед. А через день-два была вторая подвижка, третья и, наконец, полный ледоход. На берегу, иногда чуть не у самой дороги, с треском вздымались «костры»: огромные льдины лезли одна на другую, ломались и опять падали на воду. А мы бегали по улице и кричали: «Смотри! Смотри! Еще «богородица» лезет!» По-маленьку Волга очищалась: плыли отдельные льдины. Это прибывная вода поднимала и несла вниз оставшиеся на берегах «костры».

У нас новые хлопоты и заботы. Надо было спустить лодку, осмотреть — не течет ли? Хоть немного подняться вверх. На

«Костры». 1904

полноводной Волге течение быстрее, и надо было вдвоем гребсти изо всей силы. А потом поставить у берега «крылену». Это плетенный из ниток на деревянных обручах кувшин: на одном конце узкое горло, а на другом, куда заходит рыба, широкий раструб. Рано утром бежали на берег вытащить нашу рыболовную «снасть» и достать из нее пару-другую трепыхающихся маленьких серебряных рыбок.

Быстро начиналась навигация. Первыми шли небольшие пароходы купцов Моисеевых — «Александр» и «Мария». Их звали презрительно «мосейками». Рейсы были от Костромы до Рыбинска. Посреди Волги течение было быстрое, и они шли около берега. «Александр» на ходу во всю мочь брызгал колесом и точно задыхался, а «Мария» издавала какие-то плачущие звуки. И мы бежали за ней по улице и в такт ее причитаниям кричали: «Проклятые! Замучили! Сейчас дойду, сейчас дойду!» Она так жалась к берегу, что один раз зашла на сельский затопленный луг и здесь села на мель.

Плоты у Норского посада. 1907

После ледохода все свободное от ученья время проводили на Волге. Скоро с верхов Волги пригоняли плоты кошевника,* или строевого леса, и ставили у берега. С плотов мы удили рыбу и ловили раков рачнями. Так назывались обрuchi, на которые натягивались обрывки сетей. А раков тогда в Волге было много! Быстро налавливали полведра и тут же на берегу варили.

Был еще хищнический способ ловить рыбу: ее «окармливать». В лавочке мы покупали на одну копейку «окорманки»: давали нам шесть твердых темно-коричневых шариков, побольше горошины. Это были плоды тропического растения кукельвана.* Шарик были ядовиты и для людей. Пивовары настой из них прибавляли к пиву как дурмнящее вещество. Поэтому его ввоз в Россию был запрещен. Тем не менее, в лавочках мы его свободно покупали. Мы толкли шарики на камне, смешивали с черным хлебом и постным маслом, отщипывали маленькие кусочки и старались подальше закинуть в воду. Проходило немного времени, и съевшая хлеб рыба

Подготовка снастей

всплывала кверху и беспомощно кружила на одном месте. А мы ходили по берегу и смотрели, не появится ли где-нибудь на гладкой поверхности воды круглая рябь. Тогда, засучив штаны, а иногда и полураздевшись, лезли с сачками в воду и старались достать свою добычу.

Конкурентами нам были чайки. И откуда только они собирались! Десятками летали взад и вперед над водой, увидевши одуревшую рыбу, быстро спускались, схватывали ее и тотчас же проглатывали. А мы удивлялись, как это они не подавятся! Мы кидали в чаек с берега камнями, но это мало помогало!

Закончивши ловлю, мы тут же на берегу чистили рыбу, жарили и с наслаждением съедали. Только головы не ели, считали их ядовитыми.

Глава 6

Весенние работы. Сплав леса и рыбная ловля. Работы в поле и на огороде. Сбор сморчков. Егорьев день. Мои именины

Пасха кончала зиму, и с нее начиналась весна.

Еще в марте сгонщики-плотовщики, сгонявшие с верховьев Волги лес, на берегу конопатили паклей большие лодки-завозни, смолили их, вытесывали новые весла, так что по всему берегу горели костры и пахло смолой. Затем осматривали и чинили снасти и якоря. А в первые дни Фоминой недели, как только Волга очищалась ото льда, сгонщики отправлялись вверх, в Шексну и в Мологу, за лесом. На каждой лодке, загруженной канатами и большим якорем, было четверо рабочих-сгонщиков. Они попеременно тянули вверх тяжелую лодку бечевой.

А недели через две мимо Норского уже плыли глубоко-сидящие в воде плоты кошевника — дровяного леса. Мы, ребята, давно ждали этого события. Все время смотрели вдаль, не появятся ли там, около Устья, первые плоты, а когда они появлялись, мы радостно кричали и прыгали. Норским торговцам лесом тоже пригоняли длинные связки кошевника и ставили на большом протяжении вдоль берега. Мы бежали по ним, ловко перескакивая через разрывы между плотами (через чалманы), ловили здесь рыбу, раков, а когда вода потеплеет, купались.

Второй промысел в Норском был рыбная ловля. Рыбаки соединялись в артели — человек по десять на пару лодок и на один невод. Все оборудование было уже задолго припасено. Они на двух лодках, глубокосидящих от тяжелого невода и людей, поднимались километров на восемь-десять вверх, и здесь еще по затопленным берегам тянули тони.

Если неводчане ловили рыбу недалеко от Норского, мы ездили на лодке посмотреть, как это делалось. С любопытством смотрели, как рыбацкая лодка заезжала к середине Волги, как двое рыбаков быстро выкидывали из нее невод, а его бережной конец третий удерживал крюком, воткнутым в землю. Когда невод весь был выметан в воду, двое рыбаков в веслах с силой загигали дальний конец к берегу. Здесь невод медленно выбирали из воды, и, к нашей радости, мы видели первых небольших плоских серебристых рыбок и, припрыгивая, кричали: «Ой, смотри, смотри, еще рыбина!» Но когда

*На «хламе». Так норяне называли связанные на дрова груды леса.
С них дети ловили раков и рыбу. 1906*

к берегу подводили мотню — большой мережный мешок на середине невода, и там извивались большие щуки, лещи, сазаны, судаки, у нас дух захватывало от восторга. Каждому из нас рыбаки давали по несколько мелких рыбешек — кошкам. И с ними мы возвращались домой.

Крестьяне горячо принимались за полевые работы, а у нас на огороде копали гряды и сеяли всякие овощи. И отец начинал работы в поле, километрах в трех за селом. Работник выезжал туда на нашей старой лошади — Зайце. Отец ходил туда рассчитать и показать, где будут посеяны клевер, вика, где посажен картофель. Иногда он и меня брал с собой. По бокам дороги зеленели озими, на полянках пробивалась зеленая трава, но лес стоял еще голый. Деревья только разворачивали свои почки. Грачи с серьезным видом ходили по только что вспаханной земле и доставали из нее червяков.

Мы ходили с отцом по опушке леса и искали сморчков. Это был первый весенний гриб. Я плохо видел его коричневые

Ловля рыбы неводом

шляпки во влажной старой листве, но отец находил часто и указывал мне. Я с восторгом доставал его из земли и клал в корзинку. Набирали мы сморчков порядочно, но кроме нас дома их никто не ел, считали поганками. А старая нянька уверяла, что сморчок растет там, где пройдет «лукавый» и плюнет. И есть такой гриб — грех!

На это же время приходился обычно и Егорий Вешний. Имя этого святого носил один из приделов в нашей церкви и праздновался торжественнее обычного.

Это был день выгона скотины в поле на пасево. Каждая хозяйка дома тщательно отмывала с боков коров и телят намохшие за зиму лепешки навоза, по-праздничному одевалась и длинным прутом гнала свою скотину на Успенскую улицу. Здесь собиралось до двухсот коров. Обрадовавшись свободе и весеннему солнцу, они носились по улице, задрав хвосты и высоко вскидывая задние ноги, бодались друг с другом, мычали. Пастухи, чтобы навести какой-нибудь порядок, бегали по бокам с кнутами, щелкали ими. Вечный подпасок-полудурачок Ванька Рига* приходил в особый раж, бегал и кричал шибче всех.

На площадке перед Благовещенской церковью два священника служили водосвятный молебен, и все стадо кропили святой водой. Прислуживавший в церкви старик Аполлон Кириллыч* к соблазну верующих старушек выплескивал остатки святой воды из чаши на одну из коров. Настроение у всех было праздничное. Даже дождю в этот день радовались, потому что по пословице «Егорий с дождем, Никола с кормом».

В этот день я был именинник. Порядок в таких случаях был такой: надевали на меня новую рубашку и штаны и отправляли в церковь. После обедни моему ангелу служили молебен. После обедни дома все меня поздравляли: отец дарил десять копеек «на гулянье», бабушка — пятачок. До обеда я должен был ходить в новой рубашке, и как же это меня стесняло! Зато после обеда разрешали надеть обычный костюм. Делал я это с радостью и уже играл с ребятами во всякие игры на улице и на Волге.

Глава 7

Церковные обряды. «Обиход». Обедня. Ее песнопения. Духовные композиторы. Пение и хоры в наших церквях. Венчание и отпевание. Заупокойная обедня по Александру III

Вернемся к церковной праздничной обрядности.

Основное место в богослужении, будет ли то в Пасху или в простые будни, занимает обедня.* Я затрудняюсь объяснить смысл этого слова. По-видимому, оно обозначает время службы около обеда. Форма этого богослужения была установлена в первые времена христианства. Отец церкви Иоанн Златоуст ее укоротил, и почти весь год она и совершается в таком виде. Служили ее утром и громким звоном призывали верующих на молитву.

Кульминационным моментом была середина обедни, когда совершалось «великое таинство претворения хлеба и вина в тело и кровь Христову». Об этом важном моменте приход оповещался медленными ударами колокола, как говорили, «звонят к достойной».

Вся обедня была полна различных песнопений. Хор то воспевал совершаемые обряды, то славил Господа, то молитвенно просил у него милости. У каждого регента преобладал тот или иной стиль — то мажорный, то минорный. Чтения за обедней было мало. В простые дни обедня шла по «обиходу». Это была богослужебная нотная книга с наиболее употребительными церковными песнопениями. Они делились на 8 «гласов», или напевов, установленных в первые века христианства, звучали они то твердо и мажорно, то мягко и минорно.

В ряде веков богослужебные песнопения привлекали к своему музыкальному оформлению величайших композиторов. Еще до сих пор можно услышать в больших концертах реквиемы — заупокойные обедни — Палестрины, Моцарта, Берлиоза, Шумана, Верди.*

И наши композиторы прошлых столетий — Глинка, Веделъ, Турчанинов, Бортнянский, Воротников и другие, и более близкие к нашему времени Чайковский, Гречанинов, Чесноков, Ипполитов-Иванов* — много потрудились над красочным оформлением всей обедни или отдельных ее частей. П. И. Чайковский был равнодушен к религии, но только для одной «херувимской» написал семь номеров прекрасной музыки. Обедню он считал очень красивым богослужением.

Во всех наших церквах были хоры любителей. Долгие годы они были только мужскими, а потом в них начали принимать участие девушки и женщины. Управляли ими большей частью учителя местных школ и псаломщики. В каждом хоре были неплохие ведущие голоса. Они очень скрашивали хор. Басы — у Благовещения сторож Осипыч,* а у Пятницы рыбак Василий Коврига — старались всех перекричать, и регенту приходилось их очень осаживать. Между двумя посадскими церквами было даже своего рода соревнование, где хор полнее и стройнее и где больше исполняется нотного пения. И после обедни прихожане в трактирах за чаем обо всем этом горячо спорили.

Излюбленным нотным праздничным номером была за всенощной «Ныне отпускаеши» Веделя. Несмотря на свою иностранную фамилию он много оставил русской церковной хоровой музыки. Его «Покаяние отверди ми двери жизнедавче»

Вид Норского с колокольни Благовещенской церкви. 1904

(великопостная молитва) жила больше ста лет. И когда я одному регенту сказал: «Как вам Ведель не надоел!», — он мне ответил: «Да без Веделя и Великий пост не придет!»

Любили исполнять «Свете тихий» и «Ныне отпускаеши» Воротникова и «Хвалите имя Господне» Ломакина.*

Ирмосы обычно пели «на гласы».*

Обедня давала больше материала для музыкального оформления, и здесь были излюбленные музыкальные номера: «Херувимская» — Сарти,* Бортнянского, не говоря о Чайковском, «Милость мира» — Ипполитова-Иванова, «Отче наш» — Турчанинова. Во второй половине обедни было в обычае, пока причащался священник, исполнять какой-нибудь мажорный концерт. Чаще всего исполняли концерты Бортнянского, любили концерт нашего ярославца Зиновьева «С нами Бог»,* а постом пели Архангельского* «Всякую мя отринул еси».

Такие семейные события, как свадьбы и похороны, без церкви не обходились. Венчанье всегда сопровождалось ра-

достным пением хора. Он громко приветствовал появление невесты концертом «Гряди, голубица», а когда священник надевал обручальные кольца и возлагал на головы брачующихся золоченые венцы и водил их вокруг аналая,* хор восклицал: «Положил на главах их венцы от камня честна», «Исайя, ликуй» и пел «Славу Господу», «Святым апостолам и мученикам похвалу».

Отпевание умершего было полно великой печали и скорби. Хор ярко изображал в своем пении чувства родных и друзей, стоящих у гроба, «зрящих усопшего безсловна, безгласна, неимущего вида». Он призывал их с «надгробным рыданием» отдать усопшему «последнее целование» и просил Господа «упокоить его со святыми». Л. Н. Толстой, отрицавший церковь и ее обряды, после похорон своего юного сына Ванечки* говорил, что в такие моменты ничего другого и придумать нельзя, так эти трогательные погребальные песнопения созвучны скорби родных.

В сороковой день после смерти Александра III в московском храме Христа Спасителя заупокойную обедню Чайковского пел полный хор Большого театра.* Он расположился на хорах над главным входом. Мощные звуки его пения заполняли весь обширный храм. Впечатление получалось необычайное от красивой музыки и от стройного, музыкального исполнения.

Глава 8

*Природа весной. Народный календарь. Весенние праздники:
Николин день, Вознесенье, Семик-Завивки, яичница на берегу,
Троицын день. Поездка к деду в село Введенское. Духов день*

Продолжу свои воспоминания о праздниках и нашем быте.

Весенние месяцы апрель и май с их горячими солнечными лучами, с теплыми дождями (про первый теплый дождь любовно говорили: «он корешки обмывает»), с буйным ростом цветов в лугах и полях, с цветущими в огородах яблонями,

черемухой, вишеньем создавали какое-то радостное настроение.

Народный календарь со своими приметами был приурочен к памяти святых: 12 апреля — Василия Парийского, солнце «парить» начинает; 2 мая — Бориса Соловейника, в садах в вишеньях, в реке в кустах начинали разливаться соловьи; 13 мая — Лукерьи Комарницы, комары появляются и начинают покусывать; на Алену Огурешницу (21 мая) надо огурцы садить и лен сеять. А тут подоспеет и 29 мая — Федосьи Колосяницы, озимые колоситься начнут.

Церковь учила, что от Пасхи до Вознесенья Христос по земле ходит. И потому все сорок дней за всенощной и за обедней исполнялись пасхальные песнопения. Бывало, нам, маленьким, нянька говорила: «Не шалите, Христос увидит!» — «А он где?» — «Везде!» — «И у нас?» — «И у нас!» — «А что же мы его не видим?» — «Его видеть нельзя, он дух!» Трудно было нам все это представить, но мы няньке верили!

В мае праздников было немало: Никола Вешний, Вознесенье, Семик, Троица, Духов день, Все святые.

Церковь отмечала их, за исключением Семика, праздничным богослужением, в иные еще и крестным ходом. Старшее поколение — гощением друг у друга с сытными обедами, пирогами и выпивкой. Молодежь — гуляньем с хороводами и танцами. В трактирах было шумно и пьяно!

Николин день (9 мая) праздновала Зарецкая часть посада. Здесь стояла Никольская церковь. У нас этот день из обычных праздников не выделялся. Вот зимнего Николу праздновали три дня! Тогда работавшие на летних отхожих промыслах штукатуры, маляры, каменщики в декабре были уже дома, и для празднования было время. А Вешнего Николу праздновать было некогда. С этого дня Никольская церковь начинала крестные ходы по приписанным к ней деревням. Летом часто даже в простые воскресенья слышался звон у Николы. Это духовенство пошло с иконами в какую-нибудь деревню.

Вознесенье. По евангельскому сказанию, Христос вознесся на небо в сороковой день после воскресения. Следова-

тельно, этот праздник, как и Пасха, был переходящим. Чаще приходился на вторую половину мая.

В самом Норском этот праздник от других ничем особенным не отличался; но его праздновала деревня Дудкино за Волгой напротив самого Норского. Вечером около деревни на лугу, на берегу Волги, собиралась молодежь из Дудкина и соседних деревень, водили хороводы и танцевали. И даже к нам за Волгу доносились отзвуки веселых песен и гармонии. Яркие цветные пятна от нарядных платьев девушек и рубашек молодых людей сплетались в красивые гирлянды, сходились и расходились.

Уже наступали майские светлые сумерки, а на лугу все еще раздавались веселые песни. Они замолкали постепенно, должно быть, одна пара за другой уходили в сторону от общей компании. В этот день часто выпадал небольшой весенний дождь. Он разгонит гуляющих. Перестанет — и они опять соберутся и начнут танцевать.

Семик. Этот праздник остался нам в наследство от древних языческих времен, празднуется он через неделю после Вознесения.

Судя по тем обрядам, которыми он сопровождался, это праздник весны с горячим солнцем, с распускающимися березками, с обильными цветами в поле, в садах и огородах.

Этот день был «днем завивок». Девушки еще с вечера стоварились друг с другом, где они будут завивать березки: в огороде, в лесу. Кто и какие «ленты» принесет с собой. А утром, наряженные, отправлялись в намеченное место, каждая с пучками цветных лоскутков, подсаживая друг друга, взлетали на березу и перевязывали ее ветви разноцветными лентами. И дерево принимало нарядный вид. Через три дня эти ветви девушки будут бросать в воду и гадать о своей судьбе.

У нас, ребятишек, было в обычае в Семик на берегу Волги устраивать в складчину яичницу. Было нас человек восемьдесят, каждый выпрашивал у матери пару яиц и немного «скоромного» масла и нес это на берег. Всей компанией собирали по берегу «наплав» — щепочки, прутики, бересту. Все это стаскивали в кучу, зажигали, ставили на кирпичях сковороду,

Волжанки

клали на нее масло и «толкали», то есть выпускали, яйца, садились вокруг на корточках, жадно слушали и смотрели, как трещало масло и вспучивался белок.

Вот яичница готова! Каждый получает свою долю. Как все было вкусно, даже сгоревшая в уголь корочка белка! Само собой яичный желток на пленке свернувшегося белка изображал в народном представлении солнце на небе.

Покончивши с яичницей, мы играли на берегу лаптой в свечку, в прятки. Убирались в ивняке, залезали под перевернутые лодки, прятались за поленницами дров. Было молодо и весело!

Троицын день, или Пятидесятница. Этот праздник зелени и цветов приходится на пятидесятый день после Пасхи, на воскресенье.

Церковь празднует в этот день явление патриарху Аврааму «триединого божества в образе трех странников». По библейскому рассказу, Авраам принимал своих гостей под

пышным Мамврийским дубом. Надо думать, что церковь на Троицын день и перенесла языческий праздник весны — «день завивок». В каждом доме по углам и за иконами красовались молоденькие березки, и в церкви иконостас и подсвечники тоже были украшены березками. На полу накинаны ветви можжевельника и елки. Всюду пахло свежей зеленью.

В этот день обедня поздняя, с девяти часов. Нас, детей, подняли в восьмом часу, одели всех в парадные костюмчики и с цветами в руках отправили в церковь. Там уже отзвонили «во вся». Это значит — обедня началась. Мать торопливо закончила стряпню на кухне (сегодня она очень обильна), оделась тщательнее и наряднее, чем в обыкновенный праздник, взяла пучок цветов с ландышами, с сиренью и с распутившейся яблоней и скорыми шагами спустилась с лестницы. По обыкновению на крыльце отдала кухарке последние распоряжения: не спалить пироги, смотреть за молоком, чтобы «не ушло», а как только зазвонят к «достойне», поставить самовар.

В церкви народ стоял с цветами в руках, их легкий запах чувствовался даже среди запаха ладана и свеч. Даже риза у священника была зеленая. Певчие пели нотное, обедня тянулась долго, а после обедни — молебен с «колелопреклонением». Священник, тоже на коленях, читал молитвы о «благорастворении воздухов и изобилии плодов земных и временах мирных». Книга с молитвами лежала на скамейке, покрытой цветами и зеленью.

В Троицу после обедни девушки отламывали завитые лентами веточки берез, шли на берег и кидали их подальше в воду и смотрели, что с ними будет. Веточка тонула — к беде, а если поплывет в какую-нибудь сторону, значит, там живет ее будущий жених.

В бытность мою гимназистом, когда мне было лет пятнадцать-шестнадцать, в Троицын день, в каникулы, ездили мы с матерью к деду-священнику в село Введенское Романовского уезда,* ныне Тутаевского района.

Было прекрасное солнечное утро. Ехали мы на своей лошади, на тряском старом тарантасе. Как всякая проселочная, дорога была с рытвинами и глубокими колеями. И мы покачи-

вались из стороны в сторону и подпрыгивали немилосердно. До Введенского от Норского было 12–13 километров.

Около села Григорьевского мы пересекли большую дорогу, а за ней пошел густой лес. Ветви молодых березок со свежими зелеными листочками ласково задевали нас за лицо. Какие только птичьи голоса не раздавались вокруг! А около дороги виднелись ландыши, незабудки, полевые жасмины.

Показалось и Введенское! Перед нами был типичный русский пейзаж: поля и ложбины с темными полосками леса по краям. И на небольшой горке беленькая церквушка с колокольней в форме елки. Трудно представить русский пейзаж без белого пятна церкви на фоне темного леса! Около церкви с покривившимися от времени крестами в небольшой березовой рощице кладбище. Это был погост. Только две избы стояли через дорогу от церкви: одна побольше — для священника, другая — для дьячка.

Еще издали мы слышали жиденский колокольный звон в несколько колоколов. Звонили «во вся» к началу обедни. Мы проехали к домику деда. Около небольшого сарая привязали лошадь и пошли в церковь.

Здесь все было в зелени. Народ стоял с полевыми цветами в руках, на клиросе довольно стройно пели любители. Крестьянки, особенно молодые, были наряжены в цветные платья и платки, мужчины в новые ситцевые рубахи и пиджаки. И те, и другие размашисто крестились и кланялись ниже, чем в городе. И после каждого поклона мужчины встряхивали головой, чтобы откинуть со лба подстриженные «в скобку» волосы. Впереди стояли мальчишки тоже в цветных рубашках и девчонки в топорщившихся новых светлых ситцевых платицах. Длинная обедня их мало занимала. Они вертелись, смотрели по сторонам и тихонько друг у друга таскали цветы. Мы, люди совсем для них новые, очень их заняли. Они повернулись в нашу сторону, рассматривали с ног до головы и все время перешептывались.

После обедни и длинного молебна мы направились к деду в его «хоромы». И здесь две маленькие комнатки с кухонькой были обставлены березками. Дед пришел с дьячком и сначала

они спели «свята», то есть маленький молебен, а потом окропили и нас, и все комнатки святой водой. Кропилом послужила березовая ветка. После теплых родственных поцелуев все уселись за чай с пирогами и ватрушками и долго рассказывали, как живет наша семья и другие родственные семьи. Обед был довольно поздно, а после него чай, и мы собрались домой.

Обратная дорога была тоже полна всякой прелести, и весь этот день остался в памяти днем радостного праздника.

А на другой день после Троицы праздновали Духу Святому. Его так и называли — Духов день. После пышной Троицы этот праздник был скромным, даже бедным. Мне кажется, в этот день даже пирогов не пекли, а доедали то, что осталось накануне. Мне всегда Духов день вспоминается днем пасмурным, теплым и влажным.

Вода в Волге убыла, обнажился берег, покрытый липкой грязью. Пахло сыростью и какой-то прелью. До воды можно было добраться только босиком. Но мы умудрялись и в грязи найти забаву. Поднявши штанишки, мы становились друг против друга, топтались на месте и приговаривали: «кисели, мисели, весели»! А потом по грязи на ногах определяли, кто глубже промесил грязь.

Глава 9

Праздник Всех святых. Приезд на праздник родственников. Обедня и крестный ход. Гости в нашей семье. Гулянье по Успенской улице и в липовой роще

Все святые. Этот праздник справлялся в следующее воскресенье после Троицы. Я не знаю, почему этот день отмечался и в посаде, и в селе: ни в одной из четырех церквей ни приделов, ни чтимых икон не было. А праздновали три дня с крестным ходом и даже с небольшой ярмаркой. В каждом доме были приезжие гости.

Правда, ведь в иных селах праздновали девятую пятницу или восьмое воскресенье после Пасхи. По распоряжению Синода надо было молиться тому святому, который в календаре

приходился на этот день, но все знали не его, а девятую пятницу! Ее и праздновали! Вероятно, это тоже были какие-нибудь древние праздники весны.

Еще в субботу, накануне Всех святых, начинали приезжать в каждую семью близкие родственники: выданные на сторону дочери с детьми, братья и сестры, а утром в самый праздник — более дальние родные. Первые гостили несколько дней, ночевали в чуланах, в холодных горницах, на чердаках, вторые уезжали вечером в первый же день праздника.

Церковь по обыкновению начинала праздник с поздней обедни, колокольный звон — с «позыва». А делалось это так: звонарь медленно перебирал один за другим все колокола, начиная с большого басового и кончая маленьким дискантом. Он ударял в каждый десять-пятнадцать раз и, дойдя до последнего, быстро возвращался к первому «в перебой». Прodelав это несколько раз, он медленно звонил отдельными ударами в большой колокол. Это называлось «благовестить».

В наших церквях большие колокола были около 200 пудов весом. Когда же начиналась обедня, звонили «во вся». Здесь были большие искусники. Про звон церковного сторожа Осыпыча говорили, что в быстроте и залихватской веселости звона он доходил до «неприличия». А старые люди церковный звон называли «небесной музыкой».

После обедни от церкви Пятницы устраивался крестный ход. Сюда от каждой церкви приносили по две иконы и по две хоругви.* Пятницкие этим очень гордились и даже называли свою церковь собором. Под веселый звон сначала несли хоругви, потом в кистях на особых носилках четверо крепких мужиков несли на плечах иконы. Шли в определенном порядке: сельские, никольские, благовещенские и пятницкие. Шест-вие замыкала чтимая в посаде икона Богородицы от Благовещения — «Всех скорбящих радость». Эта икона старого письма в серебряной позолоченной ризе была когда-то привезена из Толгского монастыря. Иные ее считали даже чудотворной. За иконами шло духовенство в красивых ризах и певчие и, наконец, толпы народа.

В посаде крестный ход шел по всей набережной, затем поднимался к сельской Архангельской церкви и отсюда

*Поднятие нового колокола
Благовещенской церкви. 1899*

полем и овинами возвращался к Пятнице. Все время звонили во всех церквях. Против каждой церкви служили молебны.

Большинство молящихся считало долгом «подпасть» под иконы, то есть встать посередине улицы, согнув спину так, чтобы над ними пронесли все иконы, а после этого с чувством исполненного долга помолиться.

И нас, детей, нянька заставляла проделывать ту же церемонию. Очень это было неприятно! Стараешься наклониться пониже, чтобы какая икона не задела за твою спину, за лицо задевают пелены. Это квадратные куски ткани из старой

парчи или шелка, подбитого какой-нибудь тканью, прикрепленные к иконам. В рот и в нос лезет пыль, поднятая богоносами, и около самой головы слышатся их тяжелые мерные шаги! Как обрадуешься, когда выпрямишь свою окоченевшую спину и отойдешь в сторонку!

Потом, маленькие, мы играли в «крестный ход». Двое мальчишек брали друг друга за руки, третий на них садился. Мы его носили по улице, а остальные «подпадали».

В нашу семью на этот праздник приезжало много народа. Из Рыбинска — тетушка Елизавета с тремя-четырьмя детьми.* Они оставались у нас почти на все лето. Из Ярославля при-

езжала сестра Елена, у которой было восемь детей.* Приезжали и более дальние родственники: Понизовкины*, Шитовы*, Лебедевы*, так что дом напоминал муравейник. За стол садилось до двадцати пяти человек!

После крестного хода долго пили чай с пирогами, а потом принимались за обед с жирной лапшой и жареной бараниной с картофелем. Кончали обед сладкими пирогами с молоком.

На главной Успенской улице устраивалось гулянье: от церкви Пятницы до села медленно проходили

и местные жители, и приехавшие гости. На площадке, где кончался посад и начиналось село, весело танцевала молодежь. Позднее на этой площадке устраивалась карусель и располагались палатки со сладостями. Вечером в каждом доме слышалось не очень стройное пение веселых песен. Нестройный шум и гам вырывался из открытых окон и дверей пивных и трактиров.

Молодежь танцевала и веселилась до зари. Благо ночи были светлые. Но танцующих становилось все меньше и меньше: то одна пара уединится, то другая! Домой возвращались под утро. Был такой обычай: кавалер часов в восемь приходил будить свою даму, и если находил ее в постели, брал в охапку и тащил прямо в Волгу. Дама барахталась, визжала, кричала на

Успенскую церковь норяне называли Пятницкой

На берегу Волги под березой у дома Курочкиных. Сидят: Василий Козлов, Иван Богородский, Василий Курочкин, Екатерина Алексеевна Курочкина, Антонина Пирожникова (Курочкина) с сыном Витей; стоят: Агния и Николай Курочкины, Григорий Пинус. 1904

потеху соседям. А потом мокрая бегом возвращалась домой. Таких случаев было один-два на всю улицу: каждая девица вставала часу в седьмом, только бы не быть посмешищем своих соседей.

Во второй день немного народа собиралось в старой липовой роще, оставшейся от помещичьей усадьбы. Молодежь и здесь танцевала, а группа именитых граждан посада угощалась пивом. Вечером опять было небольшое гулянье и танцы на Успенской улице.

В третий день кое-где собирались уже у своих домов.

Глава 10

Наши удовольствия в огородах. Встреча [иконы] Казанской Богородицы. Праздник Петра и Павла. Поездка в Рыбинск на ярмарку. Как мы ходили за грибами. Праздник Ильи Пророка

Лето после Всех святых доставляло нам новые удовольствия: в огородах появлялись ягоды смородины и крыжовника. Они были зеленые, твердые, кислые. Рот у нас от оскомины был как луженый! И как только мы их переносили и живые оставались! В огород нас бабушка не пускала, но когда она спала после обеда, мы с соседскими ребятами лазили через забор в свой собственный огород и таскали ягоды.

С воскресенья Всех святых начинается пост — «петровки». Его не очень строго соблюдали: ели рыбу, а молодежь даже пила молоко. Пост готовил верующих к празднику Петра и Павла — первоверховных апостолов и вселенских стран учителей. Этих двух распространителей христианства по всему миру, независимо от языков и национальностей, церковь очень чтит, и храмов, посвященных им, было без конца.

В нашем Благовещенском приходе был придел Петра и Павла. Мало того, перед этим праздником в Норское приносили из Романова Казанскую Божию Матерь, чудотворную икону ярославского Казанского женского монастыря. Было в обычае, что чтимые иконы из различных монастырей «ходили» по городам и сельским местностям. Всюду их принимали с почетом и даже устраивались для них большие крестные ходы. Толгская дважды приходила в посад: на Преображение и на Успенье. Казанскую приносили к нам из Романова за несколько дней до Петрова дня. Ее встречали недалеко от села в деревне Крюковской к вечеру. Сюда выходили священник из Архангельской церкви* с иконами и порядочно народа из села и посада.

Маленькими ходили и мы встречать икону. Сидели на траве около дома и всматривались вдаль, не появится ли на большой дороге облако пыли. Тогда все поднимались с земли и шли навстречу «дорогой гостье». Как-то раз произошла такая ошибка: по дороге в пыли шло стадо коров, а его приняли за ожидаемый поезд.

Образ обычно везли на линейке в сопровождении духовенства и монахинь. Его бережно снимали и под колокольный звон торжественно несли в Архангельскую церковь, где слу-

шали всюнощную. А потом почти всю ночь со звоном носили икону по домам. Через день ее переносили к Благовещенью, а отсюда дней через пять к Пятнице. И в этих приходах во многих домах принимали икону. Принимали и у нас и служили молебен с акафистом.* Помню, как бабушка устраивала к вечеру чай для монахинь со всяким угощением. Они скромно пили чай с блюдечка вприкуску и тихим голосом рассказывали о жизни в монастыре.

Приблизительно через неделю в воскресенье был такой же большой крестный ход вокруг посада и села, как и во Все святые. А затем провожали икону в Ярославль к месту ее постоянного пребывания — в Казанский монастырь.

Эта икона в самом конце XVI века была принесена из Тетюшей в Романов. После разграбления города поляками была перенесена в Ярославль. В 1609 году поляки сожгли в нашем городе посады и слободы, но Спасский монастырь взять не смогли и отступили. Ярославцы приписали это событие заступничеству Казанской [иконы] Царицы Небесной. Это и создало такой почет иконе.

Благовещенская церковь по случаю присутствия здесь Казанской иконы праздновала Петров день 29 июня с особой торжественностью. Даже было две обедни. А в быту он ничем особым не отличался.

Значительно позднее в этот день случился большой пожар, выгорела в Благовещенском приходе половина Набережной улицы. Поэтому из этой церкви стали устраивать ежегодно крестный ход, обходя только эту улицу.

Народный календарь так отмечал заметную убыль дня: «Петр и Павел час убавил, Илья Пророк — два уволок». А птицы еще раньше переставали распевать свои веселые песни. По народным приметам они замолкали с Тихонова дня — 24 июня. Около этого времени кончался их брачный период, надо было высиживать птенцов, а потом кормить их. Было не до песен!

С Петрова дня и с Казанской (8 июня) крестьяне начинали сенокос.

В Рыбинске в эти дни устраивалась петровская ярмарка, с цирком, балаганами и каруселями за рекой Черемухой. Так

Церковь Михаила Архангела в селе Норском

как в этом городе жила наша тетушка с девятью детьми* всяких возрастов, то мы охотно ездили на эту ярмарку. Деньги на поездку мы скапливали задолго по мелочам. Да при отъезде отец давал рубль, бабушка копеек сорок, и мы ехали богачами. Сама поездка на пароходе мимо сел и деревень, лесов и полей — мест незнакомых — представляла огромную прелесть. А сколько доставлял радости быстробегущий мимо встречный пароход.

На ярмарку мы ходили каждый день, катались на каруселях, в балаганах смотрели Петрушку, каких-то гимнастов, «говорящую голову» и от всего приходили в восторг. Одна из наших двоюродных сестер была замужем за состоятельным купцом.* Они водили нас в цирк. Здесь нас восхищали клоуны, наездницы, дрессированные лошади и гимнасты на трапециях. В Норское мы приезжали полные всяких впечатлений. И дома, и на улице без конца рассказывали о чудесах, которые мы видели.

Вскоре к нашим летним удовольствиям прибавилось новое. Это — ходить по грибы. Собиралось для этого нас пять-шесть

После пожара

ребятишек из соседних домов. Хотя один конец посада упирался в еловый лес, сюда мы никогда не ходили. И за грибной не считали. Да и какая прелесть идти в лес, через который люди ходят на работу на фабрику! Мы ходили за грибами километров за пять от Норского в лес на берегу Волги почти против села Устья, в Шипулино и Харитоновские «полоски».

Шли мы сельским лугом до самого Шипулина, по временам мы кидали перед собой свои корзиночки и приговаривали: «Тимка, Тимошка! Наполни лукошко полным-полно!» И если корзинка падала набок, значит удачи не будет, а если становилась на дно, наберешь полную!

Кругом нас был огромный простор — и на лугу под ярким солнцем, и на темно-синей слегка волнующейся Волге с пароходами и плывущими плотами. Когда у берега появлялись «пески» (намытые водой косы), мы обязательно купались. Шипулинский лес мы проходили быстро. Это был не грибной лес. Зато «полоски» обыскивали тщательно.

Когда-то здесь было распаханное поле, а потом на значительном пространстве по полосам рядами посажены березки. Сейчас это была прекрасная тенистая березовая роща. Каж-

Вид из дома в сторону с. Устье

дый из нас получал по «полоске» и шел вдоль нее, тщательно всматриваясь в покрытую старыми прелыми листьями землю. И сколько было радости, когда где-нибудь в невысокой траве увидишь коричневую шляпку березовика! О таком событии каждый оповещал своих товарищей громким криком.

Обойдя «полоски», мы, уже усталые, садились на полянке закусить: у одного в кармане был кусок ржаной ватрушки, у другого черного хлеба, помазанного льняным маслом и посыпанного солью, у третьего — две-три вареных картошины. Поедали все это с большим аппетитом и друг с другом обязательно делились.

Повалявшись с четверть часа в траве, мы шли дальше в большой еловый лес за боровиками и в старый березняк за белыми грибами. Обходили мы эти места как-то вяло, тем более что и грибы здесь попадались редко. Опять отдыхали, валялись в траве и, наконец, возвращались домой. Шли усталые не торопясь, и частенько останавливались отдохнуть. Зато нас радовали обычно полные небольшие корзинки грибов. Каждый хвастался перед другими, сколько у него белых грибов и боровиков. Их мы очень ценили. Домой добирались усталые,

По грибы. 1932

и все-таки еще хватало сил после обеда самим очистить набранные грибы.

20 июля был праздник Ильи Пророка. В сущности, это был небольшой праздник, но с него начиналось какое-то заметное угасание лета. Солнце садилось раньше, вечера становились короче, а ночи темнее и холоднее. Говорили, что в этот день «медведь в воду лапу опустил». Я никогда не знал, что это значит. Но вот вода становилась холоднее, это была правда! Если купанье мы и не кончали, то из воды быстро вылезали и грелись на солнышке.

По народному поверью Илья Пророк ведал громом и молнией, и все были уверены, что этот день без грозы и дождя не бывает. И в доказательство приводили такой случай: раз в Ярославле в Ильин день молния ударила в здание губернской земской управы, и оно загорелось. С тех пор там в этот день не работали. «Вот и не верьте!» — прибавляла наставительно бабушка.

Это было самое ягодное время! Каждый день пекли пироги и «преснухи» с черникой, с вишнями, с гонобоблем,

запасали на зиму варенье. На огороде обильно собирали огурцы и капусту. Через неделю, 27 июля, был Никола Кочанный.

А мы иногда отпраплялись в лес за село за ягодами. Собирали там чернику и гонобобель. И руки и рты были все черные от ягод. Даже дома на нас надевали темные рубашки: как-то не утерпишь и оботрешь о штаны или рубашку руки, по которым тек ягодный сок.

Глава 11

Августовские праздники. Три Спаса. Встреча Толгской иконы.

Разговенье яблоками. Толгин день. Легенда о явлении иконы.

Древний образ и его характер. Из истории монастыря.

Трехдневное празднование. Ярмарка. Церковные службы. Наше путешествие на Толгу

Август был очень праздничным месяцем. Одних Спасов было три: 1 августа — первый Спас, «на воде», 6 августа — второй Спас, «на горе», и, наконец, 16 августа — третий, «на полотне». Большим двенадцатым праздником из трех Спасов был только второй — Преображение.

Особенность первого Спаса была та, что каждая церковь устраивала после обедни крестный ход на Волгу для водосвятия. В календаре значится, что в этот день празднуется Происхождение Честных Древ Креста Господня, а на воду ходят потому, что в одной священной песне поется об обмывании этих древ водою.

Для нас, маленьких ребят, этот крестный ход был очень необычайным: народ шел на Волгу вслед за крестами и хоругвями под колокольный звон и пение хора. На берегу после молебна священник входил на специально устроенные мостки и трижды погружал крест в воду. А затем также с колокольным звоном все возвращались обратно в гору. В этот день, кажется, всегда было прекрасное солнечное утро. Воздух был уже свежий, немного осенний, прозрачный, в нем плавали паутинки.

Находились любители выкупаться в «освященной воде», но мы, ребята, не решались, боялись холода. В сельских местностях было в обычае, если воду святили в реке или пруду, сейчас же купать в них лошадей. Вспомните прекрасную картину Прянишникова* «Первый Спас».

Второй Спас — Преображение был праздником двенадесатым. Он был установлен в память евангельского события — прославления Богом Отцом Сына своего Иисуса Христа на горе Фавор в присутствии трех апостолов и двух ветхозаветных пророков — Моисея и Ильи. Это был день разговенья яблоками.

В конце обедни священник раздавал молящимся с большого блюда четвертинками «петые» яблоки, над которыми он перед этим читал какие-то молитвы. Старые люди до Преображения яблок и пирогов с ними не ели, а мы уже больше месяца лазали через заборы и рвали и ели зеленые, горькие, как полынь, и твердые, как камень, неспелые яблоки.

В остальном на нашей улице этот праздник ничем не отличался от других. Но «за реку», к Николе, накануне привозили из-за Волги на пароме Толгскую Богородицу. Из любопытства мы и сюда бегали, хотя это для нас было и необязательно: икону приносили в чужой приход. В самый понедельник у Николы обедня была парадная, а после обедни шел большой крестный ход на фабрику, по обычаю под колокольный звон. А после крестного хода икону носили по казармам фабрики.

Толгин день — 8 августа. Через день после Преображения, 8 августа, был в Толгском монастыре, на другом берегу Волги, в трех верстах от Норского, большой местный праздник — Толгин день. Его праздновал Ярославль и вся округа. Явленный и чудотворный образ Царицы Небесной очень чтили.

Существовала такая легенда. В XIV веке ростовский епископ Трифон объезжал свою епархию и возвращался правым берегом Волги в Ярославль. Он заночевал верстах в восьми от города. Его разбудил свет, сиявший в ночной темноте на другом берегу Волги. Епископ взял свой посох и по «светящемуся мосту, яко посуху», перешел Волгу. Здесь он увидел на воздухе

*Преображение. Крестный ход с иконой Толгской Богородицы
в заречной части. 1899*

светлый образ Богородицы. Епископ помолился и тем же путем возвратился обратно.

Утром, проснувшись, он должен был продолжить свой путь, но его посоха не смогли найти. Тогда он вспомнил ночное событие, на лодках переправился со своей свитой за Волгу и на левом берегу в кедровой роще на ветвях высокого дерева увидел сияющую икону Богородицы, а на земле лежал посох епископа.

По его и всей свиты молитвам икона спустилась на землю. Тотчас начали очищать место, рубить деревья и строить церковь. Выстроили в один день так называемую обыденную. Здесь и поместили новоявленную икону. Так было положено начало Толгскому монастырю.

Вскоре после революции большой искусствовед профессор А. И. Анисимов на одном из монастырских чердаков нашел старую заброшенную икону.* Он мне рассказывал, что вся она была покрыта грязью и копотью. И вообще, как он говорил,

Толгин день. Ярмарка у стен монастыря. ГАЯО

древние иконы надо искать на чердаках старых храмов. В Московской реставрационной мастерской она была тщательно промыта. Оказалось, местами икона была подпалена упавшей свечкой, значительно подправлена и записана. После большой и тщательной работы она была восстановлена в своем первоначальном виде и сейчас находится в Третьяковской галерее.

Это икона в стиле начала XIV века. Богородица со своим младенцем изображена на троне, сидящей на пышной подушке. На ногах красные сандалии — эмблема царской власти. На ней роскошная с драгоценными камнями одежда. Образ написан в более мягких и нежных тонах по сравнению с суровым письмом новгородцев того времени. Мать слегка наклонена к прижимающемуся к ней младенцу. В изображении тела и лица есть некоторая объемность. Происхождение иконы не выяснено. Некоторые исследователи полагают, что икона получена с Запада, может быть из Далмации.

Та икона, которая стояла в монастыре в иконостасе алтаря, которую носили по селам и по городам, была совершенно иной. Она сравнительно небольшая и написана в

так называемом стиле «Умиление». Это не царица, а любящая своего ребенка мать. Он прижался к ее лицу своим личиком, а на иных иконах обхватил ее шею своей рученькой. Этот стиль принес нам в конце XIV века из Византии иконописец Максим Грек.*

Толгский образ покрыт богатой золоченой ризой, свободными от нее оставались только лица и кисти рук, и трудно было разобрать в деталях позы матери и сына. Во всяком случае, эта икона не была похожа на ту, которую нашел А. И. Анисимов.

Тот кедр, на котором, как рассказывали, явился образ, был очень стар. Верха у него давно не было, а на нижней части сохранилось несколько обломанных ветвей. На них местами виднелись кисти темно-зеленой хвои. Низ ствола был огорожен деревянной стенкой, чтобы верующие его не портили. Спереди в раме был прикреплен образ Богородицы и рядом — кружка для «доброхотных даяний». Каждый богомолец считал долгом здесь помолиться и опустить монетку в кружку.

В XV веке монастырь весь выгорел, но был вновь восстановлен! В 1609 году он был разгромлен поляками. «Образы, и книги, и казну пограбиши», монахов и монастырских слуг, храбро защищавших монастырь, перебили. Поляки из России были изгнаны, и монастырь был опять восстановлен.

Толгин день праздновался три дня! Между Ярославлем и монастырем с утра до позднего вечера ходило несколько пароходов. В первые два дня они были переполнены народом, на третий уже приезжало в монастырь немного ярославцев. Через Волгу десяток лодок перевозили желающих помолиться и погулять.

На отлогом берегу, от пристани почти до монастырских стен, располагалась целая ярмарка: тянулись ряды построенных на скорую руку тесовых бараков, покрытых брезентом. Внутри из простых досок были сколочены столы. Всюду виднелись ларьки и лотки с различными сладостями, с булками, игрушками, даже с лубочными книжками. Монахи торговали просфорами, образками и кедровыми шишками. На каждом шагу попадались лубяные короба с яблоками.

Приезжающая публика сначала шла приложиться к образу Царицы Небесной, потом шла гулять в прекрасную монастырскую кедровую рощу и затем с небольшой кедровой веточкой в руках шла на ярмарку. Накупив пряников, конфет, булок, шли в балаганы пить чай. Пили долго, с аппетитом, наслаждаясь ярмарочной суматохой и шумом. Любители обязательно заходили в пышечную. Это был тоже балаган. У входа в него были сложены две-три небольшие кирпичные печки. Их верхом служили большие железные противни, опиравшиеся на боковые стенки. В них, воняя на всю улицу, кипело льняное масло. Толстая женщина, постоянно утиравшая свое потное лицо, двумя лопаточками все время доставала комочки теста из рядом стоящей большой квашни и опускала их в кипящее масло. Через несколько минут в нем уже плавали вздувшиеся, желтого цвета пышки. Желающим их подавали на тарелке. Самыми горячими. Обычно заказывали дюжину на каждого. Да и стоили они, кажется, копейка штука.

Нагулявшись досыта, публика направлялась на пароход или на перевоз. Торговать водкой было запрещено. Но к вечеру попадались пьяные. Одни привозили вино с собой, другие пили в буфете на пароходе, третьи тихонько покупали у перевозчиков, но, в общем, было тихо.

Само собой и церковь старалась отпраздновать эти дни с особой пышностью. Накануне несколько священников служили вечерню и всенощную. На литию и на полиелей они выходили собором* — в два ряда — на церковный двор. Пели и читали за службами длинно. И хор монахов пел так, что всенощная кончалась очень поздно, и богомольцы из дальних деревень располагались на ночлег около церкви среди могил, подостлав что-нибудь под себя, прямо на земле. На другой день было две обедни, а между ними крестный ход вокруг стен монастыря. На позднюю обедню приезжали из Ярославля «дорогие гости»: иконы из собора в сопровождении хора певчих, губернатор и много чиновников в парадных мундирах. Иконы несли члены общества хоругвеносцев,* одетые в особые темносиние обшитые серебристой тесьмой кафтаны. Это большею частью были мелкие торговцы, в 1905 году — черносотенцы.

Обедню служил архиерей, а после обедни он угощал в своих палатах именитых гостей завтраком. Толгский монастырь был его летней резиденцией. В церкви перед иконой Богородицы весь день служились молебны.

В нескольких верстах от монастыря была расположена небольшая деревенька Жеребково. Из этой деревни была нянька моих младших сестер и братьев Марфа Савельевна.* Она прожила у нас лет двадцать пять и вырастила четверых детей. Это был прекрасный, душевный человек. Накануне Толгина дня она всегда отправлялась к сестрам в свою деревню. Когда подрастали ее питомцы, она их всех брала с собой. Раз а два и я с ней путешествовал. Бывали мы с ней и за крестным ходом, и стояли где-нибудь внизу на лестнице во время обедни, а потом гуляли в роще и на ярмарке, пили чай в балагане и угощались пышками. Накупив пряников, дешевых конфет, яблок, у монаха — кедровых шишек и просфор и все это увязав в узелок для подарков нашим домашним, уставшие возвращались в Жеребково. На другой день, вернувшись домой, всех оделяли гостинцами, и все этому были рады: и тот, кто раздавал гостинцы, и тот, кто их получал.

Глава 12

Успеньев день. Мой отъезд в гимназию. Третий Спас.

Иванов день. Конец летним праздникам и лету

15 августа был храмовый праздник в одной из наших норских церквей, которую обычно называли не Успенской, а Пятницкой. По учению церкви Богородица не умерла, а «уснула», то есть уснула. На иконе это событие изображено так: она лежит на богатом ложе, окруженном апостолами, рядом стоит Христос и держит маленького спеленутого младенца. Это «исшедшая душа» Его Матери.

Пятницкой церковь, вероятно, называли потому, что в октябрьский праздник Пятницы-Параскевы (ее имени здесь был придел) приход гулял три дня. Он отмечал в это

время конец летних работ. А в Успенье гулять еще было некогда! Накануне из-за Волги приносили к Пятнице, как и перед Преображеньем, Толгскую икону. А в самый день Успенья после обедни был большой крестный ход вокруг посада и села.

Все шло в том же порядке, как и в предыдущие два крестных хода. От Пятницы через два дня Толгскую икону переносили к Благовещенью, отсюда в село к Михаилу Архангелу и целые дни носили по домам. И всюду раздавался неустанный голос монашка, бойко ходившего с блюдом: «На неугасимое масло Царице Небесной кто изволит подать?»

Толгскую чтили больше, чем Казанскую. Поэтому за крестным ходом народу было больше, чем в Петровское воскресенье. От нас икону дней через пять отправляли на пароходе в Романов. Рано утром у Благовещения к самому берегу подходил один из «мосеек». Сюда с колокольным звоном в сопровождении большой толпы народа и приносили икону из села. И опять нам, маленьким, все это было очень интересно, потому что совсем не походило на наши будничные дни.

Мать говорила, что с проводами Толгской Богородицы кончалось лето и начиналась осень.

В первых классах гимназии Успеньев день был для меня днем грусти. 16 августа начинались занятия в гимназии. И 15-го на десятичасовом пароходе я должен был уехать в Рыбинск, где учился. Когда я проезжал мимо Пятницкой церкви, слышал веселый колокольный звон, видел около церкви толпы народа. И так хотелось быть здесь!

Мало того, кончилось лето с его веселыми играми, рыбной ловлей, грибами и ягодами, с друзьями-товарищами. А в гимназии меня ждали русская и латинская грамматика, задачи по арифметике, различные совсем незнакомые страны и части света с трудными географическими именами, и я с большой грустью смотрел с парохода на Норское и прощался с нашей улицей, с берегом Волги, где каждый кустик, каждый камешек был так хорошо знаком! Я прощался со всей этой прелестью до будущего года.

Вид на Норский посад с Волги

Когда пароход шел мимо нашего дома, в садике перед ним стояли наши домашние и мои товарищи и махали белыми платками. А кто-то махал целым полотенцем. И я им с любовью отвечал.

До сентября больших праздников уж не было. 16 августа был третий Спас. Бабушка рассказывала нам, как кто-то попросил у Христа его «список». Христос взял белую ткань и обер ею свое лицо. И на этой ткани получилось его изображение – Нерукотворный образ. Вот это событие церковь и отмечала. На иконе живописцы писали развернутое белое полотно и на нем в русском стиле лицо Христа с широкой бородой и распущенными волосами. В быту этот день проходил еле заметно. Работы шли, как и всегда.

29 августа был Иванов день — Усекновения главы Иоанна Предтечи, вспоминался день смерти от руки палача по злобе «блудной плясовщицы» Иродиады и «развратного» царя Ирода великого Пророка и Предтечи Христа.

В церковь ходили, но работали как всегда. В этот день постничали, почему и называли этот день святого Иваном

Постным. Затем в этот день не полагалось есть чего-нибудь круглого, что напоминало бы «усекновенную главу». Бабушка не ела даже картофеля, а мы, подражая ей, не ели яблок, крыжовника и тоже картофеля.

Это был последний летний праздник и конец лета.

Часть II

Осень и зима

Глава 1

*Осенние работы и заготовка зимних запасов. Капустница.
Мое поступление в школу. Система занятий. Новые осенние
игры. Костер на берегу. «Застукалки». Праздник Покрова и его
происхождение, первый снег. Наши домашние игры*

И у крестьян и у волгарей осень начиналась в сентябре и заканчивалась у первых в ноябре-декабре, а у вторых — в начале октября.

Со жнитвом управлялись еще в июле и августе, но с овощами кончали в сентябре. Выкапывали свеклу, морковь, срезали огромные кочаны капусты. День, когда ее заготавливали впрок, у нас был домашним праздником и назывался «капустницей». На помощь своим приглашали близких нашей семье соседок, в том числе Вериных. Заквашивали целые чаны, около сотни оставляли «кочанной», все это добро опускали в погреб.

Управившись с работой, все тятальщицы собирались внизу на кухне и садились за стол. Здесь кипел самовар, стояла бутылка водки, а вокруг пироги с капустой из мягкой муки (третий сорт), красная икра из воблы с луком и льняным маслом, селедка. Скоро все становились веселыми и начинали петь песни. Часов в девять расходились по домам.

Тяпальщицы капусты

Молотьба затягивалась надолго, тем более что у отца своей риги не было и он молотил в чужой.

Рыбаки неводом все еще ловили рыбу, но ее попадалось мало, и они рано возвращались домой.

Изредка по Волге плыли плоты, на переднем плоту ярко горел костер, и стонщики сидели около него и грелись. Пароходы шли по вечерам с яркими огнями в окнах и со своими красным и зеленым огнями по бокам были похожи на рождественскую елку.

Ждали первых заморозков.

В восемь лет меня отдали в нашу земскую школу. Курс обучения был трехгодичный, в ней было три группы: младшие, средние и старшие. Всех учили один учитель — Борис Иванович Голубев* и законоучитель, мой дедушка, — отец Алексей [Снегирев]. Младшие учились азбуке, чтению и письму, устному счету, средние продолжали все то же, старшие четырем правилам арифметики с большими числами.

ми, грамматике и даже началу синтаксиса. Очень мне было трудно освоить падежи, залог и спряжения, местоимения и наречия, а суффиксы и флексии я всю жизнь путал.

Всего учеников было 95 человек. Сидели по восемь человек за длинными партами в довольно обширном классе. За шалости ставили в угол на колени, давали подзатыльники. Борис Иванович даже драл за волосы, а дед драл за уши и бил по спине линейкой.

1 сентября началось учение в школе. Пока мы учились в «младшей», нас отпускали в час дня. А дни становились короче и короче, и для игр на улице времени оставалось все меньше и меньше! Дома надо было еще учить уроки.

Волга — холодная, серая, хмурая — нас уже больше не привлекала. Одним из любимых занятий было набрать на берегу, на приплеске, то, что выбросила Волга, развести костер и греться у огня. Как-то у одной девочки лет пяти загорелось платье, может быть, ее кто-нибудь толкнул. Она умерла от ожогов, и полицейская власть в лице урядника запретила ребятам разводить на берегу огонь.

И короткий день и погода загоняли нас с нашими играми на дворы и домой. Любимая игра была в «застукалки». Заклучалась она в следующем. Из нашей компании в пять-

Дедушка Г. И. Курочкина о. Алексей Снегирев с дочерьми Екатериной (сидит) и Елизаветой

шесть человек один «водил», его обязанностью было искать спрятавшихся товарищей. Пока он ищет кого-нибудь в кустах, за дровами, другие бегут к заранее выбранному месту и здесь по чему-нибудь колотят палкой. Если «вожак» опередит бегущих и «застукает» раньше, он выиграл и «водить» будет «застуканный», а выигравший «убираться», то есть прятаться.

Погода становилась все хуже и хуже, шел дождь, и злился ветер, и мы со своими играми совсем перебирались в гору — на улицу и на дворы. С нетерпением ждали снега.

1 октября праздновался Покров Пресвятой Богородицы. В народе говорили: «Покров землю снежком кроет» и добавляли: «Богородица — покров, покрой землю снежком, а меня, девушку, женишком!»

В Покров церковь вспоминала такое событие. Наши предки руссы осадили столицу Византии Константинополь. Тяжело было населению в осажденном городе, молились по церквям об избавлении от врагов. И вот как-то за вечерней службой два благочестивых мужа увидели вверху храма на воздухе Богородицу с развернутой широкой пеленой — тканью в руках, как бы ограждающую город. Осада была вскоре снята. Византия в честь этого события установила праздник, и он вместе с христианством перешел к нам на Русь.

После 1 октября крестьяне не торопясь заканчивали молотьбу, обработку льна. Наступало довольно пустое время. Хороших дорог еще не было, и заниматься извозом, возить дрова из леса было нельзя.

До половины ноября тянулся мясоед, а потом начинался шестинедельный пост — филипповки. Вот в некоторых семьях и старались управиться со свадьбами до поста. Постом церковь не венчала.

С первых чисел октября в природе наступал заметный перелом. По ногам морозило. Дороги стали суше, часто выпадал снег, берег и луг побелели, на улице стало светлее. И на душе становилось веселее, уж очень надоели темные длинные вечера, сырость и грязь, как будто природа начала приводить себя в порядок!

Но Волга долго еще будет ждать своего ледяного покрова, только недели через две похолодеет вода, и на ней появится медленно плывущее «сало» — небольшие ледянки, покрытые мокрым снегом.

Дни были хмурые, пасмурные, солнце пряталось в тяжелых тучах. Мы, ребята, уже редко собирались на улице, а бегали друг к другу на дом. Играли в карты — в «пьяницы» и в «дурачки». Еще играли в «камешки». Камешков было пять штук, небольших, круглых и гладких. Играющий рассыпал четыре камешка на скамье, пятый подбрасывал кверху, и, пока он летал, надо было схватить со скамьи один, два, три, четыре камешка и поймать летающий. А затем все пять камешков клали на тыл кисти, подкидывали и ловили в горсть. Проигравший наказывался щипками. Он клал свою кисть на скамью ладонью вниз, а выигравший кидал камень кверху и, пока он летал, должен был ущипнуть руку своего бедного товарища и опять поймать камешек. Число щипков определялось заранее в пять, восемь, десять. Иные были очень искусны в игре и щипали «с навертом».

Глава 2

Осенние праздники и именины. Праздник Воздвиженья. Церковные обряды. Ледостав на Волге. Новая жизнь на Волге. Наши зимние игры на льду. Катание с гор, игра в шары

С 1 сентября до Рождества набиралось немало праздничных дней, тут были и двунадесятые: Рождество Богородицы — 8 сентября, Воздвижение — 14 сентября и Введение Богородицы во храм — 21 ноября, и местные — придельные и храмовые: Парасковин день, Михайлов день, Егорьев день, Николин день, были и просто чтимые в церквах иконы — Боголюбской Царицы Небесной, Покрова Пресвятой Богородицы, Чудо [Архангела] Михаила и, наконец, память различных святых: Екатеринин день, Александров день, Варварин день, когда Екатерины, Александры, Варвары справляли свои име-

нины. Обычно дни рождения никто не помнил и свои годы отсчитывали по именинам.

Все эти праздники отмечались и в церквах, и в быту. В первых — богослужениями, во вторых — пирогами, сытным обедом, с выпивкой, часто с гостями.

В праздник Воздвиженья церковь вспоминала Обретение Честного Креста Господня. Она рассказывала об этом так. Первые три века новой эры в одряхлевшей огромной Римской империи шла жестокая борьба между старой языческой религией и новой — христианской. И немало было мучеников за Христову веру, и число ее поклонников росло. Среди них была царица Елена, мать византийского императора Константина Великого, узаконившего христианство как государственное вероисповедание. Вот эта признанная святой царица Елена в старости в 325 году и отправилась в Иерусалим, место жизни, страданий и смерти Христа, и посетила гору Голгофу, где он был распят с двумя разбойниками. Здесь в земле она обрела три креста. В это время мимо несли покойника, к нему по очереди приложили все три креста, и при прикосновении одного из них усопший воскрес. Это и был крест Христа.

В городах, в соборах, крест «воздвигался» с особым торжеством. Протоиерей на амвоне,* поддерживаемый двумя священниками, медленно поднимал крест над головой под торжественное пение хора, а затем так же медленно его опускал до пола, и здесь на блюде его поливали елеем.* Так он делал на все четыре стороны и каждый раз благословлял народ.

У нас в церквах все было проще. Священник выносил крест из алтаря, благословлял им, а хор пел «Господи, помилуй». Потом его клали посреди церкви на аналой, и все прикладывались.

Мороз с каждым днем крепчал и крепчал, небольшие льдинки с мягким шумом терлись друг о друга и постепенно смерзались в большие плесы.

И наконец — лед встал!

На белой огромной пустынной поверхности Волги от Устья до Ярославля виднелись темные полыньи. Их затянет только к Рождеству. Хоть и говорят, что осенний ледок на-

Волжская прорубь

дежнее весеннего, но за погоду в ноябре не поручишься. Случалось, что наступали введенские оттепели и «веденьё ломало леденьё». По народным приметам только Варвара (4 декабря) будет мостить, а Никола (6 декабря) — гвоздить.

Как только лед встанет, не пройдет и дня, на нем начинается жизнь. Задвигаются черные точки, побегут к себе домой за Волгу фабричные рабочие, выедут с саночками рыбаки в тонком еще льду прорубки рубить и каждую особым прутиком или веточкой отмечать и в них крылёны* ставить. Это самое налинье время. В редкой вытащенной через ночь крылене нет одного или двух жирных налимов. Это время их нереста. Рыбаки говорят: «После Николы ловить — только крылёны гноить».

Вечный прорубщик дядя Егор Перцев* с возом нарубленных елок проедет — проруби рубить: большие подальше — для полоскания, поближе маленькие — для воды. Еще дня через два устьенские трактирщики выедут обвешивать елками посреди Волги дорогу от Ярославля — прямо к своим трактирам, чтобы обозы с товарами в Романовский и Пошехонский уезды шли по дороге через Устье по Волге, а не по левому берегу проселками, минуя их трактиры.

И мы — ребятишки — рады и снегу, и льду на Волге. Новые игры и забавы! На санках, на салазках, на подмороженных навозом круглых плетушках и скамейках, кто и просто на спине, катались с горы: спорили, кто дальше заехал. Озорники будто нечаянно «подшибали» встречную бабу с ведрами воды, и та обещала им вихры надрать и батьке пожаловаться!

На лед родители меня не скоро отпустят, чтобы не попал в полынью. С неделю я с завистью смотрел, как товарищи с разбегу катались по молодому льду без коньков просто на валенках или таскали друг друга за ноги на спине. Через неделю и мне разрешили пойти на лед, и я то же делал! Домой приходил весь в снегу с полными валенками снега. Редко обходилось без подзатыльников!

Любимая игра была в шары на улице. Дело было вот в чем. Собиралось нас человека четыре-пять, у каждого был березовый шар сантиметров шесть-семь в диаметре; у иных были пальмовые шары: чем шар тяжелее, тем лучше им играть. Каждый игрок поочередно закатывал ногой свой шар подалее и в сторону от дороги — в снег; последний игрок — «выжда» в два приема (с подъездом) должен был попасть — «кокнуть» в один из шаров; если он это сумеет, он выиграл бабку; если «проехал мимо» — «бьет» следующий игрок. Так шла игра, пока все шары не получают по удару. Тогда начинали снова. В праздники играли целыми днями, с раннего утра до темноты.

Глава 3

Местные церковные праздники. Егорьев день, его трехдневное празднование в быту. Парасковин день и Николин день

В каждом приходе были свои особые местные праздники. У Пятницы день Пятницы Парасковии — 28 октября; у нас, благовещенских, Егорьев день — 26 ноября. Оба святых при нечестивом византийском царе Диоклетиане приняли в III веке «мученический венец» за веру Христову. В селе Михай-

лов день — 8 ноября; за рекой Николин день — 6 декабря.

Летние работы закончены. Запасы на зиму сделаны, работавшие на летних отхожих промыслах вернулись домой, можно и отдохнуть и погулять. Трудовой год кончен! Вот каждый приход и праздновал эти праздники, и хорошо праздновал. Это были родовые праздники; на них собирались близкие и дальние родственники, просто друзей и знакомых на них не встретишь!

У осенних праздников свой характер, не летний. Это не Троица с цветами и березками; не Все святые с танцами молодежи, с ярмаркой на площади, с гуляньем по Успенской улице. Это праздники — домашние. Гости подолгу сидят по домам за столом — за обедом и ужином, с выпивкой, в жаркой, угарной от самоваров комнате, освещенной небольшой керосиновой лампой.

Егорьев день. Это был праздник нашего прихода. Церковь его праздновала обычным порядком: поздней обедней, молебнами и святыми, но в быту его очень отличали от других праздников, гуляли три дня.

Это был праздник и нашего рода; приглашали и близких и дальних родственников от мала до велика, но только норских. Да из других мест было трудно и добраться, пароходы уже не ходили, железной дороги от Ярославля до Рыбинска еще не было. Снега было еще мало. Я очень хорошо помню, как этот праздник справлялся в нашем доме еще при жизни бабушки.

Накануне посылали Лукерью Верину ко всем родным с приглашением. Несколько слов о нашей посланной. Через два дома от нас, на ручье, стояло три небольших домика. Звали их «Верина усадьба — кобылий завод». Такому нелестному названию послужило следующее обстоятельство. У большинства живущих здесь была фамилия Новиковы; но все они шли под кличкой Вериных.* Говорили, что родоначальница этого рода была какая-то бабушка Вера, отсюда и пошло это прозвище.

У этой «усадьбы» была такая особенность. Исстари жили здесь три семьи: Анны, Лукерьи и Авдотьи Вериных. Это были энергичные женщины и мужей молчаливых, малозаметных

«Верина усадьба»

приняли себе в дом. В каждой семье было множество ребят, и все больше девочки. Потом они выросли, повыходили замуж; одни остались, другие овдовели и с детьми вернулись сюда же. Население «усадьбы» увеличивалось, и по-прежнему мужской элемент как-то растворялся в женском.

Вот одна из этих Вериных — тетка Лукерья, толковая расторопная женщина, была очень привязана к нашей семье и охотно исполняла всякие поручения. Ее-то и посылали приглашать гостей на праздник. Формула приглашения была такая: «Курочкины (перебирались имена бабушки, отца, матери) просят вас всех (перебирались имена приглашаемых) к празднику Богу молиться, к ним хлеба-соли откусать».

Приглашались и собирались у нас близкие и дальние родственники со стороны отца: его дядя Иван Арсеньевич Курочкин,* двоюродный брат Григорий Васильевич Новиков,* оба с женами, тетка «бабушка Катерина»* с полупараличным сыном Дмитрием, старые и молодые Канатьевы. Наша связь с этой семьей была прочная, старинная. Еще деды считали себя

в родстве, но в мое время ни те, ни другие никак не могли разобраться в формах этого родства. Знали только, что первая жена моего прадеда была Канатьева. Со стороны матери гостили ее отец дедушка Алексей, сестра Лиза с мужем,* сначала дьяконом, а потом священником. Новиковы из Рыбинска и Понизовкины со своего завода из-за бездорожья не приезжали. За столом с хозяевами садилось человек 16–18.

Иные главы семейства со своими ребятами приходили еще утром к нам в церковь. Ну а хозяйкам было некогда: из приглашенных большинство собирались у нас после обедни к утреннему чаю с горячими пирогами с различными начинками. Был предрождественский пост — филипповки, без мясного и молочного; стол был рыбный.

Обед начинался с закуски: на столе стояли тарелки с селедками, большие блюда с заливным судаком и с разварной соленой севрюгой; каждому на тарелке подавали по кусочку черной паюсной икры, посыпанному мелконарубленным луком и политому льняным маслом. Среди закусок стояли бутылки с водкой, домашними настойками: рябиновой, смородиновой, вишневой. Для женщин — бутылки с мадерой и портвейном. На вывеске одного «ренковского» погребка* в Ярославле было сказано: «Иностранные вина завода Елисеева». Бутылка портвейна стоила копеек 60–80. Так спрашивать особого качества не приходилось.

На первое блюдо за обедом подавали жирную налимью уху с молоками и икрой. Как говорила бабушка: «рыбы в кастрюле ложкой не проворотишь». На каждый конец стола ставили по большому блюду. Ели из общих! На второе блюдо подавали горячую разварную севрюгу с хреном, нарезанную небольшими кусочками. На третье — сладкие пироги с клюквой и вареньем и так называемую сладкую похлебку. Это был жидкий компот из чернослива, урюка и винных ягод.

Хозяева настойчиво угощали гостей, возобновляя съеденные кушанья и наполняя быстро пустеющие рюмки. Отец всю свою жизнь ничего не пил, даже отказывался выпить на именинах рюмку портвейна. В таких случаях он чокался своей рюмкой и ставил ее на стол. Все это знали и не настаивали, но угощать он

Г.И. Курочкин в «зале» своего дома

любил. Гости становились оживленнее и веселее.

После долгого обеда все переходили из столовой в зал. Мужчины, курившие махорку, отправлялись на кухню, здесь они вертели козьи ножки, набивали мелкой крошкой и с наслаждением затягивались. А в зале курили папиросы «Заря» и «Роскошь» в коробочках. Кормящие женщины шли домой покормить своих младенцев.

Продолжались разговоры, начатые за обедом. Женщины толковали о домашнем хозяйстве, о коровах и курицах, о том, как справились с огородами, с запасами на зиму. Мужчины рассуждали о ценах на хлеб, на лен, на лесные материалы, как закончили полевые работы. Кто с кем из молодежи подрался и кого посадили «на мельницу». Так называлась темная каталажка под помещением посадской управы. Она была побелена мелом, и посаженные в нее драчуны выходили оттуда все белые.

Нянька Марфа обносила гостей разложенными грудками на большом подносе орехами всяких сортов, пряниками, конфетами. Немного погодя всех приглашали к огромному самовару пить чай в столовую. Стол был уставлен разными вареньями, московскими сухарями, тарелками с халвой.

А время шло. В восемь часов садились за ужин с теми же блюдами и с той же выпивкой, что и за обедом.

Второй день праздника был повторением первого; только гости приходили к обеду, а родные матери — лишь к вечеру. На третий день гостили только бабушка Катерина с Дмитрием да Иван Арсеньевич с женой.

Пятницу-Парасковию праздновали три родственные нам семьи: Канатьевы, Иван Арсеньевич и дедушка Алексей.

Странно! Праздники справляли не по приходам, а по улицам. На какой улице стоит празднующая церковь, там и праздник. Поэтому вся «Зарека» и проживающие здесь пятницкие и благовещенские справляли Николу, в том числе и Григорий Васильевич Новиков и бабушка Катерина, хотя и были пятницкими.

Нашим родителям трудно было всюду поспеть, да и торговля мешала. Помню, устраивались они так: к Канатьевым они два дня ходили только обедать, а вечером гостили у деда Алексея. К Ивану Арсеньичу отец приходил с нами, поздравлял своего дядю и, немного посидевши, уходил к Канатьевым, а нас оставлял до вечера. Ребят здесь не было, и нам было скучно. В селе родных не было, поэтому в Михайлов день мы нигде не гостили. Помню, что в этот праздник вечером долго слышались в селе веселые песни. Это гуляла по улицам тамошняя молодежь. После смерти моей бабушки мать договорилась с Канатьевыми и эти праздники по старине не справлять. И та и другая семья ограничивались чаем и ужином только в первый день.

Николин день. Николай Чудотворец был одним из самых чтимых святых в православной церкви, а следовательно, и в народе.

Святой Николай в IV веке нашей эры был епископом в Малой Азии, в провинции Ликии, в городе Миры. Поэтому его

всегда и звали мирликийским чудотворцем. Это было время, когда шли горячие богословские споры о догматах христианской веры: например, было в Христе два «естества» — Божеское и человеческое или одно — Божеское, а другое лишь подобие человеческого. Отстаивающие это утверждали, что Христу как всемогущему Богу незачем было на кресте терпеть настоящие муки. Он мог прекратить свои страдания. На Вселенском Соборе споры дошли до того, что Николай ударил своего противника Прия по лицу; его толкование о двух естествах Христа было принято Собором и вошло в каноны православной церкви.

По всей великой Руси много было рассеяно сел с названиями: Никольское в Лугах, Никольское в Березниках, Никольское в Заозерье и т. д. И все они с церковью в честь этого святого. В народе считали этого святого покровителем плавающих по водам, и поэтому наши норские волгари и рыбаки очень его чтили.

В Норском была за рекой церковь. И хотя в ней главный храм был в честь Троицы, ее всегда звали Николой. По церковным летописям в старые времена Норское стояло там, где сейчас «Зарека». И на Стрелке была деревянная церковь в честь Николая Чудотворца. При Петре I она сгорела. Новая каменная была построена в 1745 году уже в честь Троицы. А старое название все-таки осталось. В XVII веке после «народного мора», по-видимому чумы, остатки норян переселились на другой берег реки Норы, где сейчас главная часть посада.

И в нашем приходе была чтимая икона Николы. Накануне перед всенощной священник ходил по домам с молебном. Вруках у сторожа был фонарик; без него в темных незнакомых сениях обязательно за что-нибудь запнешься; и у нас перед входом в прихожую снимали рогожи, которые постилали после примывки, и ставили на полочку свечу. Когда священник от нас выходил на улицу, мы долго смотрели в окно и любовались, как веселый огонек то появлялся на улице, то исчезал.

Глава 4

*Время от Николы до Рождества. Крепкие морозы и начало
прибыли дня. Рождество и веселые Святки. Ряженые.*

Елки у нас и у Смирновых. «Черный ворон»

От Николы до Рождества время было тихое, будничное. Снега еще было мало, но морозы становились крепче и крепче. Приближались рождественские! Зато 12 декабря был Спиридон Поворот: солнце пошло на лето, а зима на мороз; день начал прибывать. Первое время прибыль была медленная, как говорили, по «воробыиному шагу»; все-таки к Рождеству вечерняя прибыль уже была заметной, и на душе становилось веселее!

Рождество праздновали три дня; с него начинались Святки и продолжались почти две недели до Крещения. Веселое это было время! Святого здесь ничего не было.

Церковь торжественным богослужением отмечала лишь первые два дня Рождества; во второй день священники ходили по богатым прихожанам со «святами» в сопровождении всего церковного хора. Он исполнял торжественные нотные праздничные песнопения: «Христос рождается», «Рождество твое, Христе, Боже наш» и «Дево днесь».

А дальнейшее веселье уже было чисто бытовым. Не только молодежь, а даже пожилой народ, особенно женщины, рядились цыганками и ворожеями; ходили по соседям и знакомым — гадали по рукам и предсказывали судьбу. В городах устраивались маскарады, елки и танцевальные вечера. Клубы были полны народом. Может быть, это веселье идет от языческих времен и связано с радостным днем — с поворотом солнца на лето и прибылью дня.

Каждый год устраивалась елка то в нашей семье, то в семье наших друзей — священника отца Александра Смирнова,* где были дети нашего возраста. Летом у нас не хватало времени бывать у них. Но зимой мы часто бывали друг у друга. Родители обычно играли в преферанс (наша мать не играла), а мы, дети, тоже играли в карты в «дурака», «пьяницу» или в

прятки — убирались за шкафы, за кровати, за длинные под-
рядники отца... Помню, как у Смирновых в кухне на шестке
русской печи всегда на сковороде лежал прекрасно обжарен-
ный в льняном масле картофель. Он был удивительно вкусен.
И каждый из нас, пробегая мимо печи, таскал по кусочку.
И когда старшие садились ужинать, на сковороде уже ничего
не оставалось.

Когда мы были еще детьми, сами приготовления к елке
были очень занимательны. Из разноцветной бумаги, сере-
бряной и золотой, мы вырезали полоски, склеивали из них
кольца и цепи и вешали их на большую, густую елку. Красную
бумагу свертывали треугольником, надрезали края и развер-
тывали ее; получался кружевной мешочек. Мы его наполняли
конфетами, пряниками, грецкими и другими орехами. Свечи
покупали в церкви, резали пополам и тщательно привязывали
к ветвям.

В год, когда отец служил в Петербурге, он прислал на
елку небольшое количество елочных украшений и среди них,
как нам казалось, верх совершенства — блестящего гуся с ре-
бенком в клюве и ангелочка в белой одежде. Елка была в тот
год очень красивая и нарядная. Гуся и ангелочка после елки
поместили в горку с нарядной посудой для гостей; и мы долго
любовались этими прекрасными игрушками.

Раз меня одели Дедом Морозом; на мне была вывернутая
меховая шуба с воротником и такая же шапка; под подбород-
ком привязали длинную льняную бороду, обложили ватой и
посадили под елкой. Когда елка была зажжена и из соседней
комнаты вышли гости, я сконфузился и убежал на кухню.
Гостями были все наши же родственники с детьми, что и в
Егорьев день, и семья отца Александра. Мы, маленькие, бега-
ли вокруг елки, играли в разные игры, а старшие сидели на
диванах и на стульях у стен, пили чай со всякими сладостями;
мужчины часто подходили к столу с винами и закусками и
угощались.

У Смирновых и вечер и сама елка были веселее, интерес-
нее. К ним приезжали гости из Ярославля: свояк отца Алексан-
дра, отец Клавдий Меценатов с сыном и двумя дочерьми. Все

они были нас постарше. Это были городские барышни, и одеты они были лучше наших и держали себя непринужденнее. Нам они казались красавицами. В украшениях елки, подборе игрушек было больше разнообразия и вкуса.

В зале стояло фортепиано, отец Александр играл на нем веселые мотивы, мы бегали вокруг елки под эти звуки. Ярославские гости танцевали кадрили и польку, мы же не умели танцевать и, стоя в сторонке, любовались и завидовали ярославцам. В наших играх принимали участие и старшие, они бегали с нами, вертелись, даже прискакивали, и казалось, им было так же весело, как и нам. Отец Александр, подобрав полы подрясника, начинал тоже приплясывать и тем приводил нас в дикий восторг. На фортепиано тогда играл отец Клавдий.

Гости приезжали из Ярославля на тройке. После веселого и обильного ужина около 11 часов они собирались домой, тепло укутывались в шали, шубы. Все мы выходили на крыльцо их проводить. Озябшие лошади нетерпеливо мотали головами и переступали с ноги на ногу. Бубенчики позвякивали. Мы помогали гостям усесться в огромных санях и потеплее укутаться в теплые одеяла. И когда сани выезжали со двора, мы с грустью смотрели им вслед. А нам было жалко, что кончился хороший, веселый вечер. Утром мы просыпались в блаженном настроении, вспоминая, что было накануне.

Елка у Смирновых оставалась в памяти на всю жизнь.

Я был в средних классах гимназии, когда эти елки кончились. Все мы подросли, и у нас появились другие интересы.

В Святки по домам ходили ряженные. Это была своего рода «художественная самодеятельность». Молодые люди, человек десять, представляли «шайку разбойников», иначе — «черного ворона» с атаманом и есаулом во главе; один молодой человек изображал похищенную девушку. Он был одет в женское платье, на голове что-то вроде шляпки, лицо под густой вуалью. Разбойники были в своих обычных костюмах, но у каждого были какие-то знаки отличия из цветных тканей. У каждого на голове высокая круглая коробка, оклеенная черной блестящей бумагой. У атамана наверху такой коробки прикреплен прекрасно склеенный черный ворон. Вся грудь у

него была украшена материей; у каждого разбойника сбоку висела сабля.

Члены шайки ссорились и даже дрались из-за похищенной девицы, они обнажали сабли, и одна группа наступала на другую, сабли при этом гремели; разбойники громко топали ногами и одни кричали: «Отражаю!», а другие: «Защищаю!»

Не помню, кто у кого отбил похищенную «красавицу», но все успокоилось и решили отправиться вниз по Волге. Вся шайка под песню «Эй, ухнем!» сильными движениями туловища и рук делала вид, что сталкивает с берега в воду тяжелую лодку, а затем, кроме атамана и есаула, парами садились на пол и делали руками такие движения, как будто они гребли веслами. На корме сидел есаул и управлял лодкой, а атаман стоял на носу и в бумажную трубу, как в подзорную, смотрел вперед. При этом они пели «Вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью». Зрители выражали свои восторги криками «ура».

Глава 5

Мое гимназическое время. Рождественские каникулы и поездка в Норское на лошади. Остановки в трактирах. Приезд домой. Церковные обряды. Христославы. Наше разговенье. Визиты отца

Очень памятно мне каникулы в Норском за время моего ученья в младших классах рыбинской гимназии. Наше ученье от половины августа до Рождества тянулось удивительно долго. Так хотелось домой, в Норское. Числа 20-го нас «распускали». Когда в последний день учителя входили в класс, мы негромко «хором ныли»: «Не спрашивайте, не спрашивайте!» И учителя охотно шли нам навстречу; одни читали что-нибудь из хрестоматии, другие делали обзор пройденного за последнее время, а мы слушали.

Вот, наконец, журналчик с «выводами» за вторую четверть у меня на руках. «Тройки» чередовались с «четверками», а во главе стояло «пять» по Закону Божию. Отец протоиерей меньше не ставил! Все в порядке!

Соколик земского врача Г.И. Курочкина

Шумно, быстро бежим из класса в раздевалку, наскоро прощаемся друг с другом и покидаем на две недели стены гимназии.

Торопливо иду домой, и на дворе у тетушки Елизаветы, где я жил, вижу нашу норскую лошадь — Зайчика. Железной дороги от Ярославля до Рыбинска тогда еще не было, и зимой ездили на тройках. За мной прислали свою лошадь! Зайчик стоял распряженный у бесконечно знакомых широких саней и медленно жевал овес. И на мой призыв: «Зайчик! Зайчик!» только поворачивал в мою сторону одно ухо. А я на радостях готов был поцеловать его в мокрые губы! Перед праздником лошадь в хозяйстве была очень нужна, и мы должны были выезжать в тот же вечер обратно.

Я спрашиваю работника Петра: «Как дома?» — а он отвечает: «Все, слава Богу, благополучно. Тебя ждут!» Торопливо обедаю и укладываю кое-какие учебники (нам на каникулы задавали уроки, хотя они никогда и не готовились), а братьям

и сестрам подарки: десятки накопленных разноцветных ярких коробочек из-под папирос «Роскошь», «Заря», «Ландыш», «Незабудки»; я их тщательно собирал у двоюродного брата Александра. Привозил переводные картинки, копеечные книжки.

Наконец лошадь подавали к крыльцу. Мороз был за 20 градусов: поэтому на мое гимназическое ватное пальто надевали огромный тулуп, на голову — меховую шапку, сверху повязывали башлык, на руки — вязанные варежки и меховые рукавицы, и в санях еще закутывали в меховое одеяло, на волю выглядывали только нос да глаза. В таком виде мне даже нельзя было пошевелиться.

Ехали мы до Норского часов двенадцать (около 90 километров), два раза останавливались и кормили лошадь в деревне Киндяки и в Романове. Большая дорога была удивительно однообразна. Перед собой я видел только спину кучера, а по бокам снег, да маячили силуэты голых берез и кустарника. Иногда мне казалось, что в каждом овраге прячется волк или разбойник. И когда нас обгоняла ямская тройка с колокольчиком, на душе становилось веселее.

Вот вдали в темноте появились яркие огоньки в два ряда. Это двухэтажный трактир в Киндяках; лошадь сама поворачивает к нему и останавливается у колоды. Петр «распаковывает» меня, вытаскивает, как куль, и ставит на ноги: они точно онемели, я с трудом взбираюсь по лестнице во второй этаж. Всю теплую одежду Петр втаскивает кверху, она здесь должна согреться!

В трактире две комнаты: одна передняя побольше, с буфетом, вторая «чистая» — поменьше. В первой пили чай ямщики; во второй — проезжающие. Мы вошли во вторую. В углу около печки сложили наши вещи. В каждой комнате тускло горело по одной висячей керосиновой лампе. Если гостей не было, лампы «прищуривали».

Мебель в той и другой комнате состояла из небольших квадратных темно-красных столов и простых стульев. Мы сели за один из столов и заказали чай с лимоном; нам подали два белых пузатых чайника: один большой с кипятком, другой

небольшой с заваренным чаем. На маленьких фарфоровых блюдечках лежало четыре кусочка сахара со щипчиками и два тоненьких кусочка лимона.

Лошадь у колоды для тепла покрыли войлоком и сначала ей дали сена, а потом Петр насыпал овса «сколько съест». Лошадь должна была отдыхать два часа.

Время тянулось удивительно долго. Глаза слипались, и я клал руки на стол, на них — голову и засыпал. Даже не замечал, как вваливались новые проезжающие — холодные, обывшие, занимали пустые столы и шумно разговаривали. Но вот длинные два часа кончились, мы отдали за чай 12 копеек, Петр опять меня одел, усадил в сани, плотно упаковал, и мы поехали.

Отдохнувшая, наевшаяся и напившаяся холодной воды лошадь быстро побежала; а я уже уснул по-настоящему и спал до самого Романова. Здесь было все то же, что и в Киндяках.

После села Григорьевского в семи верстах от Норского с большой дороги мы свернули на проселочную. Начинало светать. Вижу знакомые деревни — Краковское, Максимовское; а вот над снежными крышами низеньких изб на светлеющем небе появилась и наша сельская колокольня.

Проехали село! Лошадь к дому прибавила шаг. Вот и наш дом! Въезжаем в ворота. На крыльце уже кто-нибудь ждет из ребят полуодетый; нянька Марфа сердито гонит его назад. Мать встречает радостной улыбкой. В последний раз вытаскивают меня из саней, стаскивают тулуп. В кухне вверху снимают пальто, обнимают, целуют. Кто-то хлопает в ладоши, кто-то скачет около меня на одной ноге.

Предстоят две недели святочных каникул, елка у нас или у Смирновых. А на улице игра в шары с ребятами — Санькой и Денькой Дубинкиными из соседних домов. Да мало ли набиралось товарищей со всей улицы! Иные играли блестяще, я всегда плоховато; и купленные на одну копейку бабки — 11 штук — быстро переходили из моих карманов в карманы других игроков. А затем катались с горы на санках, а если была оттепель, делали снеговые бабы.

В средних и старших классах гимназии игры с товарищами уже меня не занимали. Упрочились связи с культурной ярославской семьей Душиных — это была близкая родня моей матери. Здесь она росла в свои юные годы. Ее двоюродные сестры — Софья, Елена, Нина* — часто бывали в театре, и если в этот день я был в Ярославле, брали меня с собой. В своем культурном развитии я многим обязан этой семье!

Рождество Христово считалось большим праздником! Родился Спаситель, освободивший человечество от первородного греха. К нему верующие готовились шестинедельным постом. Уже давно за всенощной пели «Христос рождается! Славите! Христос с небес зрящите!» Старушки набожно говорили: «Слава Богу! И до Рождества недалеко!»

Перед самым праздником всюду чистились, примывались; у нас в доме медные ручки у дверей чистили мелом или кирпичом и обвязывали бумажками, чтобы до праздника их не захватили. В зале со столов снимали обычные салфетки и заменяли какими-то особенными. По крупной черной мережке* красной шерстью были вышиты орел или какие-нибудь замысловатые фигуры. Это были труды матери.

В Сочельник, в канун праздника, «до звезды» постились по-настоящему. А когда стемнеет, ели грибную похлебку и кашу с сахаром. Никакого масла не употребляли. В церкви шла тягучая обедня Василия Великого. В самый праздник с двух часов ночи служили торжественную заутреню с рождественскими песнопениями. Горели все паникадила, а у икон много свечей; у священника и дьякона облачение было из парчи с золотом. Хор был полный, много пел нотного и особенно старался Осипыч. Сразу же вслед за заутреней шла такая же торжественная обедня, а после нее длинный благодарственный молебен с коленопреклонением в память изгнания Наполеона и «двунадесяти языков» из России в 1812 году. В восьмом часу, усталые, мы возвращались домой, уже понемногу светало.

Между заутреней и обедней ребятишки ходили по дватри человека по домам и «славили Христа». Обычно, входя в кухню, они торопливо спрашивали: «Можно ли Христа про-

славить?» и, не дожидаясь ответа, скороговоркой, наперебой, все время крестясь, читали рождественские молитвы, и потом поздравляли с праздником. Каждому давали копейки по три. Выйдя в сени, они подходили к стоявшей здесь керосиновой лампочке и смотрели в руку, много ли им дали? Иногда здесь же они вытаскивали все медяки из карманов и подсчитывали весь свой сбор.

И нас после обедни отец заставлял «славить». И мы это делали с удовольствием, потому что от него получали каждый по 10 копеек, а от бабушки — пятачок. И это было целое богатство. Мать никогда ничего не давала.

Придя из церкви, помолившись, сразу же садились за-втракать — разговляться. На столе кипел большой самовар, а кругом на тарелках стояли закуски: нарезанная кружками языковая и вареная колбасы, большой шар «чухонского» масла; его накануне в кухне долго сбивали из сметаны все попеременкам: даже мы, дети, помогали. На другом столике стояли на деревянных досках покрытые мешковиной пироги с капустой, с яйцами, с рисом и ватрушки с творогом. После шестинедельного поста ели с аппетитом; и к вечеру хватались за животы и принимали «иноземцевские» капли. За столом говорили о том, кто проспал и на заутреню пришел поздно, кто стоял за обедней и не только дремал, а даже и похрапывал; хорошо ли певчие пели, и все в этом роде.

Хотя на ногах все были с двух часов ночи, досыпать было некогда: уже появлялся первый поздравитель — старый писарь из управы Пав. И. Розов,* человек очень скромный и неразговорчивый. Он по приглашению отца как-то робко подходил к столу с винами и закусками, выпивал две-три рюмки водки, закусывал селедкой и колбасой, получал в подарок от отца полфунта чая и с поклонами уходил.

А отцу и самому надо было отправиться с визитами к своим родным и знакомым. Сборы были долгие: надевалась накрахмаленная нянькой Марфой рубашка, запонки старого образца в проранки не лезли, галстук никак не завязывался; «подбрючные» сапоги, надевавшиеся три-четыре раза в год, подзасохли и жали ноги. Все это вызывало ворчанье и жалобы

отца. А мать говорила: «Да скоро ли ты уедешь? Унес бы тебя Бог поскорее!»

Когда я учился в старших классах гимназии и в университете, отец и меня брал с собой с визитами. Тогда мы заезжали с поздравлениями в десяток домов, начиная с Канатьевых и Григория Васильевича, посещали всех священников,* Тоскиных,* Николая Антоновича Колчина.*

Разговоры во время визита были самые будничные: если было холодно, говорили о морозе; если тепло — удивлялись несвоевременной оттепели; в какой церкви раньше всех ударили к заутрене и так далее. Отказаться от выпивки и закуски было нельзя, иначе обидишь хозяев; поэтому к столу подходили, но закусывали микроскопическими дозами. Отец наливал рюмку, чокался с хозяином и ставил ее на стол.

В это же самое время те же лица, к кому мы ездили с поздравлением, делали визиты нам; их принимала мать.

Домой возвращались около двух часов к обеду. Он был обильный и тяжелый: студень, жирные щи, баранина или свинина и пироги с капустой и «сладкие». Свинина была так жирна, что в детстве я был уверен, что у свиньи мяса совсем не бывает, а один жир.

И после обеда покоя не было; часа в три, даже в четыре приходили «со святыми» священники чужих приходов. Это случалось только в Рождество и Пасху. Приходил даже священник из заводского бедного села Воздвиженья, старенький и пьяненький отец Евгений. Он уже не «возгласы» делал, а что-то бормотал себе под нос.

В шесть часов была всенощная, и перед ней отец успевал немного уснуть. И у меня слипались глаза, и я тыкался на диван и к бабушке на кровать, пока меня, сонного, не раздевала мать и не укладывала в мою собственную.

А все домашние еще умудрялись поужинать «для порядка», и щей похлебали с пирогами, и жареного поели, и молока попили! Зато после ужина сразу шли по постелям! И спали как мертвые!

Во второй день праздника служилась довольно парадная поздняя обедня, а после нее — «бабий молебен». Никто не

знал, в чем дело, но женщины обычно продвигались вперед, первыми подходили к кресту и в руку священника давали какую-нибудь монету. Связывали этот молебен с какой-то легендарной Соломонией, покровительствующей благополучным родам женщин.

В этот день к матери приходили с поздравлением почтенные дамы посада — Тоскины, Канатьевы и еще какие-то. Угощались чаем с вареньями и разными горячими пирогами. Разговоры велись о домашнем хозяйстве. Про это собрание отец говорил: «у Катерины бомон».

В тот же день, как мы говорили, наш священник приходил «со святыми» в сопровождении всего церковного хора с концертом. Он исполнял рождественские песнопения в нотном мажорном оформлении. После концерта мужчины пили водку и закусывали, а девицы угощались чаем с пряниками и конфетами.

После сытного обеда — все поспали до вечера, он тянулся как-то долго и вяло.

Наступали весенние Святки, о них мы говорили выше.

Глава 6

Праздник Крещения. Церковные обряды. Крещенская вода. «Ердань» и крестный ход. Катание по Успенской улице.

Мой отъезд в гимназию

Большой праздник Крещения церковь справляла с особой торжественностью и с особыми обрядами. И в быту у норян были тоже свои особенности.

В этот день церковь вспоминала не только Крещение Христа в реке Иордан от Иоанна [Предтечи]; а и прославление Богом Отцом своего Сына. На иконах это событие изображалось так: Христос стоит по пояс в воде; над его головой простертая рука Иоанна, одетая в шкуру животного, а в облаках — Бог Отец в образе почтенного старца с распростертыми руками, и Святой Дух — в виде голубя. Здесь все

три лица Святой Троицы. Бог Отец, согласно евангельскому тексту, говорит: «Сей есть Сын мой возлюбленный. В нем мое благоволение». Вот почему этот праздник иначе называется Богоявлением.

Накануне Крещения, в сочельник, соблюдался строгий пост: «до воды» есть не полагалось. В два часа дня в церкви служили торжественную вечерню и в большом широком металлическом сосуде вроде чана с кранами святили воду. Эта вода — «крещенская», особенная! Ее бережно хранили целый год, и она будто бы никогда не портилась. Ее как лекарство употребляли при всяких заболеваниях; иные каждое утро понемногу выпивали после молитвы натошак. Придя от вечерни домой и попивши тоже натошак священной воды, можно было и пообедать, конечно, без масла!

В самый праздник торжественная поздняя обедня; церковь была набита народом, и не только своими прихожанами, а и приезжими из соседних деревень, из-за Волги. Привлекал народ крестный ход после обедни на Волгу, на «Ердань» — святить воду. «Ердань», так в простонародье произносилось слово «Иордан», было очень красивое и изящное сооружение из льда.

Приблизительно за неделю до праздника, обычно в воскресенье, выискивали на Волге недалеко от берега две больших квадратных льдины: одна из них послужит основанием будущего ледяного сооружения, а другая для ряда красивых резных поделок для него. В середине первой льдины вырубали ребристую глубокую чашу, а по четырем углам — узорные ступенчатые углубления; и по краям этих углублений ставили точеные ледяные колонны и колоночки. Вверху к ним примораживали вырезанные из льда же, в форме французской буквы, различного размера арки и арочки и на них ставили небольшую корону с крестом. Иногда по углам ледяного основания на длинных стойках устанавливали фонари. Для них в железных ведрах у стенок замораживали воду; и когда вынимали из ведра, получалась форма фонаря. В стенах делали прорезы, а внутри ставили свечи.

«Ердань» Благовещенской церкви. 1904

В Норском было четыре церкви, и у каждой была своя «Ердань». Общая форма у всех была одна и та же, но в деталях была разница.

Выполняли эту работу любители, простые рыбаки и сплавщики леса. В иных семьях «ерданное дело» было традицией, и отцы свое мастерство передавали детям. Если здесь работали столяры, они придумывали добавочные тонкие украшения: вырезали из льда голубя — образ Святого Духа — и вешали над центральной чашей, вырезали аналой с Евангелием, даже фигуры ангелов. У «ерданщиков» было своего рода соревнование: какой церкви «Ердань» будет лучше, тоньше и чище отделаны детали! Вечером накануне праздника на Волге против каждой церкви долго мерцали огоньки. Это с фонарями заканчивали работу творцы прекрасного ледяного произведения.

После обедни из каждой церкви спускался на Волгу под колокольный звон крестный ход, толпы народа шли за священником и иконами. Лед трещал, и полиция — в лице сотского Василия Носова* и десятского Евлампия Козы* — старалась задержать народ, но из их стараний ничего не выходило! Каждому хотелось подойти к «Ердани». Все обходилось благополучно. Воду святили в ледяной чаше, заканчивали молебен, иконы шли кверху, а народ — по домам, через Волгу чернела полоса богомольцев из заволжских деревень.

После обедни и крестного хода «ерданщики» ходили по домам наиболее состоятельных прихожан и поздравляли с праздником. Их угощали водкой и давали на всех два или три рубля.

Часов с двух в Норском устраивалось большое катанье. Много народа приезжало даже из дальних сел и деревень на легких саночках, на сытых лошадях. Мужчины — в лисьих шубах, их жены — в бархатных ротондах.* Иные щеголи для большего шика отгибали полы у своих шуб мехом кверху. Когда-то катанье было на Волге вокруг всех «Ерданей», но потом из-за глубокого снега и тяжелых разъездов при встречах его перевели в гору на Успенскую улицу. И все-таки каждый катающийся обязательно поедет на Волгу посмотреть на «Ердани». На базаре стояла толпа народа и смотрела на катающихся.

У ребят было в обычае на другой день праздника рано утром ломать «Ердани». Они сговаривались об этом еще с вечера. Странное дело! Если им в этом помешают, в следующие дни это озорство их не занимало, и «Ердани» стояли до первой оттепели. Тогда они сами разваливались!

Когда я учился в гимназии, в Крещение после обеда меня отправляли в Рыбинск. Стояли крещенские морозы. Меня опять упаковывали в шубу и меховые одеяла, сажали в сани, и под всякие пожелания и напутствия провожающих тот же Зайчик катил меня в Рыбинск. Настроение было грустное: веселые Святки остались позади, впереди уроки латинского языка, русского синтаксиса и грамматики.

Глава 7

Время от Крещения до Масленицы. Сретенье. Заметная близость весны. Церковные напоминания о близости Великого поста. Песнь «На реках вавилонских»

А повседневная жизнь в Норском текла своей обычной чередой. Время от Крещения до Масленицы проходило как-то веселее, чем в мрачные месяцы в октябре и ноябре. Чувствовалось, что дело шло к весне; об этом говорили и народные пословицы и поговорки. Шутливо уверяли, что «после Рождества цыган шубу продаст». После Крещения говорили, обращаясь к морозу: «Хоть трещи, хоть не трещи, а уже все-таки прошли водосвятные крещи». А тут подспевала и Татьяна Крещенская. С нее начинали телиться коровы. В каждой семье свое молоко будет!

А холодных дней было впереди еще немало. 18 января — Афанасия и Кирилла: «Афонасий и Кирило заморозил нос и рыло». За Афанасьевскими шли Сретенские морозы — 2 февраля и, наконец, 10 февраля — последние — Власьевские. В Сретенье зима с летом встретились; лето зиму побороло и «пошло лето по дорожке, а зима сбоку по омешке», где за зиму много снега намело!

А солнце вставало все раньше и раньше, и в полдень начинало по-хорошему пригревать. Февраль называли бокогреем.

Рыбаки и сплавщики леса с нетерпением ждали весенних оттепелей, чтобы приняться за подготовку лодок, снастей, сетей для своего промысла на Волге. А пока они сидели в трактирах и пивной и судачили о всяких пустяках. В этот месяц немало было свадеб, и мои две сестры выходили замуж после Крещения.* Бывало, едешь по деревне и видишь перед двумя-тремя избами по высокому шесту с елочками в разноцветных ленточках. Это значит, что здесь живет невеста, и подружки шьют ей приданое.

В это же время много было в календаре святых с простыми именами. Церковь вспоминала Иоанна Крестителя, Петра Полукорма, Татьяну Крещенскую, Аксинию Полухлебницу,

Павла Пустынножителя. И, конечно, опять в посаде было немало именинников и именинниц. Праздновали с традиционными молебном о здравии — в церкви, с пирогами, иногда и с выпивкой — дома.

А церковь уже напоминала верующим о близости Великого поста, о днях покаяния. За две недели до Масленой за всенощной хор исполнял в прекрасном музыкальном оформлении композитора Веделя «Покаяния отверзи ми двери жизнедавче!» А еще через неделю он запоет «На реках вавилонских». Эту трогательную, полную высокой поэзии песнь приписывают израильскому пророку VI века до новой эры. Иеремии. В ней он изливает великую скорбь по своей разоренной родине, по уведенным в вавилонский плен евреям. Вавилонские варвары девять месяцев осаждали Иерусалим; и когда город был взят, они все разрушили, сожгли храмы и святилища; не щадили женщин и головы младенцев разбивали о камни. Оставшихся в живых увели в плен. Пророк Иеремия был свидетелем этих событий.

Напев этой песни — местный, ярославский. Вначале он полон тоски и тихой грусти по родине, а в конце его мажорные звуки доходят до потрясающего трагизма. Поют эту песнь всего два раза в год за двумя всенощными; и каждый верующий считает своим долгом ее выслушать.

Вот эта песнь в переложении поэта Языкова*:

В дни плена, полные печали,
На вавилонских берегах
Среди врагов мы восседали
В молчанье горьком и слезах.
Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим?
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».
Нет! Свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен славных дней

Твоих, Сион! Они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь, струны сладкогласны!
Разбейся звонкий мой тимпан!
Окаменей, язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.
А Ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой Закон,
Напомяни сынам Эдама
День, опозоривший Сион!
Когда они в веселье диком
Убийства шумные вином
Нас оглушали грозным кликом:
«Все истребим и всех пожнем!»
Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит.
Кто в дом тирана меч, и пламень,
И смерть ужасную внесет,
И с ярым хохотом о камень
Его младенцев разобьет.

А в церкви эта песнь поется на славянском языке...

Глава 8

*Широкая Масленица. Блины. Столбы. Молебен Страшному Суду.
Катанье с гор. Прощеное воскресенье*

Но вот пришла и широкая Масленица. Это праздник не церковный. Его праздновали еще в древние языческие времена наши предки славяне. Они в эти дни провожали зиму и весело встречали весеннее солнце. Норская фабрика

последние три дня недели не работала. Эмблемой жаркого небесного светила был круглый горячий блин на сковороде. И всегда на Руси народ свято хранил древние обычаи; даже бедняки пекли блины, памятуя, что «без блинов не Масленица, без пирога не именинник».

Кроме блинов обязательной принадлежностью всей недели было катанье с гор, а в городах и в крупных селах катанье на лошадях по улицам. Такие катанья называли «столбами».* Так и говорили: Столбы в Ярославле — в понедельник, в селе Великом — во вторник, в Гавриловом Яму — в среду и т. д. В Норском они были в Прощеное воскресенье. Катались в городах купечество и богатые мещане, в деревнях зажиточные — крестьяне; обязательно выезжали на катанье все молодожены этого года. А по сторонам улицы «столбами» стоял народ и любовался катающимися. С гор катались у нас всю неделю, и тоже были дни, когда это катанье было особеннолюдно.

Масленая неделя была «мясопустной». Церковь запрещала верующим есть мясо. В среду и пятницу вместо обедни служились Великие часы, за которыми читалась с коленопреклонением молитва Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего! Дух праздности не даждь ми! Дух же целомудрия, смиренномудрия даруй ми!»

Но в Масленую неделю никого эти призывы к покаянию не занимали. Все веселились, поздравляли друг друга с широкой Масленицей и приглашали на блины; угощались до отвала горячими маслеными блинами со сметаной, с обильной выпивкой и всякими закусками: селедкой, кильками, сардинами, икрой. Домой шли «веселыми ногами», а на другой день опять принимались за то же. Молодежь всю неделю каталась с гор, а на улице немало было пьяных. На базарах в эту неделю продавалось много дешевой рыбы.

В мясное заговенье, в воскресенье, церковь вспоминала Страшный Суд. Это тот последний день мира, когда Господь Бог призовет всех живых и мертвых на свой справедливый суд, и после него праведники обретут жизнь вечную в раю, а грешники пойдут в ад, в геенну огненную. В этот день в церк-

Троицкая (Никольская) церковь. 1906

ви Благовещенья служили за вечерей молебен перед иконой Страшного Суда. На иконе праведники стояли направо, а грешники налево. Внизу пылал адский огонь, и в нем сидел сам сатана с рогами, аверху — Христос, окруженный ангелами и святыми. В церкви народа было так много, что нельзя было вытащить руку и перекреститься. Из церкви все шли на гору, на «столбы».

Катанье шло до самых густых сумерек. С шиком летали вниз с высокой базарной горы нарядно украшенные сани с веселыми седоками. Девушки в этот день не катались. Это считалось неприличным. В остальные дни недели они катались и в одиночку, и сидя в ногах молодых кавалеров или рядом, весело повизгивая на ухабах. Случалось на раскатах вылетать иной барышне из саней лицом прямо в снег, и все равно всем было весело. В последнее, Прощеное, воскресенье на Успенской улице было такое же катанье, как и в Крещение.

А с наступлением темноты всюду по селам и деревням, куда ни посмотришь, загорались яркие огни. Это жгли Масленицу. У нас, в Норском, сельские, зарецкие и наши городские

ребята жгли каждые свою у себя. Целую неделю ходили по дворам и просили у хозяев что-нибудь дать им для Масленицы. И им давали всякую рухлядь, лишь бы горело: старые доски, неколющиеся пни, ломаные домашние вещи, выброшенные на двор. Давали и мелкие деньги на керосин.

Не считалось грехом где-нибудь что-нибудь стащить: разобрать забор, подобрать на дворе пучок соломы и т. д. Не прочь были уворовать из собранной и сложенной на чьем-нибудь дворе кучи какую-нибудь гнилую доску. Наши норские молодцы отправлялись за этим делом даже за Волгу в Дудкино. Но их там встречали в кулаки; и они возвращались с пустыми руками, а иногда и с синяками.

Отец всегда давал на Масленицу пустую бочку, в которой из Ярославля привозили в лавку стеклянную посуду, и бутылку керосина. Бочку уже на Волге, на льду, набивали всякой рухлядью и обливали керосином. И когда Масленица горела, отцу кричали «ура!»

Около горящего костра всегда собиралось много народа. Стоял народ и на горе. Около самого огня прыгали и скакали ребята. Всем тем, кто что-нибудь дал им на Масленицу, они кричали «ура»; а тем, кто ничего не дал, — «умора».

Но вот — сгорела Масленица; остались одни угольки. Кончилась неделя. Завтра начинается Великий пост; и расходились все по домам, вздыхали по минувшим веселым дням!

Вечер кончали ужином с блинами, мать еще делала яичницу. Но за неделю все жирное и масленое поедалось в таком количестве, что в этот вечер ни у кого никакого аппетита не было. И каждый из нас нехотя, больше для порядка, брал со сковороды кусочек рыбки или желток яйца и запивал молоком.

А потом начинали обряд прощения. В каждом доме молодые с поясным поклоном просили прощения у старших за всякие обиды, за брань и злобу. Старшие тоже кланялись в пояс и говорили: «Бог простит! И меня прости Христа ради». Все это происходило и в нашем семействе. Нас, детей, заставляли при этом бабушке, отцу и матери кланяться в ноги. Совершивши обряд «прощения», все расходились по своим постелям.

Глава 9

*Великий пост. Чистый понедельник и первая неделя поста.
Призывы церкви к покаянию и посту. Моя первая исповедь и
причастие. «Ефимоны». «Стояния». Четвертая,
Крестопоклонная, неделя*

На смену Масленице пришел Великий пост. Начинался он с Чистого понедельника. Каждая хозяйка с утра мыла и скоблила всю посуду, а сковороды после блинов выжигали на углях. Всю неделю ели без масла, и, сохрани Бог, попадет в какие-нибудь щи что-нибудь скоромное! Выливали корове. Даже нас, детей, если мы расшались, останавливали подзатыльниками и окриком: «Что вы беса тешите! Перестанете ли, баловники?!»

А церковь весь пост своими печальными тягучими службами с редкими унылыми ударами небольшого колокола призывала верующих к молитве и покаянию. Целых семь недель церковь держала верующих в великопостном, покаянном настроении. По средам и пятницам она даже запрещала есть с маслом. Мы, дети, все молочное могли есть только до шестилетнего возраста.

Церковь особыми молитвами часто напоминала своей пастве о ее греховности; и каждый должен был побывать на исповеди у священника и причаститься Святых Таин. С чистой совестью все должны были встретить день Святой Пасхи — Воскресения Христа.

Семи лет и я пошел на исповедь; хорошо помню, как робко я вошел за занавеску, где хорошо знакомый мне священник отец Александр* стоял у аналоя и поджидал меня. Он полушепотом спрашивал меня о моих грехах: не вводил ли я своих родителей в гнев, не лгал ли им, не брал ли чего без спросу, не ел ли скоромного в постные дни и т. д. И я на все вопросы, как меня учили дома, конфузливо отвечал: «Грешен, батюшка!» Наконец он накрыл мою голову епитрахилью, длинной из парчи тканью, висевшей у него спереди, прочел какую-то молитву и, сказав: «Отпускаются, чадо, грехи вольные и не-

*Земский врач Ярославского уезда
Г.И. Курочкин у своего дома*

вольные», — благословил меня. Я поцеловал его руку и вышел из-за занавески с каким-то довольным чувством.

В тот же вечер я должен был отстоять вечерню и прослушать «Правило». Это были какие-то длинные молитвы, и хотя дьякон Бухарин* читал их громко в очень приподнятом тоне, все равно я ничего не слушал, и мысли мои были далеко, с ребятами на улице.

На другой день меня разбудили рано, к заутрене, после которой вместе с другими говельщиками я должен был прослушать еще одно,

утреннее, правило. Я его слушал так же, как и вечернее. Наконец, дождался я и обедни, за которой мы все, говельщики, причащались Святых Таин. Из золотой чаши священник лжицей доставал немного красного вина и кусочек просфоры и клал каждому в рот. Церковный сторож Осипыч и дьякон Бухарин в это время пели: «Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите». По учению церкви под видом вина и просфоры мы «вкушали кровь и тело Христово». На столике около клироса стояло в небольшом ковшике «тепловое» — разбавленное теплой водой красное вино. Каждый подходил к нему и запивал одним-двумя глотками «причастие».

Домой я возвращался усталый, но очень довольный тем, что исполнил какой-то долг, и считал себя уже взрослым. Все домашние поздравляли меня с принятием Святых Таин.

Особые церковные великопостные службы начинались с Чистого понедельника первой недели. Это так называемые «ефимоны» — вечерни с чтением великого канона Андрея Критского. Они служились первые четыре дня. Под канонем понимаются чтения с молитвами, повествующими о подвигах святых подвижников Ветхого и Нового завета. Их жития должны послужить образцами для верующих. Такие же великопостные службы церковь устраивала и дальше. Их называли «стояниями». На пятой неделе было два «стояния».

В среду за всенощной читалось житие Марии Египетской. Это была великая подвижница VI века. В молодости она вела разгульный образ жизни, а потом поселилась в пустыне и около пятидесяти лет жила здесь в строгом посте и молитве; после смерти церковью была причислена к лику святых. Мария Египетская была прекрасным примером того, как покаянием, молитвой и постом можно заслужить спасение грешной души.

За тем же «стоянием» читался и великий канон Андрея Критского; и то и другое чтение сопровождалось тягучими песнопениями киевского распева с «Катавасиями». Под последними в монастырях разумелось исполнение посреди церкви различных молитв двумя хорами. Очевидно, оно было так сложно и путанно, что в быту катавасией называли всякую бестолковщину.

А в пятницу было опять «стояние», называемое «Похвала Богородице». Священник долго читал акафист, разделенный на двенадцать небольших частей, где все время слышалось слово «радуйся»; и хор каждую такую часть сопровождал пением: «Радуйся, Благодатная! Господь с тобою!» Все эти «стояния» были длинные; нам, ребятам, скучны; но мы должны были их выстаивать до конца, иначе дома попадет!

Вернемся немного назад. Четвертая неделя — Крестопоклонная. Чтобы напомнить верующим о том, что спастись можно только верою в распятого Христа, в субботу, на третий день недели, за всенощной «воздвигали» крест, так же как воздвигали его и накануне праздника Воздвижения. В Крестопоклонную неделю соблюдался особый пост, и все готовили без масла.

Агния Ивановна Курочкина. Именно она через полвека передаст в ГАЯО архив брата.

В среду пекли «кресты». Это раскатанные в палец длины круглые кусочки теста, сложенные накрест и испеченные в печке. В середину их что-нибудь закладывали: серебряный гривенник, медные монеты по одной, две и три копейки, тряпочку, щепочку, уголек. Из горячих крестов, только что вынутых из печки, мы на счастье выбирали любой. Сколько было радости у того, кому достанется гривенник; на худой конец не плоха и медная монета. А зато сколько огорчения от тряпочки и уголька. Вутешение нам говорили, что тряпочка пред-

вещает обновку; а мы сквозь слезы отвечали: «Жди вашей обновки». Уголек говорил о будущей неприятности, а щепочка даже о смерти! Но к этому мы были равнодушны.

Глава 10

*Ярославская ярмарка и моя поездка на нее с отцом. Ярмарочные увеселения. Чаепитие под музыку органа.
Возвращение домой с подарками*

А весна брала свое! 28 февраля был день Василия Капельки, а на другой — Авдотьи Мокрохвостницы.

5 марта — в день Ярославских чудотворцев — начиналась ярмарка. Вся нынешняя Советская площадь в Ярославле застраивалась рядами легких дощатых ларьков, балаганов. В одних торговали всякими сладостями: пряниками, облитыми орехами, жареным миндалем, всякими сортами халвы. В других представлял Петрушка и упражнялись гимнасты и фокусники. В третьих были разложены яркие ситцы и блеклые саратовские сарпинки.* Здесь же под шарманку вертелась карусель, и раешники предлагали посмотреть в круглые окошечки заграничные виды городов. У мужика в клетке сидела какая-то птичка и за две копейки вытаскивала клювом на счастье из коробочки билетик с надписью. Народ волновался, двигался, шумел около карусели, балаганов, сладостей.

Поездка на ярмарку для всех нас, ребят, была обязательной, и мы задолго начинали о ней мечтать и планировать, как пойдем в балаганы, будем кататься на карусели, закупать сладости. Всю зиму копили деньги, откладывали копейки из того, что отец давал «на гулянье».

Вот и пришел долгожданный день! Я был старший, и потому ездил с отцом, а братья и сестры с матерью. Выезжали из дома часов в восемь. В городе лошадь оставляли на постоялом дворе; шубы и одеяла вносили в большую с огромной русской печью комнату, с этой печи выглядывали головы отдыхающих ямщиков.

За довольно длинный мартовский день надо было использовать все городские удовольствия! Начали с чудотворцев. С постоянного двора пошли в Спасский монастырь. Здесь помолились и приложились к мощам Федора, Давида и Константина и к чтимым иконам. Купили у монаха, торгующего в углу за высоким столом, несколько свечей и больших просфор, первые поставили у икон и у раки чудотворцев, а вторые завязали в белую салфетку для дома и пошли на ярмарку. По дороге отец заходил в некоторые магазины и вел с их хозяевами какие-то разговоры о товарах для нашей лавки, а я сгорал от нетерпения.

Но вот мы и на ярмарке. Сколько было здесь всяких прелестей для моего детского сердца! Само собой надо

было начинать с быстровертящейся карусели. Передо мной мелькали в серых яблоках разрисованные кони и раскрашенные тележки. Сверху над каруселью был натянут плотный брезент, закрывающий ее от дождя и снега; а по краям висели фонарики для вечера, какие-то цветные украшения и стеклянные подвески. Вот карусель остановилась. Отец посадил меня на коня, велел крепко держаться за железный прут, к которому был прикреплен конь, и я «поехал». За пять копеек карусель делала восемь-десять кругов, потом останавливалась. Одни слезали со своих мест; другие садились на их место, но я захотел еще покататься, и отец уплатил еще пятачок.

После катанья пошли в балаган смотреть Петрушку. Все те же сцены с цыганом, лошадью и собакой! Но меня они приводили в восторг. Кроме Петрушки клоун показывал какие-то фокусы, а силач упражнялся с гирями. Это для меня было не очень интересно. Зашли посмотреть панораму. Мы увидели здесь прекрасные иноземные города, одни из них утопали в тропической зелени, другие лежали в горных долинах, третьи расстилались по берегу огромного моря. Все это я старался запомнить, чтобы потом рассказывать своим домашним и друзьям на улице.

После панорамы по дощатому настилу пошли по рядам, где торговали сладостями. Чего-чего здесь мы не накупили и для себя и для домашних: грецкие облитые орехи и темно-малинового цвета рахат-лукум. Вид у него был прекрасный, а на вкус это был кусок густо заваренного крахмала с сахаром и розовым маслом. Мне он очень нравился.

От всех ярмарочных впечатлений и от ходьбы я устал, и ноги мои начали запинаться. Захотелось есть. Отец повел меня в ресторан при гостинице «Европа» на углу нынешних улиц Свободы и Комсомольской. По дороге купили мягких сдобных булок и зашли в Знаменскую часовню помолиться и поставить образу свечку. В ресторане, куда мы пришли, гремела веселая музыка. Здесь был большой орган, «машина», как его называли. Служащий все время заводил ее и по желанию публики вставлял то один, то другой валик.

Ярмарка на Ильинской площади в Ярославле

Вся эта необычайная обстановка чрезвычайно меня занимала. Все было так не похоже на нашу норскую жизнь: и музыка органа, и какая-то солидная незнакомая публика, и скользящие между столиками с большими подносами в руках, уставленными чайниками и тарелками половые в белых рубашках. Если бы отец не говорил мне: «Ешь и пей, надо домой ехать!» — я бы, кажется, ни к чему не притронулся!

Действительно пора ехать. Уже вечерело. На постоялом дворе нашли кучера; он заложил Зайца, и мы поехали домой.

Здесь меня с нетерпением ждали брат и сестра и приставали ко всем, скоро ли я приеду. А когда я на столе раскладывал кучками ярмарочные прелести и говорил: «Это Василию, это Антонине», — они прыгали около меня и громко хлопали в ладоши. Большой фурор произвел маленький игрушечный пистолет. Под курок закладывался пистон — круглая бумажка с каким-то взрывчатым веществом. Когда я спускал курок, раздавался громкий треск и даже шел дымок. Каждый хотел бы

сам пострелять, но я никому не разрешал. Бабушке и матери я подарил по прянику и по кусочку халвы, а няньке только пряник. Все были очень довольны, и я больше всех.

Так осуществились мои долгие мечты о ярмарке.

Глава 11

Народный весенний календарь и народные приметы. Волга перед ледоходом. Лазарева суббота. Вербное воскресенье. Заключение

Народный календарь все чаще и чаще связывал имена святых с изменениями в природе.

4 марта — Герасима Грачевника — грачи прилетают. Жаворонки появляются у нас позднее. В память такого события бабушка пекла нам «жаворонки». Она очень искусно делала из теста небольших птичек, со сложенными и растопыренными крылышками, с можжевелевыми черными ягодками на месте глаз. Нам казалось, что они были очень вкусны.

9 марта — 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся. В этот день сорок птиц прилетают, а впереди будет еще сорок утренников. Любознательные люди каждое утро смотрели на улицу, на лужи. Если они покрылись ледком, ставили на стене палочку мелом или угольком, отмечая утренник. У нас, ребят, новая забава: ставить на деревьях ловушки-хлопушки. Сколько было радости, если попадет нам какая-нибудь неопытная птичка. В Благовещеньев день мы ее выпускали на волю.

17 марта — Алексея Человека Божия — с гор ручьи потекут. Новая забава! Надо ручейки прочищать, по ним щепочки пускать, запруды делать!

19 марта — Дарьи и Ларьи Загрязни Проруби. В народной поговорке употребляется более энергичное выражение, мы его смягчили. Через два дня их преподобный Иаков очистит! Это вот что значит: к девятнадцатому числу вся грязь, собравшаяся за зиму у проруби, оттает, а в день святого Иакова стечет в реку.

Следует помянуть большой праздник — Благовещенье — 25 марта. Архангел Гавриил предсказал деве Марии «безсеменное» зачатие и рождение через девять месяцев Христа. Это был большой праздник. В этот день «птица гнезда не вьет, девица косы не плетет». В народе говорили: «до Благовещенья или неделю не доездишь, или после него неделю переездишь». Так капризна весна в наших местах.

А на берегу все больше и больше появлялось черных точек и дымящих костров. Это спешно работали рыбаки и стгонщики. Волга уже понемногу начинала синеть, вода в ней прибывала; у берегов появлялись закраины, и недели через две начинался и ледоход; но об этом я уже говорил.

Десятидневный пост кончался в пятницу на шестой неделе. Лазарева суббота и Вербное воскресенье были переходными днями к Страстной неделе. Церковь разрешала в эти дни потреблять вино и елей, но у нас дома стол был рыбный. По церковному преданию в эти дни в жизни Христа произошло два события: в субботу он воскресил своего друга Лазаря, уже три дня лежавшего во гробе и начавшего «смердеть», а в воскресенье вспоминался торжественный въезд Христа в Иерусалим «на ослиати», «на вольные страдания». Народ торжественно встречал его, как великого пророка, с пальмовыми ветвями в руках, и на его путях расстилал свои одежды. Не прошло и недели, как тот же народ кричал Пилату: «Распни! Распни его!»

В субботу в память этого события за всюнощной святили вербу. Только на этом дереве в это раннее время весны распускались почки. Всем молящимся священник раздавал темно-красные веточки с серенькими пушистыми барашками, и все держали их в руках вместе с зажженными свечами. Лица были ярко освещены, и все богослужение, сопровождаемое стройным пением хора, было очень красиво.

После всюнощной многие старались донести горящую свечу до дому. Вся прелесть Вербного воскресенья была в том, что это был первый весенний праздник. Это радостное чувство прекрасно выразил в своем стихотворении наш поэт Александр Блок. Вот оно:

Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.
Огоньки светятся,
Прохожие крестятся;
И пахнет весной!

Дождик, дождик маленький,
Ветерок удаленький,
Не задуй огня!
В воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня!

Не все мои друзья-приятели были проникнуты этим чувством. Во-первых, надо было похлестать друг друга вербой, приговаривая: «Верба-хлесь бьет до слез»; а во-вторых, подкрасться сзади и задуть свечу. И если мне удавалось донести огонек до дому, бабушка зажигала одну из лампад у образа и около него же ставила вербу. В Егорьев день ею погоняли корову со двора на водосвятный молебен перед выгоном на летнее пасево.

После Вербного воскресенья начиналась Страстная неделя. О ней я уже говорил в начале моих воспоминаний.

На этом я заканчиваю описание праздников и нашего быта в далеком прошлом.

Семья наша была большая, крепкая, до значительной степени культурная. Она была религиозна и придерживалась многих старых обычаев. И бабушка, и наши родители нас, детей, любили, приучали к порядку, иногда за большие шалости наказывали. Дружить с соседними ребятами никогда не мешали, и мы много времени проводили с ними в играх на улице, на берегу, на Волге. И все мои друзья детства были славные ребята. Из них вышли славные работники.

В моей памяти годы детства сохранились как годы

Г. И. Курочкин на берегу Норы. Вид на Пятницкую церковь

хорошие, беззаботные. Вот почему, мне кажется, на настоящих моих воспоминаниях есть некоторый налет оптимизма.

Да нельзя отрицать и того, что в этих праздниках и связанных с ними бытовых обычаях было немало романтики, даже поэзии. Недаром многие художники и писатели прошлого отсюда брали сюжеты для своих произведений.

Воспоминания о семье Смирновых

Семья священника отца Александра Ивановича Смирнова всю долгую жизнь моих родителей состояла с ними и с нами в большой дружбе. Отец Александр (родился в 1846 году, умер в 1902) молодым священником поступил в Норское, в наш приход, к Благовещенью. Женат был на Екатерине Дмитриевне, дочери пошехонского протоиерея отца Дмитрия Вилинского. Отец Александр по происхождению был горожанином (сыном дьякона из Сиротского дома), да и Екатерина Дмитриевна была горожанка, и весь облик их и всей семьи был город-ским, в значительной степени — культурным. И мои родители были люди культурные и, конечно, среди серой мещан-ской среды Норского должны были сойтись.

Из моего детства осталось много очень теплых друже-ских воспоминаний о Смирновых. У них было трое детей: сын Дмитрий (на 3 года старше меня), дочь Фаина — мне ровесница (родилась в 1875 году) и сын Ваня, на год старше брата Василия. Старшие часто ходили друг другу в гости, играли в преферанс*, летом после закрытия лавки гуляли в Пробоевском саду (и мы, детьми, с ними)*, ездили пикником на Воздвижение и т.д. Отец всегда устраивал около их дома раздевальню и снабжал их из ярославской библиотеки книгами. У них в доме всегда было весело и непринужденно. Консервативная масса его не очень любила: он для нее был аристократичен, да и сам отец Александр искал знакомства в более высоких слоях. Он дружил с хозяевами фабрики — Прохоровыми, со служащими, с харито-

новскими помещиками — Владимирцовыми, и это его паства и духовенство других приходов ставило ему в вину, упрекая даже в заискивании. Из Ярославля к Смирновым часто приезжали гости — семья отца Клавдия Меценатова, педагоги. Подолгу гостил брат Екатерины Дмитриевны Дмитрий Дмитриевич Вилинский. Вспоминаются эти компании как очень веселые, остроумные. Все были с голосами, много и хорошо пели. Особенно был весел и остроумен Николай Клавдиевич Меценатов.

В 1890 году отец Александр Смирнов перешел на службу в Никольскую церковь. Этот приход был богаче; обслуживал и фабрику и ряд деревень. Семья Смирновых как бы еще теснее сдружилась с Прохоровыми. Но работы у отца Александра было больше, и он немало уставал. Он здесь служил 12 лет и умер от перерождения сердца 56 лет. Он был веселого, ласкового и покладистого характера.

Екатерина Дмитриевна — красивая, очень неглупая женщина — также очень дружила со всей нашей семьей. Я ее всегда называл другом моего детства, ибо помню, как маленьким приходил в лавку, а она сидела в теплой комнате, вязала чулок и играла со мной. И когда переставала — я говорил ей: «Катерина Митревна! Набалуемте еще!» Всегда хорошо и чисто одетая, с наколкой на волосах, с чулком в руках, она была интересным собеседником, и я всегда любил поговорить с ней. Ее публика винила в том, что она очень уж дружила с Прохоровой, передавала ей всякие сплетни и подводила других. Я не думаю, что это было так. Конечно, за чаем, в длинные осенние вечера обсуждались и норские новости, но докладчиков у Прохоровой много было и без нее. И едва ли можно ее в этом отношении обвинить. Жила она недалеко от Николы в своем домишке, выстроенном еще отцом Александром. Умерла в 1924 г., около 80 лет.

Митя, а потом отец Дмитрий Смирнов, был очень красивым молодым человеком. Кончил семинарию, поступил на Норскую фабрику учителем и женился на простой рабочей — Елизавете Яковлевне. Шуму, гаму в Норском по этому поводу было, как по случаю преступления. Отец мой, сообщил мне о том в Рыбинск. Начал письмо: «Невероятное событие, но свершившийся факт...» Говорили, что сделал это потому, что

увлекался толстовством. Его родители были таким событием очень огорчены, а публика злорадствовала: Митя был характера городского, любил одеться и поухаживать. Очень мечтал пойти в университет, но из этой мечты ничего не вышло.

Духовенство — каста. Его женитьба на работнице разгневала владыку Ионафана, и карьера его должна была быть кончена. Благодаря знакомству с Аполлинарием Платоновичем Крыловым* (когда-то правая рука архиереев, говорят, нажившийся от духовенства, [даже ставший] землевладельцем, председателем Ярославской уездной [земской] управы, а потом и губернской) Митя получил место учителя в церковно-приходской школе в д. Пестово в 14 верстах от Норского, а потом и священника здесь же. По смерти отца Александра он перешел к Николу в Норское, а отсюда в Ярославль в церковь Воздвиженья. Человек он неглупый, светский, с хитрецей, для духовенства достаточно либеральный. Небольшую карьеру сделал в Ярославле: был секретарем у [архиепископа] Агафангела, получил протоиерея и сейчас пользуется достаточным авторитетом у духовенства.

Фаина Александровна воспитывалась в духовном училище. В детстве была моим близким другом. С гимназии мы несколько разошлись, но и теперь считаемся добрыми знакомыми. Она вышла замуж за инженера (потом директора) С. А. Петровых, обзавелась многочисленным семейством и была и есть добродетельная жена и мать.

Ваня (так звали второго сына в быту) дружил с моим братом Василием и сестрой Антониной. В семинарии учился как-то неважно, по окончании поступил в ветеринарный институт и [потом] служил по этой специальности в разных местах России и Сибири. Это был очень милый, простой человек, с значительным юмором, и очень увлекался животноводством. Женился на Александре Михайловне Петровской. Умер скоропостижно в 1926 году. О нем у нас всех, у всей семьи, самые теплые, самые дружеские воспоминания.

Норский посад как урочище русской памяти

Познание суть припоминание. Так сказал Платон. А мы добавим, что человек обычно живет не столько настоящим и будущим, сколько прошлым. Муза истории Клио незаметно правит миром. Чтобы понять себя, мы поневоле и по воле вспоминаем. Мы не в силах осознавать себя вне и помимо исторических данностей, фактов или мифов.

Французский историк Пьер Нора в конце XX века предложил сделать акцент на этом, смысловом, измерении человеческого существования. Его подход к истории ставит в центр исследований и размышлений не факты прошлого «как таковые» в их хронологической последовательности, а символическое значение прошлого для современности. Этим ведущим представителем современной исторической науки создана оригинальная концепция мест памяти (*lieux de memoire*) — артефактов, призванных задавать структуру нашего миропонимания и обеспечивать преемственность самоосознания.

Lieux de memoire Пьер Нора определяет как «места, на которых складывается память [сообщества]». Лишь весьма приблизительно можно описать то, что имеется здесь в виду под именем *lieux*, термином *topos*. Места памяти у Нора не являются местами в сугубо географическом понимании. С другой стороны, в фокусе его внимания оказываются не только «исторические события», но и памятники, идеи, феномены культуры, играющие важную роль в формировании идентичности современников. Местами памяти могут стать любые люди, события, предметы, здания, книги, песни или географические

точки, которые окружены символической аурой. Места памяти — всякое значимое единство, материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратили в символический элемент наследия, включили в ядро памяти общности; то есть достопримечательности, исторически значимые места, национальные праздники, народные герои, памятники и т. п.

Обеспечивать осмысленное существование людей здесь и теперь — такова основная функция мест памяти. Они призваны создавать представления общества о самом себе и своей истории. Их главная роль — символическая. По словам Нора, память — это жизнь, носителями ее являются группы живущих в определенный исторический момент людей. Память — явление всегда современное, это переживаемая связь с вечным настоящим; история же — представление о прошлом. Так как память эмоциональна и легковажна, ее устраивают только те детали, которые ее упрочивают. История же, будучи операцией интеллектуальной и секуляризаторской, требует анализа и критического дискурса. Память помещает воспоминание в разряд священного, история же выгоняет его оттуда, она всегда говорит прозой.

Осмысление роли, которую эти символы играют в самосознании наших современников, становится для Нора главной задачей историка. Благодаря такому подходу прошлое приобретает новый смысл. Оно становится по-иному объемным и предельно актуальным, заставляя к тому же учитывать при обращении к себе многообразные аспекты разных научных дисциплин — культурологии, мифологии, социологии, политологии.

Пьер Нора создал школу «мест исторической памяти». В 1980–1990-х годах под руководством Нора понятие «места памяти» было разработано как эвристическая ценность и как рабочий инструмент для изучения реальности в крупнейшем, семитомном коллективном труде французских историков нашего времени «Места памяти» (*Les lieux de memoire*). (См.: Нора П. Франция-память. СПб., 1999; Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 30.) Этот

проект стал увенчавшейся успехом попыткой описать топографию коллективной памяти Франции.

Исследователи *lieux de memoire* изучают не столько материальное или историческое ядро места памяти, сколько его отражение в сознании, формы его восприятия. Вот почему это направление можно назвать «вторичной историей» (таково определение немецкого историка Ф.-Б. Шенка). В статье про Верден в книге Нора, например, описана не знаменитая битва времен первой мировой войны, а воспоминания о ней. *Les lieux de memoire* — объемное собрание больше ста статей разных авторов, каждая из которых посвящена одному месту памяти. В семи томах можно найти статьи про французский национальный флаг (триколор), про Марсельезу, о Жанне д'Арк, о французском вине, французской Национальной библиотеке и т.д.

Идея Нора нашла последователей в разных странах. В настоящий момент по инициативе Жоржа Нива и Александра Архангельского идет работа над фундаментальным исследованием «Урочища русской памяти». К моей радости, мне довелось поработать в рамках этого проекта над некоторыми темами русской памяти. Так же, как символическое Франции воплощается не только в битве при Аустерлице, но и в «Истории Франции» Лависса и Эйфелевой башне, Марсельезе и биографии Жанны д'Арк, местами памяти русских оказывается не только Куликово поле или Московский Кремль, но явления иного, ментального и культурного, порядка. А среди них Ярославль как калитка в Китеж-град и как масонская столица России — и Углич с его младенческими мифами; пленник суровой Музы Некрасов — и «гуляка праздный» Кузмин; Ярославское восстание 1918 года — и Волковский театр-элизиум...

Источниками для изучения мест памяти являются тексты, картины и предметы, которые дают информацию о событии, человеке или идее. Источниками могут стать, например, газетные статьи об открытии памятников, доклады, прочитанные на исторических юбилеях, памятники исторической мысли, живопись на исторические сюжеты, предметы повседневной жизни. Могут стать и сочинения мемуарного характера, ориентированные на осмысление личной и коллективной судьбы,

— именно такие, как вошедшие в эту книгу труды Е. С. Петровых-Чердынцевой и Г. И. Курочкина.

Благодаря этой книге, которая включила в себя записки о Норском посаде, появилось еще одно очевидное место общей памяти. Норский посад окончательно и бесповоротно приобрел новый статус, он отныне выявляется сквозь призму символического наследия.

Что это нам дает?

Начну с того, что у мест памяти есть важное свойство. Они могут иметь разные значения, и их значение может меняться. Значение, которое сообщество ассоциирует с определенными местами памяти, не обязательно остается неизменным в течение истории. Историки размышляют о том, когда то или иное место памяти получило определенное символическое значение и как оно менялось с течением времени. Можно изучать изменение исторического самосознания и коллективной идентичности на примере смены мест памяти.

В ансамбле *lieux de memoire* отдельные места памяти могут быть забыты или вытеснены из памяти. Исторические лица, события или мемориальные памятники, которые раньше вспоминались постоянно, в современной России постепенно забываются. Не всякий выпускник школы ныне может сказать что-то внятное о бывших кумирах. Но бывает, что забытые места памяти заново приобретают значение; этот процесс тоже можно наблюдать в постсоветской России. Наконец, можно изучать перемены коллективной памяти и в тех *lieux de memoire*, которые непрерывно имели и имеют свое место в коллективной памяти. Октябрьскую революцию сегодня в России вспоминают совершенно иначе, чем, скажем, лет двадцать назад. Она сохранилась в человеческом сознании как место памяти, но несет совершенно иное содержание. Или еще пример: именно сейчас на наших глазах разворачивается исполненная борений коллизия придания нового смысла Великой Отечественной войне. У нас на глазах и упомянутое Ярославское восстание было переосмыслено в сознании многих ярославцев и россиян: то, что недавно казалось бессмысленной или даже преступной авантюрой, ныне предстало трагической и героической вехой

истории, кульминацией народного сопротивления насильникам, узурпировавшим власть в России.

Стоит еще заметить, что коллективная память меняется не только потому, что на нее влияют конкретные люди или учреждения, преследуя свои цели. Она меняется, и поскольку меняется дух времени, пресловутый *Zeitgeist*. Не исключено, что в текстах эпохи *Zeitgeist* проявляется сам собой, даже без особого желания и без явного умысла того или иного злокозненного или вдохновенного новым идеалом автора. Этот процесс, говорит Фритьеф Беньямин Шенк, не знает действующих лиц. Основой для изучения таких перемен культурной памяти могут служить те модели анализа дискурса, которые описал знаменитый француз Мишель Фуко. Концепция общего прошлого — элемент дискурса о коллективной идентичности сообщества, но идеальные представления об истории сами находятся под влиянием дискурса.

Наконец, учтем следующее: общность существует не только как реальная группа людей, живущая в конкретном месте в определенное время, но также как идея, как представление в умах людей, как символическая реальность. Причем в процессе коллективной самоидентификации сообщества особую роль играет представление об общем прошлом. Именно этой частью самосознания — историческим сознанием, народной памятью — интересуются те исследователи, которые занимаются местами памяти, *lieux de memoire*. Поскольку коллективная память — основополагающее ядро представлений общности о самой себе, изменения в историческом дискурсе можно считать показателями изменения национальной идентичности. В той же мере, в которой меняется наше историческое самоосознание, трансформируется и наша коллективная идентичность.

И вот теперь вернемся снова к книге, объединившей записи Петровых-Чердынцевой и Курочкина. Эти авторы не пытаются слишком уж натужно идеализировать прошлое. Но они волей-неволей представляют нам значительный, гармоничный в своей основе и весьма высокий строй жизни. Они предъявляют нам людей замечательного, почти утраченного в современной России духовного качества, большого призвания,

драматичной участи. В этом хочется увидеть залог формирования нового идеально воображаемого сообщества, если воспользоваться формулой ирландского социолога Бенедикта Андерсона (см.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001). Сопряжение в книге годового цикла существования в чередѣ будней и кульминаций бытия, праздников, (в изложении Г. И. Курочкина), с уникальным опытом человеческого пребывания в мире (о котором рассказала Е. С. Петровых-Чердынцева) дает современному читателю очень важный, возможно незаменимый урок. Как знать, может быть, именно такие книги помогут нам на нынешнем скорбном пепелище, среди всяческого зауряда, пошлости и подлости, создать и в Норском посаде, и в России XXI века новую родину из руин и обломков былого — в синтезирующем усилии припоминания.

**КОММЕНТАРИИ
И ПРИМЕЧАНИЯ**

Работа над комментариями была бы просто невозможна без самых разнообразных документов из семейных архивов авторов, которые нам предоставили дочь Е.С.Петровых Ксения Викторовна Чердынцева и внучатая племянница Г.И.Курочкина Галина Павловна Федотова, они же предоставили фотографии — вы видели их на страницах книги вместе со снимками из семейного альбома Михаила Константиновича Крайнова — потомка И.А.Смирнова.

Дочь П.А.Грандицкого Марина Петровна открыла для нас бережно хранимый ею обширный архив отца, включающий, помимо рукописей и дневников Петра Алексеевича, письма к нему Марии и Екатерины Петровых, Ивана Ханаева...

Каждая из них, а также дочь М.С.Петровых Арина Витальевна Головачева, непрестанно помогали нам в ходе небыстрой работы над книгой.

Много лет историей Норского посада и семей Смирновых, Петровых и Курочкиных занимаются ярославские краеведы и исследователи. Людмила Акиндиновна Кухарчик из городской библиотеки № 15 и Наталья Александровна Русинова из средней школы № 17 в Норском щедро делились с нами результатами своих изысканий.

Особо надо назвать Елену Владимировну Перегудову, которая не только помогала своему супругу о. Михаилу возрождать Троицкий храм посада, когда в 1995 году его вернули Русской Православной церкви. Она много сделала для восстановления истории прихода и его священников. Горько, что Михаил Михайлович не дожил до выхода этой книги .

Ценные сведения предоставила старший научный сотрудник-хранитель отдела рукописей ГЛММЗ Н.А.Некрасова «Карабиха» Ирина Константиновна Соколова, большой знаток поэтической среды Ярославля 1920-х годов.

Ряд материалов по истории Норской мануфактуры мы получили от сотрудников отдела кадров ОАО «Красный Перевал».

Наконец, нельзя не упомянуть поддержку, оказанную нам в ходе архивных поисков сотрудниками Государственного архива Ярославской области и его директором Евгением Леонидовичем Гузановым.

Всем им, а также многим ярославцам, с готовностью отзывавшимся на наши вопросы, адресуются слова нашей искренней признательности.

Е. С. Петровых

Мои воспоминания

Екатерина Сергеевна Петровых (16.09.1903– 03.04.1998) начала записывать воспоминания для своих детей и внуков во второй половине 1970-х гг. и возвращалась к работе над ними вплоть до 1997 г.

Фрагменты первой части мемуаров, посвященные в основном сестре автора Марии, были опубликованы в 1986 г. в ереванском сборнике поэтессы (см.: *Петровых Е.* Мои воспоминания // *Петровых М.* Черта горизонта: Стихи и переводы: Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. С. 265–284), а также уже в значительно более полном составе (на основе текстов настоящего издания) в журнале «Русский путь на рубеже веков» (см.: *Петровых-Чердынцева Е.* Маруся и все наши // Указ. изд. С. 87–144). Подчеркнем, что М. С. Петровых считала сестру «любимым своим другом» (см.: *Нейман Ю.* Маруся // *Петровых М.* Черта горизонта. С. 290).

Следует привести основные факты биографии Екатерины Сергеевны, оставшиеся за рамками ее воспоминаний и сообщенные ее дочерью К. В. Чердынцевой.

После переезда из Ярославля в Москву Екатерина Петровых окончила курсы английского языка и работала в библиотеке иностранной литературы вплоть до выхода замуж (11.11.1938). До Великой Отечественной войны участвовала вместе со своим мужем, В. В. Чердынцевым, в его научных экспедициях по Кавказу.

После рождения дочери Ксении Екатерина Сергеевна практически не работала (девочка очень тяжело болела) — вела домашнее хозяйство, воспитывала детей: уже в Алма-Ате родился сын Виктор. Всю жизнь помогала мужу в работе, перепечатывая его статьи и литературные труды.

После смерти В. В. Чердынцева (16.08.1971) она собрала и сдала в архив фонда В. И. Вернадского все материалы его научной и литературной деятельности, сумела собрать и записать воспоминания друзей, коллег и бывших учеников Виктора Викторовича.

После смерти матери Ксения Викторовна Чердынцева разобрала ее рукописи и свои записи ее воспоминаний (в последние годы именно так шла работа над мемуарами). Фактически она явилась соавтором матери и первым ее редактором.

Воспоминания Екатерины Сергеевны публикуются по рукописи, состоящей из двух неоконченных частей и нескольких отрывков. Подготовка текстов осуществлена нами совместно с Ксенией Викторовной. Названия частей мемуаров и некоторых глав были даны издателем.

С. 6. *...прочла у Анны Андреевны Ахматовой...* — См.: Бражнин И. Обаяние таланта // Новый мир. 1976. № 12. С. 239.

Часть I

Петровых, Смирновы и другие

С. 7. *...от полустанка железнодорожной линии Ярославль — Вологда...* — Вероятно, речь идет о станции Пречистое.

С. 8. *...отец Дмитрий и Наталья.* — Вилинский, Дмитрий Иванович (1820/1821 — 20.04.1884), сын священника.

В 1844 г. закончил курс обучения в Ярославской духовной семинарии и был поставлен священником к церкви Богоявления Господня с. Никольского, что на Ухтоме Пошехонского уезда. 7 декабря 1846 г. был перемещен на эту же должность к церкви с. Борисо-глебского, что на Соге того же уезда. С 1847 г. состоял учителем в местном училище. В 1849 г. был определен благочинным. В 1862 г. был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Скончался «от колики», т. е. желудочной или почечной болезни (Государственный архив Ярославской области, далее — ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 2554, л. 2 об.; д. 3479а, л. 63 об.; оп. 11, д. 2829, л. 102 об.; Крылов А. Именная роспись начальствующих и служебных лиц Ярославской епархии. Ярославль, 1861. С. 359).

Вилинская, Наталья Васильевна (1825/1826–5.10.1899). Родилась в с. Спасском, что на Водоге Пошехонского уезда. После смерти мужа получала пенсию 65 руб. в год. Скончалась «от паралича сердца». Погребена была на приходском кладбище с. Борисоглебского, что на Соге, где был похоронен и Д. И. Вилинский (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4403, л. 62 об.; оп. 11, д. 2899, л. 62 об.–63).

«...всякого рода школы...» — Автор цитирует статью: Барсов Н. Духовно-учебные заведения // Энцикл. словарь «Брокгауз и Ефрон». СПб., 1893. Т. XI. Кн. 21. С. 268.

С. 9. *...получал звание личного дворянина без права передачи по наследству...* — Дворянство в России было потомственным и личным. Потомственное передавалось жене и законным детям, личное — только жене (дети при этом получали право на потомственное

почетное гражданство). Право на дворянский титул давало награждение орденом или присвоение соответствующего чина.

Старший сын — Иван ...занял место своего отца... — Вилинский, Иван Дмитриевич (1857–10.11.1918) в с. Борисоглебском, что на Соге Пошехонского уезда, не служил. После смерти Д. И. Вилинского настоятелями храма в вышеназванном селе являлись Василий Иванович Балов (1826–14.01.1893) и Алексей Апполосович Благовещенский (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 2829, л. 352 об.; д. 2899). Подробнее об И. Д. Вилинском см. далее.

С. 10. *В книге Беляева, озаглавленной «Воспоминание о Ярославском доме призрения ближнего», о прадеде нашем, отце Иоанне Смирнове, говорилось следующее...* — См.: Беляев А. Воспоминание... С. 131–132. Мемуары бывшего воспитанника Ярославского сиротского дома и ярославской гимназии относятся к 1842–1856 гг. Рукопись их хранится в ГАЯО (ф. 582, оп. 1, д. 331). См. также: Из «Воспоминаний воспитанника Ярославского сиротского дома» А. Беляева о школьном деле в г. Ярославле 1840–1850 гг. / Подготовка публикации и комментариев А. Е. Оторочкиной // Век нынешний и век минувший: Ист. альманах. Ярославль, 2003. Вып. 3. С. 137–147.

...Александра Ивановича. — Смирнов А. И. (1846–1902). Родился в с. Инжевере Подорвановской волости Пошехонского уезда. В июле 1866 г. завершил курс обучения в Ярославской духовной семинарии. В сентябре 1867 г. был определен священником к Благовещенской церкви Норского посада (с этого периода и началась дружба между Смирновыми и Курочкиными — об отце Александре и его семье см. в воспоминаниях Г. И. Курочкина). В мае 1890 г. был перемещен к Троицкой церкви посада. С 1882 г. состоял законоучителем при училище Норской мануфактуры, с 1888 г. — при училище Норского посада. (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4571, л. 16 об.–17 об.; д. 3893, л. 13 об.–14 об.)

Отец Клавдий был настоятелем церкви при Сиротском доме... — Меценатов, Клавдий Петрович (3.06.1842, с. Давыдовское, что в Яловце Пошехонского уезда, — ?), сын священника. В 1862 г. закончил Ярославскую духовную семинарию и был назначен дьяконом в Духовскую церковь, что при Ярославском училище для девиц духовного ведомства. Преподавал в нем церковно-славянский язык в 1865–1873 гг. В апреле 1869 г. поступил на должность настоятеля церкви Дома призрения ближнего (Сиротский дом) и законоучителя женского училища, находящегося при нем. В этом же году был рукоположен в сан священника.

В 1889 г. был записан в третью часть родословной книги дворян Ярославской губернии, т. к. отец его, Петр Васильевич Меценатов, священник пошехонского Свято-Троицкого собора, был награжден

орденом Св. Владимира, который давал право на возведение в потомственное дворянство всей семье (см. примеч. к с. 9 о личном дворянстве). В 1890 г. К. П. Меценатов и сам был награжден орденом Св. Анны 3-й степени (ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 2025; ф. 230, оп. 2, д. 4013, л. 22 об.–23 об.).

С. 11. *...были классными дамами в той же Екатерининской гимназии.* — Речь идет о дочерях о. Клавдия Варваре (р. 12.07.1871) и Елизавете (р. 2.09.1869) Меценатовых. Первая действительно была классной дамой (иначе воспитательницей или надзирательницей), вторая же исполняла обязанности преподавательницы приготовительного класса (Памятная книжка Ярославской губернии на 1906 год. Ярославль, 1906. С. 50–51; Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год. Ярославль, 1912. С. 39).

...бывали в гостях у губернатора (сначала у Римского-Корсакова, потом у графа Татищева). — Речь идет о ярославских губернаторах Александре Александровиче Римском-Корсакове в 1905–1909 гг. и Дмитриии Николаевиче Татищеве в 1909–1915 гг.

Клавдик позднее стал артистом Ярославского Волковского театра. <...> с его прелестной тоненькой женой — тоже актрисой. — Речь идет о Клавдии Николаевиче Меценатове и его супруге М. Н. Меценатовой. Известно, что он работал в Волковском театре в 1924–1926 гг., она — в 1932–1935 гг. Сообщено зав. музеем Гос. академического театра им. Ф. Г. Волкова О. И. Полозневой.

С. 12. *Об отце Иоанне я почти ничего не знаю.* — И. Д. Вишинский после окончания Ярославской духовной семинарии в 1879 г. учительствовал в одной из земских школ Пошехонского уезда. В 1882 г. был поставлен священником в с. Трофимовское Пошехонского уезда (ныне — Первомайского МО). В это же время отец Иоанн становится законоучителем в Благовещенском земском училище. С 1893 по 1904 г. состоял следователем по духовным делам. В семье у него было семеро детей, один из сыновей стал священником в том же Пошехонском уезде (ГАЯО, ф. 230, оп. 8, д. 5349, л. 217).

С. 13. *...за состоятельного купца, Павла Осиповича Дерунова...* — Дерунов П. О., гласный Пошехонского уездного земского собрания, племянник известного литератора и общественного деятеля С. Я. Дерунова (1831–1909). Павел Осипович постоянно проживал в с. Семеновском Катринской волости Пошехонского уезда, в котором, по сведениям на 1890 г., его отец владел кожевенным заводом с ежегодным производством продукции на сумму 3500 рублей. (См.: Ярославский календарь на 1890 год. Ярославль, 1889. Отд. II. С. 43; Ярославский календарь на 1894 год. Ярославль, 1893. Отд. II. С. 75.)

...у которого была... сестра калека. — Возможно, речь идет об Анне Осиповне Деруновой, учительнице Семеновского земского на-

чального народного училища. (См.: Памятная книжка Ярославской губернии на 1900 год. Ярославль, 1900. С. 134.)

С. 15. *...упал, простреленный, вслед за сестрой.* — В начале ноября 1918 г. при мобилизации лошадей в Пошехонском уезде возникли крестьянские волнения. В ходе поголовных обысков и изъятия имущества, которые проводил прибывший отряд ЧК, было арестовано около 40 человек. Среди них, обвиненный в укрывательстве контрреволюционеров, участников июльского ярославского восстания, и хранения драгоценностей сестры, бывшей владелицы завода, оказался и И. Д. Вилинский. Расстреляли их без суда. После ухода карателей тела казненных были встречены в селе крестным ходом.

В 2000 г. отец Иоанн Дмитриевич Вилинский был причислен Русской Православной церковью к лику святых. (См.: Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2000. Часть 3: Священнослужители и миряне. С. 52–53. Заметим, что в указанном издании фамилия отца Иоанна значится «Виленский». Как сообщил Я. В. Волков, собиравший материалы, в следственном деле И. Д. Вилинского она дается именно в таком написании.)

С. 16. *...жили на автозаводе под Ярославлем...* — Речь идет об автомобильном заводе, основанном в 1916 г. инженером В. А. Лебедевым (ныне ОАО «Автодизель»). С. А. Петровых работал на нем с 27.10.1921 заведующим хозяйственно-материальной частью, проживал на территории завода в двухэтажном деревянном доме (в музее предприятия сохранилась фотография этого здания). Поселок для рабочих возник в начале 1920-х гг. в районе ул. Автозаводской (бывш. ул. Стахановцев). Сообщено зав. музеем ОАО «Автодизель» К. Б. Касич.

С. 18. *...Екатерину Алексеевну Кукобовскую.* — Кукобов-ская Е. А. (р. 1866), по данным переписи 1897 г., приходилась племянницей священнику А. И. Смирнову и проживала в его доме на Троицкой улице Норского посада (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1481, л. 45 об.–46). Была учительницей Норского посадского училище в 1890–1899 гг., затем, как сообщила Н. А. Русинова, до 1919 г. в Норском посадском министерском двухклассном училище.

...пародирует в «Необыкновенном концерте» Зиновий Гердт. — З. Гердт был ведущим актером Центрального театра кукол С. В. Образцова. Спектакль «Необыкновенный концерт», поставленный в 1946 г., оставался «культовым», как сказали бы сегодня, на протяжении десятков лет.

Проверить предположение автора о прототипе Конферансье не удалось.

С. 19. *...у нее был собственный небольшой дом...* — Дом неподалеку от Троицкой церкви в Норском сохранился (с пристройками): ул. Д. Бедного, 1.

В этом доме жили у бабушки Катя и Маруся Петровых, когда после революции учились в школе в упомянутом здании Норского посадского училища. С ними вместе жила внучка владельцев мануфактуры Катя Чистякова.

С. 21. *...нравились только мемуары М.А. Паткуль (урожденной маркизы Траверсе)...* — Воспоминания фрейлины Марии Александровны Паткуль (1822–1900) были опубликованы в журнале «Исторический вестник» (1902, № 1–9).

С. 22. *...жили в церковь в пяти минутах ходьбы.* — Отец Александр Смирнов, а затем его сын Дмитрий были настоятелями Троицкой церкви Заречной части Норского посада, являвшейся приходской для большей части служащих фабрики, в том числе для семьи Петровых.

Первая деревянная церковь на этом месте существовала, по преданию, еще во времена татаро-монгольского нашествия и была посвящена Николаю Чудотворцу. В память о древнем храме Троицкую церковь Норского посада в обиходе часто называли Никольской.

Каменная церковь во имя Живоначальной Троицы была сооружена в 1745 г. на средства прихожан и при «ближайшем участии помещика Ивана Афанасьева Асарова», в трапезе храма находились два придела — Владимирской Богоматери, именованный в честь чтимой за престольной иконы (с правой стороны), и теплый придел Ильи Пророка (с левой стороны).

Храм капитально перестраивали в 1840 г., а в 1896 церковь была значительно увеличена в размерах и полностью стала теплой «через духовое отопление». На производство этих работ владелец Норской мануфактуры потомственный почетный гражданин Н. К. Прохоров потратил 17 тысяч рублей. После перестройки Ильинский придел был переосвящен во имя Ильи Пророка и Николая Чудотворца. Особым почитанием в приходе пользовалась икона Николая Чудотворца, происходившая еще из деревянного храма.

Установить, в каком приделе стояла упоминаемая автором икона великомученицы Екатерины, не представляется возможным.

К Троицкому храму была приписана часовня при Норской мануфактуре и церковь в Курилово — см. прим. к с. 25.

В приходе с 1869 г. числилась земская начальная одноклассная школа, с 1901 г. существовало Общество трезвости рабочих и служащих Норской мануфактуры, в 1904 г. было организовано церковно-приходское братство.

В 1995 г. Троицкая церковь была передана Русской Православной церкви (ул. Пекарская, 1).

...угорала. — Объяснить это можно довольно просто: угарный газ, очевидно, в этом доме всегда присутствовал при топке печей, но в небольшом количестве и стлался по полу. И только в дни именин маленькая Катя долго играла, сидя на полу с подругой. В остальные дни она сидела за столом с бабушкой, и вредного влияния газ не оказывал. — *Прим. К.В. Чердынцевой.*

С. 23. *Главная пайщица Норской мануфактуры миллионерша Прасковья Герасимовна Прохорова.* — О владельцах Норской мануфактуры Хлудовых и Прохоровых см. в прим. к с. 61.

...мезальянс, но в другую сторону!.. — В рукописи Е. С. Петровых так поясняется неравенство этого брака: «Это все равно как если бы Келдыш женился на Любке Тарасенковой». Читателю приходится расшифровать это противопоставление: Мстислав Всеволодович Келдыш (1911–1978), выдающийся советский механик и математик, академик (с 1946) и президент (1961–1975) АН СССР, кстати, его отец был также крупным ученым, а Любка Тарасенкова — алмаатинская знакомая семьи Чердынцевых, простая деревенская девчонка из пьющей семьи.

С. 25. *...хранится у Ариши...* — Речь идет об Арине Витальевне Головачевой (р. 1937) — дочери М. С. Петровых и В. Д. Головачева.

...Дмитрий Александрович Смирнов... исполнил волю родителей — стал священником. — Смирнов Д. А. (26.09.1870–26.06.1940) в 1891 г. окончил Ярославскую духовную семинарию, преподавал в училище Норской мануфактуры. (Сведения об учебе в Московской духовной академии не обнаружены.) В марте 1894 г. был рукоположен во священника и назначен к церкви с. Пестова Ярославского уезда. С этого же времени исполнял должность законоучителя и учителя церковно-приходской школы в этом селе. В 1902 г. после смерти своего отца А. И. Смирнова был поставлен на его место к Троицкой церкви Норского посада. Жил о. Дмитрий с женой в церковном доме у самой церкви на Троицкой улице. До наших дней этот дом не сохранился. В 1915 г. был перемещен к Крестовоздвиженской церкви Ярославля. С этого времени являлся личным секретарем митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела.

...фамилия ее была Чикманова... — По другим сведениям, фамилия Елизаветы Яковлевны (1875–ок. 1965) до замужества была Чиркова. См.: Ярославские епархиальные ведомости. 2001. № 10. С. 6; Русинова Н. Святой земли Норской // Золотое кольцо. 2003. 30 октября. Выявить документы по венчанию не удалось. Поскольку посвятить в сан могли только женатого, то брак должен был быть заключен до марта 1894 г.

В отделе кадров фабрики «Красный Перевал» сохранились несколько книг учета рабочих Норской мануфактуры, списки в них организованы по алфавиту, но не фамилий, а имен (!), причем в некоторых записях фамилии или вообще отсутствуют, или приписаны позднее. Как известно, подавляющую массу рабочих на предприятиях Ярославля составляли не городские мещане, а пришлый люд — крестьяне сел и деревень, причем не только окрестных, но и из других уездов и губерний. Отмеченный характер записей связан с неустойчивостью фамилий в крестьянской среде конца XIX в. (ср. прим. к с. 275 о ситуации с фамилиями и прозвищами жителей Норского посада). Запись в книге учета на 1895 г. на букву «Е» под номером 85 «Елизавета Яковлева» зачеркнута карандашом и к ней сделаны приписки «Смирнова» и «Разсчитана» — это свидетельствует о том, что, во-первых, будущая жена о. Дмитрия на фабрике начала работать еще девочкой (списки переписывались ежегодно и первоначально присвоенные номера сохранялись), а во-вторых, фамилии ей за все эти годы так и не дали.

...отец Дмитрий с женой отправились в село Курилово неподалеку от Норского посада. — Екатерина Сергеевна невольно ошиблась: о. Дмитрий в Куриловской церкви не служил, но ее строительство тесно связано с его именем. Приход Троицкой церкви всегда был значительным (в 1912 г. — 1790 человек) и на две трети состоял из жителей окрестных деревень, многие из которых находились от Норского на значительном расстоянии. Сообщение с ними было крайне затруднительно, поэтому в начале XX века еще при священнике Александре Смирнове возник «проект соорудить храм в центре прихода, в деревне Курилово». Он воплотился уже в 1913 г.: каменная с колокольной церковь в Курилово была устроена во имя Николая Чудотворца тщанием прихожан, «при ближайшем участии ярославского потомственного почетного гражданина Н. С. Сорокина и священника Дмитрия Смирнова». В Троицком приходе эта церковь числилась приписной, но к ней был определен свой священник. (Храм сохранился, ныне от 11-го микрорайона Брагино его отделяет железнодорожная линия Яро-славль—Рыбинск, он возвращен Русской Православной церкви, в нем возобновлены службы.)

С. 27. *После революции его начали преследовать... Умер он в заключении или ссылке, кажется, в Кокчетаве.* — Д. А. Смирнов подвергался арестам и ссылкам в 1922, 1927, 1930 и 1938 гг. После освобождения в 1934 г. проживал на ст. Волга у сына и позднее в с. Богоявленские Острова (Хопылевской волости Романов-Борисоглебского уезда). Последнюю ссылку отбывал в с. Шемонаиха Усть-Каменогорского района Карагандинской области Казахстана. Здесь был вновь арестован. Умер в тюрьме.

17 июля 2001 г. новомученик Димитрий Смирнов постановлением Синода Русской Православной церкви причислен к лику святых: священнический род Вилинских-Смирновых в XX в. дал России двух новомучеников! (См.: ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4571, л. 62 об.–63 об.; Ярославские епархиальные ведомости. 2001. № 10. С. 5–7; *Русинова Н. Святой земли Норской // Золотое кольцо. 2003. 30 октября.*)

С. 28. *...красавцем был его старший брат Димитрий...* — О том, что отец Димитрий был очень красивым человеком, в своих воспоминаниях о семье Смирновых писал и Г.И. Курочкин. А в семье Смирновых рассказывали, что одна из его племянниц — дочь брата Ивана — тайком бегала на набережную Волги наблюдать за прогулкой о. Димитрия, служившего в Крестовоздвиженской церкви, уж так он ей нравился в темно-бордовой рясе. — *Прим. К.В.Чердынцевой.*

С. 32. *Родители его жены... учительствовали на Норской фабрике.* — Речь идет о тесте и теще И.А. Смирнова Михаиле Дмитриевиче Петровском и его супруге Евгении Рафаиловне. Петровский М. Д. (1859–16.10.1913), сын священника. После окончания Новинской учительской семинарии состоял учителем основанного поэтом Н. А. Некрасовым Аббакумцевского земского училища с 4 октября 1878 г. по 26 июня 1880. С августа 1880 г. поступил на место умершего учителя Вилинского в Норское мануфактурное училище. Скончался от рака желудка, погребен был на приходском кладбище Троицкой церкви (ГАЯО, ф. 1121, д. 3, л. 25; д. 6, л. 12–14; ф. 230, оп. 11, д. 990, л. 84 об.–85).

Петровская Е. Р. (1862–?). Окончила училище в Ярославском доме призрения ближнего. Исполняла должность помощника учителя в Норском мануфактурном училище. В семействе Петровских было двое детей — Евгения и Александра, вышедшая замуж за И.А. Смирнова (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4571, 19 об.).

Упомянутый учитель Николай Дмитриевич Вилинский приходился братом Екатерине Дмитриевне Смирновой, бабушке Петровых. В архиве Г. И. Курочкина сохранился альбом стихотворений, который Н. Д. Вилинский подарил его матери Екатерине Алексеевне, дочери норского священника о. Алексея Снегирева. В нем, например, есть такие строки:

Исполнилось Кате
Четырнадцать лет,
Милее красавицы
На свете нет...

Или

Ах! юныя лета.
Ах! пылкая кровь.

Катета! Катета!
Ведь это любовь.

(ГАЯО, ф. р-2562, оп. 1, д. 274, л. 7 об., 8 об.)

А в дневнике И. В. Курочкина, отца мемуариста, находим такую запись: «1880 мая 11 умер друг мой Николай Дмитриевич Вилинский» (там же, д. 254, л. 4 об). Из воспоминаний Г. И. Курочкина известно, что Курочкины, Смирновы и Вилинские были между собой очень дружны.

С. 35. *Поэт Галкин говорил...* — Галкин, Самуил Залманович (1897–1960), еврейский советский поэт и драматург. М. С. Петровых называла его «дорогим другом» и «замечательным поэтом». (См.: *Петровых М. Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. М., 1991. С. 348.*)

С. 37. *...новгородских ушкуйников...* — По В. И. Далю (т. 4, с. 529) шайки речных разбойников (от *ушкуй* — ладья, лодка), пускавшихся на открытый грабеж и привозивших добычу домой как товар.

С. 38. *...«новгородские молодцы», как называет их летописец...* — Здесь и далее мемуарист делает ссылки на сочинения историка С. М. Соловьева. (См.: *Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 2. М., 1988. Т. 3–4. История России с древнейших времен. Глава 6. С. 241.*)

...в плаче царицы Ксении Годуновой... — Полный текст плача см.: Старинные исторические песни. М., 1971. С. 22; Исторические песни. Баллады. М., 1986. С. 166–167. В текстах имеются разночтения.

С. 40. *...царский дар стал нашим родовым именем, то есть фамилией...* — Следует заметить, что фамилии, в которых прилагательные зафиксированы в форме род. п. мн. ч. и, следовательно, оканчиваются на *-ых/-их*, на северных территориях России были весьма распространены еще с конца XVI в., а позднее и в Сибири. Им присуще значение «из дома, из семьи таких-то» (см.: *Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 19.*) Легенда о происхождении фамилии Петровых, безусловно, представляет интерес для историков и лингвистов.

С. 42. *...по Мариинской системе.* — Искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем. Начинался от Рыбинска, далее шел по Шексне, Белому озеру, Ковже, искусственному Мариинскому каналу, затем по Вытегре, Онежскому озеру, Свири, Ладожскому озеру и Неве. Общая протяженность трассы 1100 км. Движение по водному пути было открыто в 1810 г. В настоящее время система имеет также выход к Белому морю.

С. 43. *...князей Сицких.* — Наиболее известный ярославский княжеский род, упоминается с XV–XVI вв. (См.: *Киселев В. А. К истории рода князей Сицких // Ярославская старина. Ярославль, 2000. Вып. 5. С. 78–80.*)

С. 44. ...«звание городского головы...»... — Председатель городской думы и городской управы, занимался вопросами городского благоустройства, здравоохранения, хозяйственной деятельности. Должность существовала в России в 1785–1917 гг. (См.: *Латышев С. Город* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. Кн. 17. С. 325.)

С. 47. *Главные труды Иосифа*... — Святитель только до революции опубликовал около 80-ти богословских трудов. Заметим, что Екатерина Сергеевна в те годы, когда материалы о его жизни были малодоступны, сумела собрать весьма полные сведения о жизни владыки. Уточним, что в Ярославскую епархию архимандрит Иосиф был переведен в 1907 г. настоятелем Спасо-Яковлевского Димитриевского монастыря в г. Ростове и находился на этой должности до 1923 г.

С. 52. *Год смерти не известен.* — Митрополит Иосиф, избранный членом Священного Синода при патриархе Тихоне в мае 1924 г., находился во главе группы иерархов, не пожелавших подчиниться требованиям богоборческой власти и компромиссным решениям митрополита Сергия (Страгородского): движение последователей владыки Иосифа получило его имя — «иосифляне». Неоднократно арестовывался и ссылся. В 1937 г. был расстрелян под г. Чимкентом (Казахстан).

В 1981 г. святитель был причислен к лику святых Русской Православной церковью за рубежом. (См.: Жития и жизнеописания новопрославленных святых и подвижников благочестия в Русской Православной церкви. СПб., 2001. Т. 2. С. 420–429.)

О ситуации в Русской Православной церкви и Ярославской епархии см.: Новомученики и исповедники Ярославской епархии. Романов-Борисоглебск (Тутаев), 2000. Часть 1: Митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский). С. 31–59, 92–127; Часть 2: Архиепископ Угличский Серафим (Самойлович). Епископ Романовский Вениамин (Воскресенский). С. 5–41; *Ермолин Е.А.* Храм и город: Введение в церковный мирострой Ярославля // *Рутман Т.А.* Храмы и святыни Ярославля. Ярославль, 2005. С. 20–25 (в печати).

С. 58. ...*окончила Бестужевские курсы в Петербурге*... — Высшие женские курсы, открытые историком К. Н. Бестужевым в 1878 г.

С. 60. ...*дружба с Николаем Аркадьевичем Хрущевым ...до трагической гибели последнего.* — О судьбе семьи Хрущевых со слов Е. С. Петровых известно, что все они погибли во время резни в Севастополе, когда озверелые матросы убивали всех офицеров и вода в бухте была красна от офицерской крови. В 1930-е гг. Мария Сергеевна проездом в Коктебель посетила Севастополь и по наивности зашла в паспортный стол, выяснить живет ли в городе кто-либо с

фамилией Хрушев. Паспортистки так подозрительно на нее посмотрели и стали задавать такие вопросы, что она в смятении выскочила на улицу, оставив эту слишком опасную в то время затею. Наверное, память о трагической судьбе всех офицеров была еще свежа и человек, справляющийся о них, был крайне подозрителен. — *Прим. К.В. Чердынцевой.*

...посещал реальное училище... — Неполное среднее или среднее учебное заведение с 6–7-летним сроком обучения, в котором основное место было отведено предметам естественно-математического цикла. Выпускники реальных училищ, учрежденных в 1872 г., могли поступать в технические и торговые высшие учебные заведения. В 1917 г. реальные училища были упразднены.

В Череповецком реальном училище С. А. Петровых учился в 1875–1882 гг., после его окончания поступил в Петербургский технологический институт на химическое отделение.

С. 61 *... главным экипажмейстером флота.* — Экипажмейстер — заведующий складами материалов и припасов для снабжения военных судов при вооружении и снаряжении их в кампанию.

...три зятя основателя фабрики Хлудова: Прохоров, Найденев и Востряков. — Основную организационную работу по учреждению мануфактуры вел Герасим Иванович Хлудов (1822–1885): в 1858 г. он приезжал в Ярославль и Норский посад для переговоров с губернскими, епархиальными и посадскими властями. 27 марта 1859 г. был утвержден устав «Товарищества Норской мануфактуры льняных изделий». Компаньонами Герасима Ивановича были его старший брат Алексей Иванович (1818–1882) и зятя К. К. Прохоров, А. А. Найденев и Д. Р. Востряков.

Братья Хлудовы занимали видное место в ряду русских текстильных промышленников, являлись заметными коллекционерами и благотворителями. Герасим Иванович собирал полотна русских живописцев, в основном передвижников, а Алексей Иванович обладал уникальнейшей коллекцией древних рукописей (в том числе XIV в.!) и старопечатных книг, которую завещал московскому Никольскому единоверческому монастырю.

К. К. Прохоров (1841–1888) принадлежал к одному из крупнейших родов текстильных промышленников — хозяев Трехгорной мануфактуры в Москве, был женат на старшей дочери Герасима Ивановича Хлудова Прасковье. Именно они с супругой унаследовали Норскую мануфактуру после смерти основателей. (См. также прим. к с. 33.)

А. А. Найденев — промышленник и банкир, был директором правления Северного страхового общества, его отец — Николай Александрович долгие годы занимал должности председателя Мо-

сковского биржевого комитета, гласного городского общественного управления, кроме того, совместно с И. Е. Забелиным публиковал материалы по московской истории.

Сведений о Д. Р. Вострякове и еще одном компаньоне Хлудовых, Морева, обнаружить не удалось.

Подробнее см.: Прохоровы: Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых: 1799–1915 гг. / Сост. П. Н. Терентьев. М., 1996.; 1000 лет русского предпринимательства. М, 1995; *Виноградов М. В., Землянский А. Ф., Карасев С. М.* «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. Ярославль, 1976. Сообщено И. А. Рутманом.

Управляющим... был... Александр Гаврилович Голгофский... — Голгофский А. Г., выпускник Петербургского технологического института, один из первых русских техников-профессионалов в хлопчатобумажной промышленности, воспитал целую плеяду отечественных ученых, инженеров и руководителей производства, издал две книги по ткачеству. Службу начал 18 ноября 1871 г. мастером на Никольской мануфактуре Саввы Морозова, с 1 апреля 1875-го по 1 февраля 1876 г. был помощником директора Богородско-Глуховской мануфактуры Захара Морозова, затем эту же должность исполнял на Охтенской полотняной мануфактуре. С 1879 г. состоял директором бумагопрядильной и бумаготкацкой фабрики Асафа Ивановича Баранова. В 1888–1906 гг. находился на этой же должности на Норской мануфактуре. Был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. 25-летие технической деятельности А. Г. Голгофского торжественно отмечалось в Ярославле. (См.: ЯГВ. 1896. № 251. 16 ноября; № 257. 26 ноября.)

С. 62. *...Станислава Адольфовича Нетыксы.* — К сожалению, никаких документов о служащих конторы мануфактуры механике С. А. Нетыксе, главном бухгалтере Иване Иулиановиче Мандровском, машинистке П. Гармановой обнаружить не удалось.

В семейном архиве Чердынцевых сохранилась фотография Виктора Ивановича Чердынцева в компании с дочерью С. А. Нетыксы Еленой, с детства дружившей с будущей женой В. И. и ее сестрами. Как сообщила Н. А. Русинова, Е. С. Нетыкса была ведущей актрисой фабричного театра.

...главный пайщик фабрики Н. К. Прохоров был русофил. — Прохоров, Николай Константинович, сын Прасковьи Герасимовны и Константина Константиновича, унаследовал фабрику родителей. Был женат на Лидии, дочери Петра Капитоновича Ушкова, владельца химических заводов. Действительно, Прохоров иностранных специалистов на свои заводы старался не приглашать. (См.: Прохоровы: Материалы к истории... С. 166–168, 267; 1000 лет русского предпринимательства. С. 426.)

С. 63. *...стоит на маркетри...* — Вид мозаики из фигурных пластинок шпона или фанеры (различных по породе дерева, цвету и текстуре), которые наклеиваются на основу; применяется при изготовлении мебели и др. бытовых предметов, а также панно. В гостиной Чердынцевых до сих пор жив секретер времен Людовика Солнце, столешница которого представляет собой мозаику.

...дружила с А. Е. Ферсманом... — Ферсман, Александр Евгеньевич (1883–1945), отечественный геохимик и минералог, академик АН СССР.

С. 64. *...организовал ... потребительское общество...* — Добровольное объединение, создаваемое для закупки и продажи потребительских товаров. Первые потребительные общества (так они назывались до революции) возникли в России в 1864–1865 гг., но распространение их проходило с большими трудностями, особенно в фабричных округах. Устав общества первоначально утверждался министром внутренних дел, позднее губернаторами. (См.: Деров И. Потребительные общества // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона». СПб., 1898. Т. XXIVа. Кн. 48. С. 740–743.)

С. 65. *...революционная подпольная организация... Что же касается Союза русского народа...* — О подпольных организациях на мануфактуре в каждом из изданий советской эпохи написано более чем достаточно (заметим, что сохранившиеся рукописи воспоминаний участников тех событий свидетельствуют о том, что для книг они заметно «дорабатывались»).

О Ярославской организации СРН и ее подразделении на Норской мануфактуре, которым руководил Федя Пузо — Федор Тихонович Сиднев — см.: Размолодин М. Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. Ярославль, 2001. С. 52, 90, 143, 157, 158, 166, 168, 227.

Заметим, что М. Л. Размолодин приводит высказывание, содержащее косвенное указание на связь Сергея Алексеевича Петровых с конституционно-демократической партией (указ. соч. С. 149).

Из книги учета рабочих на 1895 г. (см. прим. к с. 25 о фамилии жены о. Дмитрия Смирнова) следует, что на мануфактуре работали также брат Ф. Т. Сиднева Александр и сестра Мария, крестьяне д. Петелино Норской волости.

Член КПСС с 1918 г., впоследствии ответственный партийный и советский работник, начавшая работу на мануфактуре 12-летней девочкой, А. П. Куропаткова (Чихачева) в своих воспоминаниях 1959 г. пишет (орфография и пунктуация оригинала сохранены): «на фабрике черную сотню возглавлял Иван Курицин. Все религиозные обряды хождение с херугвами с черными знаменами с портретами царя все это было дело рук Ивана Курицина. Черно-

сотцы были очень свирепые...» (Музей фабрики «Красный Перевал», МФКП-810, л. 7).

С. 66. *...возведены новые казармы. Начальная школа и больница были в хорошем состоянии, и их не перестраивали, так же как и два здания для служащих, где были пятикомнатные квартиры...* — Подробнее о фабрике и прилегающей территории см. в Приложении.

С. 67. *В 1912 (?) году на фабрике вспыхнула забастовка.* — Речь идет об экономической забастовке норских рабочих, которая протекала с 18 по 30 мая 1912 г. Во время забастовки рабочие вели себя «тихо и спокойно», «не видели даже ни одного пьяного», за что их поблагодарил местный исправник. После окончания забастовки фабрика еще неделю не работала, т. к. администрация производила с рабочими расчет, не приняв обратно на фабрику 170 человек, и набирала новых работников, главным образом женщин и девушек «из дальних деревень». (См.: Голос. 1912. № 114 (19 мая), 118 (24 мая), 119 (25 мая), 121 (27 мая), 124 (31 мая), 130 (7 июня); Виноградов М. В., Землянский А. Ф., Карасев С. М. «Красный Перевал». С. 49–51.)

...через Красина... — Красин, Леонид Борисович (1870–1926), деятель коммунистической партии, нарком, затем дипломат. С. А. Петровых был знаком с ним по Петербургскому технологическому институту через его брата Ю. Б. Красина.

С. 68. *...от Иосифа Антоновича Короткевича...* — Короткевич И. А. был близким другом С. А. Петровых с институтских времен.

С. 69. *...сын Юшкевича, а другой... Григорий Ильич Темчин.* — Речь идет о сыне еще одного институтского товарища С. А. Петровых Сергее Николаевиче Юшкевиче, главном инженере Ярославского авторемонтного завода, впоследствии выросшем в крупного организатора советского автомобилестроения, и Г. И. Темчине, который руководил Ярославским авторемонтным заводом с 12 октября 1920 г. по 14 апреля 1922. (См.: Ярославский «Автодизель». Б. м., 1996. С. 19, 338.)

С. 72. *...делали реверанс <...> подходить к родителям с книксеном...* — Реверанс — глубокий женский поклон с приседанием, книксен — «упрощенный» реверанс, короткое неглубокое приседание.

...играть в серсо... — Игра спортивного характера, во время которой участники поочередно ловят на палку бросаемые соперником легкие обручи.

С. 73. *...с не одобряемой отцом Чарской...* — Чарская (наст. фам. Чурилова), Лидия Алексеевна (1875–1937), популярная на рубеже XIX–XX веков писательница, автор сентиментальных произведений.

С. 74. *...в частную гимназию Корсунской...* — Частная женская гимназия О. Н. Корсунской, открывшаяся в 1903 г., находилась в

доме купца Пастухова на Богоявленской площади (ныне — здание центрального почтамта).

...в реальное училище. — Ярославское реальное училище располагалось на Плац-парадной площади в одном здании с городской думой (ныне здесь находится главный корпус медицинской академии).

С. 76. *Первым приходил папин помощник и мой крестный отец...* — Речь идет об инженере-технологе Норской мануфактуры Николае Николаевиче Богомолове (см. примеч. к с. 95 о крещении детей Петровых).

С. 79. *...изобразил на своих полотнах Кустодиев.* — Кустодиев, Борис Михайлович (1878—1927), создал целую серию картин, посвященных Масленице, особенно активно он работал над этой темой в 1916—1917, 1919—1920 гг.

С. 83. *...поездка в Харитоново...* — Речь идет о Большом или Малом Харитонове, которые находились в пяти верстах от с. Норского по дороге к г. Романову-Борисоглебску. (См.: Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1914. С. 230.)

С. 84. *...в гости к Горяиновым...* — Старинный ярославский дворянский род, известный с XVI века. (См.: Ельчанинов И. Н. Материалы для генеалогии Ярославского дворянства. Ярославль, 1911. С. 3–7.)

...окончила Смольный институт с шифром... — Шифр — металлический вензель царствующей императрицы. Носился на левом плече на банте из белой в цветную полоску ленты. Вручался на выпуске лучшей институтке. Вторая выпускница получала золотую медаль, третья — большую серебряную медаль, четвертая — малую серебряную. Остальные награждались книгами. (См.: Р. Ф. Воспоминания институтки 60-х годов // Русская старина. 1909. № 9. С. 483–484.)

С. 85. *...сиротский дом, созданный на средства Горяинова-отца.* — Приют для мальчиков-сирот был основан статским советником Василием Николаевичем Горяиновым. С 7.11.1891 ему было присвоено имя дворянина Николая Александровича Горяинова. (См.: Устав убежища для мальчиков имени Н. А. Горяинова в Ярославле. Ярославль, 1896. С. 3–4.) Дом не сохранился.

С. 92. *...предприниматель родом из Швеции, имевший концессии на добычу бакинской нефти... купивший патент на изготовление динамита у двух русских инженеров...* — Речь идет об Альфреде Нобеле (1833—1896), который родился в России, — в Швецию переехал с отцом только в 1859 г. В 1867 г. приобрел в Великобритании патент на изготовление динамита. При его создании, возможно, использовал работы с нитроглицерином как взрывчатым веществом русских ученых Н. Н. Зинина и В. Ф. Петрушевского. В

1879 г. с братьями Людвигом и Робертом основал крупнейшую нефтефирму в России.

С. 93. В посаде было три церкви. — Норская слобода на правом берегу Волги при впадении в нее речки Норы возникла, по местным преданиям, еще до монгольского нашествия (по источникам, во всяком случае, не позднее XV века). В ранних документах ее называли еще и Ловецкой «по исключительному занятию бывших ее жителей рыбной ловлей и по доставлению от них, вместо подушного оклада, волжской рыбы лучшего качества в так называемый Кормовой дворец московских государей, откуда получили за то жители слободы в дар острова и угодья по той же Волге». Царь Михаил Федорович в 1645 г. пожаловал боярина Алексея Михайловича Львова за заслуги «в Ярославском уезде рыбными ловецкими слободами Норскою, Борисоглебскою и Рыбною и с тех слобод денежные всякие доходы и таможенные и кабацкие деньги сбирати на него ж». В 1702 г. в Норской слободе значилось «тяглых середних и молодчих посадских и рыболовных 57 дворов». Напомним, что В. И. Даль, определяя значение слова «слобода», подчеркивал, что жители таких селений были *свободными* людьми — норяне этим своим небытием в рабстве всегда гордились.

Превратившись по указу Екатерины II в Норский посад, слобода с конца XVIII века быстро растет. Жители осваивают разные новые промыслы, в первую очередь гвоздарный, занимаются торговлей, в том числе — лесом. Серьезные изменения в жизни посада, без сомнения, были связаны с устройством в 1860 г. на южной окраине его заречной части мануфактуры.

В 1927 г. Норский район (бывш. волость Ярославского уезда) был преобразован в Красноперевальский, а в 1944, вместе с селом Норским посад был присоединен к Ярославлю.

Помимо **Троицкой церкви**, о которой см. примечание к с. 22, в посаде были еще два храма.

Благовещенская церковь. Деревянная церковь Благовещенского прихода Норского посада была посвящена Георгию Победоносцу, первое упоминание о ней встречается в Межевой книге Спасо-Преображенского монастыря и относится к 1627 г.: «едучи от престольной земли мученика Георгия Норской слободы в межах с землями Спасского монастыря и землями Матвея Сабурова».

Каменный храм построен в 1765 г. на средства прихожан. Главный престол освящен в честь праздника Благовещения Богоматери, южный теплый придел — во имя апостолов Петра и Павла, северный — во имя Георгия Победоносца. Чтимой святыней храма являлась икона Богоматери «Всех Скорбящих Радость».

В Благовещенском приходе в конце XIX в. были учреждены попечительство о бедных и бесплатная народная библиотека.

В 1995 г. храм был передан Русской Православной церкви (ул. 1-я Красноперевальская, 14а).

Успенская церковь. Летняя каменная церковь Успения Богоматери с теплым приделом в трапезе Параскевы Пятницы была сооружена на средства прихожан в 1753 г. Жители посада чаще называли храм Пятницким,.

По воспоминаниям Г. И. Курочкина, в приходе почиталась икона Богоматери «Троеручица».

В 1872 г. по прошению церковного старосты купца Ивана Дмитриевича Канатьева к ее северному фасаду пристроен зимний храм Параскевы Пятницы и Николая Чудотворца. Проект церкви составил губернский архитектор Яровицкий.

В 1998 г. была передана Русской Православной церкви (ул. 1-я Красноперевальская, 2).

Вторая часть Норского с церковью Михаила Архангела была селом... — **Архангельская церковь села Норского**, еще деревянная, впервые упоминается в Межевой книге Спасо-Преображенского монастыря 1627 г. (в грамоте великого князя Василия Ивановича 1508 г. село названо великокняжеским, в 1840–1850-х гг. земли села принадлежали помещицам Н. С. Голохвастовой, Е. П. Клейгельс, В. В. Сековановой, К. П. Тормасовой и Е. А. Тюриной).

Каменная холодная церковь Михаила Архангела с теплой трапезной была построена на средства прихожан в 1748 г. В ней три придела — во имя Благовещения Богоматери, Казанской Богоматери и Николая Чудотворца.

В приходе чтилась икона Казанской Богоматери XVII в., по преданию уцелевшая в пожаре деревянной церкви.

Прихожанами храма были жители не только села Норского, но и окрестных деревень, которые до реформы 1861 г. принадлежали разным помещикам — Юсуповым, князьям Волконским, Михалковым и др. Приход в 1908 г. составлял 1345 человек, к 1915 — вырос до 1729. В 1883 г. в селе была открыта земская школа, в ней обучалось около 100 детей. С 1902 г. действовало общество трезвости. Многие жители села стали рабочими Норской мануфактуры.

Храм в советское время не закрывался (2-й Краснохолмский пер.).

(Документы по истории норских храмов см.: Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1. С. 45; Т. 2. С. 63, 65; Крылов А. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль, 1861. С. 132–136; Краткие сведения о монастырях и церквях Ярославской епархии. Ярославль, 1908. С. 73–75; ГАЯО, ф. 80, оп. 1, д. 232, л. 1–2; ф. 230, оп. 2, д. 1565, л. 7–12 об., 17–20; д. 5403, л. 12–13 об., 24–30; д. 5541, л. 22–25, 32–35 об., 42–45

об., 54–57 об., 62.; оп. 9, д. 85; ЯГВ. 1850. Ч. неофиц., № 20, 31.)

С. 94. ...*И сумрак липовых аллей...*» — Неточная цитата из 53-й строфы 8-й главы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «И в сумрак липовых аллей...»

С. 95. ...*в этой же церкви венчалась Александра Иосифовна с Федором Никаноровичем Румянцевым. Да и все дети семейства Петровых... были крещены в этой церкви.* — В метрических книгах Троицкой церкви Норского посада запись о бракосочетании А. И. Шишовой и Ф. Н. Румянцева не обнаружена.

Из записей о крещениях в этих книгах (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 743, л. 140 об.–141; л. 164 об.–165; л. 206 об.–207; л. 231 об.–232; д. 902, л. 10 об.–11; л. 228 об.–229) узнаем, что *Елена Сергеевна Петровых* родилась 10 июля 1897 г. (14 июля крещена). Восприемниками девочки состояли Новгородской губернии города Устюжны потомственный почетный гражданин Алексей Семенович Петровых и местного священника Александра Ивановича Смирнова жена Екатерина Дмитриевна.

Николай родился 25 октября 1898 г. (крещен 28 октября). Крестными мальчика являлись Ярославского уезда церкви-школы с. Пестова священник Дмитрий Александрович Смирнов и жена потомственного почетного гражданина города Устюжны Мария Степановна Петровых.

Владимир появился на свет 13 июня 1900 г. (27 июня крещен). Восприемниками его в метрическом документе записаны ярославский дворянин Николай Аркадьевич Хрущев и пошехонская купеческая жена Елизавета Дмитриевна Дерунова.

Александр родился 6 ноября 1901 г. (20 ноября крещен). Крестными младенца состояли ученик Вологодской духовной семинарии Иван Александрович Смирнов и учительница Норского посадского двухклассного училища Екатерина Алексеевна Кукубовская.

Екатерина появилась на свет 3 сентября 1903 г. (14 сентября крещена). Восприемниками девочки были зафиксированы инженер-технолог Николай Николаевич Богомолов и Новгородской губернии г. Устюжны купеческая дочь Екатерина Алексеевна Петровых.

Мария родилась 13 марта 1908 г. (крещена 25 марта). Крестной матерью ее являлась сестра Елена, крестным отцом — брат Николай.

Отметим, что автор мемуаров ошибочно указала даты рождения Елены, Николая и Александра Петровых.

С. 96. *У Герасима Ивановича был единственный сын... Его... описал в своей книге «Москва и москвичи» В. Гиляровский.* — Речь идет о Михаиле Герасимовиче Хлудове. См. о нем в главе «Купцы» вышеназванной книги очерков В. А. Гиляровского.

С. 97. *...отец К. К. Прохорова завещал «Трехгорную» племяннику, а не сыну...* — Действительно, все дела фирмы Константин Васильевич (1798–1885) передал в 1867 г. племяннику Ивану Яковлевичу Прохорову (1836–1881), но не по завещанию, а по договору. Отец Константина Константиновича был обижен тем, что сын с женьбой на П. Г. Хлудовой охладил к Трехгорной фабрике, посвящая большую часть своего времени хлудовским мануфактурам. Кроме того, будучи глубоконабожным, он решил «сосредоточить свои помыслы на делах области духовной» (см.: Прохоровы. Материалы к истории... С. 167–169).

С. 100. *...в ее стихотворении «Соловей».* — См.: Петровых М. Черта горизонта: Стихи и переводы: Воспоминания о Марии Петровых. Ереван, 1986. С. 13–14.

С. 101. *...построен из дерева какой-то особенно прочной породы...* — Директорский дом простоял до 1976 г. и был раскатан на бревна на ученьях гражданской обороны, из этих бревен на территории пионерского лагеря им. Лени Голикова построили дом для приезжих — это рассказали рабочие фабрики, участвовавшие в сих действиях. — Прим. К. В. Чердынцевой.

С. 107. *...вдохновил Марусю на стихотворение «Чердак», посвященное мне.* — По всей видимости, речь идет о стихотворении 1929 г. «А на чердак — попытайся один...» См.: Петровых М. Черта горизонта. С. 14–15.

...с одним из лучших Марусиных стихотворений — «Черта горизонта». — Это стихотворение дало заглавие ереванскому сборнику (см.: там же, с. 73):

Вот так и бывает: живешь — не живешь,
А годы уходят, друзья умирают,
И вдруг убедишься, что мир не похож
На прежний, и сердце твое догорает.
Вначале черта горизонта резка —
Прямая черта между жизнью и смертью,
А нынче так низко плывут облака,
И в этом, быть может, судьбы милосердье.

Тот возраст, который с собою принес
Утраты, прощанья, — наверное, он-то
И застил туманом непролитых слез
Прямую и резкую грань горизонта.

Так много любимых покинуло свет,
Но с ними беседуешь ты, как бывало,

Совсем забывая, что их уже нет...
Черта горизонта в тумане пропала.

Тем проще, тем легче ее перейти, —
Там эти же рощи и озими эти ж...
Ты просто ее не заметишь в пути,
В беседе с ушедшим — ее не заметишь.

1957

С. 108. *Шурик родился в 1902 году...* — Ошибка мемуариста. См. примеч. к с. 95.

...брала девятимесячного младенца... — Мальчик прожил чуть больше месяца (6.11.1901–16.12.1901). Причиной смерти мальчика в метрических книгах Троицкой церкви указан не менингит, а ослабленное состояние после рождения (ГАЯО, ф. 230, д. 743, л. 245 об.–246).

С. 112. *...подруга детства Антонина Ивановна Курочкина.* — Курочкина А. И. (20.04.1878 – 28.04.1937), сестра Г. И. Курочкина, автора публикуемых в настоящем издании мемуаров. Закончила начальное училище. Помогала отцу И. В. Курочкину торговать мучными, бакалейными и мануфактурными товарами. По данным переписи населения 1897 г., проживала с родителями на Набережной улице Норского посада (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1480, л. 49 об.–50). 28.01.1898 г. вышла замуж за норского мещанина Владимира Сергеевича Пирожникова. В советские годы являлась домохозяйкой, воспитывая четверых детей. Сообщено Г. П. Федотовой.

С. 113. *...поступила на высшие Голицынские курсы...* — Женские аграрные курсы. Возникли в 1913 г. в Московском сельскохозяйственном институте (бывш. Петровская земледельческая и лесная академия, сейчас Московский государственный университет природоустройства).

Учился ... с А. Н. Несмеяновым... — Несмеянов, Александр Николаевич (1899–1980), химик-органик, академик (с 1943), президент АН СССР (1951–1961).

С. 114. *...жили 4 студента-путейца: Володя, Василий Павлович Прилежаев, Борис Чистяков и Вячеслав Бирюков...* — Вероятно, речь идет об уроженце сельца Артемьева Мышкинского уезда Вячеславе Дмитриевиче Бирюкове (р. 11.03.1900), студенте строительного факультета Московского института инженеров путей сообщения в 1917–1925 гг. (см.: Опочининский вестник. Мышкин, 2002. Вып. 4. С. 12–16). Не исключено, что студенты Прилежаев и Чистяков также являются земляками Бирюкова, что может свидетельствовать о достаточно многочисленном и дружном землячестве ярославцев в Москве.

...перебрались в квартиру архитектора С. Б. Залесского в Гранатном переулке... — Речь идет о квартире № 22 в доме 2/9 на углу Гранатного переулка и Спиридоновки. Более подробно об этом доме и квартире, в которой проживали сестры Петровых (Мария переехала к Екатерине не позднее конца 1933 г.), см.: Видгоф Л. «...В переулке Гранатном...»: Осип Манделъштам и Мария Петровых // Грани. 1996. № 182. С. 155–157.

С. 115. ...с подругой Иры Бородинкой... — Ирина — сестра хорошего знакомого сестер Петровых Ю. И. Бородинкина.

...стал увлекаться учением Макса Штирнера... — Штирнер М. (1806–1856), немецкий философ, предшественник Ф. Ницше, идеолог анархизма, отрицал всяческие нормы поведения. Книга «Единственный и его собственность» вышла в свет в 1845 г.

В это же время было не очень удачное увлечение... — Подруга сестер Екатерины и Марии Петровых по Норскому училищу через много лет вспоминала: «У Петровых был еще старший брат, который крепко любил Катю Чистякову [упоминавшуюся внучку Прохоровых и подругу Кати и Маруси], она была красавицей. Катя ему не ответила взаимностью, и он покончил с собой, приняв какой-то яд. Работал он химиком. Это была большая трагедия для Петровых». Сообщено Н. А. Русиновой.

С. 116. ...«на сердце горящий шрам»... — последняя строка стихотворения М. С. Петровых «Чистополь» (1943). (См.: Петровых М. Черта горизонта. С. 44–45.)

С. 119. ...напишет о «безоглядном любвеобилии детства». — Из стихотворения М. С. Петровых «Когда молчанье перешло предел...» (1975). См.: Петровых М. С. Костер в ночи: Стихи и переводы. Ярославль, 1991. С. 75.

С. 123. Ждем из Норского посада последовательного появления четырех священников... — Речь идет о священниках Норского посада Д. А. Смирнове (Троицкая ц.), В. Н. Соколове (Благовещенская ц.), Л. Н. Богородском (Успенская ц.) и П. А. Розове (ц. Михаила Архангела).

С. 125. ...деревня Качабурово. — Деревня Ново-Троицкой волости Мологского уезда. (См.: Список населенных мест Ярославской губ. Ярославль, 1901. С. 17.)

С. 127. ...к лучшему ларингологу С. С. Берлянду. — Берлянд, Семен Семенович, известный ярославский врач-отоларинголог. См. о нем: Тихамиров И. А. Граждане Ярославля. Ярославль, 1998. С. 79–80; Дмитриев С. В. Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 281.

...певицы, Софьи Артемьевны Дурасовой-Даниловой. — Певица частного оперного театра в Москве, основанного купцом-меценатом С. И. Зиминим в 1904 г. После революции, вероятно, уехала за гра-

ницу. В архиве Е. С. Чердынцевой сохранилась норская фотография 1903 г., на которой были запечатлены С. А. Дурасова-Данилова, Мария Константиновна (урожд. Прохорова) с мужем Иваном Дмитриевичем Чистяковым и Лидия Петровна (урожд. Ушкова) с мужем Николаем Константиновичем Прохоровым, владельцем Норской мануфактуры.

Зять К. К. Прохорова И. Д. Чистяков был внуком норского протоиерея Иоанна Афанасьевича Немирова, служившего в Троицкой церкви (соответственно, он приходился родственником Г. И. Курочкину — см. прим. к с. 277). Маруся и Катя Петровых дружили с детьми И. Д. Чистякова Катей и Митей — в архиве Чердынцевых сохранилась фотография детей.

В воспоминаниях П. П. Викторова, рабочего Норской мануфактуры и участника подавления июльского восстания 1918 г. в Ярославле, нам еще раз встретилась фамилия Чистякова: «...После было задание арестовать хозяйского зятя... Чистякова в хозяйском доме. Не так-то было просто это. Чистяков был в чине полковника командиром дивизии, участвовал в г. Москве в мятеже и здесь хотел скрыться, но все же мы его арестовали и отправили в Ярославль в ЧК». (Музей фабрики «Красный Перевал», МФКП-308, л. 2.) Дальнейшая судьба Чистякова неизвестна.

С. 129. *...играли в ...«дуболо»...* — Дуболо (так сейчас пишется и произносится это слово) — игра, в которой необходимо двойной шарик или конус, похожие на катушечки, подбрасывать и ловить на шнурок, привязанный к двум палочкам. Распространена была в гимназической среде.

С. 130. *Маленькая Маруся... воскликнула: «Опади! Кадак-то...»* — Ср. с воспоминаниями самой Марии Сергеевны: *Петровых М.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 342.

С. 132. *...«Иже херувимы...»* — Православное песнопение перед великим входом священника со Святыми дарами (до их освящения) во время литургии.

С. 133. *...выскочила бодливая корова...* — По словам М. С. Петровых, это был бык. — Прим. А. В. Головачевой.

С. 134. *...заменяв последнюю строку на «Еду в омнибусе».* — По воспоминаниям М. С. Петровых, исправление было предложено «для приличия» Екатериной Сергеевной. Сообщено А. В. Головачевой.

...«Я восприняла его, как чудо...» — См. *Петровых М.* Избранное. С. 346.

С. 135. *...«О, Делея дорогая».* — Речь идет о первой строчке юношеского стихотворения А. С. Пушкина «К Делии»: «О, Делия, драгая!»

Цитировали слова Неплюева... — Речь идет о Неплюеве, Иване

Ивановиче (1693–1773), дипломате, оставившем воспоминания о Петре I. (См.: Русский архив. 1871. № 4–5. С. 696.)

С. 136. *...является в известном смысле достоинством.* — На этом заканчивается более или менее последовательная первая часть воспоминаний. — Прим. К.В.Чердынцевой.

С. 137. *...учителя предрекали мне будущность Софьи Ковалевской, но — увя! — не получилось.* — Екатерина Сергеевна не смогла продолжить образования: социальное происхождение — дочь служащего — в первые послереволюционные годы делало невозможным поступление в институт.

Я в это время уже служила на ярославской товарной станции Всполье. — Помимо заработка это давало возможность ездить по деревням, меняя вещи на продукты, которые иногда удавалось в целости довести до дому (если они не отбирались по дороге продотрядами). От этих поездок у мамы навсегда остались отмороженными руки: один раз зимой ей пришлось ехать на подножке вагона. — Прим. К.В.Чердынцевой.

А Маруся перешла в Ярославскую среднюю школу им. Некрасова. — Находилась на ул. Пробойной (ныне Советской) в здании бывшей Мариинской женской гимназии (в нем сейчас размещается банк «Югра»).

С. 138. *...познакомилась с тремя сестрами Саловыми.* — Речь идет о Маргарите Германовне (1903–1988), Татьяне Германовне (ум. 20.10.1922) и Нине Германовне Саловых. Первая из них оставила о М. С. Петровых воспоминания и посвятила ей стихи. (См.: Соколова И. К. «...Но твой остался след». (Ярославские страницы жизни М. С. Петровых) // Карабиха: Ист.-литературн. сб. Яро-славль, 1997. Вып. 3. С. 332–338.) Читаем в письме М. С. Петровых П. А. Грандицкому: «...очень тяжело было расставаться с Маргаритой. Ведь после тебя это самый близкий мне человек...» (август 1926). Цитируемые здесь и далее письма Марии Сергеевны и И. А. Ханаева сообщены М. П. Грандицкой.

С. 139. *...в Ярославский союз поэтов...* — Возник в 1918 г. По воспоминаниям М. С. Петровых, официально именовался Ярославским отделением Московского союза поэтов и прекратил свое существование до 1934 г. (См.: Петровых М. С. Из воспоминаний: Ярославский союз поэтов // Поэзия: Альманах. М., 1986. Вып. 45. С. 169–172.)

Сведения о том, где проходили собрания членов этого союза имеют противоречивый, возможно дополняющий, характер. Мария Сергеевна сообщала о том, что летом поэты собирались на Волге «в маленькой комнатке на дебаркадере», а зимой, «усаживаясь между стеллажами», в библиотеке на Советской улице. (Скорее всего, речь идет о Пушкинской центральной губернской библиотеке, кото-

рая размещалась в Доме труда с декабря 1923 по октябрь 1926 г. Сейчас в этом здании находится Городской центр внешкольной работы.) (См.: *Петровых М. С.* Из воспоминаний: Ярославский союз поэтов. С. 170; *Она же.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 346.) А по воспоминаниям М. Г. Саловой, встречи литераторов проходили первоначально в Доме санитарного просвещения, около Знаменской башни, затем в клубе им. Томского (находился рядом с бывшем кинотеатром «Горн», ныне зданием банка «Менатеп», на ул. Свободы). (См.: Карабиха. Указ. соч. С. 336.)

...с творчеством гениального художника М. С. Сарьяна... — Мартiros Сергеевич в 1946 г. напишет портрет М. С. Петровых, а в 1948-м — сделает карандашный набросок.

...Есенина. — Приведем отрывок из письма Марии Петровых Петру Грандицкому в Ярославль о похоронах Сергея Есенина:

«31.12.25.

Не писала раньше потому, что... Есенин, а вовсе не потому, что чувствовала себя слабой.

Если сейчас и дрожит несколько рука, то... ведь я не спала эту ночь вовсе — не отходила от тела.

Сегодня похоронили дорогого. Я бы много могла обо всем этом написать — но мне очень больно сейчас. Я была с ним всего сутки, а будто я знала его всегда. Мать его мне из его руки цветок подарила — красную гвоздику, — мне это так дорого.

Петр! Любимый мой! Как больно. Ну почему же Есенин — самый родной, самый большой... а не кто-нибудь?! Сегодня Москва пролила много слез...»

С. 140. *...гости из Москвы: Вс. Иванов, Г. Шенгели...* — Иванов, Всеволод Вячеславович (1895–1963), писатель; Шенгели, Георгий Аркадьевич (1894–1956), поэт, переводчик.

...собирались иногда на квартире у М. Г. Саловой. — Квартира Саловых находилась в доме № 40 по ул. Республиканской (бывш. Лесная площадка неподалеку от кинотеатра «Родина»). Известно также, что ярославские поэты Ангелис Лбовский, Юрий Успенский, Евгений Рокицкий и др. собирались на квартире М. П. Сироткина на ул. Пролетарской (ныне Б. Федоровской). Сообщено И. К. Соколовой.

...Михаил Павлович Сироткин... организовал выпуск сборника «Ярославские понедельники»... — Сироткин М. П. (?–1971), ярославский и московский литератор.

Поэтический сборник «Ярославские понедельники» вышел в свет в 1926 г. — в нем два стихотворения Марии Сергеевны Петровых (См.: Карабиха. Указ. соч. С. 342–343.) Сборник, по всей видимости, был назван так потому, что собрания Союза проходили

по понедельникам — М. С. Петровых, уже переехав в Москву, писала П. А. Грандицкому: «5.10.25. Сегодня понедельник. Сейчас 6 часов. Вот скоро вы соберетесь там. Счастливые! А я здесь одна, совсем одна...»

...встретила Рокицкого и Горбунова... — Сведениями о Евгении Рокицком, ушедшем из жизни очень рано, и его семье мы не располагаем.

Горбунов, Дмитрий Максимович (1894–1970), ярославский поэт и прозаик, член Союза писателей СССР с 1934 г.

...могу назвать еще И. А. Ханаева... — Ханаев, Иван Алексеевич (1906–1985), ярославский, а с 1934 г. ивановский литератор. Друзья по Союзу называли его «Ханай». См. о нем: Ивановские писатели в экспозициях и фондах литературного музея ИВГУ. Иваново, 1997. С. 84–85.

Иван Алексеевич переписывался с П. А. Грандицким (у М. П. Грандицкой хранятся его письма разных лет, в которых не раз вспоминается ярославский поэтический кружок, давший «хорошую зарядку на всю жизнь...»). Приведем отрывок из письма И. А. Ханаева:

«...Посылаю тебе последнее (еще горяченькое!) стихотворение, которое хотел бы посвятить Марии, да боюсь пока: вдруг да плохим окажется! Посмотри, братец, и на сердце выслушай. Если хорошо — быть посвящению...

Родом я из Ростова,
Из Руси коренной.
Самоцветное слово
Было всюду со мной.

В семь оттенков играло,
Нагоняло мороз,
Или за душу брало,
Иль смешило до слез.

Тут и редкость не в редкость,
Только молвить позволь.
Эх, ростовская меткость,
Ярославская соль!

Как возьмут да одарят —
Горит самоцвет!
Как возьмут да ударят —
Головы твоей нет!

Сам из края лесного,
Из певучих лесов,
Я кладу свое слово
На семь голосов.

Да на семь подголосков
Струну натяну,
Чтобы не было плоско,
А шло в глубину.

Мне поется, не спится:
Не ночь — благодать.
До зари-заряницы
Рукою подать...

Написано сегодня, сразу и посылаю...» (12.10.1968).

А через год, в связи с выходом в Ереване первой книги стихотворений и переводов Марии Сергеевны «Дальнее дерево», они обменялись письмами, в которых глубоко и искренне радовались за нее, восхищались силой ее таланта. Увидев в этой книге портрет Марии Сергеевны работы великого армянского мастера, И. А. Ханаев напишет П. А. Грандицкому: «А какова Мария! Я никогда не слышал от нее о том, что ее портрет писал сам М. Сарьян. А это куда повыше любого юбилейного шума или официальной премии».

...Ю. К. Звонникова... — Звонников, Юрий Константинович, ярославский поэт 1920-х гг., псевдоним — Ю. Юрьев. М. Петровых посвятила его памяти стихотворение «История одного знакомства» (1929) — см. *Петровых М.* Черта горизонта. С. 11–13. Ханаев сообщал в письме к М. Г. Саловой от 2.11.1969: «Звонников — человек с изящной и тонкой душой. Умер больше десяти лет тому назад. Похоронен близ станции Северной железной дороги, неподалеку от института, где жил и работал. Жил один. Обыватели не давали ему житья до последнего дня». Сообщено И. К. Соколовой. Как сообщила М. П. Грандицкая, Ю. К. Звонников умер 29.12.1955, был похоронен у ст. Перловская.

...и П. А. Грандицкого, одного из самых близких Марии Сергеевне людей в течение ее жизни. — Грандицкий, Петр Алексеевич (1899–1987), первый муж М. С. Петровых. Родился в семье священника с. Большое Петровское Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. По окончании Владимирской гимназии (1918) год работал сельским учителем, служил в Красной Армии, затем учился (1921–1924) на агрономическом факультете Ярославского университета. Во время учебы участвовал в собраниях Ярославского союза

поэтов, где и познакомился с М. Петровых. В союзе играл заметную роль: «...Я дала адрес Сироткина. Ведь он секретарь?.. Ты член правления. Кажется — да?!» (из письма М. С. Петровых П. А. Грандицкому, ноябрь 1925 г.).

Вскоре П. А. Грандицкий переехал в Москву и поступил в аспирантуру Всесоюзного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. Вместе с М. С. Петровых посещал Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК) при Всесоюзном союзе поэтов (о ВГЛК см. воспоминания Ю. Нейман в сборнике *Петровых М. Черта горизонта*. С. 285–294). В 1927 г. Мария Сергеевна стала его женой.

По окончании аспирантуры (1929) П. А. Грандицкий был направлен в Воронежский сельскохозяйственный институт, где ему пришлось постоянно ездить в длительные командировки по совхозам всего юга. В 1932 г. Мария Сергеевна писала ему:

«Гарусик любимый!

Это письмо ты должен получить 9-го. Поздравляю тебя, мой любонька, с нашим юбилеем, с нашим пятилетием...

Все эти пять лет мне было непрочно, бивуачно как-то с тобою. А теперь я чувствую наше общее будущее. [Имеется в виду предстоящее вскоре возвращение П. Грандицкого в Москву.] Мне радостно и спокойно...»

Несмотря на то, что в 1934 г. М. С. Петровых и П. А. Грандицкий расстались, отношения между бывшими супругами сохранились самые дружеские — об этом свидетельствуют многочисленные письма Марии Сергеевны, сохраненные Петром Алексеевичем. Приведем одно из них (из Чистополя 1942 г.), оно говорит само за себя:

«Дорогой Петрусенька.

Прости мне мое непростительное молчание. У меня большое горе, я овдовела. 15 июня я узнала о смерти Виталия. Когда это произошло, я не знаю. Последнее его письмо было от 1 января. 29 июня он должен был быть уже на свободе. Гора моего ты разделить не можешь, но ты его поймешь. Очень больно за Ариночку, которая ничего не знает. Она лишилась лучшего в мире отца, а главное — родного отца. Так они и не свиделись, а оба этого ждали столько лет.

...А внешне у меня было много блеску — большой успех моих стихов. Я всегда помню о тебе, а в дни этого успеха помнила особенно — ведь стихи мои выпестованы тобою. А главное — мое чувство призвания сильно тобою утверждено. Я все это помню...»

На протяжении многих лет неоднократно в письмах М. С. Петровых встречаются слова благодарности Петру Алексеевичу и за материальную помощь («...Спасибо тебе большое за деньги. Очень ты мне помог»); и за заботу о ее дочери («...Бесконечно тебя благодарю

за то, что писал Арине. Она сказала мне с каким-то восхищенным недоумением: «Знаешь, я почти каждый день получаю от дяди Петруси письма!» (Арина Витальевна Головачева и сегодня с большой теплотой вспоминает о Петре Алексеевиче.) Еще одним частым мотивом в письмах звучит признание роли П. А. Грандицкого в становлении ее личностном и поэтическом («Я обязана тебе большим человеческим ростом. Я его чувствую и без ложного уничтожения о нем тебе говорю...»)

М. Петровых очень высоко ценила дарование Грандицкого: «Ты должен писать. Ты так владеешь словом, грешно тебе, и не только перед собой грешно, молчать. Тебе дано самое большое — первородство слова; слово у тебя во всей девственной силе, всегда свежее, неопровержимое — то» (из письма Марии Сергеевны, 1935 г.).

В дальнейшем Петр Алексеевич — профессор кафедры организации сельскохозяйственного производства сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева, автор десятков научных работ по экономике. Посмертный сборник литературных произведений был подготовлен его дочерью Мариной Петровной: *Грандицкий П. А. Сердца свет: Стихотворения, проза.* М., 2003 (см. в нем стихотворения, посвященные Марии Сергеевне: с. 49–57, 67, 78–80).

Приведем отрывок, «Монолог героини», из неопубликованного автобиографического романа в стихах «Огонь и камень» (1937–1941), сообщенный, как и цитированные письма, М. П. Грандицкой:

Всем для тебя сама б я быть хотела!
Землею, по которой ходишь ты,
Вот этим воздухом, которым дышишь;
Вот этим светом в лампочке твоей,
Вот этой вот протертой рубашонкой,
Чтоб греть тебя и греться от тебя.
Ну почему какие-то чужие,
Которым ты, как прошлогодний снег,
Имеют право быть с тобою рядом,
С тобой смеяться, спорить, говорить,
А я, кому ты каждую секунду
До слез, до смерти нужен, как никто —
Я не могу! Ах, как я стать хотела б
Хотя б вот этой книжечкой простой,
Чтоб дни и ночи напролет лежать
В руках твоих, и бережных и сильных.
Как смирно-смирно в них лежала б я!
Хотела б стать любой буквой в книге,

Простым крючком, последней запятой,
 Чтоб сотни раз, хотя бы мимоходом,
 Твои глаза покоились на мне...
 Нет. Этого мне мало. Я хотела б
 Стать хитроумной формулой — нет-нет,
 Не этой легкомысленной, — другою,
 Сложнейшею, труднейшею из всех,
 Какой еще на свете не бывало,
 Чтоб надо мной всю жизнь свою ты бился,
 Чтоб ты меня и вдоль и поперек
 Решал и день и ночь до самой смерти
 И — так и не решил!

С. 141. *...вместе с Юл. Нейман и Арс. Тарковским...* — Нейман, Юлия Моисеевна (1907–1994); Тарковский, Арсений Александрович (1907–1989), поэты и переводчики.

С. 144. *...не слишком близкого знакомого Марка Тарловского.* — Тарловский, Марк Ариевич (1902–1952), поэт и переводчик.

С. 146. *...за композитора Льва Константиновича Книппера...* — Книппер Л. К. (1898–1974), композитор, народный артист России (1974).

...вокруг Берии сразу же образовалось несколько человек (охраны). — По словам мамы [М. С.], она спускалась по лестнице вместе со мной — дочерью лет девяти (происходило это уже после войны, где-то в конце сороковых). Мы спускались быстро — и, открывая наружную дверь подъезда, чудом не наткнулись на проходившую мимо процессию. Я не обратила внимания на этот инцидент, хотя мама сказала мне тогда: «Запомни этого человека». Мама потом очень жалела, что я ничего не запомнила. — *Прим. А.В.Головачевой.* Е. С. ошиблась: Горький умер в 1936 г.

...Володька Державин... — Державин, Владимир Васильевич (1908–1975), переводчик.

С. 148. *Осип Эмильевич почти сразу же отчаянно влюбился в Марусю.* — Об их взаимоотношениях см. Ахматова А.А. Анна Ахматова: Сборник. М., 200. С. 18–19; Герштейн Э.Г. Надежда Яковлевна // Знамя. 1998. № 2. С. 164–168; Липкин С.Я. Квадрига. М., 1997. С. 393; Найман А. Г. Рассказы об Анне Ахматовой // Новый мир. 1989. № 1. С. 188. Ср.: Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999. С. 222–223 (по мнению С. Я. Липкина, супруга О. Э. Мандельштама Надежда Яковлевна (урожд. Хазина) относилась к М. С. Петровых предвзято).

Твоим узким плечам... — См.: Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 210 (текст), 538 (комментарии; стихотворение датируется предположительно февралем 1934 г.).

С. 149. *Мастерица виноватых взоров...* — См. *Мандельштам* О. Э. Там же. С. 209–210 (текст), 537–538 (комментарии; датировано 13–14 февраля 1934 г.).

По мнению составителей, слова «Ты, Мария...» были вставлены в машинописный текст вместо точек рукой Н. Я. Мандельштам: видимо, вспоминая и диктуя эти стихи, О. Э. М. забыл несколько слов. (В хранящемся в семье экземпляре вместо немыслимого для Мандельштама «Ты, Мария...» стоит «Наша нежность...». — *Прим. А. В. Головачевой.*) В тексте известны также разночтения во 2 ст.: *Маленьких держательница встреч* и *Узеньких держательница плеч* и др.

Марья Сергеевна... — См.: *Мандельштам* О. Э. Там же. С. 360 (текст), 605 (комментарии).

С. 150. *...возникал Лев Гумилев...* — Гумилев, Лев Николаевич (1912–1992), историк-востоковед. Сын А. А. Ахматовой и Н. С. Гумилева, неоднократно подвергался репрессиям.

С. 152. *Мы живем, под собою не чуя страны...* — См.: *Мандельштам* О. Э. Указ. соч. С. 197, 400–401 (текст), 528 (комментарии, в тексте известны разночтения).

...отец у Сталина — осетин... — Речь идет о Джугашвили, Виссарионе (Бесо) Ивановиче (ок. 1850–1890), крестьянине из с. Дидилило, кустаре-сапожнике. Об осетинском происхождении предков Сталина по линии отца см.: *Торчинов В. А., Леонтьев А. М.* Вокруг Сталина: Ист.-биогр. словарь. СПб., 2000. С. 181–183.

С. 153. *...к Бухарину... к Енукидзе...* — Бухарин, Николай Иванович (1888–1938); Енукидзе, Авель Сафронович (1877–1937), партийные и государственные деятели.

С. 154. *...дал пощечину уезжавшему А. Н. Толстому.* — О причине и обстоятельствах этого поступка Осипа Эмильевича см.: *Герштейн Э. Г.* Память писателя: Статьи и исследования 30–90-х годов. СПб., 2001. С. 528–529; *Липкин С. Я.* Квадрига. М., 1997. С. 380; *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. М., 1989. С. 4 (текст), 395 (комментарии).

...поэт Перец Маркиш... — Маркиш, Перец Давидович (1895–1952), еврейский советский поэт и писатель. Его стихи были первой переводческой работой Марии Петровых. (См.: *Петровых М. С.* Избранное: Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. С. 347.)

С. 155. *...Д. Н. Ушаков...* — Ушаков, Дмитрий Николаевич (1873–1942), филолог, член-корреспондент АН СССР (1939). Редактор и составитель «Толкового словаря русского языка» (Т. 1–4, 1935–1940).

...Виталий Дмитриевич Головачев... — Головачев В. Д. (1.12.1910–21.05.1942), филолог, второй муж М. С. Петровых.

Родился в Москве. По окончании средней школы, в 1925 г., поступил на Высшие литературные курсы, где произошло зна-

комство с Марией Петровых, между ними установились дружеские отношения. Судя по сохранившемуся письму Виталия, уже в 1926 г. он был знаком с Ф. А. Смирновой и Екатериной Сергеевной, бывал у них дома. В 1927 г. был арестован и отправлен в ссылку.

Дневниковые записи П. А. Грандицкого, сообщенные нам его дочерью, свидетельствуют, что в последний период ссылки Виталия Дмитриевича М. С. Петровых сблизилась с его родными и прилагала много усилий для пересмотра дела. В 1935 г. В. Д. Головачев вернулся и вскоре стал мужем Марии Сергеевны. Но пребывание в Москве бывшим ссыльным запрещалось — Виталий Дмитриевич жил и работал в подмосковном Егорьевске начальником бюро технической информации на заводе «Комсомолец», откуда приезжал к жене в Москву, в Сокольники, где в феврале 1937 г. у них родилась дочь Арина.

В 1937 г. В. Д. Головачев был вновь арестован и постановлением особого совещания при НКВД СССР от 14 декабря 1937 г. осужден к 5 годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Вначале он находился в Карелии, в г. Медвежьегорске, куда к нему приезжала жена, но когда началась война, его перевели в страшные Соликамские лагеря. (Об обстановке в них см. *Финкельберг М. Ф.* Оставляю вам. Ярославль, 1997. С. 58–63.) Очень близко, на той же Каме, в Чистополе, находилась в эвакуации М. С. Петровых с матерью и дочерью, но увидеться им уже не довелось — все свидания с заключенными были запрещены. Жене удавалось только переписываться с ним, и иногда можно было посылать продуктовые посылки — в лагере был страшный голод. В. Д. Головачев, как и многие в лагере, заболел пеллагрой. Болезнь прогрессировала, последняя посылка вернулась в Чистополь нетронутой, несмотря на то, что не только заключенные, но и работники лагеря в то время голодали, с сообщением о том, что В. Д. Головачев умер. Он не дожил полугода до окончания срока (см. цитированное письмо Марии Сергеевны на с. 351).

В. Д. Головачев, разносторонне одаренный человек, был хорошим музыкантом-пианистом (потом в лагере играл в оркестре из заключенных), писал стихи, занимался языкознанием. Обладая в этой области феноменальными способностями, успел изучить множество языков в течение своей, такой недолгой, жизни.

Перед отъездом в эвакуацию наиболее ценное из своего архива М. С. Петровых передала П. А. Грандицкому, только благодаря этому до нас дошли несколько лагерных писем Виталия Дмитриевича жене и в одном из них — единственное стихотворение, написанное ко дню рождения Марии Сергеевны:

Любимая, склонись к письму,
Словам больного не перечат

И на прощанье руку жмут
С такой же дрожью, как при встрече.

Молчи, любимая, молчи,
Ведь, что бы мы ни говорили,
Все так же шелестят в ночи
Волос твоих златые крылья.

Любимая, подставь плечо.
Глаза твои слегка печальны...
У берега унылый челн
Колотят волны непричаден.

Ночь 12–13/III

...профессора консерватории Игумнова... — Игумнов, Константин Николаевич (1873–1948), пианист, создатель одной из крупнейших отечественных пианистических школ.

С. 156. *...замужем за ...Винокуровым...* — Винокуров, Григорий Осипович (1896–1947), филолог, текстолог, профессор МГУ (с 1942).

...за крупного авиаконструктора Архангельского... — Архангельский, Александр Александрович (1892–1978), авиаконструктор, участник создания большинства самолетов конструкторского бюро А. Н. Туполева.

С. 157. *Город Чистополь на Каме...* — Строки из стихотворения «Чистополь» (1943). См.: Петровых М. Черта горизонта. С. 44–45.

С. 158. *...известие о гибели М. Цветаевой...* — Об обстоятельствах, предшествовавших ее гибели, Е. С. Петровых поведала в письме, отрывок из которого считаем необходимым опубликовать по сохранившемуся черновику (адресат письма, по-видимому, являлся автором-составителем некоего сборника о Чистополе. — *Прим. К. В. Чердынцевой*):

«...Когда мы узнали, что М. И. Цветаева покончила с собой, мы все к тому времени приехавшие в Чистополь, успевшие познакомиться и подружиться, чувствовали себя оплеванными и униженными.

М. И. Цветаева знала очень немногих писателей и обратилась только к знакомым, хотя даже зная, что она в Елабуге, никто из них не поехал к ней, не разузнал, как она живет и чем надо ей помочь. Эти люди были заняты только собой; она была им совершенно «не в жилу», они просто боялись иметь с ней дело, опасаясь, как бы чего не вышло: приехала из-за границы, муж и дочь сидят...

А то, что она один из величайших поэтов нашей эпохи, их не трогало. Думаю, что они вообще так не считали, мнили себя превыше ее.

Я уже Вам писала, что мы — несколько человек — пошли в горисполком узнать, почему ее не прописали, не дали работы. Об ответе я Вам тоже писала.

Я была дружна с З.Н. Александровой, она-то нам и рассказала, что перед этим слышала разговор Брайниной с В.В. Смирновой (с последней З.Н. вместе жила), Брайнина с торжеством сообщила, что она не дала работу Цветаевой. З.Н. также говорила, что все время спрашивала В.В. Смирнову — неужели она не могла отстоять Цветаеву. Когда Цветаева была у Зины Александровой, то все время повторяла одно и то же, что она может делать все: «мыть посуду, полы, подавать еду», но ей этого не дают здесь делать. Ночевать она отказалась и ушла в ужасном настроении.

Потом был рассказ Лизы Лойтер, которая встретилась с Цветаевой на пристани. Лиза куда-то уезжала. Там они познакомились и провели несколько часов. Лиза купила арбуз, они его ели и разговаривали. М.И. была в тягчайшем настроении, говорила, что ей отказано в проживании и работе в Чистополе. Были еще и такие слова, многим чистопольцам М.И. Цветаева сказала, «что она предпочла бы вмерзнуть в Чистополе в лед Камы, чем уезжать».

Какое впечатление произвела на Марусю смерть Цветаевой, не могу выразить никакими словами. Я знала и любила стихи Цветаевой, потому что в доме, где я росла, они были, хотя их и не издавали. Но чем была Цветаева для Маруси, ведает один Бог. Когда я ревела, Маруся говорила: «Слезами горю не поможешь», — и ни единой слезинки не пролила, хотя это обрушилось на нее огромным горем.

Мы все думали, обратись Мария Ивановна к любому из нас — никто бы не остался равнодушным. Но она была горда. Обратилась к Асееву в Чистополе, которого знала, к Треневу, Леонову, Федину, представлявшим в то время Союз писателей. Больше всех в том, что случилось, повинен Тренев, его выступление на заседании было самым яростным. По Чистополю ходили его слова: «Зачем нам нужна еще одна нахлебница?» Интересно, кого он считал своими нахлебниками — жен и детей писателей? Никто из моих друзей, а их было множество, не обращался к нему за помощью. А если правление и помогало нуждающимся писателям, то отнюдь не из своих личных денег, хотя они тогда были очень богаты. Деньги были литфондовские.

Впрочем, об этом прекрасно написано у А. Гладкова (хотя мне не все нравится в его воспоминаниях), там я заметила две небольшие неточности: во-первых, уехал не Шкловский, а Кирпотин — в Ташкент, во-вторых, З.Н. Пастернак никогда не была воспитательницей в детдоме, да и дома такого не было, она была сестрой-хозяйкой детского сада Литфонда. Она также никогда не работала в интернате,

там жил их сын Стасик Нейгауз. Так что уходить дежурить в интернат она не могла.

А вот дрова мы в самом деле вылавливали из воды, и с нами был Б. Л. Пастернак и, кажется, В. Гроссман (о нем точно не помню). Федин, может быть, и покрасовался разок, но дрова для него заготавливали другие, за деньги.

В предсмертном письме к Асееву Цветаева просила его помочь ее сыну. Он и этого не сделал (смотрите акт комиссии по увековечению памяти М. И. Цветаевой). Люди эти, знавшие Цветаеву, чувствовали себя вершителями русской литературы, и что значила для них бедная эмигрантка. Может, они и понимали, скорее всех это понимал Асеев, поэтому единственное, что он сделал, это взял у Мура архив М. И. Цветаевой, понимая его ценность, но сколько мы ни просили почитать стихи в Доме учителя или интернате, он всегда отказывал.

Но, как говорится, рукописи не горят, и всегда все в жизни становится на свои места. Кто сейчас помнит что-либо кроме «Любови Яровой» Тренева, кроме «Города и годы» и «Первые радости» Фебина, да и стихи Асеева мало кто сейчас читает, а молодежь не знает даже и это, но вот тот дар, который преподнесла своему народу, именно своему русскому народу и Родине, эмигрантка Цветаева, неоценим. И когда пришло время и ее постепенно, понемногу стали печатать, а теперь все больше и больше, достать хоть одну ее книжку совершенно невозможно. Люди перепечатывают ее стихи на машинке, чтобы иметь их дома. На ее пьесу «Конец Казановы» в театре имени Вахтангова попасть совершенно невозможно.

Сейчас, когда в стране наступила так долгожданная гласность, М. И. Цветаеву будут печатать, надеюсь, много. Будет написано много книг о ее поэзии и жизни. Пишет книгу и критик М. Белинский. Сейчас даже дети знают многие ее стихи наизусть. Ей посвящают свои стихи многие поэты. Особенно много Белла Ахмадулина, долгое время жившая в Тарусе.

Я думаю, что Вам надо бы раздобыть материалы подлинные и, если Бог даст и выйдет второе издание книги, чего желаю Вам от всей души, то написать истинную правду о жизни и гибели М. И. Цветаевой в Елабуге. Телеграмма, как говорят, найденная в архиве ее сына, очевидно, дана после разговора в горисполкоме с Тендряковой и дана, очевидно, до 2-го заседания пресловутой комиссии (как пишет Лидия Корнеевна Чуковская, телеграмма давалась по просьбе Цветаевой).

Прах М. И. Цветаевой покоится в Вашей республике, и неизвестно, стоит ли камень именно на ее могиле».

«Марина Ивановна... не хотела мешать мне жить, как я хочу». — Воспоминания сестер расходятся. По словам Марии Серге-

евны, на вопрос: «Мур, как мама?» — тот ответил: «Марина Ивановна повесилась». М. С. часто это вспоминала и всегда именно этот короткий текст. Сообщено А. В. Головачевой. Мур — сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона Георгий Сергеевич Эфрон.

С. 159. *Но, как все, я здесь оглушена...* — Строки из стихотворения «Завтра день рождения твоего...» (1942). См.: *Петровых М.* Черта горизонта. С. 35–36.

...*Стонова...* — по-видимому, речь идет о жене писателя Дмитрия Мироновича Стонова (1892–1962), которая была в эвакуации с сыном.

То были: Асеев, Федин, Пастернак, Матусовский, Парнах, Никитин, Леонов, Исаковский, Виктор Шкловский, Билль-Белоцерковский, Глебов, Арбузов. — Асеев, Николай Николаевич (1889–1963); Федин, Константин Александрович (1892–1977); Пастернак, Борис Леонидович (1890–1960); Матусовский, Михаил Львович (1915–1990); Никитин, Николай Николаевич (1895–1963); Леонов, Леонид Максимович (1899–1994); Исаковский, Михаил Васильевич (1900–1973); Шкловский Виктор Борисович (1893–1983); Билль-Белоцерковский, Владимир Наумович (1884–1970); Арбузов, Алексей Николаевич (1908–1986).

Из этого ряда известнейших мэтров советской литературы выпадает фигура Валентина Яковлевича Парнаха (1891–1951), брата поэтессы Софии Яковлевны Парнок (1885–1933). С его именем связано начало периода биомеханики в театре Мейерхольда. Судя по всему, именно Парнах познакомил советскую публику с джазом. Книги его стихов в Париже иллюстрировали Н. Гончарова и М. Ларионов, а одну из них предварял портрет автора работы Пабло Пикассо. Волею случая Парнах и Цветаева одновременно пытались устроиться в Чистополе. В отличие от Цветаевой его взяли работать за пропитание в литфондовой столовой — стоять на дверях. О нем см.: Джаз-Квадрат. 1998. № 7 (9); Антология авангардной эпохи. Россия. Первая треть XX века (поэзия) / Сост. А. Очеретянский, Д. Яначек. Нью-Йорк, Москва, 1995. Сообщено И. А. Рутманом.

О каком Глебове идет речь — Николае Александровиче (1899–?) или Анатолии Глебовиче (1899–1964), — выяснить не удалось.

С. 160. *...помню Твардовского, Гроссмана, Сельвинского, Фадеева, Галкина.* — Твардовский Александр Трифонович (1910–1971), Сельвинский, Илья (наст. имя Карл) Львович (1899–1968), Фадеев, Александр Александрович (1901–1956), Галкин, Самуил Залманович (1897–1960).

Установить, о котором из Гроссманов — Леониде Петровиче (1888–1965) или Василии Семеновиче (наст. имя Иосиф Соломонович, 1905–1964) — идет речь, не удалось.

С. 161. «В альбом Валерию Дмитриевичу Авдееву» — См.: *Пастернак Б.* Избранное. В 2-х т. Т. 2. С. 426–427, 520 и 525 (комментарии).

С. 162. «...умела домолчаться до стихов»... — Неточная цитата из стихотворения М. С. Петровых «Одно мне хочется сказать поэтам...» (1971): «Умейте домолчаться до стихов» — См.: *Петровых М.* Костер в ночи. С. 226.

Часть II **Чердынцевы**

С. 163. «...Осип Иванович Шишов... женился на Елизавете Петровне Борзовой...» — Старицкий мещанин, а затем личный почетный гражданин Шишов в официальных документах чаще именовался Иосифом Ивановичем. Девичья фамилия его супруги, судя по метрическим книгам Троицкой церкви, была *Барцова* (см.: ГАЯО, ф. 230, оп. 10, д. 127, л. 200 об.; д. 153, л. 319 об.–320).

С. 164 «...три дочери...» — Вышеуказанные архивные дела сообщают нам сведения о крещении девочек: восприемниками Ольги 10 июля 1878 г. (родилась 7-го) были тетюшка — тверская мещанка Мария Петровна Барцова и личный почетный гражданин, кандидат коммерции М. И. Валедев (?); крестными Веры 1 августа 1882 г. (родилась 28 июля) были Мария Петровна и ее брат, тверской мещанин Михаил Петрович Барцов. Сведений об Александре обнаружить не удалось.

С. 164. «...Осип Иванович несколько совпал по времени с вашим дедом — С.А. Петровых...» — В семейном архиве Чердынцевых имеется адрес, поднесенный главному бухгалтеру Норской мануфактуры Иосифу Ивановичу Шишову 14.01.1899 в день 25-летия его службы в этой должности коллегами, среди которых значатся А. Г. Голгофский, С. А. Нетыкса, С. А. Петровых, В. И. Чердынцев, Ф. Н. Румянцев.

И. И. Шишов с 1896 г. был старостой Троицкой церкви (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4571, л. 19 об.). В семейном архиве сохранились документы 1903–1904 гг. «о награждении... личного почетного гражданина, принадлежащего к обществу г. Старицы Тверской губернии, Иосифа Ивановича Шишова золотой медалью для ношения на груди на Станиславской ленте за его почти восьмилетнюю службу в означенной должности, в течение коей им:

а) благоукрашены иконы св. великомученицы Екатерины и св. мученицы Параскевы и приобретены для них богатые киоты; б) перестланы полы во всем храме; в) поновлены живописные изображения, находящиеся на стенах храма снаружи; г) устроены два новых церковных дома для жительства дьякона и псаломщика, баня общая

причтовая, погреб для диакона и перестроен заново церковный дом, занимаемый священником, причем им старостой на означенные предметы употреблено из собственности 5350 руб.».

Интересно, что именно в связи с этим награждением в семейном архиве появился еще один документ, так охарактеризованный К. В. Чердынцевой: «Письмо моего прадеда [И. И. Шишова] двоюродному дедушке [Д. А. Смирнову], написанное в то время, когда они не могли даже предполагать, что внук первого [В. В. Чердынцев] женится на племяннице второго [Е. С. Петровых], так как ни один из этих детей еще не родился».

С. 165. *...Викентия Викентьевича Смидовича (Вересаева)... и большевика Смидовича.* — Вересаев В. В. (1867–1945), русский писатель. Смидович, Петр Гермогенович (1874–1935), советский государственный и партийный деятель.

...по делу Промпартии... — Судебный процесс, состоявшийся в Москве в конце 1930 г. Группа инженерно-технической интеллигенции обвинялась в создании антисоветской подпольной организации, занимавшейся вредительством в промышленности и на транспорте в 1925–1930 гг.

С. 166. *...Вера (1900–1970)...* — Из метрических книг Троицкой церкви Норского посада узнаем, что В. Ф. Румянцева родилась 2 декабря 1900 г. (крещена 5 декабря). Восприемниками девочки состояли ее дедушка и тетя: Тверской губернии старицкий мещанин Иосиф Иванович Шишов и его дочь Ольга Иосифовна. (ГАЯО, ф. 230, д. 743, л. 210 об.–211) (Вера была старшим ребенком в семье, она появилась на свет в Норском, когда ее отец Федор Никанорович еще работал на мануфактуре, остальные дети рождались уже в других городах, где работал отец-инженер, например Владимир и Елена — в Костроме. — *Прим. К. В. Чердынцевой.*)

С. 168. *Фамилия этого купца... была Петров...* — Можно утверждать, что он был родственником писателя Антона Скитальца, также носившего эту фамилию. В романе «Дом Чернова» автор описывает семейство купца Ананьина, на дочери которого женится герой. Любопытно отметить, что почти одновременно с дочерью Ананьин выдает замуж свою племянницу-сироту за Федора Мукомолова, под именем которого скрывается мукомол Чердынцев. Так что роман вполне автобиографичен и в нем прослеживаются переплетенные семейные и деловые связи. — *Прим. К. В. Чердынцевой.*

С. 172. *...по словам Виктора Ивановича, политикой он никогда не занимался.* — Вероятно, это не так. Историк А. Ф. Землянский выдвинул достаточно убедительную версию о причастности В. И. Чердынцева к публикации в заграничных социал-демократических изданиях заметок о стачке рабочих на Норской мануфактуре в 1898

году. (См.: «Красный Перевал»: Очерки истории фабрики. С. 29–31.) Содержание документа, приведенного мемуаристом, также свидетельствует об обратном.

С. 179. *...с инженером Лебедевым...* — Возможно, что речь идет об Иване Федоровиче Лебедеве, который, по сведениям на 1915 г., заведовал ткацкой фабрикой Гарелиных в г. Иваново-Вознесенске. (См.: 1000 лет русского предпринимательства. С. 263.)

С. 181. *...заведовал В. П. Ногин.* — Ногин, Виктор Павлович (1878–1924), советский хозяйственный деятель, председатель правления Всероссийского текстильного комбината.

С. 183. *...держа в руках газету: «Виктора Ивановича приговорили к расстрелу»...* — Речь идет о так называемом «Деле сотрудников Серпуховского треста» (в том числе совладельце Богородско-Глуховской мануфактуры И. Д. Морозове и бывшем директоре одной из фабрик Морозова В. И. Чердынцеве), обвиняемых в связях с Берлином и Лондоном. Начало процесса и заключительный приговор освещали в газете «Правда» (1924. № 97, 100, 101). Повторный арест В. И. Чердынцева состоялся 19.03.1930. В это время он работал инженером хлопчатобумажного управления Всесоюзного текстильного объединения. Постановление от 20 апреля 1931 г. в отношении В. И. Чердынцева было отменено Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 19 августа 1958 г.

С. 187. *...внучкой Ксанушей.* — Речь идет о дочери Е. С. Петровых и В. В. Чердынцева. Приведем ее автобиографию, написанную по нашей просьбе в декабре 2004 г.

«Родилась 20.10.1941 в эвакуации в г. Чистополе на Каме Татарской АССР. В 1944 г. вместе с родителями переехала в Алма-Ату.

Будучи с детства прикованной к постели, раньше пяти лет научилась читать. (В памяти близких сохранилась фраза, произнесенная четырехлетней крохой: «Дайте мне мой букварь и другие научные книги».) Училась дома. В школу начала ходить только в 1955 г. и сразу в 7-й класс. В 1958 г. окончила школу с золотой медалью и поступила в Казахский госуниверситет на физический факультет, из которого в связи с переездом семьи в Москву в 1961 г. перевелась на физфак МГУ. Окончила факультет в 1966 г., потеряв один год из-за операции в связи с травмой, полученной еще в Алма-Ате при катании на лыжах в горах.

В 1966 г. поступила в аспирантуру Физического института АН СССР (ФИАН), в лабораторию космических лучей. На выбор места дальнейшей работы повлияло то обстоятельство, что институт имел свою рабочую площадку в горах под Алма-Атой на высоте 3340 метров. Работа по созданию новой установки была увлекательней-

шая. В командировки — от одного до трех месяцев — приходилось ездить по два-три раза в год. Очень поддерживали меня почти ежедневные письма из дома, которые писал большей частью отец. Так как создание новой установки дело долгое, то получить на ней физически значимый результат удалось только к 1970 г. Работа была настолько интересна, что мне даже не хотелось думать о написании диссертации, так как это, по крайней мере, на год оторвало бы меня от настоящего дела.

Только после смерти отца я поняла, что теперь благосостояние семьи находится в моих руках и следует подумать об увеличении моей зарплаты. (Мама получала пенсию «по случаю потери кормильца» вначале в размере 40 и лишь через несколько лет в размере 70 рублей, а брат еще учился.) Поэтому я в короткий срок написала и защитила кандидатскую диссертацию и осталась работать в ФИАНе вначале младшим научным сотрудником, а с 1979 г. в должности старшего научного сотрудника. В это время также приходилось часто ездить в командировки и не только в Казахстан, но и в Армению, Грузию, на Украину. Командировки были выгодны и с финансовой стороны, что тогда мне было важно.

Сейчас я продолжаю работать, но дома на компьютере, так как в результате перенесенной операции добираться до работы мне трудно. Такой режим позволил мне участвовать в подготовке этой книги к печати, о чем, конечно, мама и не мечтала.

К.В.Чердынцева».

С. 188. *...стараниями детского врача Г. Н. Сперанского...* — Сперанский, Георгий Нестерович (1873–1969), педиатр, член-корреспондент АН СССР (1943), академик Академии медицинских наук (1944).

...в клинику профессора Киселя... — Кисель, Александр Александрович (1859–1938), педиатр. Создал учение о хронической туберкулезной интоксикации у детей.

С. 189. *...он писал стихи, писал всю жизнь.* — Приведем отрывок из предоставленных К. В. Чердынцевой воспоминаний Михаила Андреевича Ильина (1903–1981), друга Виктора Викторовича с 1927–1928 гг.:

«Хотите я прочту вам свои стихи? — спросил Виктор.

— Хочу!

И он неторопливо, размеренно начал читать стихотворение, названное «Борис и Глеб»:

На иконах, древних, грубых,
В сапогах и красных шубах
Нарисованы мужи:

В их руках кресты, как зная,
Но таятся под плащами
Двухсторонние ножи.

Живописец в дивном жаре
Делал фон из киновари,
Для бровей широких — тушь.
Оставались краски живы,
Как несложные порывы
Их простых могучих душ.

Вы слепой стихии дети.
Вы извели на свете
Полуночной бури гром,
Деревень горящих пламя,
Рукопашные с зверями,
Где рубились топором.

Эти чувства и печали
Для потомков чужды стали.
Позабывтая пора!
В Новеграде и в Ростове
Бога силы, бога крови
Рисовали мастера!

Он окончил. Я сидел пораженный силой и ясностью этого стихотворения, оставшегося для меня одним из лучших в большом поэтическом творчестве Вити. Он был настоящим большим поэтом, особенно для меня, с «прохладой» относившегося к современному стихотворчеству. Он читал еще и еще, но я сидел захваченный силой образного строя «Бориса и Глеба», за которыми я видел прославленные иконы Русского музея и Третьяковской галереи. С тех пор, как только позволяла обстановка, я спрашивал его о новых его стихах, просил прочесть их.

...Память изменяет мне, и я не помню его стихов и даже такого стихотворения, которое я считаю совершенным, — сонет «Соль». Его начало я взял эпиграфом к одной из своих позднейших книг:

И все на планете рукой полководца
Сумею по воле своей повернуть.
Но только не время, а время несется
От ясных Афин — в непроглядную жуть...»

Стихотворение «Борис и Глеб» см.: *Чердынцев В.В.* Где, когда и как возникла былина? Посмертный сборник. М.: Эдиториал-УРСС, 1998. С. 46. Приведенная М. А. Ильиным строфа является концовкой стихотворения «Тяжелые рифмы. Пустая победа...» (См.: *Чердынцев В.В.* Десятая муза: Стихи. Севастополь: Аква-Вита, 1997. С. 115; сонет «Соль» — там же, с. 116.)

Приведем еще два стихотворения Виктора Викторовича из сборника «Десятая муза».

Три книги пророков плешивых
Душе моей странно близки
В приливах и сменных отливах
Работы, надежды, тоски.

Бурливей, чем воды весною,
Смешавши восторг и обман,
С тридцатилетней войною
Сражается Аристофан

И между расчетом и бредом
По острым и страшным тропам
Приводит к запретным победам
Ученый гуляка Хайям.

А если дорога закрыта
И козней врагов не пресесть,
Научат «Анналы» Тацита,
Как падать на собственный меч.

(Из цикла «Над книгами». Указ. соч. С. 23.)

Я человек. Со мною — мир. Я в нем.
Мы спаяны неповторимой связью.
Нас озаряло солнечным огнем,
Обрызгивало уличною грязью.

Безмерный мир вокруг меня шумел,
Я жизни помогал в ее движении.
Пусть не что хотел, но что сумел
Я выполнил в предельном напряжении.

Не расскажу, как молодость прошла,
Что память беспощадно сохранила.
Ведь все равно — все мысли и дела
Отдам эпохе — общее горнило.

Но должен я отдельно передать
Исканий и блужданий благодать,
Раздоры, для меня лишь дорогие,
Чтоб не могли их повторять другие,
Когда я кончу жить и созидать.
(Из цикла «Резные доски». Указ. соч. С. 61.)

..его произведения находили место на страницах периодической печати. — Например, в казахском русскоязычном литературном журнале «Простор» (1960. № 6. С. 52–55).

Виктор Викторович писал и прозу: две его повести «Близнецы» и «Фарфоровая роза» составили книгу: *Чердынцев В. В. Фарфоровая роза.* М.: Советский писатель, 1980. 248 с.

С. 190. *...зодчего Баженова.* — Баженов, Василий Иванович (1737/38–1799), архитектор, один из основоположников русского классицизма.

...рукопись, которая в 1928 году была напечатана в сборнике ОИРУ. — См.: *Чердынцев В. В. Усадьба сельца Стоянова и ее принадлежность В. И. Баженову* // Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1928. Вып. 7–8. С. 52–55.

Общество изучения русской усадьбы существовало в 1922–1930 гг., занималось изучением усадеб, главным образом подмосковных; издавало сборники (с 1927 г.), путеводители, библиографические указатели. Об участии В. В. Чердынцева в его работе вспоминает М. А. Ильин, ставший доктором искусствоведения, профессором МГУ, автором многих работ по истории подмосковных усадеб:

«Двадцатые годы, их середина. Сколько организаций и музеев с какой-то неизбывной страстью изучали русскую художественную культуру во всех ее видах, русский быт, особенности жизни прошлого России. Каждый четверг ровно в четыре часа (если только не изменяет память) в зале заседаний Исторического музея на Красной площади Петр Николаевич Миллер открывал очередное заседание общества «Старая Москва». У входа в зал, у телефона, стоял небольшой столик со скромным блюдечком, куда приходившие клали 10 копеек, шедшие на оплату электрического освещения и гардеробщиков.

Секретарь Общества — Михаил Иванович Александровский оглаживал свою «забелинскую» бороду и начинал чтение длинного протокола предшествующего заседания. Чтение наконец заканчивалось. За ним следовали поправки и замечания к протоколу. Вся эта процедура занимала массу времени, была, по правде говоря, скучна, но именно эти подробнейшие протоколы оставили драгоценные теперь сведения о тех знаниях, которыми могло гордиться

Общество. Теперь таких специалистов с доскональными сведениями, наверное, больше не найдешь.

После чтения протокола слово предоставлялось очередному докладчику. Я ходил почти на все заседания, но преимущественно на те, где можно было услышать что-либо ценное об искусстве прошлого Москвы — архитектуре, художниках, зодчих и т. д. Вот тогда-то я увидел как-то у двери Витю Чердынцева, белокурого мальчика.

С заседания «Старой Москвы» мы спешили на квартиру Владимира Васильевича Згуры, на заседания Общества изучения русской усадьбы, сокращенно называвшегося несколько легкомысленно — ОИРУ. Згура жил на Кропоткинской улице, в «башне» — двухэтажной палате XVII века, стоявшей в углу территории известной усадьбы Хрущевых-Селезневых (ныне музей Пушкина).

Здесь несколько простецких по стилю интересов «Старой Москвы» не было и в помине. Общество стремилось к академическому строгому стилю работы, а потому многолюдие «Старой Москвы» сменялось обычно 15–20 лицами, а то и меньше — в зависимости от темы доклада. Ценилось научное качество сообщения, что давало возможность войти в число членов Общества, водить экскурсии с показом художественных свойств русской усадьбы XVIII–XIX веков. Именно в ОИРУ зародилось не только стремление к более глубокому изучению русского, преимущественно московского, классицизма, но и желание обследовать всю Московскую область (тогда еще губернию). Первый выпуск вышел в 1927 году, почти тотчас после трагической смерти В. В. Згуры, утонувшего в Крыму.

Витя Чердынцев был не только внимательным слушателем. Будучи еще школьником, он стремился перенять то ценное, что видел в работе наиболее деятельных членов Общества. Он начал обследовать памятники в натуре, затем он оказался в соответствующих архивах, куда в те годы можно было попасть весьма легко. Несмотря на свои 15 лет, он добился больших результатов. Однажды он рассказал мне, что докопался до общего плана усадьбы Баженова под Ногинском, куда он, кажется, даже съездил. Его исследования вылились в небольшую, но ценную по характеру рукопись. Я тут же предложил новому председателю Общества Алексею Николаевичу Грачу, сменившему В. В. Згуру, заслушать сообщение Вити. Оно состоялось, вызвало всеобщее одобрение и похвалы. Ему тут же было предложено подготовить рукопись к изданию в Сборнике Общества. Так появилась первая печатная работа Вити (1928). [Статья М. А. Ильина «Марьянка-Бутурлина» опубликована в том же сборнике, что и работа В. В. Чердынцева о Стояновской усадьбе: с. 56–57.] Казалось, что из Вити выйдет хороший историк русской архитектуры и его юношеское увлечение

превратится в подлинное призвание. Но, как известно, пути человеческих судеб неисповедимы... Витя стал крупным геофизиком, но он до конца своих дней сохранил живой интерес к искусству вообще и к русскому, в частности...»

Известно также, что В. В. Чердынцев был руководителем группы ОИРУ, выезжавшей в Царицыно. (См.: Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1998. Вып. 4 (20). С. 28, 90.)

С. 191. *...отвечал, как один из героев бессмертной комедии Грибоедова: «Ну... Взгляд и Нечто».* — Неточная цитата из монолога Репетилова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (4-е явление 4-го действия): «В журналах можешь ты, однако, отыскать Его отрывок, взгляд и нечто».

С. 192. *...не дожидаясь своего отчисления из МЭИ...* — В. В. Чердынцев не сам ушел из института, а был отчислен вместе со многими студентами, в частности, вместе со своим другом А. С. Кукелем-Краевским по той причине, что их родители были не пролетариями. Сообщено К. В. Чердынцевой.

...В.И.Вернадский... — Вернадский, Владимир Иванович (1863–1945), естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель, основоположник геохимии. О встрече с ним В. В. Чердынцев рассказал также в интервью А. Л. Никитину (Науке надо отдать все — и еще жизнь // Смена. 1969. № 11. С. 4–6; опубликовано: Чердынцев В. В. Где, когда и как возникла былина? С. 64–76) и в автобиографической повести «Близнецы» (Чердынцев В. В. Фарфоровая роза. М., 1980. С. 7).

«Вы Юма не читали...» — Юм, Давид (1711–1746), английский философ-идеалист, психолог, экономист и историк.

С. 193. *...он описал в своем стихотворении «Баллада об электрооскопе»...* — См.: Чердынцев В. В. Десятая муза. С. 80–89.

...сук этот оказался спиленным. — История эта нашла свое объяснение в воспоминаниях ленинградской знакомой В. В. Чердынцева: «Как-то я случайно встретила Виктора в университете. Мне надо было идти в сторону Академии художеств, а ему просто подышать воздухом и поболтать. У Румянцевского сквера Виктор вдруг остановился, показал мне сук от старой липы, который тянулся почти параллельно земле немного выше человеческого роста, и сказал: «Если я завтра запорю свой доклад, я на нем повешусь». Вид у него был настолько измученный и загнанный, что эта, казалось бы, часто бросаемая фраза, на которую обычно никто внимания не обращает, меня почему-то насторожила, и мне захотелось пресечь эти мысли начисто. Но как? И тут меня осенило: уничтожить этот уродливый сук. Ранним утром я уже ехала на Васильевский остров, долго уговаривала какого-то дворника уничтожить этот зловердный

сука. А главное — поскорее. Он долго чесал голову, наконец, изъяснил согласие и пошел, как он сказал, за инструментом.

Через день мне звонил Виктор и в совершенном смятении рассказал, как о каком-то чуде, историю спиленного сука. Действительно ли он собирался осуществить то, что он мне говорил? Из его довольно бессвязных слов я поняла, что он после провала своего доклада пошел в Румянцевский сквер. И — осечка. Значит, он должен жить, должен бороться! Сама судьба ему это указывает». Сообщено К. В. Чердынцевой.

С. 194. *...публикует ... статью «О систематике атомных ядер»...* — См.: Доклады АН СССР. 1934. Т. 3. С. 8.

С. 195. *...Николаев...* — Николаев, Леонид Васильевич (1904–1934), инструктор историко-партийной комиссии Института истории ВКП(б) в Ленинграде. 1 декабря 1934 г. в Смольном застрелил С. М. Кирова.

...дав «минус десять»... — Имеется в виду административный запрет проживать в столицах и крупных городах СССР (см. примеч. к с. 155 о В. Головачеве).

...профессор Торичан Павлович Кравец... — Кравец Т. П. (1876–1955), физик, член-корреспондент АН СССР (1943).

...заместителя главного прокурора Леплевского <...> (Вскоре он застрелился). — Леплевский, Григорий Моисеевич (1889–1939), государственный деятель. С 1934 г. занимал должность зам. генерального прокурора СССР. На самом деле Г. М. Леплевский был расстрелян.

С. 196. *...Вышинский не соизволил ответить на его письмо...* — Вышинский, Андрей Януарьевич (1883–1954), в 1935–1939 гг. Генеральный прокурор СССР. В письме на его имя от 24.04.1935, подписанном В. И. Вернадским и его заместителем профессором Виталием Григорьевичем Хлопиным (1890–1950), говорилось: «Высылка его в административном порядке не только наносит непоправимый вред его дальнейшей работе по теоретической физике, но, несомненно, наносит удар и вообще работам в этой области в СССР, т. к. талантливые люди встречаются как редкие единицы.

Поэтому Гос. Радиевый институт ходатайствует о пересмотре дела В. В. Чердынцева и о разрешении ему вернуться в Ленинград для продолжения его занятий в институте». (См.: *В. В. Чердынцев*. Десятая муза. С. 3.)

С. 197. *...академик Фок... Я. И. Френкель...* — Фок, Владимир Александрович (1898–1974), физик-теоретик, академик (1939); Френкель, Яков Ильич (1894–1952), физик-теоретик, член-корреспондент АН СССР (1929). Работы В. В. Чердынцева «О диамагнетизме атомов по теории Дирака» (ЖЭТФ. 1937. Т. 7. С. 7) и «О газовой модели атомных

ядер» (ЖЭТФ. 1938. Т. 9. С. 19), написанные в соавторстве с Я. И. Френкелем, — классика теоретической физики.

С. 199. *Этот первый ее день очень хорошо описан М. А. Ильиным...* — Приведем соответствующий отрывок из воспоминаний:

«В субботу 21 июня я вновь был у Чердынцевых, и мы сговорились провести следующий день в Старой Ладоге... Поздняя весна или, вернее, раннее лето в тот год в Ленинграде стояли редкостные. Все было в цвету, солнце светило ежедневно, а краткие дожди не портили настроения. В воскресенье с ранним поездом мы выехали в Волхов (электричек тогда еще на этой дороге не было), а оттуда на автобусе по пыльной разбитой дороге добрались до Ладogi. Старая церковь, вернее ее развалины, древний собор с его замечательными фресками как бы приковали нас на весь день. Неоднократно входили мы в храм, чтобы еще и еще раз посмотреть строгие лики святых, безукоризненный рисунок их голов и орнаментальный бег узоров. Когда около четырех часов дня мы вернулись на станцию, то из черной тарелки радио, установленной на площади-сквере перед вокзалом, несло какое-то непонятное, но тревожное бормотанье. Люди шли к поезду молча и сосредоточенно. Устроившись в одном из вагонов, я все же решил пойти узнать, что произошло. Я вышел на перрон и спросил первого встречного.

— Как, вы не знаете? Значит вы шпион! — и он повлек меня в милицию. Не буду говорить здесь, что я пережил в ближайшие минуты. Мои документы были со мной, но какие! Меня тут же могли запрятать за решетку, ведь я все еще тогда был «изгоем», «минусник», которому запрещено было жить в больших городах, а Чердынцевы даже и не подозревали бы о причине моего внезапного исчезновения и, следовательно, ничего не могли сообщить, в случае чего, моей жене. Однако все обошлось благополучно. Я объяснил, где был, что мои знакомые в поезде подтвердят, кто и что я, и причину моего вопроса, который действительно около пяти часов дня 22 июня 1941 года должен был показаться нелепым, странным, подозрительным.

Тут я только и узнал, что случилось. Меня отпустили. Вернувшись в вагон, я сказал лишь одно слово: «Война». Больше до Ленинграда мы не говорили, не сказал ни одного слова никто во всем вагоне. Так сотня с лишним людей и доехала до Московского вокзала, не проронив ни единого слова. Страшное мгновенье, длившееся часы!»

С. 201. *...Сергея Капица...* — Капица, Сергей Петрович, впоследствии доктор наук, известный телеведущий.

С. 202. *...академик Амбарцумян...* — Амбарцумян, Виктор Амазаспович (р. 1908), советский астрофизик и физик, академик (1943) и президент (1943) АН Армянской ССР, академик (1953) АН СССР.

...благодаря поддержке Александра Ерминингельдовича Арбузова... — Арбузов А. Е. (1877–1968), химик-органик, основатель отечественной научной школы фосфорооргаников, академик АН СССР (1942).

С. 203. ...академика Каныша Имматгеновича Сатпаева... — Сатпаев, Каныш Имантаевич (1899–1964), геолог, академик АН СССР (1946). Президент АН Казахской ССР с 1946 по 1952 и с 1955 г.

С. 204. ...читала книгу Шнитникова об Алма-Ате... — Шнитников, Владимир Николаевич, биолог, зоолог, орнитолог, натуралист, путешественник, автор многочисленных книг и публикаций, вышедших в Алма-Ате, Москве и Ленинграде. (Екатерина Сергеевна пишет о книге «Воспоминания натуралиста», изданной в Алма-Ате в 1943–1945 гг. — Прим. К.В. Чердынцевой.)

С. 205. ...академика Фесенкова. — Фесенков, Василий Григорьевич (1889–1972), академик АН СССР (1935), астроном, один из основоположников астрофизики в стране.

С. 206. ...письмо от какого-то полусумасшедшего колхозника, который якобы нашел в своем огороде сильное радиоактивное излучение. — Этот эпизод нашел отражение в автобиографической повести В. В. Чердынцева «Близнецы». (См.: Чердынцев В. В. Фарфоровая роза. М., 1980. С. 95–97.)

С. 212. ...две монографии... — Имеются в виду работы В. В. Чердынцева «Распространенность химических элементов» (М.: Гостех-издат, 1956. 360 с.), выпущенная позднее на английском языке издательством «The University of Chicago Press», и «Уран²³⁴» (М.: Атомиздат, 1969. 308 с.). Третья монография Виктора Викторовича увидела свет уже после его смерти (Ядерная вулканология. М.: Наука, 1973. 208 с.). В списке его научных трудов (Указ. соч. С. 198–206) около 150 публикаций.

...обидел академика Шатского... — Шатский, Николай Сергеевич (1895–1960), геолог, один из основоположников учения о геологических формациях, академик АН СССР (1946).

С. 213. ...вызвал к себе министр и посулил ему казахского члена-корреспондента... — Этот случай также зафиксирован в повести «Близнецы». (См.: там же. С. 110–112.)

С. 215. ...встреча с писателем и археологом А. Л. Никитиным... — В. В. Чердынцев стал героем не только публицистических публикаций Андрея Леонидовича Никитина (упомянутое интервью — Смена. 1969. № 11; Новый трансуранин найден в природе // Наука и жизнь. 1970. № 2.). О встрече с ученым писатель рассказал в повести «Цветок папоротника». (См.: Никитин А. Л. Дороги веков. М., 1980. С. 507–514.) А. Л. Никитин написал также предисловие и был редактором упомянутого посмертного сборника: Чердынцев В. В. Где, когда и как возникла былина?

С. 216. ...он мог помнить столько разных сведений из областей, казалось бы, далеких от его основной специальности. — Оширочайшем кругозоре Виктора Викторовича и в науке, и в литературе, и в истории культуры вспоминают практически все его ученики, коллеги и знакомые: Б. А. Айзенштат (профессор Среднеазиатского ун-та), В. А. Алексеев (зав. лабораторией космохимии, Черноголовка), А. Б. Вистелиус (в годы войны — сотрудник Нефтяного ин-та), Г. В. Войткевич (геохимик, Ростов-на-Дону), И. В. Гольденфельд (геофизик, Киев), бывший аспирант Т. А. Ибраев, О. А. Сонгина (профессор КазГУ). Не случайно персонаж повести А. Л. Никитина, прототипом которого был В. В. Чердынцев, назван автором Сократ.

В заключение приведем отрывок из воспоминаний геохимика из МГУ Н. А. Титаевой о ее последней встрече с Виктором Викторовичем, которого она считала одним из своих учителей в науке:

«Лето 1971 года. В МГУ проходит Первый международный геохимический конгресс, которым руководит наш заведующий кафедрой академик А. П. Виноградов. Следом за ним должен был начаться Международный геофизический конгресс... В последний день конгресса неожиданно распахивается дверь, и порывисто входит Виктор Викторович Чердынцев с какими-то людьми. Он явно взвинчен, нервозен. Я его таким никогда не видела. Правда, не видела до этого больше года. Предлагаю кофе. В ответ: «А виски здесь тоже предлагают?» Не очень уверенно достаю из сейфа «виски» и наливаю. Он выпил. Сказал: «Сегодня сделал доклад на геохимическом конгрессе, послезавтра — буду на геофизическом. Все от меня привыкли ждать сенсаций», — и быстро ушел.

На следующий день на работе у него случился инфаркт».

Заметим, в научном мире сенсаций от Виктора Викторовича ждали вполне обоснованно. Академик В. В. Меннер и А. Л. Никитин писали: «В. В. Чердынцев, выбирая для своих работ наименее изученные, а чаще вообще неизвестные области, неизменно оказывался первооткрывателем, идущим далеко впереди общемирового фронта исследований» (см.: Ядерная вулканология. С.192–198).

Тропой непроторенной

*Памяти Виктора Викторовича
Чердынцева*

Аулы спят тихонько под горой,
Журчит ручей, задумчивый и сонный...
И нам не вспоминаются порою
Те, кто прошел тропой непроторенной.

Мы на гору усталой чередой
Взбираемся по каменистым склонам.
Но кто-то первый шел перед тобой
Путем, тогда еще не проторенным.

Он не был прост, тернистый этот путь:
Тяжелый бой, открытый и бессонный,
Вел тот, кто, не желая отдохнуть,
Шел первый по тропе непроторенной.

И мир в лиловый сумрак погружен,
И россыпь звезд владеет небосклоном...
Примите от меня земной поклон
За то, что шли путем непроторенным!

Н. Титаева

Г. И. Курочкин

Праздники и быт на моей родине в Норском посаде, по воспоминаниям детства и ранней юности

Георгий Иванович Курочкин (02.04.1875–23.06.1958) — коренной норянин. До сих пор на 2-й Норской набережной стоит в запустении каменный двухэтажный дом (№ 21), в котором жила большая семья Курочкиных. В земской начальной школе посада начались годы его учебы. В 10 лет Георгий держит экзамен в 1-й класс Рыбинской гимназии, а после ее окончания поступает (1893) на медицинский факультет Московского университета, где в то время преподавали В. И. Вернадский и И. М. Сеченов, К. А. Тимирязев...

Заметим, что Г. И. Курочкину «повезло» не только на педагогов: в гимназии его соучеником был Алексей Алексеевич Ухтомский (1875–1942) — будущий физиолог и мыслитель, академик; в Москве — Алексей Иванович Абрикосов (1875–1955), патолого-анатом, академик; Максим Петрович Кончаловский (1875–1942), терапевт, профессор (брат выдающегося художника); Евгений Иванович Марциновский (1874–1934), паразитолог и инфекционист, организатор борьбы с малярией в СССР; Николай Александрович Семашко (1874–1949), народный комиссар здравоохранения РСФСР (1918–1930), академик, и др.

Студент пятого курса Г. И. Курочкин в декабре 1898 г. прерывает учебу на год: он сопровождает на лечение во Францию больного костным туберкулезом сына ярославского губернатора Б. В. Штурмера (по октябрь 1899). Через год после возвращения он сдает экзамены за университет, получает диплом «лекаря с отличием» и становится земским врачом в селе Вошажниково Ростовского уезда.

Только в начале XX в. Г. И. Курочкин возвращается в любимый Норский посад — земским врачом. Он не только лечит норян, но и занимается их просвещением: преподает гигиену в посадском и фабричном училищах, организует драматический кружок, где является и актером, и режиссером, и художником. По его инициативе Земское собрание Ярославского уезда в 1911 г. приняло решение о реорганизации системы сельского здравоохранения: Георгия Ивановича назначают уездным санитарным врачом, и он возглавляет эту работу, прерванную в 1914 г. призывом на военную службу.

После организации в Ярославле госпиталей и службы старшим ординатором лазарета в 1917 г. он добивается отправки на Западный фронт, где в 1918 г. на некоторое время попадает в плен к немцам.

Вернувшись в Ярославль, вновь становится санитарным врачом, но уже райисполкома Ярославского уезда, а с 1920 г. заведующим санитарно-профилактическим подотделом Яргубздравотдела. Заслуги Георгия Ивановича в становлении советской системы здравоохранения в ярославском крае в самый сложный начальный период ее организации огромны. Помимо этого он читает курсы экспериментальной медицины и социальной гигиены в пединституте, преподает в техникумах и на рабфаке, ведет научно-исследовательскую работу, по результатам которой выступает с докладами на медицинских съездах и конференциях, печатается в профессиональных журналах. Все эти годы он избирался депутатом Ярославского городского совета депутатов и активно работал в его секции здравоохранения.

В 1930 г. Г. И. Курочкин переходит врачом санитарно-бытового сектора на строящийся Резиноасбестовый комбинат; в 1934-м его назначают руководителем отдела благоустройства, а через год —

заведующим станцией оздоровления труда комбината. Не будет преувеличением сказать, что без непосредственного участия Георгия Ивановича не было построено и сдано в эксплуатацию ни одного корпуса не только на гигантском промышленном комплексе, но и в его жилом поселке... После выделения в 1941 г. из комбината самостоятельных предприятий Г.И. Курочкин остается работать на шинном заводе. Только в 1957-м, за год до смерти, персональный пенсионер областного значения оставляет работу.

Георгий Иванович, без сомнения, состоялся как профессионал, но заслуги в медицине далеко не исчерпывают незаурядного потенциала его многогранной личности. В Государственном архиве Ярославской области среди более чем четырех сотен (!) дел его личного фонда (ф. Р-2562), помимо материалов его научной и организаторской деятельности в здравоохранении, десятки и десятки представляют его литературное наследие. Он оставил после себя интереснейшие мемуары, разнообразные исследования и материалы по ярославскому краеведению. (Частично они были сданы в архив его сестрой Агнией Ивановной в начале 1960-х гг.)

Особое место в жизни Г.И. Курочкина занимал театр, увлечение которым началось еще в юности. Университетские годы пришлось на время расцвета русского театра: Георгия Ивановича связывали дружеские отношения с М.Н. Ермоловой и ее семьей, В.Н. Рыжовой, Е.Д. Турчаниновой, Т.Л. Щепкиной-Куперник и др. Это отразилось в мемуарных текстах, посвященных выдающимся деятелям отечественного искусства, и переписке с некоторыми из них. Отдельный комплекс в фонде составляют исследования Георгия Ивановича и собранные им материалы по истории Ярославского театра им. Ф. Г. Волкова.

Огромный интерес, и не только для ярославцев, представляют воспоминания об истории семьи Курочкиных, о Норском посаде и его быте. К сожалению, давно уже поднятый вопрос об издании сборника трудов Георгия Ивановича так и остается нерешенным.

В настоящее издание включена только одна из рукописей, созданная Георгием Ивановичем в начале 1950-х гг. Она, как нам кажется, может быть поставлена в один ряд с «Летом Господним» Ивана Шмелева: у нас появилась уникальная возможность увидеть годовой круг повседневной жизни Норского посада рубежа XIX–XX вв. глазами его внимательного и любящего жителя.

В фонде Г.И. Курочкина хранятся как рукописи, так и авторизованные машинописи этих воспоминаний (д. 126–135), тексты которых незначительно отличаются, после их сопоставления для настоящей публикации издателем внесены в них небольшие пунктуационные изменения, в основном касающиеся разбивки на абзацы.

Все даты в тексте приведены по церковному календарю (по старому стилю).

С. 221. *...народные чтения с теневыми картинками.* — Форма внешкольного образования и воспитания простого народа, доступные лекции по разным областям знаний. Сопровождались демонстрацией световых, иначе туманных, картин через «волшебный фонарь» (первый диапроектор) с использованием стеклянных диaposитивов. О самом механизме появления изображения на экране в словаре Брокгауза и Ефрона находим следующее пояснение: «В фонарь вставлялись разные картины и медленным закрыванием одного объектива и открыванием другого заставляли одну картину как бы скрываться в тумане, из которого выступала мало-помалу другая картина» (см.: Фонарь проекционный // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 36. Кн. 71. С. 227). Туманные картины могли также называться теневыми.

В Норском посаде чтения проходили в бесплатной народной библиотеке, устроенной в 1897 г. в здании посадского училища (сохранилось на 2-й Норской наб., 37). Сообщено Н. А. Русиновой.

С. 223. *Фамилия Курочкиных старинная, норская. Прадеды были простые мещане...* — Одно из первых упоминаний фамилии Курочкиных относится к июню 1767 г. В Наказе от жителей Норской слободы купцу И. М. Угрюмову, избранному норянами в качестве депутата для участия в комиссии о сочинении проекта нового Уложения (по манифесту Екатерины II), зафиксированы имена купцов Алексея и Василия Курочкиных, а также мещан Гавриила и Емельяна. Подписи под документами были поставлены за них другими лицами, т. к. все четверо были неграмотными. (См.: Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т. 93. С. 303).

Отметим, что упомянутый купец Угрюмов — отец известного исторического живописца и портретиста Григория Ивановича Угрюмова (1764–1823) (см. исследование Г. И. Курочкина о художнике и его работе в Благовещенской церкви: ГАЯО, ф. р-2562, д. 109–112).

В родословной Г. И. Курочкина находим имена его прапрадеда Федора Сергеевича Курочкина (1760–1821) и его сыновей Арсения (или Арсентия), Афанасия и Михаила. Прадед мемуариста Арсений Федорович (1791–28.07.1831) был дважды женат: на норской мещанке Дарье Ивановне Канатьевой (1794–1816) и на крестьянке д. Парково Сереновской волости Ярославского уезда Марфе Назарьевне (ум. 5.09.1870). От первого брака родились Екатерина (ум. 22.07.1848) и Василий (дед мемуариста), от второго — Семен (ум. 17.07.1889), Иван и Мария (в замуж. Новикова).

Дед начал торговать льном... — Курочкин, Василий Арсеньевич

(1816–7.06.1875). Подобно некрасовским коробейникам торговал по деревням мелким товаром (нитки, пуговицы, леденцы). 24 октября 1838 г. женился на крестьянке из зажиточной семьи М. А. Бобковой. В 1841 г. «вкупился» в петербургскую артель «по щетинному делу». Помог ему в этом дядя жены купец 2-й гильдии Дементий Гаврилович Миронов (ок. 1797–7.03.1852). Вернувшись на родину в 1851 г., Курочкин завел мастерскую для обработки щетины. Являлся гласным Норской думы. Пожар дома 9 июля 1858 г., долги и судебные тяжбы, с ними связанные, чрезмерное увлечение алкоголем способствовали преждевременной кончине В. А. Курочкина «от водянки живота». Незадолго до смерти совершил поездку на богомолье к святым местам в Киев. С середины 1850-х гг. вел дневник, в который писал «разные разности» семейного и делового характера. (ГАЯО, ф. р-2562, оп. 1, д. 253)

А семья была большая! — В дневнике В. А. Курочкина указано 13 детей, а по воспоминаниям его жены Мавры Артемьевны, их было 15 (очевидно, Василий Арсеньевич записал не всех). Однако выжили только пятеро: Елизавета (17.08.1841–01.1919, в замуж. Новикова); Екатерина (1843–4.06.1873, в замуж. Понизовкина); Анна (1846–21.01.1870, в замуж. Каюкова); Иван (9/10.12.1849–25.12.1914) — отец Г. И. Курочкина — и Евдокия (1854–13.07.1871). Кроме того, следует учесть, что дед мемуариста после смерти своего отца, как единственный кормилец и самый старший в семье (за исключением сестры Екатерины), взял на себя заботу о братьях Иване и Семене, а также о сестре Марии.

У отца с матерью было десять детей: трое первых умерли в детстве, семь остальных росли по-хорошему. — Брак Ивана Васильевича Курочкина и Екатерины Алексеевны Снегиревой (17.11.1850–6.12.1935), дочери норского священника, был зафиксирован 6.02.1872 г. Их дети: Георгий — автор воспоминаний; Антонина (20.04.1878–17.04.1937, в замуж. Пирожникова); Василий (26.06.1880–13.10.1921); Елена (30.01.1882–7.06.1981, в замуж. Федотова); Агния (10.01.1885–19.07.1982, в замуж. Надеждина); Николай (6.02.1889–15.03.1946) и Борис (3.03.1892–20.01.1972). Умерли в младенчестве и детском возрасте Николай (27.11.1872–28.09.1875/76), Евдокия (24.12.1873–24.06.1874) и Борис (1.03.1877–17.06.1877).

...бабушка по отцу... — Курочкина, Мавра Артемьевна (1819–31.12.1888, урожд. Бобкова). Родилась в семье оброчного крестьянина д. Меленки Путятинской волости Ярославского уезда. Отец и братья работали в петербургских артелях, дома кроме «Маврушеньки» оставались ее младшая сестра Катя и мать Анна Логиновна (ок. 1790–28.03.1857, скончалась в Норском посаде). Дядя Мавры Артемьевны, вышеупомянутый купец Миронов, и его сын Алексей

предоставляли Василию Арсеньевичу деньги под проценты, которые он выплачивал неисправно, поэтому в 1871 г. Миронов-младший предъявил ему судебный иск.

После этого родственные и деловые отношения между семьями прекратились. Известно также, что в д. Дьякове Путятинской волости Ярославского уезда проживал двоюродный брат М. А. Курочкиной Михаил Игнатьевич Кучин (ум. 13.04.1880) и его жена Феоктиста, их дочери Паша и Аннушка. У последней было двое детей, муж работал в питерской артели. О поездке с бабушкой в Дьяково, о встречах с Кучиными Георгий Иванович оставил воспоминания. Скончалась М. А. Курочкина скоропостижно в возрасте 69-ти лет от воспаления легких. Смерть бабушки, по словам мемуариста, была самым тяжелым испытанием в молодые годы.

...французские романы Габорио, Золя, Евгения [Эжена] Сю, немецкие — Шпильгагена. — Габорио Эмиль (1832–1873); Сю Эжен (наст. имя Мари Жозеф, 1804–1857); Золя Эмиль (1840–1902); Шпильгаген Фридрих (1829–1911).

С. 232. *...плоты кошевника...* — По словарю В. И. Даля, это дровяной трехполенный лес, в сплаве, в кошлях. Слово было записано в Костромской губернии.

...плоды... кукельвана. — Высоковьющееся кустарниковое растение из семейства кукельвановых, плоды и семена которого ядовиты, произрастает в Азии.

С. 237. *...подпасок-полудурачок Ванька Рига...* — одноклассник Г. И. Курочкина по начальной норской школе, ученик-второгодник. См. о нем в работе Георгия Ивановича «Наше раннее детство». (ГАЯО, ф. р-2562, оп. 1, д. 165, л. 72)

...старик Аполлон Кириллыч... — Новиков А. К. (ок. 1836–31.05.1901), норский мещанин. Скончался от паралича в возрасте 65 лет. (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 752, л. 165 об.–166)

...занимает обедня. — Литургия (*греч.* — общее дело, общественная служба), в православной церкви — обедня: главное христианское богослужение, во время которого священнодействуется воспоминание Тайной вечери Иисуса Христа, совершается таинство евхаристии. Служится утром или в первую половину дня.

С. 238. *...обедни — Палестрины, Моцарта, Берлиоза, Шумана, Верди.* — Палестрина, Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1525–1594), Моцарт, Вольфганг Амадей (1756–1791), Берлиоз Гектор (1803–1869), Шуман Роберт (1810–1856), Верди Джузеппе (1813–1901).

...композиторы прошлых столетий — Глинка, Веделъ, Турчанинов, Бортнянский, Воротников... Чайковский, Гречанинов, Чесноков,

Ипполитов-Иванов... — Глинка, Михаил Иванович (1804–1857), Ведель, Артемий Лукьянович (1767, по др. данным 1770, 1772–1808), Турчанинов, Петр Иванович (1779–1856), Бортнянский, Дмитрий Степанович (1751–1782), Воротников, Павел Максимович (1804–1876), Чайковский, Петр Ильич (1840–1893), Гречанинов, Александр Тихонович (1864–1956), Чесноков, Павел Григорьевич (1877–1944), Ипполитов-Иванов, Михаил Михайлович, наст. фам. Иванов (1859–1935).

С. 239. *...сторож Осипыч...* — Волков, Николай Осипович (ок. 1858–22.03.1907), норский мещанин. По данным переписи 1897 г., проживал в церковном доме на Успенской улице с женой Анной Ивановной (38-ми лет) и дочерью Еленой (4-х лет). Скончался от воспаления легких. (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 898, л. 78 об.; ф. 642, оп. 3, д. 1480, л. 176 об.–177)

...«Хвалите имя Господне» Ломакина. — Ломакин, Гавриил Якимович (Иоакимович) (1812–1885), русский композитор.

С. 240. *Ирмосы обычно пели «на гласы».* — Восемь разновидностей хвалебных церковных песнопений, понедельно сменяющих друг друга.

...Сарти... — Сарти Джузеппе (1729–1802), итальянский композитор, педагог.

...концерт нашего ярославца Зиновьева «С нами Бог»... — Зиновьев, Василий Николаевич (15.01.1874–25.03.1925), священник Троицкой церкви при Николаевском детском приюте, регент, композитор. См.: *Зиновьев В., священник. С нами Бог: Избранные песнопения* / Составитель и автор вступительной статьи Л. А. Зуммер. Ярославль, 2001.

...пели Архангельского... — Архангельский, Александр Андреевич (1846–1924), русский хоровой дирижер, композитор.

...вокруг аналая... — Аналогий, налой — высокий стол с наклонной столешницей, на котором в церкви читается Евангелие и другие священные книги, на него также кладут иконы, крест.

...юного сына Ванечки... — Толстой, Иван Львович (1888–1895), сын Л. Н. Толстого, скончался от скарлатины.

...пел полный хор Большого театра. — Александр III скончался в 1894 г. Г. И. Курочкин в это время (1893–1900) учился на медицинском факультете Московского университета, о чем он оставил обширные воспоминания.

С. 245. *...ездили мы с матерью к деду-священнику в село Введенское Романовского уезда...* — Речь идет о Снегиреве, Алексее Ивановиче (10.03.1823–8.12.1892), сыне дьячка с. Шендоры Нажеровской волости Ростовского уезда Ивана Ивановича Лебедева (1782–1.08.1861) и его супруги Матрены Абрамовны

(1782–31.08.1861). Учился в Ростовском духовном училище, где было несколько Лебедевых, и, чтобы их не путать, начальство Алеше поменяло фамилию *Лебедев* на *Снегирев*. В 1840–1846 гг. обучался в Ярославской духовной семинарии. Затем три года служил чиновником в полицейском управлении. В 1849 г. был определен на место священника к Успенской церкви Норского посада. В 1851–1867 гг. исполнял обязанности депутата Норской ратуши, с 1867 г. — законоучителя Норского училища. Осенью 1882 г. отец Алексей вышел в «заштат», выдав замуж младшую дочь Елизавету и освободив свое место зятю А. К. Богородскому, однако службу не оставил: служил священником в женском монастыре г. Ростова, а потом в с. Введенском Максимовской волости Романов-Борисоглебского уезда. В 1889 г. вышел в отставку. Скончался от сердечного приступа.

Был женат на Варваре Николаевне Сахаровой (25.01.1831–21.01/02.1862), дочери протоиерея ярославской Власьевской церкви Николая Андреевича (1802–21.11.1861) и Елизаветы Гавриловны (ум. 6.06.1873, урожд. Казанской). За 13 лет супружеской жизни в семье Снегиревых родилось 8 детей, из которых 6 умерли в младенческом и детском возрасте: Николай (23.12.1851–10.11.1854), Александр (20.05.1853–7.06.1853), Гавриил (18.06.1854–22.06.1858), Николай (5.09.1855–17.04.1863), Иван (30.03.1858–23.06.1858) и Сергей (29.01.1861–7.09.1862). Дети умирали от золотухи, простудных заболеваний и летних поносов, Николай 2-й умер от дифтерита. В зрелом возрасте скончались только мать мемуариста Екатерина и ее сестра Елизавета.

С. 248. *...приносили... хоругви.* — Полотнища с изображением Христа или святых, укрепленные на древке, — принадлежность церковных шествий.

С. 249. *Из Рыбинска — тетушка Елизавета с тремя-четырьмя детьми.* — Новикова, Елизавета Васильевна (урожд. Курочкина), тетка мемуариста. В 1859 г. вышла замуж за «норского купеческого сына» Степана Григорьевича Новикова (1828–12.08.1880) управляющего на лесопильном заводе рыбинского купца Галунова. Позднее С. Г. Новиков открыл в Рыбинске собственную лесную торговлю. Являлся крестным отцом Георгия Курочкина. Умер в возрасте 52-х лет от рака. В семье Новиковых было 9 детей: Ольга (1863–23.03.1943), Александр, Ираида, Павел, Анна, Николай, Василий, Елизавета и Валентина (р. 10.02.1877). В 1885–1893 гг. мемуарист учился в Рыбинской гимназии и проживал в семье Новиковых.

Из Ярославля приезжала сестра Елена, у которой было восемь детей. — Федотова (урожд. Курочкина), Елена Ивановна (30.01.1882–7.06.1981). Состояла в браке с Павлом Ивановичем

Федотовым (06.1873–12.1924), по профессии паровозным машинистом. Их дети: Юрий (30.09.1900–26.01.1956), Евгения (5.01.1902–22.02.1992, в замуж. Давыдова), Вера (9.08.1903–14.05.1972, в замуж. Петрова), Иван (26.06.1905–30.08.1962), Нина (26.01.1907–15.09.1983), Лидия (17.11.1911–11.06.1976, в замуж. Асеева), Ксения (10.01.1913–13.07.2000, в замуж. Куклина) и Борис (р. 17.05.1918).

...*Понизовкины...* — Речь идет о семье Екатерины Васильевны Понизовкиной (урожд. Курочкиной), тетки мемуариста. К Курочкиным мог приезжать ее муж Степан Кузьмич с сыновьями Иваном и Александром, с дочкой Ольгой, а также с братом Семеном и сестрой Секлетеей. Известно, что Александр умер в раннем детстве от укуса собаки, а Иван после смерти матери воспитывался в семье Курочкиных.

Отец братьев Понизовкиных Кузьма Петрович приходился братом Никите Понизовкину, который основал крупнейший паточно-химический завод на Волге (ныне ООО «Ярпатока» — Ярославский крахмало-паточный комбинат). Братья Понизовкины по сравнению с «дядюшкой» и двоюродными братьями имели небольшие заводы: Степан — картофелепаточный в д. Дурково Боровской волости Даниловского уезда, Семен — картофелетерочный в д. Пески Диево-Городищенской волости Ярославского уезда. Первый завод производил продукции в год на сумму 4200 рублей, второй — на сумму 2250 рублей. (См.: Ярославский календарь на 1890 год. Ярославль, 1889. Отд. II. С. 54.)

...*Шитовы...* — Речь идет о двоюродной сестре мемуариста Ольге Степановне Шитовой (урожд. Понизовкиной) и ее муже Александре Яковлевиче, приказчике хлебного торговца И. А. Вахрамеева, ярославского городского головы.

...*Лебедевы...* — Вполне возможно, что речь идет об Екатерине Ивановне Лебедевой, урожд. Федотовой (1871–1923) и ее муже Иване Мироновиче, приказчике тверицкого купца Байбородина (указано Г. П. Федотовой). Двоюродные сестры матери мемуариста Е. А. Курочкиной (урожд. Снегиревой) имели фамилию Троицкие, т. к. их отцу Сергею Ивановичу (ок. 1819–26.08.1869), священнику с Воскресенского Угодичской волости Ростовского уезда, фамилию Лебедев начальство семинарии поменяло на Троицкий. Напомним, что аналогичный случай со сменой фамилии произошел также с его братом Алексеем, правда, не в семинарии, а в духовном училище. Известно, что одна из дочерей ростовского священника умерла «в девицах», вторая вышла замуж за крестьянина, умерла бездетной. См. также примеч. к с. 245.

С. 252. ... *священник из Архангельской церкви...* — Речь идет с Николае Павловиче Вишерском. Из мемуаров Г. И. Курочкина извест-

но, что Вишерский был приятелем его деда, священника А. И. Снегирева, еще со времен учебы в Ярославской духовной семинарии в 1840–1846 гг.

...молебен с акафистом. — Акафист — букв. неседальное пение — краткое церковное богослужение с хвалебным песнопением, исполняемым стоя с участием всех молящихся.

С. 253. *...наша тетушка с девятью детьми...* — См. примеч. к с. 249 о семье Новиковых.

С. 254. *...была замужем за состоятельным купцом.* — Вероятно, речь идет об Ираиде Степановне Фоминой (урожд. Новиковой) и ее муже Николае Ивановиче. Брак их был зафиксирован 30 января 1883 г.

С. 258. *...прекрасную картину Прянишникова...* — Прянишников, Илларион Михайлович (1840–1894), живописец, член-учредитель Общества передвижников. Вероятно, речь идет о картине «Спасов день на севере» (1887) из Третьяковской галереи.

С. 260. *...профессор А. И. Анисимов... нашел старую заброшенную икону.* — Анисимов, Александр Иванович (1877–1937), научный руководитель Центральных государственных реставрационных мастерских, профессор Московского и Ярославского университетов, заведующий отделом религиозного быта Московского исторического музея. Икона Толгской Богоматери (тронная), продатированная концом XIII в., была обнаружена в Воздвиженской церкви Толгского монастыря в 1919 г. (См.: *Анисимов А. И.* Реставрация древней русской живописи в Ярославле. 1919–1926. М., 1926. С. 3–4; Государственная Третьяковская галерея. Древнерусское искусство X — начала XV века. Каталог собрания. М., 1995. Т. 1. С. 107–108.)

С. 261. *...Максим Грек.* — Максим Грек, наст. имя Михаил Триволис (ок. 1475–1556), иконописец, церковный писатель и переводчик.

С. 263. *На литию и на полиелей они выходили собором...* — Лития — греч. усердное всенародное моление — часть всенощного богослужения, для пения которой выходят в притвор или к западным дверям церкви или совсем вне ее; полиелей — самая торжественная часть богослужения, когда в храме возжигаются все светильники, открываются Царские врата, и священник с дьяконом выходят из алтаря и совершают каждение всего храма. «Выходили собором», т. е. все вместе, торжественно.

...члены общества хоругвеносцев... — Часто они являлись и членами организаций «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др., отличавшиеся крайне реакционными взглядами. См.: *Размолodin М. Л.* Указ. соч.

...нянька моих младших сестер и братьев Марфа Савельевна. — Барыцкая М. С. (ок. 1855–12.1927). Вынянчила Елену, Николая,

Агнию и Бориса Курочкиных. 19 октября 1898 г. вышла замуж за норского мещанина Иосифа Семеновича Волкова. В метрических книгах Благовещенской церкви Норского посада указан возраст невесты и жениха — 56 лет и 43 года. Волков женился во второй раз, Барыцкая — в первый (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 752, л. 117 об.–18). Отметим, что в дневнике отца мемуариста И. В. Курочкина у жениха указана фамилия Барцев (ГАЯО, ф. р-2562, оп. 1, д. 254, л. 8 об.). По этому поводу см. примеч. к с. 275 о двойных фамилиях.

С. 268. *...учитель — Борис Иванович Голубев...* — Голубев Б. И. (р. ок. 1858), учитель Норского земского начального народного училища, закончил учительскую семинарию. По воспоминаниям мемуариста, погиб, замерзнув на дороге.

С. 272. *...на амвоне...* — Возвышенная площадка в церкви перед иконостасом, с которой священник произносит проповеди, а дьякон провозглашает ектенью.

...поливали елеем. — Оливковое масло, употребляемое в церковных обрядах.

С. 273. *...крылены...* — Рыболовный снаряд, представляющий собой сетчатый кошель на обручах.

...дядя Егор Перцев. — Возможно, речь идет о норском мещанине Георгии (Егоре) Ивановиче Колчине. Перцев — его уличная фамилия, прозвище.

С. 275. *У большинства живущих здесь была фамилия Новиковы; но все они шли под кличкой Вериных.* — Случай, когда норяне имели две фамилии: одну официальную, другую полуофициальную, уличную, для Норского посада не единичен: с помощью фамилий-прозвищ различались многочисленные прихожане с одинаковыми коренными фамилиями. В метрических книгах Благовещенской церкви конца XIX — начала XX в. зафиксированы следующие «двойные» фамилии: Волковы (Барцевы), Потехины (Лузиновы), Колчины (Кулючины), Колчины (Перцевы), Новиковы (Верины) и др. (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 752, л. 65 об., 72, 73 об., 74 об., 93 об., 96) При этом отличить уличную фамилию от официальной по метрическим книгам не всегда представляется возможным, т. к. священник в записях зачастую менял их местами. Среди Вериных-Новиковых (так зафиксирована фамилия в метриках вышеназванной церкви) удалось обнаружить мещанку Марью Васильевну, которая скончалась 28.03.1901 в возрасте 87-ми лет. (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 752, л. 165 об.–166)

С. 276. *...дядя Иван Арсеньевич Курочкин...* — Еще одна ветвь рода Курочкиных. Известно, что у И. А. Курочкина имелся сын Иван, у которого была дочь Надежда (в замуж. Степанова), в советские годы заведовала одним из городских архивов. Мемуарист приходится

Ивану Арсеньевичу внучатым племянником.

...двоюродный брат Григорий Васильевич Новиков... — Новиков Г. В. (р. ок. 1853), маляр-подрядчик (главным образом в Угличе), староста Успенской церкви Норского посада. За заслуги по духовному ведомству был награжден золотой медалью на Аннинской ленте (1914). По сведениям переписи населения 1897 г., проживал с женой Евлампией Григорьевной на Зарецкой набережной Норского посада (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 5541, л. 38 об.; ф. 642, оп. 3, д. 1481, л. 63 об.—64).

С. 277. *...тетка «бабушка Катерина»...* — Вероятно, речь идет об Екатерине Артемьевне (урожд. Бобковой), сестре бабушки Г. И. Курочкина Мавры Артемьевны. Фамилию по мужу установить не удалось. Подсказано Г. П. Федотовой.

...сестра Лиза с мужем... — Речь идет об Елизавете Алексеевне Богородской (урожд. Снегиревой) (15.07.1859–16.10.1887), тетке мемуариста, и ее муже Александре Константиновиче (ок. 1860–6.12.1888), священнике Успенской церкви Норского посада. Брак их был зарегистрирован 8 ноября 1882 г. Е. А. Богородская скончалась в возрасте 28-ми лет от порока сердца, а вскоре от чахотки умер и муж. В семье осталось двое детей — Иван и Софья. Их воспитывала бабушка, вдовья попадья Александра Богородская, дочь настоятеля норской Троицкой церкви, протоиерея и благочинного Иоанна Афанасьевича Немирова (1808–1900).

...«ренковского» погребка... — Торговое заведение, которое производило продажу спиртных напитков только на вынос.

С. 281. *...елка то в нашей семье, то в семье... священника отца Александра Смирнова...* — В других своих воспоминаниях, хранящихся в ГАЯО, «Наше раннее детство» Георгий Иванович еще раз описывает празднования в обеих семьях:

«...Елку привозили из леса, большую, пышную, так что верхушку уже приходилось обрубать. Ставили елку в кадку с овсом посередине зала.

За несколько дней до назначенного для елки вечера все мы принимались готовить для нее украшения. Склеивали из золотой и серебряной бумаги цепи из колец, такой же бумагой оклеивали грецкие орехи, прикрепляли к ним сургучом узенькие цветные ленточки, такими же ленточками обвязывали пряники, конфеты, «усанки» — так назывались конфеты, завернутые в цветную фольгу, один конец у нее был мелко изрезан и представлял что-то вроде бахромы. На одной стороне был наклеен маленький цветочек. Они были копейки по три штука. С виду эти конфеты были очень соблазнительны, но содержание было какое-то сухое, невкусное, рассыпчатое.

Из тонкой бумаги мы выкраивали и вырезали сетчатые тюрючки конусом и наполняли их орехами, недорогими конфетами, клали в них урюк и винные ягоды. Игрушками для раздачи были дешевые куклы, лошадки, зайчики, кошечки.

На верх елки прикреплялись блестящий ангел с распущенными крыльями и аист, несущий в клюве ребенка. Эти редкости после елки убирали в горку до следующего года.

Украшала елку мать, а мы вертелись около нее и наперебой подавали ей со стола конфеты, игрушки и хлопушки с цветными колпаками на голову.

Приглашали на елку Смирновых, и деда по матери Алексея, и тетю Лизу, и родственников по отцу Канатьевых и Новиковых. У последних было очень много детей всяких возрастов. Всего собиралось больше 20 человек.

Гости и мы выходили из столовой в зал, когда елка была уже зажжена отцом. Восторг у нас был необычайный...

Мы, дети, бегали, прискакивали вокруг елки, взявшись за руки, водили хороводы, играли в фанты, в свои соседи, а старшие сидели по стенам на диванах и стульях и любовались нами, их обносили на большом подносе чаем со свежими сладостями, а мужчины по приглашению отца время от времени подходили к столу с выпивкой и закуской.

Когда свечи догорали, отец и мать оделяли всех детей сладостями и игрушками, и мы с детским любопытством рассматривали друг у друга, что кому досталось....»

С. 288. ...с культурной ярославской семьей Душиных — это была близкая родня моей матери <...> Ее двоюродные сестры — Софья, Елена, Нина... — Речь идет о Марии Николаевне Душиной, урожд. Сахаровой (1840–1907), ее муже Константине Яковлевиче (1833–14.05.1890), а также их детях Надежде (1860–1909, в замуж. Липинской), Софии (1866–1935, в замуж. Такман), Елене (1877–1933, в замуж. Берсеновой) и Нине (1879–1918, в замуж. Голгофской). Известно, что статский советник К. Я. Душин, сын дьячка с Всехсвятского Меленской волости Пошехонского уезда, служил (с 1886) начальником 3-го отделения Ярославской казенной палаты, скончался от гриппа. (См.: К. Я. Душин (некролог) // ЯГВ. 1890. № 39. Часть неоф.; Алексеев В. П. Ярославский некрополь. Вып. 1. Тугова гора. Ярославль, 2000. С. 20–21.)

По ... мережке... — Вышивка узкой сквозной полоской, по продольным нитям ткани.

С. 289. ...старый писарь из управы Пав. И. Розов... — Розов П. И. (р. ок. 1833), закончил духовное училище, проживал на Набережной улице Норского посада. (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1480, л. 104 об.–105)

С. 290. *Когда я учился в старших классах гимназии и в университете, отец и меня брал с собой с визитами. ...посещали всех священников...* — Известно, что Г. И. Курочкин учился в Рыбинской гимназии в 1885–1893 гг., в Московском университете в 1893–1900, поэтому посещать с отцом они могли следующих священников: Александра Ивановича Смирнова (служил в Троицкой церкви в 1890–1902); Валерьяна Николаевича Богородского (в Благовещенской церкви в 1890–1906); Вениамина Константиновича Петропавловского (в Успенской церкви в 1888–1894) и Леонида Николаевича Богородского (в этом же храме в 1894–1919), Николая Павловича Вишерского (в Архангельской церкви с. Норского в 1853–1898) и Платона Александровича Розова (здесь же в 1898–1918 гг.). Л. Н. Богородский и П. А. Розов, вероятно, служили в вышеуказанных храмах и после революции.

...Тоскиных... — Тоскин, Василий Миронович (1844–24.01.1909), норский купец, уроженец Мышкинского уезда, владелец трактира, содержал хлебную и бакалейную торговлю, староста Благовещенской церкви с 1879 г. За заслуги по духовному ведомству был награжден серебряными медалями на Станиславской ленте (1884) и на Аннинской (1894). Скончался «от инфлуэнцы» (обычно так называли грипп). По воспоминаниям Г. И. Курочкина, в семье В. М. Тоскина и его жены Анны Григорьевны было 9 детей. На Успенской улице проживали его братья — Яков (1847–23.12.1912), Петр (1851–3.05.1901), владелец ренского погреба и бакалейной лавки, и сестра Екатерина (ок. 1844–26.04.1904). (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 4571, л. 31 об.; оп. 11, д. 898, л. 28 об.–29, 110 об., 145 об.; ф. 643, оп. 3, д. 1480, л. 171 об.–172, 241 об.–242)

...Николая Антоновича Колчина... — Колчин Н. А. (ок. 1859–13.09.1913), норский купец, торговал лесом, проживал на Набережной улице. (ГАЯО, ф. 230, оп. 11, д. 898, л. 161 об.; ф. 642, оп. 3, д. 1480, л. 85 об.–86)

С. 294. *...в лице сотского Василия Носова...* — Сотский — крестьянин, выбиравшийся сельским сходом для выполнения общественных обязанностей, надзора за порядком.

Носов, Василий Александрович (р. ок. 1854), «щекотур-подмастерье», проживал в с. Норском (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1481, л. 237 об.–238).

...и десятского Евлампия Козы... — Выборное должностное лицо из крестьян (обычно от каждых десяти дворов), помощник сотского.

Речь идет об Евлампии Федоровиче Голубятникове (р. ок. 1850), «полицейском десятском по посад», проживал на Зайчиковой улице. (ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1480, л. 349 об.–350; см. примеч. к с. 275 о прозвищах и вторых фамилиях.)

...в бархатных ротондах. — Верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки.

С. 295. ...две сестры выходили замуж после Крещения. — Известно, что Антонина Ивановна Курочкина вышла замуж 28.01.1898 г. за Владимира Сергеевича Пирожникова, а ее сестра Елена 9.01.1899 за Павла Ивановича Федотова. Сообщено Г. П. Федотовой.

С. 296. ...песнь в переложении поэта Языкова... — Речь идет о подражании 136-му псалому («В дни плена полные печали...») поэта Н. М. Языкова.

С. 298. Такие катанья называли «столбами». — О масленичных катаньях в Ярославской губернии см.: Шустрова И. Ю. Этнография русских Верхнего Поволжья: праздничные традиции XIX — начала XX в. Ярославль, 1994. С. 11—12; Памятники живой старины: Иван Васильевич Костоловский и его вклад в изучение этнографии Ярославского края / Публикация И. Ю. Шустровой и М. Ю. Тимченко // Ярославский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1996. С. 158—161.

С. 301. ...хорошо знакомый мне священник отец Александр... — По всей видимости, именно со времени службы о. Александра Смирнова в Благовещенской церкви началась дружба двух семей.

С. 302. ...дьякон Бухарин... — Бухарин, Василий Алексеевич (ок. 1841— до 1889), дьячок (с 1859), позднее дьякон Благовещенской церкви Норского посада. Супруга его — Агриппина Иудовна (ок. 1844—9.03.1912). (ГАЯО, ф. 230, оп. 2, д. 3893, л. 15 об.; оп. 11, д. 898, л. 142 об.—143)

С. 305. ...блеклые саратовские сартинки. — Тонкая хлопчатобумажная ткань в клетку или в полоску.

Воспоминания о семье Смирновых

Текст помещен Г. И. Курочкиным в одном из альбомов с его фотографиями, хранящихся у Г. П. Федотовой. Написан он, по-видимому, в конце 1920-х — начале 1930-х гг.

С. 312. ...играли в преферанс... — В одном из фотоальбомов, хранящихся у Г. П. Федотовой, находим запись о том, что традиция вечернего преферанса перешла к следующему поколению: постоянными партнерами в начале XX в. были С. А. Петровых, Г. И. Курочкин и инженеры фабрики.

...гуляли в Пробоевском саду (и мы, детьми, с ними)... — О прогулках со Смирновыми в Пробоевском саду Г. И. Курочкин пишет и

в воспоминаниях «Наше раннее детство». (ГАЯО, ф. р-256 2, оп. 1, д. 165, л. 28–29):

«Но вот и Смирновы!

Лавка запиралась, и вся компания отправлялась в Пробоевский сад. Так называлась старая липовая роща — остатки старой барской усадьбы «господ Голохвастовых». В центре рощи была небольшая площадка, и от нее радиусами шли темные густые аллеи из прекрасных лип. Дорога к роще шла ржаными полями, мы, маленькие, вертелись около взрослых, прятались в высоких хлебах, искали друг друга, весело собирали различные цветы, васильки. В роще сохранились полуразрушенные земляные одернованные скамьи, на них мы немного отдыхали и шли дальше в небольшой березняк на горке. Мы обходили два пруда, оставшиеся от старых времен — «серебряный» и «золотой». Нам объясняли, что так называли их потому, что в одном жили «серебряные» караси, в другом — «золотые». Сейчас они заросли тиной и осокой и лишь местами виднелись крупные лилии.

В березняке мы копались во мху и к своей великой радости находили какой-нибудь высохший серенький грибок или солодашку с пунцовой головкой и со своей добычей бежали к матери.

Отсюда спускались крутым оврагом к речке Норе, среди ольхи и осины она пробиралась небольшой хрустальной полоской по камешкам к Волге.

Все эти места отец с гордостью называл Норской Швейцарией.

Вот издали появилась блестящая широкая полоса воды, а за ней заволжские села и деревни с полями и темнозелеными лесами. А по сторонам этого прекрасного, как изящная рама, вида стояли на горках две наши белые церкви — Пятницкая и Никольская.

Вновь спускались к речке по крутой размытой дождями глинистой тропинке. Это было нам и интересно и страшно; предложение взять нас на руки мы капризно отвергали и с визгом спускались сами, хватаясь руками за растущие здесь кустики, чтобы не упасть.

По большому мосту переходили обратно реку к «Пятнице на лавочку», откуда был великолепный вид на Волгу с далекими-далекими далями до самого Ярославля.

Старшие сидели здесь с полчаса, смотрели на Волгу, на плывущие плоты, на бегущие пароходы и вели тихий разговор о том, как растут травы, овсы, картофель. А мы вперегонку бежали по горе, кто скорее сбежит вниз и обратно.

А потом медленно шли домой, ужинали, и мы ложились в постели и засыпали блаженным детским сном.»

С. 314. *Благодаря знакомству с Аполлинарием Платоновичем Крыловым...* — А. П. Крылов — ярославский церковный, затем

земский деятель, краевед. Подробнее см.: Ярославские краеведы: Библиографический указатель, аннотированный / Сост. В.П.Алексеев. Ярославль, 1988. Часть 1. С. 21–22; *Дмитриев С. В.* Воспоминания. Ярославль, 1999. С. 74, 332.

Норская мануфактура в ее прошлом и настоящем

Очерк развития мануфактуры и ее производства

Норская мануфактура находится в Ярославской губернии, в 12 верстах от Ярославля, на правом берегу Волги, и принадлежит учрежденному на паях Товариществу Норской мануфактуры. Пространство, занимаемое мануфактурой, со всеми фабричными и жилыми строениями, лесными дворами, лугами, садами и парками составляет 175 десятин в одной меже.

27 марта 1859 года утвержден устав товарищества Норской мануфактуры. По этому уставу товарищество именовалось «Товариществом Норской мануфактуры льняных изделий». 3 марта 1860 года состоялось открытие фабрики и начались работы. Сначала Норская мануфактура была исключительно льнопрядильной. При открытии фабрики было 8 716 прядильных веретен, на которых вырабатывалось в год от 40 000 до 50 000 пудов пряжи разных номеров. В 1863 году поставлено еще 8 716 веретен и 80 самоткацких станков. В 1878 году работало всего 18 580 веретен и 244 самоткацких станка. В это время вырабатывалось в год пряжи до 100 000 пудов от № 3 до № 120 и полотна разных номеров до 750 000 аршин. Лен для переработки шел по преимуществу русский (ярославский, вологодский, владимирский и вятский), но для номеров пряжи выше 70 выписывался лен французский и бельгийский в количествах от 5 000 до 10 000 пудов.

Высочайше утвержденным 10 июля 1881 года положением Комитета министров разрешено именовать товарищество вообще «Товариществом Норской мануфактуры», так как с этого времени параллельно с производством льняных изделий установилось на мануфактуре производство хлопчато-бумажной пряжи. В 1881 году было поставлено 31 728 бумаго-прядильных веретен, и затем бумаго-прядильное дело постепенно развивалось, достигши к концу 1897 года до 70 880 веретен. В течение 1899 года поставлено вновь 30 166 прядильных веретен, так что с начала 1900

года работает всего бумаго-прядильных веретен 101 076, из которых 30 092 веретена работают медно № 34, 21 084 веретена работают ватер № 24, 32, 34 и 40, 49 180 веретен работают уток № 32, 36, 38 и 40-й и 720 веретен работают пряжу № 3, 5 и 6-й из отбросов от бумаго-прядения. В 1899 году на 70 880 веретенах в 274 дня (по 20¹/₂ рабочих часов в день) выработано пряжи 153 200 пудов при среднем номере 33. [Номер (№) — это толщина нити (чем больше число, тем тоньше); медно, ватер, уток — разновидности пряжи.] Рабочих на бумаго-прядильной факбрике 1900 года состоит 2 140 человек. Для выработки бумажной пряжи идут хлопки: египетский в количестве до 60 000 тыс. пудов, американский в количестве 55 000 тыс. пудов и азиатский разных сортов в количестве 60 000 пудов. Египетский и американский хлопок доставляется на фабрику по железной дороге, азиатский же хлопок частью водным путем по Волге.

Для ремонта и поддержания в порядке всех отделов мануфактуры при фабрике имеются мастерские: столярная, модельная и малярная с 11 мастеровыми, кузница, паяльная и медно-литейная с 15 мастеровыми, слесарная и токарная с 44 мастеровыми.

Двигатели

Все исполнительные механизмы фабрики приводятся в действие исключительно паровой силой, для чего служат две паровые машины высокого давления (в 11 атмосфер), одна англий-ского завода Вуд в 900 индикаторных сил и другая швейцарского завода братьев Зульцер в 1 600 сил. От первой машины сила передается канатами, а от второй — электрическим током при посредстве 20 электромоторов от 5 до 200 сил. Кроме этих паровых машин работают еще 7 малых паровых машин, от 6 до 16 сил для водоснабжения, подъема дров и леса с Волги на берег и перекачивания нефтяных остатков из барж в расположенные на берегу железные цистерны.

Топливо

Топливом для всех паровых котлов, а также и для потребностей жилых строений, служат дрова и нефтяные остатки. Первых выходит в год до 4 100 куб. сажен, а вторых до 200 000 пудов. Дрова, как и весь потребный для мануфактуры строевой лес, получаютс исключительно из принадлежащих мануфактуре лесных имений, находящихся в Новгородской (13 546 десятин) и Тверской (12 213 десятин) губерниях. Дрова и весь лесной материал доставляются из имений к мануфактуре водой в лодках и сплавом в плотах. Для подъема дров и всякого лесного материала с Волги на берегу устроены три подъемных машины, приводимые в действие паровой силой. Нефтяные остатки доставляются из Астрахани в баржах по Волге.

Освещение

Одна часть фабрики освещается газом, а другая электричеством. Для производства газа существует собственный газовый завод в 3 печи по 5 реторт каждая. Газ добывается из древесных опилок, получаемых в изобилии при распиловке дров и строительного материала на собственных, находящихся при мануфактуре, лесных дворах. Газовый завод питает до 1 000 горелок. Для освещения электричеством служит специальная динамо-машина на 800 калильных лампочек с силой света на 16 свечей каждая.

Водопровод

Для охранения от пожарных случаев фабричных и жилых строений и имущества живущих, кроме передвижного пожарного обоза, на мануфактуре устроен водопровод. В центре жилых и фабричных строений находится водонапорная башня, в верхнем ярусе которой помещается резервуар вместимостью в 12 000 ведер. Этот водяной резервуар неприкосновенен для других нужд, и назначение его служить только во время пожара. По мере расходования воды из резервуара последний непрерывно пополняется водой специально приспособленным для этой цели насосом, дающим в час до 7 000 ведер воды. От водонапорной башни по всему району фабричных и жилых построек идет водопроводная сеть, снабженная гидрантами, или пожарными кранами, к каждому из которых могут быть привинчены два пожарных рукава. Каждый рукав может выбрасывать воды до 2 000 ведер в час, и, чтобы пустить в действие один рукав, достаточно двух человек (один при гидранте и другой у брандспойта), при действии двумя руками от одного гидранта достаточно трех человек. Так как резервуар водонапорной башни находится на 20 футов выше самых высоких крыш в районе фабричного двора, то каждый гидрант или присоединенный к нему пожарный рукав, кидает воду выше крыш фабричных строений. В третьем ярусе водонапорной башни помещается другой резервуар, служащий для снабжения водой живущих на мануфактуре. Из этого резервуара проведена вода во все жилые строения, находящиеся в районе водопровода.

Учреждения, имеющие целью благосостояние рабочих

Жилища рабочих

Норская мануфактура, находясь среди деревенских селений, тем самым избавлена от необходимости иметь помещения для всех работающих на мануфактуре. Около половины рабочих живут в околных деревнях при своих семьях и на фабрику приходят толь-

ко на рабочие часы. Для рабочих же из отдаленных местностей на мануфактуре вблизи фабрики построены четыре корпуса (1 — трехэтажный каменный, 1 — трехэтажный с нижним каменным этажом и трехэтажной каменной серединой, где помещены лестницы, и 2 — деревянных двухэтажных), в которых помещается 1 671 человек рабочих и их семей (964 работающих и 707 неработающих). Корпуса эти устроены по одному типу каморочной системы для 4–6 человек на каморку. Всех каморок во всех четырех корпусах 377. Среднее число живущих на одну каморку, с кубическим содержанием воздуха 9 куб. сажень, приходится 4,4, так что на каждого человека приходится по 2 куб. сажени воздуха каморки, кроме воздуха теплых коридоров, идущих вдоль корпусов. Отопление водяное, вентиляция при посредстве вытяжных труб непрерывная. В каждом корпусе устроено по одной и по две кухонных печи на две семьи. В трехэтажных корпусах лестницы металлические, в двухэтажных — деревянные. Кроме поименованных четырех корпусов в районе мануфактуры есть семь отдельных флигелей в 1–2–3–4 и более квартир, в которых помещаются разные мастерские (слесари, кузнецы, столяры, печники и др.) и приказчики. Всех живущих в этих флигелях 144, из них работающих 44 и неработающих 100. При спальнях рабочих устроены летние бараки, в которых рабочие летом спят, а зимой держат запасы провизии. Пользование спальнями бесплатное.

Харчевная лавка

Учреждена специально для доставления рабочим возможности покупать недорогие и доброкачественные пищевые продукты. В течение года продается:

Муки ржаной	до 14 500	пудов
» пшеничной	» 6 000	»
Хлеба черного	до 6 500	пудов
» белого	» 3 000	»
Крупы гречневой	» 1 000	»
» пшенной и др.	» 2 200	»
Картофеля	» 1 500	мер
Мяса и солонины	до 1 600	пудов
Рыбы разной	» 550	»
Капусты квашеной	» 2 000	»
Масла коровьего »	200	»
» постного	» 1 200	»
Чая	» 20	»
Сахара	» 2 500	»
Прочих припас.	» 5 500	»

Забор харчевых продуктов для рабочих не обязателен, и рабочие имеют возможность покупать харчевые припасы в ближайших лавках Норского посада. Кроме того, в район фабрики беспрепятственно допускаются торговцы жизненными предметами (мясо, овощи и др.) из околных деревень.

Баня

Баня состоит из трех отделений: бани для служащих, бани для рабочих и прачечной для рабочих. Баня каменная с кирпичными сводами на металлических балках и бетонными полами во всех отделениях. Поверх бетонных полов настланы деревянные полы с отверстиями для стока воды на бетонный пол, а оттуда в отводный канал. Баня бесплатная.

Больница

Больница открыта одновременно с открытием фабрики в 1860 году при 15 кроватях. С 1895 года больница эта служит исключительно для лечения инфекционных болезней (тиф, оспа, скарлатина, дифтерит, корь и др.). В 1895 году построена вторая больница на 24 кровати с кубическим содержанием воздуха 3, 48 куб. сажени на каждую кровать. В новой больнице устроены 3 общих палаты для больных (1 — женская и 2 мужских), 3 отдельных палаты для больных заразных (рожа и т. п.), операционная с дезинфекционным отделением, 2 ванн, аптека, приемная для амбулаторных больных, общая столовая, кухня и 2 помещения для женской и мужской прислуги. Больные мужчины помещаются во 2-м этаже, а женщины в 1-м этаже. Отопление водяное с непрерывной вентиляцией, причем свежий воздух поступает подогретый сверху, а испорченный вытягивается через трубу, идущую через пол вниз, так что направление тяги идет по диагонали комнаты. При больнице находится родовспомогательное отделение на 4 кровати и квартира для акушерки. Врачебный персонал больницы состоит из врача, фельдшера (он же исполняет обязанности провизора), помощника фельдшера, акушерки и двух сиделок. Среднее количество амбулаторно принимаемых в год больных 12 800. Расходы Товарищества на содержание больницы в 1898 году выразились цифрой 5 920 рублей.

Школа

Школа (начальная) для детей рабочих существует с 1874 года и содержится на средства Товарищества Норской мануфактуры. Все учебные пособия даются также Товариществом бесплатно. Курс проходится в 3 года. В 1898/99 учебном году в школе состояло: 164 учащихся (в том числе 97 мальчиков и 67 девочек), 1 — законоучи-

тель, 1 — учитель и 2 учительницы. В 1899 г. выпущено с аттестатом 35, из которых 23 мальчика и 12 девочек. Помещение школы состоит из трех классов с кубическим содержанием воздуха при непрерывной вентиляции по $11\frac{1}{2}$ кубических аршина на каждого ученика, из рекреационного зала высотой в два этажа, приспособленного к чтением с туманными картинами и спектаклям, особой комнаты для платья учеников, из сеней с теплыми клозетами, одного запасного класса и квартиры старшего учителя. Содержание школы обходится Товариществу в год до 2 070 рублей.

Воскресные чтения

Воскресные чтения ведутся ежегодно с 1 октября по Пасху для рабочих всех возрастов. Каждое чтение состоит из двух отделений: в первом читаются статьи религиозно-нравственного содержания, во втором — классические произведения преимущественно русских авторов. Чтения сопровождаются туманными картинами. В 1897, 1898 и 1899 годах была прочитана вся русская история с показанием световых картин при помощи волшебного фонаря. С 1 октября 1899 года читаются произведения Пушкина тоже с показанием туманных картин. Зала может вместить 400 человек. Чтения обходятся средним числом до 100 рублей в год.

Библиотека для рабочих

Библиотека открыта в 1892 году. Книги для чтения выдаются рабочим на дом бесплатно. В настоящее время в библиотеке считается 1 672 названия в 2 042 томах. Читающих в первый год было 425 человек, а в 1898 году было 245. Уменьшение читающих объясняется открытием в окольных селениях, где живут рабочие, новых школьных библиотек. Наибольший спрос книг падает на отдел русской словесности, потом на религиозно-нравственный и исторический. В течение 1898 года было выдано 7 868 книг, так что на каждого читающего приходится в год средним числом по 32 книги. По возрасту читавшие в последнем году распределялись так:

От 12 до 15 лет.....	74
» 15 » 20 ».....	56
» 20 » 25 ».....	24
» 25 » 30 ».....	22
» 30 » 35 ».....	22
» 35 » 40 ».....	17
» 40 » 45 ».....	14
» 45 » 50 ».....	16

Наибольший процент читающих падает на возраст от 12 до 20 лет, потому что дети и подростки до 17 лет проводят в работе на фабрике меньшее время, следовательно, имеют больше свободного времени для чтения книг. Наименее читают книги в возрасте 35 до 50 лет. В этом возрасте наименьший процент грамотных. Библиотека для рабочих обходится Товариществу в год до 50 рублей.

Библиотека для служащих

Открыта в 1889 году на средства Товарищества Норской мануфактуры и поддерживается частью средствами Товарищества и частью платой за чтение книг. Годовая плата за чтение книг установлена не одинаково для всех служащих: она увеличивается сообразно жалованью служащих от 1 до 5 р. В начале библиотека состояла из 1 623 томов, в настоящее время числится 2 457 томов. Средним числом в год производится до 3 000 выдач книг. При 40 абонентах библиотеки на каждого приходится средним числом в год 75 книг. Содержание библиотеки обходится Товариществу до 150 рублей в год.

Страхование рабочих

Рабочие и служащие Норской мануфактуры коллективно страхуются от несчастных случаев на фабрике в страховом обществе «Помощь». В случае временной неспособности к труду пострадавшему выдается полное жалованье или полная заработная плата за все время болезни от несчастного случая. В случае полной неспособности к труду пострадавший получает 3-годовичное жалованье или 3-годовичную заработную плату. В случае увечий, ограничивающих способность к труду, выдается от 5% до 50% трехгодовичного жалованья или заработной платы. В случае смерти от несчастного случая наследники умершего получают 3-годовичную заработную плату. Лечение за счет фабрики бесплатное.

Почтово-телеграфное отделение и сберегательная касса

В 1891 году было открыто почтово-телеграфное отделение и при нем сберегательная касса. Учреждение это потребовало устройства особого дома, который со всем обзаведением стоил Товариществу 2 400 руб. За первые три года содержание дома с жалованьем служащих при отделении обходилось средним числом по 340 руб. в год, по истечении же этих трех лет дела отделения пошли настолько успешно, что почтово-телеграфное ведомство приняло на свой счет содержание служащих, и с тех пор расходы мануфактуры ограничиваются только отоплением и освещением почтово-телеграфного дома, выражаясь суммой 240 руб. в год. До 1893 года операции судо-сберегательной кассы были очень незначительны, с этого же года

установилась уже довольно активная связь между кассой и рабочими. Так было.

	Принято вкладов	Выдано вкладов
В 1893 г.	6 767,75 р.	955,65 р.
1894 »	8 010,05 »	2 482,43 »
1895 »	8 821,00 »	3 360,89 »
1896 »	7 403,25 »	4 978,05 »
1897 »	5 999,50 »	5 607,90 »
1898 »	5 282,00 »	2 512,95 »
Итого за 6 лет	42 283,55 р.	19 897,67 р.

Телефон

Телефон между мануфактурой и Ярославлем устроен как для нужд конторы, так и для пользования рабочими. Содержание телефона обходится в год в 250 рублей.

Пароходная пристань

Пароходная пристань у берега мануфактуры построена и поддерживается средствами мануфактуры, у пристани останавливаются все пассажирские пароходы, делающие рейсы между Нижним Новгородом и Тверью, что дает возможность живущим на мануфактуре пользоваться удобствами пароходного сообщения между всеми пунктами, расположенными по реке Волге и ее притокам.

(Отд. изд. Москва. 1900)

Съезд мануфактурных деятелей

На вчерашнем заседании членов О-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности был прочитан ряд докладов по отдельным секциям. В прядильно-ткацкой группе наибольшее внимание вызвал доклад В.И. Чердынцева о причинах дороговизны русского прядения. Он привел ряд интересных сопоставлений русского хлопчатобумажного прядения с английским и пришел к выводам о необходимости серьезной таможенной охраны нашей промышленности. Наши слабые места, по мнению до-кладчика, в общих чертах сводятся к следующему.

Русской промышленности по целому ряду причин приходится работать при наличности старых машин и их разнотипности. Мало разработан важный вопрос о новых формах передачи силовой энергии. Оборудование фабрик в России удорожается устройством домов для рабочих, школ, больниц, хлопковых складов, запасных магазинов, квартир для служащих и пр. Дороговизна топлива, ремонт машин, как и система увлажнения, вызывают лишние накладные расходы, которых не знает английская промышленность. Русские рабочие менее интеллигентны, и производительность их труда ниже английского рабочего. В Англии совершенно отсутствует контингент «запасных» рабочих. Русская промышленность платит налогов больше, чем английская. Положения докладчика были приняты группой.

(Утро России. 1914. 16 февраля)

Мои воспоминания о работе на Норской фабрике

Я родилас в Норском бывшая Прохоровская фабрика, на этой фабрике работал и мой отец Чихачев Петр Васильевич в 1961 г ему исполнится 100 лет [со дня рождения]. на фабрике он проработал 60 лет, мать Н.П. Чихачева работала 40 л банкоброшницей братья А П Чихачев, константин, Вадим и Ольга тоже долгое время работали на фабрике.

Я работала на фабрике с 14 лет на тонком банкоброше.

Жизнь на фабрике была очень нерадостная. Заработная плата была очень низкая, ниже чем на других текстильных фабриках Москвы Ленинграда и других. Условия труда были тяжелые на работу выходили с 3 ч утра до 10 часов дня. В этот-же день работали и вторую смену. Особо тяжелые условия были жилищно бытовые. Казармы были неблагоустроены темные. В каморках жили по 2 и по 3 семьи. В каморках стояли деревянные короткие кровати, у окна скамейка, небольшой столик и пара тубареток, если была семья имелся сундучок и то стоял под кроватью. Люлька с ребенком надкроватью. В полукаменных казармах для холостяков было общежитие с нарами два этажа. в этом общежитие была несосветимая грязь, заедали клопы, тараканы

Для обеспечения рабочих продуктами фабрикант Прохоров имел свой лабаз. Лабаз служил дополнительным средством эксплуатации, кроме того и средством жестокого идеательства над рабочим.

За воротами фабрики была частная торговля, тоже ничего не могли купить, потому что кредитная система была сплошное идувательство рабочих, на руки рабочие получали ничтожные копейки. Также за воротом недалеко от казарм находился трактир «Петра Сидорыча» который водку отпускал рабочим в долг. и рабочие пропивали не только последние копейки зарплаты, но также несли трактирщику одежду обувь [продукты взятые из лабаза]. Недалеко от трактира в кустах устраивалась картежная игра, а потом и драки. Пропивали и проигры-

вали не только свою зарплату но и зарплату семьи, глава семьи отец, что он хотел то и делал в частую в казармах были случаи избиение жены и детей.

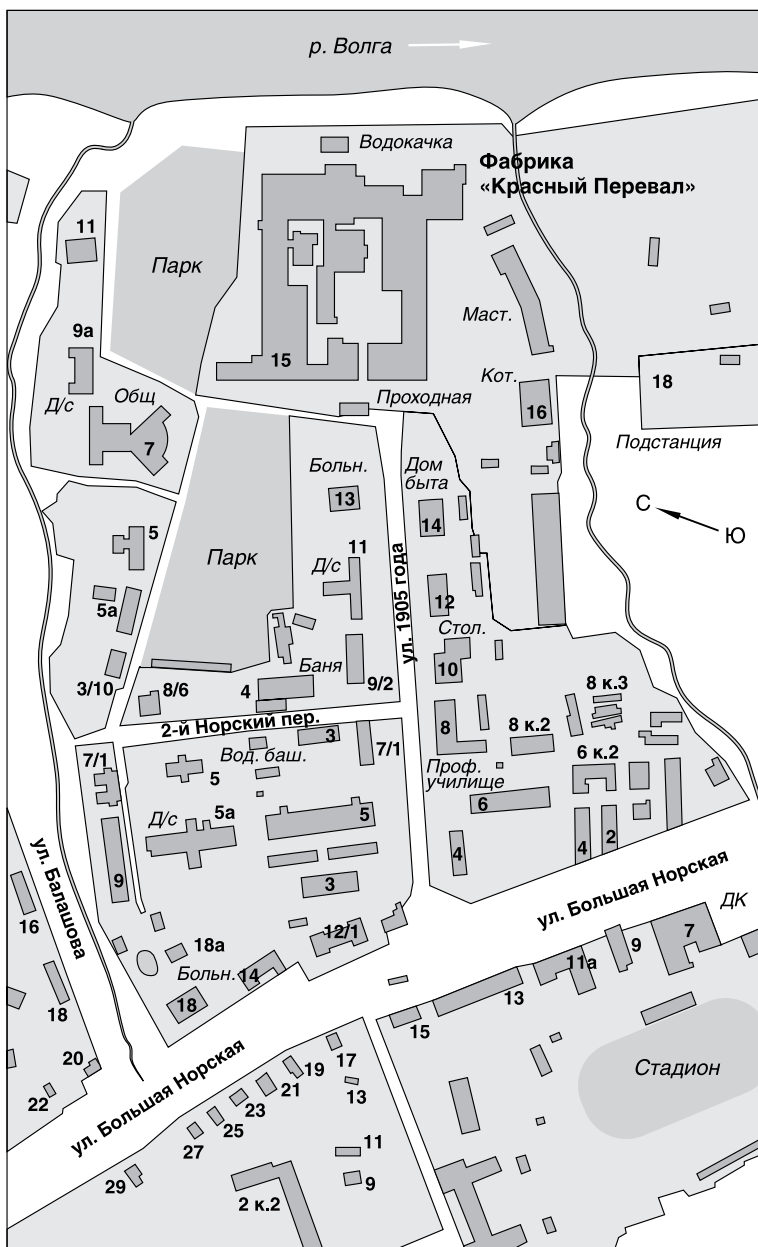
Темная и беспросветная была жизнь на прохоровской фабрике особенно в казармах, грязь клопы тараканы бесконечная брань и драки, такой на всю жизнь осталась в моей памяти каменная казарма, где я провела свое детство и молодость.

Большим угнетением и бичем для рабочих были прохоровские штрафы штрафовали за все, за брак в работе, за драку и скандалы в казармах, за стирку белья в каморках. Я помню один случай. Я работала на банкоброше в горелой фабрики брат мой Алексей Чихачев работал чесальщиком шел на работу и зашел ко мне в простанок, в это время проходил директор фабрики Петровых как его прозвали рабочие «сережа бешеный» видит, что со мной стоит молодой человек ничего не говоря ударил его по шее и фуражка по катилась по полу а на другой день мне штраф и ему а матери выговор...

29 декабря 1959 года

Анна Петровна Куропаткова (Чихачева), член КПСС с 1918 года, персональный пенсионер республиканского значения

(Музей фабрики «Красный Перевал», МФКП-810, л. 1–5; орфография и пунктуация рукописного оригинала сохранены.)

7 марта 1919 года Норская мануфактура была национализирована. Со временем существенно сократилась и обширная территория предприятия, и количество ее зданий: за фабрикой остались только производственные и вспомогательные здания, а жилые и так называемые «социально-бытовые и культурные» перешли в собственность поселка.

Внешний облик основных производственных корпусов за исключением ряда пристроек, появившихся в советское время, сохранился до наших дней. Хлопковый сарай, построенный Залесским, до сих пор служит по назначению. Кроме того, к фабрике и сегодня относится водонапорная башня, стоящая рядом с бывшими казармами.

На нынешней поселковой территории сохранились: деревянный двухэтажный с трехэтажной каменной серединой дом для служащих — сейчас жилой дом (ул. 1905 года, д. 12); кирпичное трех-этажное общежитие для служащих — ППТУ (ул. 1905 года, д. 8); комплекс конюшен и каретного двора — ныне жилые дома и сараи (Б. Норская ул., д. 2, 4); кирпичный дом с башенкой — квартиры для персонала конюшни, в настоящем — жилой дом (ул. 1905 года, д. 6, корп. 2); деревянное двухэтажное общежитие для семейных рабочих — жилой дом, с обеих сторон современные кирпичные пристройки (ул. 1905 года, д. 9/2); значительно переделана, но исправно служит местным жителям, правда теперь за деньги, баня (2-й Норский пер., д. 4); двухэтажный деревянный дом, скорее всего был общежитием для семейных рабочих (ул. 1905 года, д. 7/1); кирпичная двухэтажная с трехэтажной серединой (2-й Норский пер., д. 5а), просто трехэтажная (ул. 1905 года, д. 5) и каменная середина (деревянные крылья разобраны) (ул. 1905 года, д. 3) — казармы для рабочих; оба здания фабричной больницы: деревянное одноэтажное 1860 г. — сейчас детская поликлиника (ул. Б. Норская, д. 14) и деревянное двухэтажное 1895 г. (ул. Б. Норская, д. 18).

Мы не называем еще несколько небольших строений, которые хоть и сохранились, но их былое предназначение выяснить не удалось.

Интересно отметить, что в 1916 году С. А. Петровых обратился к губернским властям с прошением об устройстве для рабочих в зданиях школы кинематографа (ГАЯО, ф. 80, оп. 1, д. 3002).

Сообщено И. А. Рутманом. (План предоставлен главным архитектором города Ярославля А. Р. Бобовичем.)

Именной указатель

- Абрикосов Алексей Иванович — 373
Авдеев Валерий Дмитриевич — 160, 359
Агафангел (Преображенский), митрополит — 49, 51, 314, 329, 333
Айзенштат Б. А. — 371
Александр II — 167
Александр III — 240, 379
Александрова Екатерина Александровна — 183, 184, 187, 214
Александрова З. Н. — 356
Александровский Михаил Иванович — 366
Алексеев В. А. — 371
Алексеев В. П. — 385, 388
Алексей Михайлович, царь — 93
Амбарцумян Виктор Амазаспович — 202, 370
Андерсен Ханс Кристиан — 128
Андерсон Бенедикт — 320
Андроников Ираклий Лаурсабович — 162
Анисимов Александр Иванович — 260, 261, 382
Аполлон Кириллыч — 237
Аракчеев Алексей Андреевич — 64
Арбузов Александр Ерминингельдович — 202, 370
Арбузов Алексей Николаевич — 159, 358
Ариша — см. Головачева Арина Витальевна
Аросьева — 195
Арсений (Стадницкий), епископ — 48, 51, 52
Архангельская (урожденная Ушакова) Т. Д. — см. Ушакова Т. Д.
Архангельский Александр Александрович — 156, 355
Архангельский Александр Андреевич — 240, 379
Архангельский Александр Николаевич — 317
Асаров Иван Афанасьевич — 328
Асеев Николай Николаевич — 159, 160, 161, 357, 358
Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна — 358
Ахматова Анна Андреевна — 6, 148, 150–155, 160, 167, 324, 353

Бабель Исаак Эммануилович — 67, 212
Баженов Василий Иванович — 190, 365, 367
Байбородин, купец — 381
Балов Василий Иванович — 325
Баранов Асаф Иванович — 335
Бароботько Нина Николаевна — 41
Барсов Н. — 324
Барцов Михаил Петрович — 359
Барцова Мария Петровна — 359
Барыцкая (Барцева) Марфа Савельевна (в замуж. Волкова) — 263, 382
Бах Иоганн Себастьян — 151
Белинский Виссарион Григорьевич — 32
Белинский М. — 358
Беляев А. — 9, 325
Берия Лаврентий Павлович — 146, 352
Берлиоз Гектор — 238, 378
Берлянд Семен Семенович — 127, 345
Бестужев Константин Николаевич — 333
Биль-Белоцерковский Владимир Наумович — 159, 358
Бирюков Вячеслав Дмитриевич — 114, 344
Благовещенский Алексей Апполосович — 325
Блок Александр Александрович — 139, 309
Бобкова Анна Логиновна — 377
Бобкова Екатерина Артемьевна — 277, 279, 377, 383
Бобкова (в замуж. Курочкина) Мавра Артемьевна — см. Курочкина М. А.
Богомоллов Николай Николаевич — 338, 342
Богородские
 Александр Константинович — 379, 384
 Александра — 384
 Валерьян Николаевич — 385
 Елизавета Алексеевна (урожд. Снегирева) — 269, 277, 285, 379, 380, 384
 Иван Александрович — 250, 384
 Леонид Николаевич — 345, 385, 386
 Софья Александровна — 384
Борзов Петр — 163
Борзова (в замуж. Шишова) Елизавета Петровна — 163, 165, 359
Бородкин Ю. И. — 344
Бородкина Ирина — 115, 344
Борташевич, профессор — 211
Бортнянский Дмитрий Степанович — 238, 240, 378
Бражнин И. — 324
Брайнина — 356

- Брокгауз Ф. А. — 8, 44, 47, 49, 50, 115, 324, 333, 336, 375, 376
 Бухарин Василий Алексеевич — 301, 387
 Бухарин Николай Иванович — 153, 196, 353
 Бухарина Агриппина Иудовна — 387
- Валедев М. И. — 359
 Ванька Рига — 237, 378
 Василий Коврига — 239
 Вахрамеев И. А. — 381
 Ведель Артемий Лукьянович — 238, 239, 296, 378
 Вениамин (Воскресенский), епископ — 333
 Верди Джузеппе — 238, 378
 Вересаев (наст. фам. Смидович) Викентий Викентьевич — 165, 360
 Верины-Новиковы
 Авдотья — 276
 Анна — 276
 Лукерья — 275, 276
 Марья Васильевна — 383
 Вернадская Наталья Егоровна — 196
 Вернадский Владимир Иванович — 192, 196, 323, 367, 369, 373
 Видгоф Л. — 344
 Виктор П. П. — 345
 Виленский Иоанн Дмитриевич — см. Вилинский И. Д.
 Вилинские
 Екатерина Дмитриевна (в амуж. Смирнова) — см. Смирнова Е. Д.
 Екатерина Ивановна — 15
 Елизавета Дмитриевна (в замуж. Дерунова) — 12–14, 19, 341
 Дмитрий Дмитриевич — 8, 14–16, 313
 Дмитрий Иванович — 8, 324, 325
 Иван Дмитриевич (отец Иоанн) — 8, 12, 14, 325–327
 Наталья Васильевна — 8, 324
 Наталья Дмитриевна (в замуж. Капралова) — 16
 Николай Дмитриевич — 16, 331, 332
 Фаина Дмитриевна (в замуж. Меценатова) — см. Меценатова Ф. Д.
 Виноградов А. П. — 372
 Виноградов М. В. — 335, 337
 Винокуров Григорий Осипович — 156, 355
 Винокурова (урожденная Ушакова) Вера Дмитриевна —
 см. Ушакова В. Д.
 Вистелиус А. Б. — 371
 Вишперский Николай Павлович — 381, 385
 Войткевич Г. В. — 371
 Волков (Барцев) Иосиф Семенович — 382

Волков Николай Осипович (Осипыч) — 239, 247, 288, 302, 378
 Волков Я. В. — 327
 Волкова Анна Ивановна — 378
 Волкова Елена Николаевна — 378
 Воротников Павел Максимович — 238, 239, 378
 Востряков Д. Р. — 61, 334, 335
 Вострякова (урожд. Прохорова) Любовь Герасимовна — см. Прохорова Л. Г.
 Врубель Михаил Александрович — 216
 Вышинский Андрей Януарьевич — 196, 369

 Габорио Эмиль — 223, 378
 Галкин Самуил Залманович — 35, 160, 332, 359
 Галунов, купец — 380
 Гаркави, владелец завода — 18
 Гаркави, конферансье — 18
 Гарманова П. — 66, 335
 Гердт Зиновий Ефимович — 18, 327
 Герцен Александр Иванович — 32
 Герштейн Э. Г. — 353
 Гетер, профессор — 195
 Гиляровский Владимир Алексеевич — 96, 342
 Гладков А. — 357
 Глебов Анатолий Глебович — 359
 Глебов Николай Александрович — 359
 Глинка Михаил Иванович — 238, 378
 Годунова Ксения Борисовна — 38, 332
 Гоголь Николай Васильевич — 221
 Голгофский Александр Гаврилович — 61, 62, 71, 335, 360
 Головачев Виталий Дмитриевич — 109, 155–157, 187, 329, 350, 354, 355, 368
 Головачева Арина Витальевна (Ариша) — 25, 156, 157, 201, 206, 213, 322, 329, 346, 351–355
 Голохвастова Н. С. — 340
 Голубев Борис Иванович — 268, 382
 Голубятников Евлампий Федорович (Евлампий Коза) — 294, 386
 Голубятников П. Н. — 220
 Гольденфельд И. В. — 216, 371
 Гончарова Н. — 359
 Горбунов Дмитрий Максимович — 140, 348
 Горький Алексей Максимович — 146, 352
 Горяиновы
 Варвара Геннадьевна — 84

Василий Николаевич — 85, 338
Николай Александрович — 338
Юрий Васильевич — 84, 85
Гофман Василий Васильевич — 198
Грандицкая Марина Петровна — 322, 347, 348, 350, 351
Грандицкий Петр Алексеевич — 140, 141, 143, 150, 154, 322, 346–351, 354, 355
Грач Алексей Николаевич — 367
Гречанинов Александр Тихонович — 238, 378
Гречухин Владимир Александрович — 2
Грибоедов Александр Сергеевич — 191, 367
Григорий, епископ — 51
Гримм, братья — 128
Гроссман Василий Семенович (наст. имя Иосиф Соломонович) — 357, 359
Гроссман Леонид Петрович — 359
Гузанов Евгений Леонидович — 322
Гумилев Лев Николаевич — 148, 150, 151, 353
Гумилев Николай Степанович — 353
Гурьев Юрий — 191

Даль Владимир Иванович — 332, 339, 378
Д'Арк Жанна — 317
Державин Владимир Васильевич — 146, 353
Деров И. — 336
Деруновы
 Анна Осиповна — 327
 Елизавета Дмитриевна (урожд. Вилинская) — см. Вилинская Е. Д.
 Павел Осипович — 13, 326
 С. Я. — 326
Дмитрий, царевич — 86
Джугашвили Виссарион (Бесо) — 353
Дирак Поль — 369
Диоклетиан — 274
Дмитриев С. В. — 345, 388
Дмитрий Донской — 37
Димитрий, епископ — 51
Добржинский Николай — 122
Достоевский Федор Михайлович — 223
Дубасов — 127
Дубасова-Данилова Софья Артемьевна — 127, 345
Дубинкин Александр — 287
Дубинкин Денис — 287

Душины

- Елена Константиновна (в замуж. Берсенева) — 288, 385
- Константин Яковлевич — 385
- Мария Николаевна (урожд. Сахарова) — 385
- Надежда Константиновна (в замуж. Липинская) — 385
- Нина Константиновна (в замуж. Голгофская) — 288, 385
- София Константиновна (в замуж. Такман) — 288, 385

Евламкий Коза — см. Голубятников Е. Ф.

Елена, царица — 275

Евгений, священник — 290

Екатерина II — 10, 64, 339, 376

Ельчанинов И. Н. — 338

Енукидзе Авель Сафронович — 153, 353

Ермолин Евгений Александрович — 315, 333

Ермолова Мария Николаевна — 375

Есенин Сергей Александрович — 139, 347

Ефрон И. А. — 8, 44, 47, 49, 50, 115, 324, 333, 336, 375, 376

Жуковский Василий Андреевич — 221

Забелин И. Е. — 335

Заводчиков Николай Степанович — 43, 45

Заводчикова (в замуж. Петровых) Мария Степановна — 43, 46, 71, 341

Залесские

- Екатерина Семеновна — 65

- Любовь Сергеевна (Любочка) (в замуж. Книппер) — 66, 146

- Сергей Борисович — 65, 66, 114, 115, 344

Звонников Юрий Константинович (псевдоним — Ю. Юрьев) — 140, 145, 349, 350

Згура Владимир Васильевич — 366, 367

Землянский Арнольд Федорович — 335, 337, 361

Зимин С. И. — 345

Зинин Николай Николаевич — 339

Зиновьев Василий Николаевич — 240, 379

Золя Эмиль — 223, 378

Зуммер Людмила Александровна — 379

Ибраев Т. А. — 371

Иван Грозный — 38

Иван Калита — 38

Иванов Всеволод Вячеславович — 140, 347

Игумнов Константин Николаевич — 155, 156, 355

Ида, фройлейн — 112, 117, 118, 121, 129
 Ильин Михаил Андреевич — 199, 363, 364, 366, 367, 369
 Ионафан — 314
 Иосиф, митрополит — см. Петровых Иван Семенович, митрополит
 Иосиф
 Иосиф Флавий — 47, 48
 Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович (наст. фам. Иванов) — 238,
 240, 378
 Исаковский Михаил Васильевич — 159, 358

Казачевский Игорь — 214
 Канатъев Алексей — 277
 Канатъев Иван Дмитриевич — 220
 Капица Сергей Петрович — 201, 202, 370
 Капраловы
 Евгения — 16
 Елизавета — 16
 Дмитрий — 16
 Наталья Дмитриевна (урожд. Вилинская) — см. Вилинская Н.Д.
 Ольга — 16

Каратаевы
 Александра Алексеевна (урожд. Петровых) — 59, 60, 71
 Борис — 59, 60
 Зоя — 59, 60

Карасев Сергей Михайлович — 335, 337
 Карл XII — 21
 Касич К. Б. — 327
 Каун, жандарм — 67
 Келдыш Мстислав Всеволодович — 329
 Киров Сергей Миронович — 194, 195, 368
 Киселев В. А. — 333
 Кисель Александр Александрович — 188, 363
 Классен — 43
 Клейгельс Е. П. — 340
 Книппер Лев Константинович — 146, 352
 Книппер (урожд. Залесская) Любовь Сергеевна — см. Залесская Л.С.
 Книппер-Чехова Ольга Леонардовна — 146
 Ковалевская Софья Васильевна — 137, 346
 Козлов Василий — 250
 Кокарева Харитина Петровна — 21, 119, 120, 123, 128
 Колчин А.Е. — 220
 Колчин (Перцев) Георгий (Егор) Иванович — 273, 383
 Колчин Николай Антонович — 290, 384

Кольцов Алексей Васильевич — 223
 Константин Великий — 272
 Кончаловский Максим Петрович — 373
 Короткевич Иосиф Антонович — 68, 170, 337
 Корсунская Ольга Николаевна — 74, 111, 338
 Косов Николай — 206
 Костоловский Иван Васильевич — 387
 Кравец Торичан Павлович — 195, 200, 201, 368
 Крайнов Михаил Константинович — 322
 Крамаров Семен — 109
 Крамарова (урожд. Петровых) Елена Сергеевна — см. Петровых Е. С.
 Крамарова Татьяна Семеновна (Тата) — 109, 110
 Красин Леонид Борисович — 67, 71, 181, 182, 337
 Красин Юлий Борисович — 71
 Крылов Аполлинарий Платонович — 315, 324, 341, 388
 Кузмин Михаил Алексеевич — 317
 Кукель-Краевский А. С. — 191, 367
 Кукобовская Екатерина Алексеевна — 17, 18, 327, 341
 Курицин Иван — 337
 Куропаткова (урожд. Чихачева) Анна Петровна — 337, 401
 Курочкины
 Агния Ивановна (в замуж. Надеждина) — 250, 304, 375, 377, 382
 Алексей — 376
 Анна Васильевна (в замуж. Каюкова) — 377
 Антонина Ивановна (в замуж. Пирожникова) — 112, 250, 307, 314, 343, 377, 386
 Арсений (Арсентий) Федорович — 376
 Афанасий Федорович — 376
 Борис Иванович — 377, 382
 Василий — 376
 Василий Арсеньевич — 220, 376, 377
 Василий Иванович — 250, 307, 312, 314
 Гавриил — 376
 Георгий Иванович — 2, 90, 94, 95, 278, 285, 303, 311, 318, 320, 322, 325, 331, 332, 340, 343, 345, 373–377, 379–381, 384–387
 Дарья Ивановна (урожд. Канатьева) — 376
 Евдокия Ивановна — 377
 Евдокия Васильевна — 377
 Екатерина Алексеевна (урожд. Снегирева) — 223, 250, 269, 291, 331, 377, 380, 381
 Екатерина Арсеньевна — 376, 377
 Екатерина Васильевна (в замуж. Понизовкина) — 377, 380
 Елена Ивановна (в замуж. Федотова) — см. Федотова Е. И.

Елизавета Васильевна (в замуж. Новикова) — см. Новикова Е. В.
Емельян — 376
Иван Арсеньевич — 276, 279, 376, 377, 383
Иван Васильевич — 223, 332, 343, 377, 382
Иван Иванович — 383
Мавра Артемьевна (урожд. Бобкова) — 376, 377, 384
Мария Арсеньевна (в замуж. Новикова) — 376, 377
Марфа Назарьевна — 376
Михаил Федорович — 376
Надежда Ивановна (в замуж. Степанова) — 383
Николай Иванович — 250, 377, 382
Семен Арсеньевич — 376, 377
Федор Сергеевич — 376
Кустодиев Борис Михайлович — 338
Кутавкин Т. Я. — 220
Кутузова Елизавета Александровна — 214
Кухарчик Людмила Акиндиновна — 322
Кучины
 Аннушка — 377
 Михаил Игнатьевич — 377
 Паша — 377
 Феоктиста — 377

Лависс Эрнест — 317
Ларионов М. — 359
Латышев С. — 333
Лбовский Ангелис — 348
Лебедев (Снегирев) Алексей (отец Алексей) — см. Снегирев Алексей Иванович
Лебедев В. А. — 327
Лебедев Иван Иванович — 379
Лебедев Иван Миронович — 381
Лебедев Иван Федорович — 179, 361
Лебедев Ларион, кучер — 63, 70, 79, 81, 83, 105
Лебедев (Троицкий) Сергей — см. Троицкий Сергей Иванович
Лебедева Екатерина Ивановна (урожд. Федотова) — 381
Лебедева Матрена Абрамовна — 379
Леонов Леонид Максимович — 159, 160, 357, 358
Леонтьюк А. М. — 353
Леплевский Григорий Моисеевич — 195, 369
Лесков Николай Семенович — 221, 223
Лермонтов Михаил Юрьевич — 158
Липкин С. Я. — 353, 354

Лойтер Лиза — 356
Ломакин Гавриил Якимович (Иоакимович) — 239, 379
Луначарский Анатолий Васильевич — 98, 139
Львов Алексей Михайлович — 339

Магда, фрейлейн — 119
Максим Грек (наст. имя Михаил Триволис) — 261, 382
Мандельштам Надежда Яковлевна (урожд. Хазина) — 353, 354
Мандельштам Осип Эмильевич — 148, 150–154, 160, 344, 353
Мандровский Иван Иулианович — 66, 335
Мануил, митрополит — 49
Маша, кухарка — см. Палисадова М. А.
Мария Петровна, гувернантка — 112
Маркиш Перец Давидович — 154, 354
Марковы
 Елена Федоровна (урожд. Румянцева) — см. Румянцева Е. Ф.
 Лев Иванович — 166
 Марина Львовна — 166
Маркс Карл — 23
Марфа, няня — 279, 287
Марциновский Евгений Иванович — 373
Матусовский Михаил Львович — 159, 358
Мейерхольд Всеволод Эмильевич — 183
Мельников Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский) — 223
Меннер В. В. — 372
Меценатовы
 Валентина Клавдиевна — 11
 Варвара Клавдиевна — 10–12, 326
 Вера Николаевна — 11
 Елизавета Клавдиевна — 10, 11, 326
 Клавдий Николаевич — 326
 Клавдий Петрович — 10, 11, 282, 283, 313, 325, 326
 М. Н. — 326
 Николай Клавдиевич — 10, 11, 313
 Петр Васильевич — 325
 Фаина Дмитриевна (урожд. Вилинская) — 9, 10
Миллер Петр Николаевич — 366
Миронов Алексей Дементьевич — 377
Миронов Дементий Гаврилович — 376, 377
Михаил Федорович, царь — 339
Молотов Вячеслав Михайлович — 199
Морев — 335

Морозовы

Арсентий Иванович — 175

Арсентьевичи, братья — 175, 176, 178

Захар — 335

И. Д. — 361

Савва Саввич — 145, 146

Савва Тимофеевич — 145, 146, 335

Моцарт Вольфганг Амадей — 238, 378

Мур — см. Эфрон Г. С.

Мусин-Пушкин Алексей Иванович — 89

Мусины

Александра Федоровна — 166

Лев Федорович — 166

Татьяна Федоровна — 166

Федор Рафаилович — 166

Юлия Федоровна (урожд. Румянцева) — см. Румянцева Ю. Ф.

Найденовы

А. А. — 61, 334, 335

Александра Герасимовна (урожд. Прохорова) — см. Прохорова А. Г.

Николай Александрович — 335

Найман А. Г. — 353

Наполеон Бонапарт — 42, 164, 179, 288

Нейгауз Стасик — 357

Нейман Юлия Моисеевна — 141, 146, 323, 352

Некрасов Николай Алексеевич — 137, 221, 223, 317, 331

Немиров Иоанн Афанасьевич — 345

Неплюев Иван Иванович — 135, 346

Несмеянов Александр Николаевич — 113, 212, 344

Нетыкса Елена Станиславовна — 164, 335

Нетыкса Станислав Адольфович — 62, 123, 164, 335, 360

Нива Жорж — 317

Никитин Андрей Леонидович — 215, 368, 371, 372

Никитин Николай Николаевич — 159, 358

Николаев Леонид Васильевич — 194, 368

Николай I — 21, 55, 56

Николай II — 21, 87

Николай Андрианович, садовник — 82, 103, 129

Ницше Фридрих — 344

Нобель Альфред — 339

Нобель Людвиг — 339

Нобель Роберт — 339

Новиковы

- Александр Степанович — 286, 380
Анна Степановна — 380
Аполлон Кириллыч — 378
Валентина Степановна — 380
Василий Степанович — 380
Григорий Васильевич — 276, 279, 290, 383
Евлампия Григорьевна — 383
Елизавета Васильевна (урожд. Курочкина) — 249, 377, 380
Елизавета Степановна — 380
Ираида Степановна (в замуж. Фомина) — 380, 381
Николай Степанович — 380
Ольга Степановна — 380
Павел Степанович — 380
Степан Григорьевич — 380
Ногин Виктор Павлович — 181, 361
Ногин Павел Павлович — 181
Нольде А. А. — 165
Нольде (урожд. Смидович) Анна Викентьевна — см. Смидович А. В.
Носов Василий Александрович — 294, 386
Нора Пьер — 315—317

- Образцов Сергей Владимирович — 327
Одинокое С. Б. — 199
Осипыч, сторож — см. Волков Николай Осипович
Отгорочкина А. Е. — 325
Очеретянский А. — 359

- Палестрина (наст. имя Джованни Пьерлуиджи да Палестрина) — 238, 378
Палисадова Мария Александровна (Маша) — 80, 81, 124—126
Парнах Валентин Яковлевич — 159, 358, 359
Парнок София Яковлевна — 358
Пастернак Борис Леонидович — 139, 152—154, 159, 160, 357—359
Пастернак Зинаида Николаевна — 159, 357
Пастухов, купец — 338
Паткуль Мария Александровна (урожд. Траверсе) — 21, 328
Перегудова Елена Владимировна — 322
Перегудов Михаил Михайлович (отец Михаил) — 322
Перро Шарль — 128
Перцев Егор — см. Колчин Г. (Е.) И.
Петр (Крутицкий), митрополит — 52

Петр, работник — 285–287
 Петр I — 8, 21, 36, 37, 39, 41, 135, 280
 Петров — 168, 361
 Петрова Мария Константиновна (в замуж. Чердынцева) — см. Чердынцева М. К.
 Петровские
 Александра Михайловна (в замуж. Смирнова) — см. Смирнова А. М.
 Евгения Михайловна — 331
 Евгения Рафаиловна — 331
 Михаил Дмитриевич — 331
 Петровых
 Александр Сергеевич (Шурик) — 108, 110, 120, 341, 342, 343
 Александра Алексеевна (в замуж. Каратаева) — см. Каратаева А. А.
 Алексей Семенович — 40, 41, 43–46, 55, 71, 108, 341
 Вера Алексеевна — 59, 71
 Владимир Сергеевич — 16, 68, 73, 74, 80, 85, 106, 108, 109, 112, 113–117, 121, 134, 170, 341, 344
 Екатерина Алексеевна — 18, 59, 71
 Екатерина Васильевна — 109
 Екатерина Сергеевна — 2, 27, 29, 70, 73, 84, 106–109, 121, 126, 128, 135, 142, 147, 153, 156, 198, 204, 215, 318, 320, 322, 323, 328–330, 333, 334, 341, 342, 344–346, 352, 356, 360, 362, 370
 Елена Сергеевна (Леля) (в замуж. Крамарова) — 21, 28, 29, 44, 55, 73, 74, 106, 108–113, 117, 120–122, 125, 129, 135, 341, 342
 Иван — 40
 Иван Семенович — 41, 43, 45–52, 331
 Иван Семенович (Иосиф, митрополит) — 46–48, 50–52
 Мария Алексеевна — 45, 53, 55, 58, 59, 71
 Мария Сергеевна (Маруся) — 2, 6, 14–16, 18, 20–23, 28, 29, 31, 32, 35, 55, 65, 67, 72–74, 76, 77, 79–82, 84, 86, 92, 93, 99–101, 104, 106–109, 112, 114–146, 148–162, 187, 201, 203, 206, 213, 322, 323, 328, 329, 332, 334, 342, 344, 345–356, 358, 359
 Мария Степановна (урожд. Заводчикова) — см. Заводчикова М. С.
 Надежда Алексеевна — 59, 71
 Николай Владимирович — 74, 109
 Николай Семенович — 41
 Николай Сергеевич — 31, 73, 74, 106, 108, 111–117, 121, 134, 341, 342
 Семен — 40
 Семен Иванович — 42, 43
 Семен Кириллович — 41
 Серафима Алексеевна — 58, 71
 Сергей Алексеевич — 30, 56–61, 71–73, 108, 109, 121, 164, 171, 314, 327, 336, 337, 360, 387, 399, 401

- Фаина Александровна (урожд. Смирнова) — 7, 9, 14, 32, 34, 36, 71, 73, 108, 109, 131, 312, 314, 354
Фрол — 40
Петровская (в замуж. Смирнова) Александра Михайловна — см. Смирнова А. М.
Петровых-Чердынцева Е. С. — см. Петровых Е. С.
Петрушевский Василий Фомич — 339
Пикассо Пабло — 359
Пинус Григорий — 250
Пирожниковы
 Антонина Ивановна (урожд. Курочкина) — см. Курочкина А. И.
 Виктор — 250
 Владимир Сергеевич — 343, 386
Платон — 315
Плеханов Георгий Валентинович — 191
Полознева Ольга Ивановна — 326
Понизовкины
 Александр Степанович — 380
 Екатерина Васильевна (урожд. Курочкина) — см. Курочкина Е. В.
 Иван Степанович — 380
 Кузьма Петрович — 381
 Никита Петрович — 381
 Ольга Степановна (в замуж. Шитова) — 380, 381
 Семен Кузьмич — 380, 381
 Степан Кузьмич — 380, 381
 Секлетия Кузьминична — 380
Потехин Н. И. — 220
Прилежаев Василий Павлович — 114, 344
Прохоровы
 Александра Герасимовна (в замуж. Найденова) — 97
 Вера Константиновна (в замуж. Чердынцева) — 69
 Иван Яковлевич — 342
 Константин Васильевич — 342
 Константин Константинович — 61, 96, 334, 336, 342, 345, 400
 Лидия Петровна (урожд. Ушкова) — 63, 98, 336, 345
 Любовь Герасимовна (в замуж. Вострякова) — 97
 Мария Константиновна (в замуж. Чистякова) — см. Чистякова М. К.
 Николай Константинович — 62, 69, 98, 328, 336, 345
 Пелагея Константиновна — 23
 Прасковья Герасимовна (урожд. Хлудова) — 23, 96, 97, 174, 313, 329, 335, 336, 342
Прянишников Илларион Михайлович — 382
Пушкин Александр Сергеевич — 16, 94, 134, 135, 221, 341, 346

- Размолодин М. Л. — 336, 382
- Римский-Корсаков Александр Александрович — 11, 64, 326
- Рихтеры
- Александр Иванович — 166, 180
 - Елизавета Александровна — 166, 180
 - Лидия Александровна — 166, 191
 - Николай Александрович — 166, 180
 - Ольга Иосифовна (урожд. Шишова) — см. Шишова О. И.
- Розов П. И. — 289, 385
- Розов Платон Александрович — 345, 385, 386
- Рокицкий Евгений — 140, 348
- Румянцевы
- Александра Иосифовна (урожд. Шишова) — 11, 12, 94, 95, 164–166, 180, 341, 359
 - Борис Федорович — 166
 - Вера Федоровна — 154, 155, 166, 167, 361
 - Владимир Федорович — 166, 361
 - Елена Федоровна (в замуж. Маркова) — 166, 185, 186, 360
 - Федор Никанорович — 166, 341, 360, 361
 - Юлия Федоровна (в замуж. Мусина) — 166, 167, 211
- Русинова Наталья Александровна — 322, 327, 329, 331, 335, 344, 376
- Рутман Игорь Александрович — 335, 359, 399
- Рутман Тамара Александровна — 333
- Рыжова Варвара Николаевна — 375
- Рюрик — 199
- Сабуров Матвей — 340
- Саловы
- Маргарита Германовна — 139, 140, 346, 347, 349
 - Нина Германовна — 346
 - Татьяна Германовна (Таня) — 138
- Сарти Джузеппе — 240, 379
- Сарьян Мартирос Сергеевич — 139, 347, 349
- Сатпаев Каныш Имантаевич — 203, 205, 370
- Сахарова (урожд. Казанская) Елизавета Гавриловна — 380
- Сахарова (в замуж.) Снегирева Варвара Николаевна — см. Снегирева В. Н.
- Секованова В. В. — 340
- Сельвинский Илья (наст. имя Карл) Львович — 160, 359
- Семашко Николай Александрович — 373
- Серафим (Самойлович), архиепископ — 50, 333
- Сергий (Страгородский), митрополит — 50, 51, 333
- Сеченов Иван Михайлович — 373

- Сигизмунд I — 48
Сиднев Федор Тихонович (Федя Пузо) — 65, 336, 337
Сиднев Александр Тихонович — 337
Сиднева Мария Тихоновна — 337
Сикерин В. Е. — 220
Сироткин Михаил Павлович — 140, 348, 350
Симеон Гордый — 38
Скиталец (наст. фамилия Петров) Антон — 361
Слезина-Травина В. М. — 41
Смидович (в замуж. Нольде) Анна Викентьевна — 165, 180
Смидович Петр Гермогенович — 165, 180, 360
Смирновы
Александр Иванович (отец Александр) — 14, 17, 19, 25, 281–283, 301, 312–314, 325, 327–330, 341, 385, 387
Александра Михайловна (урожд. Петровская) — 28, 29, 314, 331
В. В. — 356
Дмитрий Александрович (отец Дмитрий) — 9, 14, 23–26, 28, 131, 132, 312–314, 328–331, 336, 341, 345, 360
Екатерина Дмитриевна (урожд. Вилинская) — 8, 9, 14, 16, 312, 313, 331, 341
Елизавета Яковлевна (урожд. Чикманова) — 11, 24–28, 132, 313, 329, 330
Иван Александрович (отец Иоанн) — 9, 10, 14, 17, 19, 28–31, 63, 312, 314, 322, 325, 331, 341
Марина Ивановна — 28, 29
Фаина Александровна (в замуж. Петровых) — см. Петровых Ф. А.
Фаина Ивановна — 28, 29
Снегиревы
Алексей Иванович (отец Алексей) — 268, 269, 279, 331, 379, 381, 384
Варвара Николаевна (урожд. Сахарова) — 380
Екатерина Алексеевна (Катя, Катета) (в замуж. Курочкина) — см. Курочкина Е. А.
Елизавета Алексеевна (в замуж. Богородская) — см. Богородская Е. А.
Соколов В. Н. — 345
Соколова Ирина Константиновна — 322, 346, 348, 349
Солженицын Александр Исаевич — 185
Соловьев Сергей Михайлович — 21, 39, 223, 332
Сонгина О. А. — 371
Сорокин Н. С. — 330
Сперанский Георгий Нестерович — 188, 362
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович — 148, 151–154, 182, 185, 194, 199, 206, 353

Сталин Василий Иосифович — 206
 Стонов Дмитрий Миронович — 358
 Стонова — 159, 358
 Сурьянинов Ф. И. — 220
 Сю Эжен (наст. имя Мари Жозеф) — 223, 378

 Тарасенкова Любка — 329
 Тарковский Арсений Александрович — 141, 146, 147, 352
 Тарле Евгений Викторович — 21
 Тарловский Марк Ариевич — 144, 145, 352
 Татищев Василий Никитич — 37
 Татищев Дмитрий Николаевич — 11, 63, 86, 326
 Твардовский Александр Трифонович — 160, 359
 Темняткин Сергей Николаевич — 2
 Темчин Григорий Ильич — 69, 337
 Тендрякова — 358
 Терентьев П. Н. — 335
 Тимирязев Климентий Аркадьевич — 373
 Тимченко М. Ю. — 387
 Титаева Н. А. — 372
 Тихон (Белавин) — 49
 Тихомиров И. А. — 345
 Тихон, патриарх — 52
 Толстой Алексей Николаевич — 31, 154, 353
 Толстой Иван Львович — 240, 379
 Толстой Лев Николаевич — 18, 54, 63, 64, 71, 221, 240, 379
 Тормазова К. П. — 340
 Торчинов В. А. — 353
 Тоскины
 Анна Григорьевна — 386
 Василий Миронович — 386
 Екатерина Мироновна — 386
 М. А. — 220
 Петр Миронович — 386
 Яков Миронович — 386
 Тренев Константин Андреевич — 161, 357
 Трифон, епископ — 259
 Троицкий (Лебедев) Сергей Иванович — 381
 Туполев Андрей Николаевич — 156
 Тургенев Иван Сергеевич — 221, 223
 Турчанинов Петр Иванович — 238, 240, 378
 Турчанинова Евдокия Дмитриевна — 375
 Тутасев Илья — 23

Тучков — 51

Тюрина Е. А. — 340

Угрюмов Григорий Иванович — 229, 376

Угрюмов И. М. — 376

Унбегаун Б. О. — 332

Успенский Юрий — 348

Ухтомский Алексей Алексеевич — 373

Ушаковы

Вера Дмитриевна (в замуж. Винокурова) — 156

Владимир Дмитриевич — 156, 157

Дмитрий Николаевич — 155–157, 354

Нина Дмитриевна — 156

Татьяна Дмитриевна (Тата) (в замуж. Архангельская) — 156

Ушков Петр Капитонович — 336

Ушкова Лидия Петровна (в замуж. Прохорова) — см. Прохорова Л. П.

Фадеев Александр Александрович — 160, 359

Федин Константин Александрович — 159, 160, 357, 358

Федотовы

Борис Павлович — 380

Вера Павловна (в замуж. Петрова) — 380

Галина Павловна — 322, 343, 381, 384, 386, 387

Евгения Павловна (в замуж. Давыдова) — 380

Елена Ивановна (урожд. Курочкина) — 248, 377, 380, 382, 386

Иван Павлович — 380

Ксения Павловна (в замуж. Куклина) — 380

Лидия Павловна (в замуж. Асеева) — 380

Нина Павловна — 380

Павел Иванович — 380, 386

Юрий Павлович — 380

Федя Пузо — см. Сиднев Ф. Т.

Ферсман Александр Евгеньевич — 63, 336

Фесенков Василий Григорьевич — 205–208, 370

Финкельберг М. Ф. — 354

Фок Владимир Александрович — 197, 369

Фомин Николай Иванович — 381

Фомина Ираида Степановна (урожд. Новикова) — см. Новикова И. С.

Френкель Яков Ильич — 197, 369

Фуко Мишель — 319

Ханаев Иван Алексеевич — 140, 322, 347–349

Харджиев Николай Николаевич — 167

Хлопин Виталий Григорьевич — 196, 202, 369

Хлудовы

Александра Герасимовна — 96

Алексей Иванович — 96, 334

Герасим Иванович — 95, 96, 334, 335, 342

Любовь Герасимовна — 96

Михаил Герасимович — 342

Прасковья Герасимовна (в замуж. Прохорова) — см. Прохорова П. Г.

Хрущев Владимир Николаевич — 85, 86

Хрущев Николай Аркадьевич — 60, 61, 85–87, 334, 341

Хрущев Никита Сергеевич — 61

Цветасва Марина Ивановна — 158, 356–359

Чагин Андрей Алексеевич — 127, 128

Чайковский Петр Ильич — 238, 240, 378

Чарская Лидия Алексеевна (наст. фам. Чурилова) — 73, 338

Чердынцевы

Вера Иосифовна (урожд. Шишова) — см. Шишова В. И.

Вера Константиновна (урожд. Прохорова) — см. Прохорова В. К.

Виктор Викторович (1-й) — 115, 145, 163, 177, 178, 180, 184, 187–203, 205–210, 212–216, 323, 360, 362–369, 371, 372

Виктор Викторович (2-й) — 78, 199, 207, 210

Виктор Иванович — 63, 165, 169–172, 174–187, 192, 196, 335, 360, 361, 397

Евдокия Яковлевна — 173

Елизавета Петровна (урожд. Борзова) — см. Борзова Е. П.

Иван Яковлевич — 167–169, 361

Константин Иванович — 169, 173

Ксения Викторовна (Ксануша) — 187, 204, 205, 207, 322, 323, 329, 331, 334, 342, 356, 360–363, 367, 368, 370

Мария Константиновна (урожд. Петрова) — 168, 169

Николай Иванович — 169

Сергей Викторович — 177, 178, 180, 187, 192, 193, 195–197, 199–201

Сергей Иванович — 169, 171, 174

Яков — 167

Черномырдина Варвара — 186

Чесноков Павел Григорьевич — 238, 378

Чехов Антон Павлович — 146, 221

Чикманова (в замуж. Смирнова) Елизавета Яковлевна — см. Смирнова Е. Я.

Чистяковы

Борис — 114, 344

Иван Дмитриевич — 98, 345

Катя — 97, 328, 344, 345

Мария Константиновна (урожд. Прохорова) — 98, 345

Митя — 97, 345

Чихачевы

Андрей Петрович — 400, 401

Анна Петровна (в замуж. Куропаткова) — см. Куропаткова А. П.

Вадим Петрович — 400

Константин Петрович — 400

Н. П. — 400

Ольга Петровна — 400

Петр Васильевич — 400

Чуковская Лидия Корнеевна — 358

Шанявский Витольд-Бернард Осипович — 171

Шар Митя — 183

Шатский Николай Сергеевич — 212, 371

Швецов Г. И. — 220

Шенгели Георгий Аркадьевич — 140, 150, 347

Шенк Ф.-Б. — 317, 319

Шитов Александр Яковлевич — 381

Шитова Ольга Степановна (урожд. Понизовкина) — см. Понизовкина О. С.

Шишовы

Александра Иосифовна (в замуж. Румянцева) — см. Румянцева А. И.

Вера Иосифовна (в замуж. Чердынцева) — 11, 12, 28, 94, 163

164–166, 177, 179, 180, 181, 183, 186–188, 207, 214, 360

Елизавета Петровна (урожд. Борзова) — см. Борзова Е. П.

Иван — 163

Иосиф (Осип) Иванович — 163–165, 188, 359, 360

Ольга Иосифовна (в замуж. Рихтер) — 11, 12, 94, 164–166, 188, 359, 360

Шкловский Виктор Борисович — 159, 357, 358

Шмелев Иван Сергеевич — 375

Шнитников Владимир Николаевич — 204, 370

Шпильгаген Фридрих — 223, 378

Штирнер Макс — 115, 344

Штюмер Б. В. — 373

Шуман Роберт — 238, 378

Шустрова Ирина Юрьевна — 386, 387

Щепкина-Куперник Татьяна Львовна — 375

Эфрон Георгий Сергеевич (Мур) — 158, 357, 358

Эфрон Сергей — 358

Юм Давид — 192, 368

Юшкевич — 69

Юшкевич Сергей Николаевич — 68, 337

Языков Николай Михайлович — 296, 386

Яначек Д. — 359

Яровицкий, архитектор — 340

Ярославова Анна — 118

Ярослав Владимирович (Юрий / Георгий) — 48

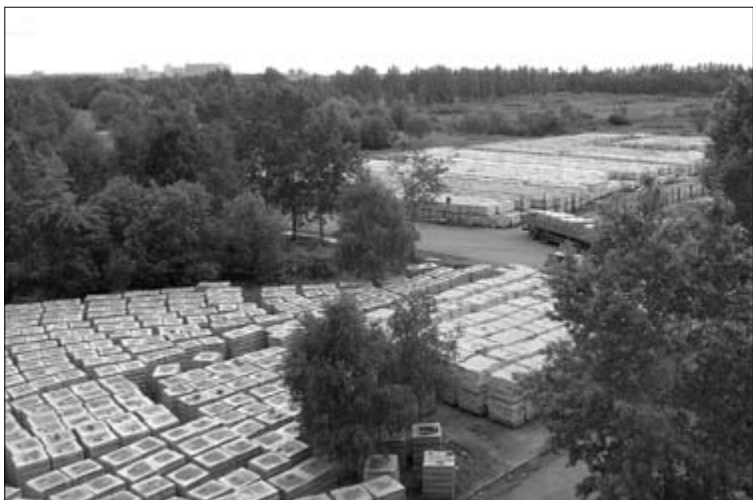
Норское строит Россию

Трижды в многовековой истории Норского жители его осваивали новые профессии. Оскудение рыбных запасов Волги заставило норян заняться кузнечным и гвоздарным промыслами. Построенная московскими промышленниками мануфактура сделала многих из них банкробишниками, ватерщиками, ленточниками — ткачами. Третье изменение уклада жизни рабочего поселка, ставшего уже к этому времени северной окраиной Ярославля, связано со строительством в начале 1970-х годов кирпичного завода.

В эпоху правления Никиты Сергеевича Хрущева кирпич стал не просто не популярен — практически вся отрасль оказалась в опале. Из-за высокой трудоемкости кирпича решили использовать железобетон. То время можно охарактеризовать всплеском панельного строительства. А когда, построив тысячи и тысячи домов, оглянулись на Запад, то обнаружили, что за внедрение бетонных конструкций страна взялась слишком активно: за границей не только не отказались от использования кирпича, но и нашли инженерные решения комплексной механизации и автоматизации его производства, что способствовало и повышению качества материала.

Тогда была создана комиссия Госстроя СССР, которая приступила к изучению мирового опыта промышленного изготовления кирпича. Перед ней поставили цель — выявить наиболее перспективные технические схемы такого производства и заложить основу для строительства современного кирпичного завода-автомата в Советском Союзе, который дал бы стране кирпич, не уступающий лучшим западным образцам.

По решению правительства СССР площадкой для строи-

тельством этого завода стал Ярославль. Изначально планировалось, что это будет самый технологически оснащенный завод в стране, так как ведущие западные фирмы должны были поставить на него свое оборудование. Таким образом, опытно-промышленный завод строился в Норском как своего рода испытательный полигон западной техники и технологии. Перспективными планами предусматривалось воспроизводство аналогичного оборудования в СССР и оснащение им отечественных кирпичных заводов.

Задумка была грандиозная, поражавшая даже специалистов своим размахом: построить на одном заводе три самостоятельные линии, каждая из которых принципиально отличается технологической схемой производства.

Техническое оснащение завода обеспечивали знаменитые фирмы: «Морандо» (Италия), «Келлер», «Хендле», «Сименс» (ФРГ), «Сандвиг» (Швеция), «Стил» (США) и другие. Объединить многочисленные технические и технологические решения разных стран вызвалась итальянская фирма «Морандо-Импиианти». Она совместно с институтом «Союзгипрострой» выступила генеральным проектировщиком комплекса. Контракт с фирмой был заключен в 1971 году, а в 1973 году началась стройка.

В строительстве участвовали до двух тысяч специалистов со всего Союза, но в основном возводили завод ярославцы. Генеральным подрядчиком стал трест «Ярхимпром-строй», основные работы выполняло его строительное управление №5. Большую помощь оказали многочисленные субподрядные строительно-монтажные организации, среди которых были МУС-2 треста №7, СМУ треста «Спецстроймеханизация», Яр-ССМУ треста «Росгазстрой», Ярославское МУ «Центрэлектромонтаж», Ярославский, Владимирский и Горьковский участки треста «Тепломонтаж» и другие.

Общими усилиями удалось построить завод быстрыми темпами, и уже в декабре 1975 года был подписан акт рабочей комиссии о передаче объекта заказчику — Норскому керамическому заводу — для производства пуско-наладочных работ, проведения контрольных испытаний и начала выпуска продукции.

Кадровый состав предприятия сложился еще во время строительства, когда на завод пришли работать молодые специалисты — инженеры, техники, технологи, рабочие со средне-техническим образованием, которые горели желанием научиться управлять иностранными линиями и новейшими агрегатами.

Была разработана целевая система подготовки, позволявшая специалистам быстро освоить новую технику. Они наравне с иностранными коллегами участвовали в монтаже, досборке оборудования и его наладке.

Виктор Константинович Тихов, в течение 10 лет работавший главным инженером, а потом 13 лет — генеральным директором предприятия, и другие ветераны завода вспоминают, что во время монтажа и наладки оборудования заводская территория напоминала муравейник, норьям приходилось учить иностранные языки, так как они трудились бок о бок с американцами, немцами, французами, бельгийцами, итальянцами, англичанами, шведами.

Фирмы посылали на строящийся завод высококвалифицированных специалистов, поэтому ярославцам не хотелось отставать от зарубежных коллег. Воспитанные в духе советского времени, понимавшие, что в дальнейшем самим придется отвечать за производство и состояние оборудования, они демонстрировали иностранцам четкость и слаженность в работе. Наши рабочие старались как можно скорее освоить новые технологии, поэтому руководитель шефмонтажных работ итальянский инженер Мунчинелли вместо иностранных специалистов привлекал к участию в них все больше и больше ярославцев.

Работникам завода совместно со специалистами фирм потребовалось полтора года после ухода с объекта строителей для сборки наиболее сложных агрегатов, автоматов-укладчиков, пусконаладки оборудования, вывода печей на режим обжига и проведения 14-суточных контрольных испытаний каждой из трех линий.

Акт приемки в эксплуатацию Норского завода керамических стеновых материалов объединения «Ярославльстройматериалы» Минстройматериалов РСФСР Государственная приемочная комиссия подписала 1 июля 1977 года. С этого момента началась трудовая история завода, хотя первая продукция — камень керамический высокопустотный — по временной схеме был получен на линии «С» еще в декабре 1975 года.

С самого начала работы завода производство посещали тысячи

специалистов разных районов Союза. Дело в том, как объяснил В. К. Тихов, что технология производства кирпича в стране осталась с 1950-х годов. Недостатком старых заводов было преобладание ручного труда, несовершенство агрегатов, которые не позволяли ни повысить качество материала, ни снизить энергоемкость производства. На Норском же заводе было представлено принципиально новое производство технологии будущего. Здесь фактически была собрана действующая «коллекция механизмов» для переработки сырья, его досушки, формовки, а также различные типы сушильных и печных агрегатов, оснащенных средствами автоматического управления. До этого момента аналогичного оборудования в стране не было. Вот и ехали сюда со всей страны: смотреть и учиться.

Стоит отметить, что почти за 30 лет работы завода оборудование на нем не менялось, а только модернизировалось. С первого дня своего существования предприятие является своеобразным полигоном для определения основных направлений технического и технологического совершенствования в отрасли. И в настоящее время завод идет в авангарде отечественного производства стеновых материалов, выпуская 100 миллионов штук кирпича. Это позволило норьянам сохранить ведущие позиции в производстве керамических стеновых ма-

териалов в стране.

Нынешний генеральный директор Норского керамического завода Юрий Иванович Марченко, начав свою деятельность в 1975 году и пройдя путь от сменного мастера до руководителя производства, делает ставку на высокое качество продукции, которая могла бы служить веками. Вся продукция, выпускаемая заводом, сертифицирована по системе ГОСТ-Р Госстандарта России и Мосстройсертификации. В 2002 году система качества предприятия получила сертификат Международного стандарта ISO 9001.

Доказательством сказанного может служить то, что норский кирпич использовался при строительстве храма Христа Спасителя, мечети на Поклонной горе, здания американского посольства, торгового комплекса на Манежной площади и новой Олимпийской деревни в Москве, Спасо-Преображенского собора в Тольятти, Ледового дворца в Ярославле, а также множества жилых домов в Москве, Московской области, Архангельске, Новосибирске, Норильске и других городах.

Достижения руководства и коллектива завода отмечены по достоинству. Кирпич предприятия одним из первых экспонировался на ВДНХ в Москве. По итогам 2000 года Норский керамический завод вошел в 100 лучших предприятий строительного комплекса России и стал победителем V Всероссийского конкурса на лучшую строительную организацию в номинации «За достижение высокой эффективности и конкурентоспособности в строительстве и промышленности строительных материалов». В 2002 году предприятие становится победителем конкурса «Лучшее предприятие города Ярославля», два раза побеждает в конкурсе «Лучшее предприятие Ярославской области», а Юрий Иванович Марченко трижды признается победителем конкурса «Руководитель года города Ярославля» (по итогам 2001, 2002 и 2004 годов).

Но помимо основной деятельности руководство предприятия прилагает большие усилия для поддержания благоприятного климата в коллективе и делает все возможное, чтобы работники были уверены в стабильности и перспективности предприятия. Сегодня Норский керамический завод — одно из немногих предприятий

региона, сотрудники которого помимо достойной заработной платы получают социальный пакет, а также различные виды материальной помощи и беспроцентные ссуды. На предприятии стабильно работает профсоюзный комитет, обеспечивающий работников путевками на отдых и лечение, ежеквартально помогающий пенсионерам.

Кроме того, на заводе проводится ежегодная спартакиада по мини-футболу, настольному теннису, стрельбе, лыжам, шахматам.

Все это руководство завода делает для своих сотрудников, которые ежедневно трудятся на благо родного предприятия. Причем многие работники живут в Норском. На заводе возникли трудовые династии. На предприятие идут работать дети и внуки тех, кто трудился со времени строительства.

Поэтому жизнь Норского небезразлична менеджменту завода. Юрий Иванович Марченко ратует за то, чтобы поселок нормально жил и развивался, и завод делает для этого все возможное: обеспечивает содержание дорог, проводит районные праздники, обустраивает пляж, хоккейный корт, ледовый каток, помогает жителям поселка. Одной из последних инициатив предприятия стала помощь в создании этой книги, которая донесет до жителей поселка историю и легенды их малой родины.

Одним словом, социальная политика Норского керамического завода направлена, прежде всего, на благо жителей родного поселка, а значит, как уверено руководство предприятия, на его будущее...

Глина для производства кирпичей на заводе используется местная. Так что можно сказать, что земля Норского строит Россию. В принципе так оно всегда было и будет: величие страны закладывается в самых малых уголках ее земли.

Содержание

Е. С. Петровых. Мои воспоминания

Часть I. Петровых, Смирновы и другие

Вилинские и Смирновы.....	7
Фаина Дмитриевна и отец Клавдий Меценатовы.....	10
Отец Иоанн Дмитриевич и Елизавета Дмитриевна	
Вилинские.....	12
Дмитрий Дмитриевич Вилинский.....	15
Екатерина Дмитриевна Вилинская (в замужестве	
Смирнова, наша бабушка).....	16
Дмитрий Александрович Смирнов.....	23
Иван Александрович Смирнов.....	28
Фаина Александровна Петровых (урожденная	
Смирнова, наша мать).....	32
Род Петровых.....	36
Митрополит Иосиф (в миру Иван Семенович Петровых).....	46
Дом Петровых в Устюжне.....	52
Сергей Алексеевич Петровых (мой отец).....	56
Жизнь семьи.....	72
Рождество.....	75
Крещение.....	77
Масленица.....	78
Великий пост и Пасха.....	80
Поездки в гости и другие развлечения.....	83
Волга.....	89
Норское и Норская фабрика.....	93
Наш дом.....	101
Наша семья.....	108
О моем брате Александре и сестре Леле.....	108
О моем брате Николае Сергеевиче Петровых.....	111
Маруся и я.....	116
Няня Харитина Петровна.....	119
Наша Маша.....	124

Мальчик.....	125
О Марусиной операции.....	126
Андрей Алексеевич Чагин.....	127
Наша жизнь с Марусей.....	128
О жизни нашей семьи после революции.....	136
Маруся-поэт: первые опыты.....	136
Как я чуть не уморила Марусю.....	143
Квартира Залесских.....	145
Мандельштам, Лева Гумилев, Сталин.....	148
Анна Андреевна Ахматова.....	154
Дмитрий Николаевич Ушаков.....	155
Чистополь.....	157

Часть II. Чердынцевы

Сестры Шишовы.....	163
Род Чердынцевых.....	167
Виктор Иванович Чердынцев.....	170
Виктор Викторович Чердынцев.....	187
Сергей Викторович Чердынцев.....	199
Эвакуация.....	201
Алма-Ата.....	203

Г. И. Курочкин. Праздники и быт на моей родине в Норском посаде, по воспоминаниям детства и ранней юности

<i>Часть I. Весна и лето</i>	219
<i>Часть II. Осень и зима</i>	267

Г. И. Курочкин. Воспоминания о семье Смирновых 312

Е. А. Ермолин. Норский посад как урочище русской памяти 315

Комментарии и примечания

<i>Е. С. Петровых. Мои воспоминания</i>	323
<i>Г.И.Курочкин. Праздники и быт на моей родине в Норском по- саде, по воспоминаниям детства и ранней юности</i>	373
<i>Г.И.Курочкин. Воспоминания о семье Смирновых</i>	387

Приложения	389
Именной указатель	402

Норское строит Россию	423
------------------------------------	-----

Литературно-художественное издание

МОЯ РОДИНА — НОРСКИЙ ПОСАД

Екатерина Сергеевна Петровых

Мои воспоминания

Георгий Иванович Курочкин

**Праздники и быт на моей родине
в Норском посаде, по воспоминаниям
детства и ранней юности**

Серия «Граждане Ярославля»

Оформление *М. Е. Бороздинского*

Редакторы *А. М. Рутман* и *Л. Е. Новожилова*
Корректор *Л. Е. Новожилова*

Ответственный за выпуск *И. А. Рутман*

ЛР № 063559 от 09.08.1999. Подписано к печати 01.06.2005. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Garamond Old». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,64
Тираж 1500 экз. Заказ № 289.

Издательство Александра Рутмана

150063 Ярославль, 63, а/я 485, тел. (0852) 53-16-29

e-mail: arbook@yaroslavl.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати», 152901 Рыбинск, ул. Чкалова, 8